

НЕВА

4
2016

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Евгений КАМИНСКИЙ**
Стихи • 3
- Игорь ЕФИМОВ**
Беглец. Роман в письмах и кинокадрах • 7
- Наум СИНДАЛОВСКИЙ**
Стихи • 70
- Ангелина ЗЛОБИНА**
Вальс для Керосинщика. Рассказ • 74
- Виктор ШИРАЛИ**
Стихи • 90
- Александр МЕЛИХОВ**
Перстень Достоевской. Рассказ • 94
- Григорий ЕГОРКИН**
Стихи • 101
- Маргарита ПАЛЬШИНА**
Белый крик, красная песня. Повесть • 106
- Игорь КОЛЫМА**
Стихи • 130

ПУБЛИЦИСТИКА

- Александр БРАСС**
Казнь первомайтовцев • 134

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

- Вячеслав ВЛАЩЕНКО**
Сто лет «Легкому дыханию» Бунина • 148
- Евгений БЕЛОДУБРОВСКИЙ**
Владимир Набоков, Джойс, Пруст и Машенька • 164
- Татьяна УШАКОВА**
Николай Гумилев в Интернете:
русский и английский взгляд • 173

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Правда художественная и историческая. *Вера Харченко.* «Инженеринг» Жюль Верна. **Заметки постороннего.** *Наталья Гранцева.* Шекспир и проблемы дезинформации. **Рецензии.** *Дмитрий Колесников.* Поэт памяти. *Сергей Фомичев.* Эта книга не затеряется... *Даниил Чкония.* К морским глубинам тянется душа. **Дом Зингера.** *Публикация Елены Зиновьевой* • 181

ПИЛИГРИМ

Архимандрит АВГУСТИН (Никитин)
Русская Палестина. Яффа: город св. апостола Петра
и праведной Тавифы. *Часть 1* • 219

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (ответственный секретарь, коммерческий директор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **Д. Зенченко**

Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

Не меньше чем надо,
не больше чем есть,
я — соль Ленинграда,
что с кашей не съешь.

Черны мои вены,
поскольку во мне
голодные гены
блокады одне.

Ни нары барака
не светят, ни срок...
а все ж, как собака,
глотаю я впрок,

живу еле-еле,
а если иду,
то — будто в апреле
по тонкому льду,

с опаской направо,
с оглядкой вперед,
где вечно кроваво
горит небосвод.

* * *

Бомбою летит стальная «баба»,
и душа сжимается: «Не на...»
Только нету сердца у прораба,
если навзничь падает стена,

открывая улице бесстрастно
всю изнанку жизни напоказ:
полосатый окорок матраса,
абажур, корыто, керегоз...

Нелепый, как грека,
я вижу уже
грядущего века
жующих Кижэ,

беспечные эти
на Невском стада
задорных, как дети,
простых, как орда,

которым прикольно
быть крови иной,
которым не больно
идти в перегной,

которым не страшно
до смерти не знать,
что эта вот *Раши* —
их родина-мать.

Их сила — несметна,
их память чиста,
и всем им посмертно
не нужно креста.

Время то сметет, что не разрушит:
шваркнут чугуны по полу — вжик!
выпорхнут чумазые их души,
и сверкнет улыбкою таджик.

Гастарбайтер жалости не знает
к пережиткам прошлого. Зане
тот, кто здесь не строит, а ломает,
будущим востребован вполне.

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор восьми книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века», «Лучшие стихи 2010 года», «Лучшие стихи 2012 года» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Живет в Санкт-Петербурге.

Можно и не пачкать рук иному,
а ему куда ж, как не вперед?!
Кто умеет резать по живому,
тот последним, истинно, умрет.

Кончено: зияют раны окон...
Зоркостью ордынца знаменит,
гастарбайтер зрит орлиным оком,
как стекло на сколах кровенит,

«Правды» клок шевелится на стенке...
Дом лежит, но все еще живет,
весь уже землистого оттенка,
как смертельно раненный в живот.

* * *

Вечность не машет руками,
с жаром не бьет себя в грудь.
Спорить к чему с дураками —
вкрик свою линию гнуть?!

Вот мы — изгой романа,
с виду случайные сплошь,
смевшие эры обмана
правду не ставить ни в грош.

Что-то свое вспоминая,
глянет вам в душу, как псих...
Ходит здесь, духом иная,
ищет средь прочих своих.

Духи, на сущие крохи
жившие, право, из тех,
кто, прах от праха эпохи,
смотрит эпохи поверх.

Ни на кого не похожих?
Годных едва ли на что?
С виду случайных прохожих
в драповых старых пальто?

Жизнь проживая на свете,
словно короткий транзит...
Помню, стоишь, и не ветер —
время по скулам скользит.

* * *

Вот и кончены праздники. Радости пьяной взамен
страх похмельный: не пасть бы у врат заводских в полдевятого,
где ты, раб пятилеток, полжизни встававший с колен,
снова под сапогом, но уже — либерала проклятого.

Сорок лет всей душой ты, прикончив бутылку *чернил*¹,
жаждал правды одной, сбитый с толку «Московскою правдою»...
А теперь кто бы душу твою, развинтив, починил,
заменив жажду правды прикольной какой-нибудь жаждою.

Зря, выходит, была тобой личная жизнь сожжена,
зря плевал на Париж ты, чихал на волну Адриатики,
на собраниях каясь, мол, родине дура жена
двух солдат задолжала. Так ведь подрастали солдатики!

Ты потом все отдал: и жену, и двух верных солдат
полюбившему вдруг похрустеть человечиною времени...
Кто вчера жаждал правды, сегодня обычно поддат,
и менты в КПЗ его учат под дых да по темени.

¹ В советские времена — бутылка вермута.

И страшает его, тыча пальцем в чертеж, немчура,
и, как пес, ОТК на него тут рычит да паучится.
Если б верить, что завтра настанет в формате вчера,
можно было б, конечно, до завтра, товарищ, помучиться...

Только ведь не настанет. Сам знаешь, поди, не малец.
Будешь жизнь доживать, даже эту, для жизни негодную,
будешь просто не видеть, не помнить, не быть, наконец,
с девяти до пяти извиваясь змеей подколодною...

* * *

Душу пока не разъела ржа —
значит, не все сказал.
Нет, не нарежут, хоть ешь с ножа,
хоть уезжай на вокзал

дуру с югов какую-нибудь,
прячась в толпе, встречать.
Это я так... Просто нужен путь
или хоть чувств печать.

Вот и придумай себе возню
с чьей-нибудь там судьбой:
складно расхваливай слов мазню,
чувства покрой любой.

Вот и криви душой без конца.
Только уж на слова,
те, что в ларце золотом Отца,
впредь не имей права.

Этакий полубожок Персей,
что не горит в огне,
небо убив в себе, ради сей
правды земной вполне.

ФАРАОНУ

Пред тобой я возникну внезапно, волнуясь слегка,
потому что твой взгляд ненадежен, как Красная Пресня
и как лед, под которым томится столетий река:
ну как вдруг этот лед под напором истории треснет?

Не спеши, я привык добираться до сути вещей.
Потому-то и буду сжимать тебе горло, покуда
здесь не рухнешь мне под ноги хрупким набором хрящей,
показав на прощанье язык мне свой синий *оттуда*.

У меня есть опасная бритва, а это как раз
то, что нужно, чтоб вскрыть в сизых недрах невинные свойства
наших слабостей. Ведь и они предусмотрены в нас,
а не только одни вороненные грани геройства.

Запустив в тебя руки по локоть (хватило бы рук),
душу перетряхнув, разобрав до пружинки натуру,
обнаружу ль в тебе я хоть что-то нетленное, друг,
среди сплошного величья, в кровище измазавшись сдуру?!

Разгляжу ли хоть что-то живое за всей ерундой,
хоть во что-то врублюсь наконец на твоём я примере?
Или, кроме химеры здесь править немойтой ордой,
ничего в тебе нет, даже чувства к безрукой Венере?

Тыщу лет перебрав, перещупав в тебе по хрящу
(Ангел смерти, уж если явился, то стой и не каркай!),
я хоть память о чем-то нелепом в тебе отыщу,
ну хотя бы о встрече в чулане с чумазой кухаркой?

* * *

Что битому *жизнью* обиды?
Над перечнем личных обид
бродяга, жующий акриды,
смеется, пока не добит.

В себе до раба умалиться,
гордыню смилив до зела,
и руку разжать, где синица
дрожала — была не была!

Пока не загнулся, курилка,
слюнявит бычка на губе
и весь тут, от пят до затылка,
своей благодарен судьбе.

Уж, кажется, *что* ты для неба,
враждующий с мелким жульем?!
А ведь и в тебе есть потреба,
и ты нужен *небу* живьем.

Из жести мир выкован этот,
из зла и наветов, зане
забыть о себе — чем не метод,
чтоб выжить на этой войне?!

Сосчитаны все твои вздохи,
и это тебя удивит,
песчинка бездарной эпохи:
для вечности ты — индивид.

Для тысяч нолей — единица...
Пусть даже в ладони твоей
не корчится больше синица,
не смогшая как соловей.

Игорь ЕФИМОВ

БЕГЛЕЦ

Роман в письмах и кинокадрах

ЯНВАРЬ

**От Артура Казанова — Любе Филимоновой,
из Нью-Йорка в Вашингтон**

Что ты наделала?! Зачем? Не предупредив, не подготовив! Удрала из страха? Не ручалась за себя? Но неужели ты думаешь, что для моего неутомимого десантника расстояние в двести миль — неодолимая преграда? Плохо ты его знаешь!

То есть, конечно, ты его совсем не знаешь — в этом вся беда.

Не пускать его в золотые чертоги, созданные для него самой Природой, — какая жестокость! И глупость в придачу. Рано или поздно он доберется до тебя, и тогда ты воскликнешь: «Ах, сколько лет было упущено напрасно!»

А и правда — сколько уже? Когда вы приехали из России? Почти шесть лет назад? Неужели мы знаем друг друга так давно? Но бывали, бывали уже в моей жизни и подлиннее марафоны. Чтоб от первого «в твои глаза впиваясь нежным взором» до «торопит миг последних содроганий» пролегли годы и годы. И вовсе не обязательно заполненные длинной осадой. Прерывистая цепочка случайных встреч, обмен мимолетными улыбками, поход в кино, застолье у общих друзей... И только глаза, распахнувшись, безмолвно испускают свой вечный зов-вопрос: «Да?.. Нет?.. Еще не пора?.. Но когда же, когда?!»

Что это такое зреет в женщине, чтобы в какой-то момент она могла откликнуться бесценным «пора»? Какие флюиды летают между двумя душами, ищущими друг друга? Они должны быть сродни птичьим трелям, песне жаворонка, крику петуха. И ведь мы не говорим петуху: «Чего ты орешь? Вот у тебя в полном распоряжении послушный курятник!» Но от женатого мужчины они требуют, чтобы он поломал свою природу, перестал испускать любовный вопль-призыв. Не понимают, идиоты, что человек, лишенный права влюбляться, есть человек ущербный, калека. «Нет, — говорят они, — влюбляться мы тебе разрешили. Но тогда оставь первую жену и женись на новой возлюбленной. Иначе полетит к чертям весь наш государственный порядок и удобный способ взимания налогов».

В свое время у меня сочинилась такая притча-метафора:

Игорь Маркович Ефимов родился в 1937 году в Москве. Писатель, философ, издатель. Эмигрировал в 1978 году, живет в США, в Пенсильвании. Автор двенадцати романов, среди которых «Зрелища», «Архивы Страшного суда», «Седьмая жена», «Пелагий Британец», «Суд да дело», «Новгородский толмач», «Неверная», «Обвиняемый», а также философских трудов «Практическая метафизика», «Метаполитика», «Стыдная тайна неравенства», «Грядущий Аттила» и книг о русских писателях: «Бремя добра» и «Двойные портреты». В 1981 году основал издательство «Эрмитаж», которое за 27 лет существования выпустило 250 книг на русском и английском языках. Преподавал в университетах США и выступал с лекциями о русской истории и литературе.

НЕВА 4'2016

Мальчика и девочку учат кататься на лыжах. Потом разрешают съехать с горки.

— Ах, как замечательно! — кричат дети в восторге.

Тут их впрягают в санки и говорят:

— Эти санки называются «семья». Везите. В них будете растить своих детишек.

Дети послушно везут, но время от времени спрашивают:

— А когда же будет опять горка?

— Горок больше не будет.

— Как не будет? Ведь их полно кругом.

— Те горки уже не для вас. По нашим правилам человеку положена лишь одна горка в жизни. Не то вы можете потерять или опрокинуть санки. Да и вам спокойнее ехать по прямой. Ведь лыжи — те же, снег — тот же, солнышко светит так же. Чего вам еще надо?

Какие должны быть послушные дети, чтобы подчиниться таким правилам! Немудрено, что половина их убегает кататься с горок. Правда, некоторые, покатавшись, возвращаются с помягчевшим сердцем и везут санки дальше.

Ты знаешь, как я обожаю Женечку, как страшусь, что кто-то или что-то пролезет в нашу жизнь и оторвет друг от друга. Но правилам моногамного ГУЛАГа подчиниться не могу. Для меня это было бы равносильно добровольному самооскоплению. Так что мой петушиный крик будет нестись к тебе в Вашингтон через Делавер с таким же упорством, с каким летал здесь через Гудзон.

То, что ты проделала, есть бесплодная попытка обмануть судьбу. Вот недавно голливудская звезда Анджелика Джоли расхаживала по телеэкрану и с гордостью объявляла, как сделала ампутацию груди, потому что врачи указали ей на генетическую опасность возникновения рака в этих бесценных атрибутах. И в семье наших друзей молодая женщина тоже недавно проделала такое с согласия и одобрения родителей. Как будто рак, если захочет, не найдет себе другого места для атаки.

В связи с этим я вспомнил историю Эдипа. Его отцу догенетические сивиллы предсказали, что он погибнет от руки собственного сына. И отец, этот суперпредусмотрительный Лай, нашел простое решение проблемы: приказал ампутировать сына из жизни. Но обмануть судьбу и тогда никто не мог: младенец чудом выжил в пустыне, вырос во взрослого героя и папаню так порешил. Не знаю, как зарабатывали на своем ремесле древнегреческие сивиллы, но то, что сегодняшние — в белых и зеленых халатах — будут грести миллионы долларов на новом поветрии, сомневаться не приходится.

А что вы с Борисом будете делать в столице? Неужели переводческое бюро сможет прокормить вас и Славика? Говорят, за жилье там нужно платить золотыми дублонами и алмазными подвесками. Буду ужасно беспокоиться за ваш семейный кораблик.

Твой любимчик Мишаня завел себе новую девушку, на два года старше него. У нас с Женечкой по этому поводу произошел обычный диалог. Она: «Ты опять увернешься от отцовской обязанности руководить поступками сына-школьника и давать советы?» Я: «Да я лучше лягу на рельсы, чем дам Мишане повод испытывать ко мне те же чувства, которые я испытывал к своему отцу — магистру непрощенных советов».

Советов я, как ты знаешь, не даю, но антимонагамную пропаганду веду при всяком удобном случае. Вот тебе очередная листовка для распечатки и разбрасывания с самолетов над спящими городами:

ЛИСТОВКА

Моногамные правила отношений между мужчиной и женщиной — это мечта. Как всякая мечта — как вера в загробную жизнь, в воскрешение из мертвых,

в построение коммунизма — она прекрасна. Но лишь до тех пор, пока ее не вколачивают в головы всем людям в обязательном порядке.

Напиши мне поскорее про себя все-все: как устроились, есть ли клиенты у фирмы, с кем познакомились, как Славику в новой школе, кто за тобой ухлестывает. Еще ты всегда была моей Ариадной в лабиринте игрового кинематографа. Не оставляй этой роли, сообщай о фильмах, которые стоит посмотреть. Я тоже буду писать тебе подробно и каждое письмо кончать в стиле Катона в римском сенате: «А также я считаю, что Артуру и Любе пора одарить друг друга отпущенными им дарами». АК.

От Любы — Артуру, из Вашингтона в Нью-Йорк

Дорогой, любимый, невозможный, забываемый Артур!

Да, уехала, да, буду рада отдохнуть от твоих умоляющих глаз, от несчастной физиономии, от потных ладоней, лезущих мне под юбку под прикрытием скатерти на праздничном столе. Ты обзываешь меня «послушной узницей моногамного ГУЛАГа». Но не сам ли ты в свое время так вдохновенно объяснил мне роковую разницу между «люблю» и «влюблен»? Костер влюбленности и теплая печь любви — эта метафора врезалась мне в память, объяснила тысячи человеческих драм и трагедий.

Попытки сохранить влюбленность светятся для нас в историях Данте и Беатриче, Петрарки и Лауры, Кьеркегора и Рeginы, Кафки и Милены Есенской, Блока и Любы Менделеевой. Моя влюбленность в тебя — того же рода. Только издали, только убегая. Как и они, я предчувствую, что плотское слияние разрушит, лишит меня этого сокровища.

Ты скажешь, что главное у меня — трусливая оглядка, страх причинить боль Женечке и Борису. И когда ты говоришь, что наши целомудренные страсти ранили бы их гораздо сильнее, если бы открылись, это просто софистика. Во всяком случае, мне легче сохранять иллюзию невинности перед ними, пока мы держим себя в узде.

В моем случае чувство долга всегда довлеет над всем остальным. Наверное, это еще и разница полов — у нас, женщин, ответственность развита сильнее. Рабство любви к близким. Мне физически больно причинять страдания другим, хочу только дарить любовь. А если мое счастье может причинить боль близким — какое же это счастье? Если из-за меня кто-то страдает, я очень мучаюсь.

Пусть я в ГУЛАГе, но и ты тоже узник — только другого рода. Ты в клетке моей любви и никуда не сможешь убежать из нее. То, что я люблю в тебе, останется моим, сколько бы ты ни куролесил, сколько бы ни крутил романов с актрисами на студии. Как пела Новелла Матвеева: «Мне было довольно того, что твой плащ висел на гвозде».

Мне кажется, это твоя работа в сильной степени слепила твой характер и твои пристрастия. Ты ведь и в России на телевидении, по большей части вел криминальную хронику. А здесь, когда тебе нужно день за днем и месяц за месяцем вглядываться в злодеяния, творимые самыми обычными людьми, это не может проходить бесследно. Среди сделанных тобою программ я не могу припомнить ни одной, где бы речь шла о закоренелых преступниках, о профессиональных гангстерах. Нет — только о самых нормальных, семейных, верующих, законопослушных, от которых и ожидать нельзя было ничего противозаконного.

Если бросить взгляд на русскую классику, то увидим, что она тоже переполнена убийствами и самоубийствами. Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой,

Лесков, Чехов, Куприн, Горький, Бунин — никто не обошел эту тему. В Америке, досмотрев по телевизору очередной детектив, я иногда спрашиваю себя: «Зачем потратила два часа? На кой черт тебе было переживать — поймут его или нет? Не все ли равно, кто из пяти подозреваемых окажется виновным?» А через пару дней снова усаживаюсь перед экраном и поддаюсь действию этого наркотика безотказно.

Да и твои застольные истории «Из зала суда» слушала всегда раззявая рот. И не стыжусь. Конечно, твой дар рассказчика завораживает, и мне будет недоставать его. Так что если будешь писать мне, добавляй в конце какую-нибудь страшноватую сказку — на сон грядущий.

Ты просишь извещать тебя о новых кинофильмах. Недавно мы попали на экранизацию «Венецианского купца», с Джереми Айронсом и Ал Пачино. Борису фильм показался антисемитским, а меня захватило. Ал Пачино сумел создать образ жадного, хитрого, трусливого еврея, ревниво любящего свою дочь. Маленького человека с очень сильным глубоким чувством собственного достоинства. В феодальной Венеции — это отброс общества, с которым дворяне никогда не обсуждают вопросы морали. Он не может вызвать оскорбителя на дуэль. Униженный и оскорбленный — чем он может утолить уязвленную гордость? Только востребовав через суд залог, недальновидно обещанный легкомысленным дворянином.

Ведь в своем исступлении он забывает и про деньги, и про здравый смысл, и про инстинкт самосохранения. Смертельная дуэль, выбор оружия — за оскорбленной стороной. А какой вид оружия доступен еврею, проживающему в гетто? Он и делает этот единственный доступный ему выбор. Заранее зная абсурдность и безнадежность всей затеи. Отказывается от выгодной денежной компенсации — где его жадность? Знает, что проиграет, — и не отступает: где его хитрость? Абсурдом своих претензий он вынуждает судей показать себя в их истинном свете.

Еще запомнился фильм «Поздний квартет».

За наше устройство в столице не тревожся. После шести лет в Америке мы наконец получили гражданство, и теперь Иммиграционная служба смогла дать Борису место внештатного сотрудника. То, что он, кроме арабского, знает еще киргизский, узбекский и чеченский, дает ему огромное преимущество. Заказы на переводы приходят каждый день, чаще — в виде звукозаписей телефонных разговоров, подслушанных агентством. Так что теперь не только ты, но и Борис будет жить за счет правонарушителей. Самое страшное для вас, если вдруг на преступников нападёт эпидемия раскаяния, и в мире воцарятся поголовная честность и доброта.

Пиши мне, мой далекий и бесконечно близкий, мой опасный, безнадежный, волнующий, не забывай любящую тебя Л. Ф.

Январские кинокадры

Припорошенные снегом полицейские машины у двухэтажного здания на окраине Нью-Йорка. Щеголеватый «лексус» въезжает на стоянку, пристраивается напротив таблички «Для посетителей». Артур Казанов выходит из автомобиля, щелкает радиоключом, поднимается по ступеням. За дверью его встречает лейтенант полиции Роберт Запата, жмет руку, хлопает по плечу.

ЗАПАТА: Спасибо, что приехал. Настало время нам поменяться ролями. Раньше я служил тебе консультантом, теперь пришла твоя очередь послужить мне.

Оба входят в кабинет, усаживаются перед экраном телевизора.

ЗАПАТА: Дело еще в самом зародыше, не знаю, захочет ли твоя студия делать программу. Что известно на сегодняшний день? Пропала жена местного бизнесмена по имени Гарольд Бишман. Но заявление о пропаже мы получили не от него,

а от ее родителей, живущих в другом полушарии, на твоей бывшей родине, в городе Новгороде.

АРТУР: Кем работают?

ЗАПАТА: Оба — преподаватели живописи в тамошнем училище. Дочка нашла себе мужа в Америке по Интернету. Мистеру Бишману сорок лет, ей — двадцать. Они поженились год назад, а в ноябре она улетела домой повидаться с родителями. Через неделю муж тоже объявился в Новгороде. Родители пишут, что дочка была разочарована в супружестве, хотела подавать на развод. Мистер Бишман заявляет, что уговорил ее вернуться к нему, но на обратном пути, в московском аэропорту, они поссорились, и она ушла неизвестно куда. С тех пор он не видел ее и очень подавлен утратой. Осталась ли она в России или вернулась в Америку, ему неизвестно.

АРТУР: Звучит не слишком завлекательно, на программу пока не тянет.

ЗАПАТА: Согласен. Я попросил у мистера Бишмана фотографию пропавшей жены. Он дал мне несколько плюс видеоленту, сделанную во время визита в Новгород.. Мне бы хотелось, чтобы ты посмотрел эту ленту и прокомментировал. Твоему режиссерскому глазу я доверяю.

АРТУР: Формально я числюсь на студии не режиссером, а техническим продюсером.

ЗАПАТА: Мы с тобой уже сделали три ленты, и для меня ты режиссер.

АРТУР: Был в свое время знаменитый фильм «Развод по-итальянски». Давай посмотрим, есть ли тут сюжет — затравка — для «Развода по-русски».

Изображение на экране начинает трястись с первых же кадров. Любительскую камеру явно держат неумелые руки. Благодушный толстяк сидит за столом, обнимает за плечи миловидную молодую женщину, выкрикивает по-русски приветствия в объектив. Потом вскакивает, тянет ее за собой, начинает кружить в танце. Родители, сидящие за столом, настороженно следят за танцующими. Толстяк оставляет свою партнершу, подбегает к ее матери и настойчиво зовет танцевать. Та неохотно соглашается. Мистер Бишман целует ей руку, неумело вальсирует, смеется. Лента кончается.

ЗАПАТА: Что скажешь?

АРТУР: Похоже, мистер Бишман никогда не учился актерскому ремеслу. Небось видел когда-нибудь, как приветливость и веселье изображает продавец подержанных автомобилей — ему и подражает.

ЗАПАТА: Мне тоже сцена показалась наигранной. А о чем они говорят?

АРТУР: Бишман только повторяет одобрительные эпитеты, которые успел выучить: «хорошо», «отлично», «дружба», «совет да любовь».

ЗАПАТА: Актер плохой, но на этом основании никакой судья не даст мне разрешения на обыск в доме. Мы ведь даже не знаем, в какой из двух стран надо начинать поиски пропавшей. Мистер Бишман намекает, что у его жены был возлюбленный в Москве и что она, скорее всего, убежала к нему. Но родители ее категорически отрицают возможность того, что она могла исчезнуть, оставив их в неведении.

АРТУР: Вам придется послать кого-нибудь в Россию?

ЗАПАТА: Пока мы направили запросы в авиакомпанию и в паспортный контроль в аэропортах Нью-Йорка. Когда получим ответы, я дам тебе знать. И еще раз — спасибо, что приехал. Мне важно было получить подтверждение моим подозрениям.

ФЕВРАЛЬ

Артур пишет Любе из Нью-Йорка в Вашингтон

Вчера вспоминал тебя, глядя передачу про британскую королеву Елизавету Вторую. Она и ее супруг, похоже, — последний оплот моногамных традиций в английской

монархии. Остальные члены королевской семьи в XX веке разрушали их наперегонки. Сначала дядюшка Эдуард Восьмой отрекся от трона, просидев на нем меньше года, чтобы жениться на разведенной американской красавице. Потом сестра Маргарет, вышедшая замуж под нажимом семьи, начинает крутить роман за романом и в конце концов разводится. Дальше разводятся один за другим собственные сыновья — Чарльз и Эндрю. Потом принцесса Дайана, мать наследников трона, заводит роман с арабским богачом. Если ты когда-нибудь попадешь на прием к королеве, она обнимет тебя и воскликнет: «Вы и я — мы последние женщины на свете, все еще верящие в священность брачных уз!»

Помнишь, когда ты работала с Женечкой в городской библиотеке, она устроила там вечер памяти Льва Толстого, в связи со столетием со дня его смерти. И один из выступавших прочитал доклад об отношениях великого писателя с Тургеневым. Два гения русской литературы восемнадцать лет были в смертельной ссоре. Докладчик сказал, что причины ссоры остаются загадочными. А я недавно перечитывал биографию Толстого и вдруг понял, какая кошка пробежала между ними.

Дело было так. Они оба гостили в поместье Фета. Два дня прошли в дружеском общении, с купаньем, охотой, прогулками. Утром третьего дня, за завтраком, Тургенев стал рассказывать, как чудесно живет в доме Полины Виардо в Париже его незаконной дочери, рожденной от него российской белошвейкой, какие она делает успехи в музыке, рисовании и танцах, как участвует во всевозможных благотворительных начинаниях. И тут Толстой сделался темнее тучи. Он стал кричать, что все это только кривлянье, лицемерие и игра в доброту. Что Христос учил творить добро так, «чтобы твоя правая рука не знала, что творит левая». Что любая помощь от богачей беднякам есть просто частичный возврат награбленного. Ошеломленный Тургенев стал возражать, спор разгорался. В какой-то момент даже прозвучали слова «я вам в морду дам». В конце Толстой выбежал из-за стола, уехал, прислал Тургеневу вызов на дуэль, да не простую — на пистолетах, а чтобы на ружьях — и насмерть.

И я берусь объяснить, из-за чего разгорелся сыр-бор. Из-за того, что Толстой был открыт чувству вину почти так же, как ты. И как раз в те же годы его крепостная крестьянка родила ему сына Тимофея. Которому никакой Париж не светил, а светило в лучшем случае стать конюхом. Услышать, как заботливо обошелся со своей незаконной дочерью его литературный соперник, было Толстому невыносимо. И какая лучшая защита от чувства вины? Возненавидеть, «отомстить»! А тридцать лет спустя написать покаянный роман «Воскресение».

Ну как? Потянет эта гипотеза на кандидатскую диссертацию по литературе?

Вообще наши классики в своих произведениях любили описывать тонкие и возвышенные чувства, но в жизни часто выбирали себе женщин за свойство, которое восхвалять не принято: *послушность*. Пушкин во время ссылки днем флиртовал с барышнями в Тригорском, а к вечеру возвращался к себе в Михайловское, где добрая няня Арина Родионовна подбирала для него покладистую крепостную. Сердце Грибоедова покорила послушно-молчаливая грузинская княжна. Лермонтов-Печорин обкатывал вариант, как занять Бэлу в полное рабство. Тургенев, оказавшись после смерти матери владельцем большого поместья, просто купил у сестры дворовую в качестве наложницы. Огарев в Лондоне без большой борьбы уступил Герцену строптивую жену, а сам подобрал в трущобах полуграмотную девушку, «чтобы поднимать ее и воспитывать». А уж послушность падчерицы Лолиты овдовевшему отчиму — об этом можно только мечтать. Боюсь, ты бы у русских литераторов успехом не пользовалась.

Возвращаясь из XIX века в XXI, я могу сознаться тебе еще в одном своем извращении. Мы с Женечкой вместе уже почти двадцать лет, и все эти годы я мечтаю знаешь о чем? ПРИЗНАТЬСЯ ЕЙ В ЛЮБВИ! Да-да, я никогда, ни разу не произнес этих сокровенных слов. Потому что всевластная тираническая мораль говорит нам: любишь одну — забудь всех остальных. Она превращает супругов из соратников в сокамерников. Двадцать лет эти слова застревают у меня в горле, но с вашим тюремным распорядком не смирюсь никогда. Женечку люблю, одновременно влюблен в тебя — что в этом ненормального?

Мои завиральные идеи я не могу распространять через блоги и фэйсбуки. Меня легко выследят, разоблачат, покроют позором, лишат родительских прав и заработка. Остается только разбрасывать листовки с самолета, которого у меня нет.

ЛИСТОВКА

Эй, люди! Оглянитесь! Добиться соблюдения седьмой заповеди в наши дни возможно только под страхом смерти, как у мусульман. Соблюдение ее оказалось не по силам принцам и принцессам, президентам и министрам, генералам и судьям, банкирам и адвокатам, писателям и художникам, капитанам и летчикам, машинистам и фермерам, пасторам и проповедникам, не говоря уже о миллионах неплательщиков алиментов. Не пора ли придумать что-нибудь новое? Не было ли на первом варианте Моисеевых скрижалей, который он разбил, какого-нибудь кусочка каменным курсивом, который вредные евреи нарочно забыли?

Кстати, о евреях. Посмотрел по твоей наводке «Венецианского купца». Прав Борис — антисемитским душком несет очень сильно. Блистательная игра актеров не может заслонить — пересилить — экранный образ еврея с большим ножом, нависающего над безщитным, привязанным, полуобнаженным христианином. А когда родная дочь еврея предательски ограбит его и убежит, весь кинозал будет за нее: «Так ему и надо, гаду!»

Любопытная реакция на эту пьесу описана в книге «Из Африки». Автор — Исак Динесон. Там героиня зимними вечерами, чтобы заполнить пустое время, читает Шекспира своему черному повару-мусульманину. Когда дошли до «Венецианского купца», повар всем сердцем стал на сторону Шейлока и очень горевал, что тот проиграл в суде. «Отрезать кусок плоти, не проливая крови, очень просто, — объяснял он. — Нужно это сделать раскаленным ножом». Звучит как совет компетентного специалиста, многократно испробовавшего этот метод.

Зато за «Поздний квартет» — огромная благодарность. Вообще-то я настороженно отношусь к «искусству про искусство»: романы про писание романов, фильмы про снятие фильмов, спектакли про театральную жизнь, даже живопись, изображающая мастерскую художника, настраивают меня скептически. Кроме того, фильмы смотрю после двенадцати, на исходе сил, обычно в два-три приема. Но тут просидел прикованный от начала до конца без перерыва. Актеру Кристоферу Уолкену наконец-то позволили сыграть богатую роль. Про его лицо в этом фильме хочется сказать: «Он его заслужил». Все четверо великолепно изображают музыкантов в процессе игры. И все же когда появляется настоящая виолончелистка, Нина Ли, энергия, с которой она сражается со своим инструментом, сразу поднимает ее над остальными.

Ты помнишь древнегреческую легенду о Леандре? Который переплывал то ли Босфор, то ли Дарданеллы, то ли Геллеспонт (кажется, так тогда называлось Мраморное море), чтобы встретиться со своей возлюбленной Геро? А она выставляла на окне своего дома лампу, чтобы он не сбился с пути. Так вот, пока вы жили за рекой

от меня, в Нью-Джерси, я смотрел на Гудзон и мечтал, как однажды переплыву его на свет твоего лица, сияющего для меня, как лампа в окошке.

Теперь, когда между нами пролегло расстояние в десятки Геллеспонтонтов, ты просто должна исполнить просьбу твоего Леандра: пришли мне свою фотографию, и пусть она светит мне, как лампа в ночи. Я был так беззаботен, что не обзавелся заранее, не предвидел возможности разлуки. В наших семейных альбомах ты мелькаешь то краем уха, то затылком, то зажмурившейся от смеха, то фигуркой в толпе гостей. Пришли настоящую, чтобы я мог носить ее в бумажнике и в трудную минуту доставать и испытывать тот сладкий прокол в сердце, который так безотказно вызывает во мне твое лицо.

Кроме того, я считаю, что пришло время Любе начать раздеваться для Артура. Вот ее пальцы нащупывают пуговицы блузки, расстегивают одну, другую, третью. Появляется волшебная ложбинка, ведущая в солнечную долину, которую дрожащий от нетерпения АК вот-вот огласит громкой петушиной серенадой.

Люба пишет Артуру

Дорогой и любимый, ты не можешь представить себе, что творится со мной каждый вечер, когда я спускаюсь к компьютеру. «Будет письмо от него или нет? В одну страничку, две, три? Найдет он новые слова сладкого обмана, которым дурманит меня уже столько лет?» Думаю, Достоевский так не вглядывался в скачущий шарик рулетки, как я вглядываюсь в загорающиеся буквы на экране.

Когда-то в юности я так бегала к почтовому ящику, ожидая письма от первого возлюбленного. Уже не верила, что такое может повториться в моей жизни. Я прямо впала в наркотическую зависимость от твоих писем, похудела на несколько фунтов, чувствую себя помолодевшей на десять лет. В прошлую субботу, на свадьбе у новых знакомых, получила кучу комплиментов, можно сказать, блистала. Борис проявляет повышенное внимание, будто чувствует что-то. Может быть, из меня излучаются какие-то особые флюиды. Сознаю свою вину и пытаюсь как-то загладить ее, отдаюсь его ласкам с еще большим жаром. А в сознании нет-нет да и выплывет твое лицо.

Ну что? Хватит с тебя откровенности и спонтанности? Доволен?

Попыталась вспомнить: а мне Борис когда-нибудь объяснился в любви? Или мы просто перешли — перепрыгнули — от объятий и поцелуев в парадной — к семейной жизни?

Ты говоришь, что никогда не согнешься перед седьмой заповедью. Но для меня здесь действует не седьмая, а восьмая: «не укради». Неспособность нарушить ее загнана в меня даже не на психологическом, а на физиологическом уровне. Бывают же люди с полной идиосинক্রазией, например, к алкоголю. Такие даже гордиться не могут своей трезвостью — настолько нарушение ее не в их власти. Так и я: лишена права гордиться своей добродетелью.

На вопрос «Кто за мной ухлестывает?» могу ответить так: если этот термин применим к усиленному вращению черных восточных глаз и частым беспричинным вздохам, то, конечно, на первом месте окажется наш новый молодой сотрудник Халиб. Он афганец, приехал два года назад на курсы полицейских для Кабула и как-то уихтрился зацепиться здесь и остаться. Его пришлось нанять, потому что он знает пушту, а мы все чаще получаем заказы на переводы с этого языка. Многие афганцы, служившие американским оккупационным войскам, пытаются сейчас эмигрировать до того момента, когда талибы вернутся к власти, в чем никто не сомневается. Иммиграционному ведомству приходится рассматривать горы заявлений. Воссоединение семей с уже иммигрировавшими — самый популярный предлог. Но

теперь введены проверки родственных связей с помощью анализа ДНК, и многие «братья» и «сестры» оказываются липовыми.

Недавно попала на одну из программ вашего канала «Следопыт», сделанную, кажется, еще до того, как ты начал там работать. Неосторожно досмотрела до конца и впала в дикий испуг. Это про двух курсантов военного училища, мальчика и девочку. Полюбили друг друга, закончили учебу, готовились пожениться. Но мальчик был такой честный-честный, что сознался невесте: «До тебя у меня был роман с другой девушкой». И эта стерва объявила ему: «Поверю в твою любовь и преданность только тогда, когда ты отыщешь мою предшественницу и кровью смоешь свою вину передо мной!» Давила, шантажировала и ведь добилась своего! Их поймали на убийстве только потому, что злодейка похвасталась подруге «преданностью» своего жениха. Выключив телевизор, всю ночь не могла заснуть, воображая, как Славика охмурит похожая психопатка и спровоцирует на какое-нибудь преступление.

Фотографию выберу и пошлю на днях. Но что если она попадет на глаза Женечке? У тебя в арсенале, я знаю, много отработанных приемов и уверток, но ведь Женечка только притворяется, будто верит им. За двадцать лет она, наверное, ох как натерпелась от твоих «побегов из ГУЛАГа».

В советские времена людям, пойманым на попытках убежать за границу, психиатры выносили карательный диагноз: «Синдром беглеца». В твоей «истории болезни» этот диагноз был бы вполне уместен. Но как ни старайся, ты никогда и никуда не сможешь убежать из клетки моей любви. Рано или поздно она проступит на твоём лбу, как стигмат, как клеймо, извещающее каждую новую кандидатку на «игры страсти нежной»: «Принадлежит другой навеки». Не боишься? Л. Ф.

Февральские кинокадры

Кабинет Артура Казанова на студии телеканала «Следопыт». Он сидит за своим столом, перед ним на диване двое: полноватый мужчина лет сорока и молодая миловидная женщина.

АРТУР: Итак, Джек, Барбара — поздравляю! Студия выбрала ваши пробы, с вами заключат договор на съемки в часовой программе. Но я хочу заранее предупредить вас, какого сорта работа вам предстоит.

ДЖЕК ВИЛСОН: Вообще-то мы представляем. Не знаю, как Барбара, а я постоянно смотрю программы «Следопыта».

АРТУР: Тогда вам известно, что вы оба останетесь безмянными. Ваши фамилии не появятся в титрах, для вашей актерской карьеры прогресс будет минимальным. Студии важно, чтобы зрителю ничто не мешало идентифицировать вас с реальными персонажами, о которых идет рассказ. Кроме того, режиссер часто будет требовать, чтобы вы держали в узде свой талант, довольствовались ролью статистов, иллюстрирующих те или иные эмоции. Вас выбрали не за одаренность, в которой я не сомневаюсь, но за внешнее сходство с участниками драмы.

БАРБАРА ХИЛЛ: А сможем мы познакомиться с участниками или хотя бы увидеть их со стороны?

АРТУР: Джек сможет, а про вас, Барбара, — сомневаюсь. Ибо у нас нет уверенности, что женщина, которую вам предстоит изображать, еще жива. Полиция продолжает ее розыски. Муж утверждает, что они расстались в московском аэропорту и больше он ее не видел. Но проверка записей паспортного контроля показала, что она прилетела в Нью-Йорк в тот же день, что и ее муж. Правда, другим рейсом.

ДЖЕК: Что нам известно о муже?

АРТУР: Добропорядочный бизнесмен, не очень успешный, но обеспеченный. Ни в каких нарушениях закона не был замечен. Первый его брак кончился разводом,

и пять лет спустя он решил искать себе невесту в России. Интернетные знакомства сейчас распространяются, как лесной пожар. Американцы и американки могут предложить на этом рынке не просто руку и сердце, но и бесценную добавку: гражданство. А потом их избранники и избранницы требуют развод и оставляют с пустым кошельком и разбитым сердцем.

БАРБАРА: У меня была романтическая переписка с красавцем из Иордании. Он очень хотел встретиться, просил, чтобы я оформила ему так называемую «женховскую визу» на девяносто дней. Но умные люди посоветовали мне самой слетать в Аман. Я послушалась, незаметно подъехала к его дому и своими глазами увидела, как он выходит на прогулку с женой и двумя детишками.

АРТУР: Видимо, иорданцы питают особую слабость к американкам, после того как их король Хуссейн женился на выпускнице Принстона. Так или иначе, тема зарубежных браков стала такой острой, что студия приняла решение начать работать над сюжетом, не дожидаясь, когда полиция предъявит кому-то конкретные обвинения. Конкуренция в нашем бизнесе подхлестывает не упускать криминальные коллизии. Вот вам краткий синопсис. Прочтите и завтра в девять утра приходите на съемки.

МАРТ

Артур пишет Любе

О, далекая и неприкасаемая!

Почему ты так уверена, что клетка твоей влюбленности сможет прервать серию моих побегов? Вот на днях мне довелось познакомиться с очаровательной девушкой по имени Барбара Хилл. Она — начинающая актриса, будет сниматься в нашей очередной документально-криминальной драме. Ее профиль немного напоминает твой, но линии носа и подбородка чуть острее. По сюжету запланированы съемки на пляже, в открытом купальнике, и я предвижу — предвкушаю! — очередное восстание моего неукротимого десантника.

Спасибо за присланную фотографию. Это как раз то, о чем я мечтал. Но знаешь ли ты, что я проделал с твоим лицом? Сканировал, увеличил, отрезал и наклеил — куда? На голову красавицы в развороте последнего «Плэйбоя»! О, как пленительны твои обнаженные бедра под легкой пленкой загара! Как полон тенистой тайной изящный пупок! Мне остается только повторять строки знаменитой библейской порнографии: «Живот твой — круглая чаша, два сосца твои — как два козленка, шея твоя — как из слоновой кости, стан твой похож на пальму, и груди твои — на виноградные кисти...» Когда же, о, когда доведется мне испить их вина?!

У Женечки началось очередное воспаление недовольства собой. Главная претензия: она не сумела передать сыну свой жизненный опыт, и он страдает от несправедливости мира так же, как страдала она в его возрасте. Иногда мне кажется, что в моей жене живут два человека: добрая, трудолюбивая падчерица и злая несправедливая мачеха, которая заваливает падчерицу невыполнимыми заданиями, осыпает горькими упреками, унижает, страшит.

Тут есть свои тонкости. Ведь человек, на которого рушатся несправедливые обвинения, вызывает у окружающих сочувствие. Женечке кажется, что, обзывая себя «дрянью», «дурой», «бездушной тварью», она заранее обгоняет и превосходит все упреки, которые могут предъявить ей ближние. Она удивляется и огорчается тому, что я не хочу брать с нее пример и не пользуюсь таким легким способом привлечения внимания и любви.

Ты ведь знаешь, как часто она выбирает в разных жизненных ситуациях позицию Дон Кихота. И нередко на мою долю выпадает роль мельницы, исколотой

со всех сторон Донкихотовым копьём. При этом нужно быть очень внимательным, чтобы исправно выдавать дневную порцию муки и случайно не сбить вращающимися крыльями Росинанта. Ах, неужели наша передовая фармакология не изобретет в ближайшее время таблетки от чувства вины?!

Вспоминаю, что среди *твоих* упреков в мой адрес однажды мелькнул и такой: моя неумность и ненасытность разрушительны для бесценного храма семейных отношений. А вдруг окажется, что на самом деле я и подобные мне выступают не в роли разрушителей, а в роли реформаторов? Лютера и Кальвина обвиняли в попытках разрушить христианство. Но получилось, что на самом деле они спасли его через обновление. Даже разрешение священнослужителям жениться оказалось благотворным. Может быть, и таким, как я, суждено спасти брак и семью? Может быть, я — революционер-подпольщик, такой же, как Солженицын, веду безнадежную войну с доставшимся нам ГУЛАГом, в котором мы все одновременно — и ээки, и охранники?

ЛИСТОВКА

Бог не умер. Религия не ушла из жизни людей, но перестала быть обязательной и монополюющей. То же самое произойдет и с моногамией. Она потеснится и даст другим формам семейной жизни право на существование.

Подготовительный период на студии к новой программе оставляет довольно большие просветы свободного времени. Я воспользовался этим и написал не мадригал в твою честь, не поэму в стиле Сирано, но целую одноактную пьесу про тебя. Если вы с Борисом захотите перевести ее на английский, мы продадим сценарий Голливуду и поделим гонорар пополам.

Текст в отдельном приложении.

А твой ненасытный Леандр возвращается к своим мечтам.

На чем остановился наш стриптиз? Ты сняла блузку? «Я обнял эти плечи и взглянул», как сказано у нашего любимого поэта. Боже, какой выдержкой должны были обладать наши предки, которым приходилось созерцать на балу эти восхитительные сияющие шары, проносящиеся в такой близости от глаз, от губ, от зубов! Нет, твой Леандр, если когда-нибудь доплывет до тебя, не сможет продемонстрировать такую способность владеть собой! АК.

НЕПРЕДНАМЕРЕННОЕ УБИЙСТВО

Пьеса в одном акте

Действующие лица:

Обвиняемая, Судья, Прокурор, Адвокат, Стенограф — все женщины.

СУДЬЯ: Обвиняемая, расскажите суду, какая именно часть вашего тела стала объектом нападения покойного?.. Нет, указать пальцем недостаточно... Да, присяжные видят, но стенограф должен внести в протокол слова.

ОБВИНЯЕМАЯ: Я не могу вслух произнести это слово. Можно я скажу ей на ухо?

СУДЬЯ: Это не принято. Но в вашем случае я готова сделать исключение.

Обвиняемая подходит к стенографу и шепчет ей на ухо.

СТЕНОГРАФ (*громко*): Мне нужно знать, правая или левая?

Обвиняемая снова шепчет.

ПРОКУРОР: На предварительном следствии вы употребили слово «атаковал». Не могли бы вы уточнить, какое именно действие совершил убитый вами человек?

АДВОКАТ: Протестую! Моя подзащитная призналась в неосторожном действии, которое стало причиной смерти. Это был несчастный случай — только и всего.

СУДЬЯ: Протест удовлетворен. Стенограф, замените слово «убитый» словом «покойный».

ПРОКУРОР: Итак, что же именно совершил покойный? Попытался ли он сжать указанный вами объект? Или ущипнуть? Или обнажить и погладить? Или, может быть, даже поцеловать?

Обвиняемая говорит что-то невнятное.

СУДЬЯ: Пожалуйста, громче.

ОБВИНЯЕМАЯ: Он пытался прижаться щекой.

АДВОКАТ: Прошу отметить: щекой, покрытой жесткой щетиной!

ПРОКУРОР: И это действие показалось вам достаточным поводом, чтобы нанести невинному человеку смертельный удар?

АДВОКАТ: Я прошу суд учесть все обстоятельства, связанные не только с рассматриваемым событием, но и со всей судьбой моей подзащитной. Напомню, что она росла и воспитывалась в бывшем Советском Союзе. В этой стране молодым девушкам внушались очень строгие правила поведения, и они старались следовать им. Одно из правил гласило: «Умри, но не давай поцелуя без любви».

ПРОКУРОР: Надеюсь, даже в этой стране не призывали: «Убей, но не дай чужому мужчине прикоснуться к твоему телу».

АДВОКАТ: Раз уж заговорили о прикосновениях, я хочу напомнить, что покойный был предупрежден письменно. Да, моя подзащитная до сих пор не поддается волне торжествующей распушенности, до сих пор считает супружескую верность важнейшим моральным принципом, которого люди должны придерживаться.

ПРОКУРОР: Как любил шутить покойный, «слишком строгое соблюдение супружеской верности — это и есть культ секса». Хочу напомнить суду, что у многих народов были учреждены специальные праздники, дававшие людям возможность отдохнуть от этого культа. В Древней Греции они назывались Великие Дионисии, в Древнем Риме — вакханалии, у древних славян — ночь под Ивана Купала, в средневековой Европе — карнавалы. У американских индейцев и северных народов считалось величайшей невежливостью, если хозяин не предлагал жену заночевавшему гостю.

АДВОКАТ: Моя ученейшая коллега слишком увлекается древней историей и забывает, что прямо сегодня на земном шаре живет миллиард мусульман, среди которых прикосновение к чужой жене считается величайшим грехом и карается законом. У них даже врачу-мужчине разрешается прикоснуться только к руке больной, протянутой ему из-за занавески, и по ней поставить диагноз.

ПРОКУРОР: Вы говорили о том, что покойный был предупрежден письменно. Но ведь и ваша подзащитная из писем покойного могла понять, с кем она имеет дело. И тем не менее она пригласила его в свою квартиру и именно в тот момент, когда мужа не было дома. Как это понимать?

АДВОКАТ: Да, в этом случае она проявила наивность. Она воображала, что культурный и воспитанный человек способен сдерживать свое вождление, способен не уподобляться животному. Но наивность до сих пор не считалась уголовным преступлением.

СУДЬЯ: Я хотела бы еще раз взглянуть на орудие убийства. Бэйлиф, передайте мне, пожалуйста, улику номер шесть. Благодарю. Но ведь это обычная книга, и даже не очень тяжелая. С какой же силой надо было нанести удар, чтобы он

привел к смертельному исходу? Книга, как я понимаю, на русском языке. Что написано на обложке?

ОБВИНЯЕМАЯ: Марина Цветаева. Стихотворения.

СУДЬЯ: Вы специально выбрали этот том?

ОБВИНЯЕМАЯ: Нет, книга просто лежала на столе, потому что я хотела объяснить своему гостю, насколько он не прав в оценке некоторых стихов.

ПРОКУРОР: Так-так, у преступления появляется и другой мотив: литературные разногласия.

АДВОКАТ: Требую вычеркнуть слово «преступление».

СУДЬЯ: Удовлетворено.

ОБВИНЯЕМАЯ: Я тоже никак не могла предположить, что такая легкая книга может произвести такой сильный эффект. В другой раз я обрушила на голову нападавшего полное собрание сочинений Шекспира в одном томе — и ничего.

ПРОКУРОР: Ага! Значит, были и другие разы?!

ОБВИНЯЕМАЯ: Ну, там все было ясно. Нападавший уже пытался раздвинуть мои тесно сомкнутые колени и произнес загадочное слово «впиндюрить».

СТЕНОГРАФ: Мне нужно по буквам.

ОБВИНЯЕМАЯ: Вэ-пэ-и-эн-дэ-ю-рэ-и-ти. Как я уже сказала, тогда нападавший ничуть не пострадал. Он сразу оставил свои глупости, открыл том и с интересом прочел комедию «Много шума из ничего». Правда, он был на двадцать лет моложе покойного, и кровеносные сосуды в его голове были крепче водопроводных труб.

ПРОКУРОР: Меня необычайно заинтересовало это признание обвиняемой. Оно рисует происшедшее в новом свете. Теперь мы видим, что перед нами не жертва случайного стечения обстоятельств, а преступница-рецидивистка, не колеблющаяся применять насилие по самым ничтожным поводам.

АДВОКАТ: Если вы считаете, что попытка изнасилования является недостаточным поводом для того, чтобы женщина начала отбиваться, то наши понятия о чести и морали сильно расходятся.

СУДЬЯ: Я думаю, мы слышали достаточно. Обе стороны могут сказать свое короткое заключительное слово.

ПРОКУРОР: Обвинение ясно и убедительно показало, что подсудимая, совершившая пусть и непреднамеренное убийство, продолжает оставаться опасной для общества, она может совершить новые похожие деяния, которые приведут к тому же печальному результату. В связи с этим я прошу суд присудить ее к домашнему аресту, без телевизора, радио и телефона. Срок будет определяться тем временем, какое ей понадобится, чтобы заучить наизусть орудие преступления — том стихов Марины Цветаевой.

АДВОКАТ: Я с трудом верю своим ушам! Нужно потерять всякое уважение к моральным устоям наших женщин, чтобы в данной ситуации потребовать такого сурового приговора. Присяжные леди и джентльмены! Хочу напомнить вам, что конституция нашей страны запрещает применение «необычных и жестоких наказаний». Именно такое наказание предложила моя уважаемая коллега. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что имел место просто несчастный случай, и максимум, чего заслуживает моя подзащитная, — несколько часов общественных работ (например, прочесть лекцию о пользе целомудрия в тюрьме Синг-Синг осужденным за сексуальные преступления, стоя перед ними в купальном костюме).

Присяжные удаляются на совещание.

Люба пишет Артуру в марте

С готовностью подхватываю запущенный тобою шар и посылаю «Второй акт» к твоей пьесе.

НЕПРЕДНАМЕРЕННОЕ УБИЙСТВО

Акт второй

Действующие лица:

шесть разгневанных мужчин и шесть скучающих женщин.

ПРИСЯЖНЫЙ № 1: И как меня угораздило вляпаться в такое дурацкое дело. Сколько раз отнекивался, сочинял всякие отмазки, а тут повестка говорит, что больше переносить нельзя, а то самого могут привлечь. И на тебе! Фарс какой-то, а не процесс! Мне-то все понятно, я готов вынести приговор хоть сейчас, лишь бы побыстрее покончить с этой ерундой. Пусть дураки тратят свое время за десять долларов в день.

ПРИСЯЖНАЯ № 2: Кого вы имеете в виду? Я получаю сто пятьдесят долларов за час, так что потеряю за сегодняшний день почти тысячу долларов. А дело-то не стоит выеденного яйца. Ну, завалился на огонек, ну, попытался прижаться к деликатному месту щекой. Эка невидаль! Эти русские всегда что-нибудь придумают. Есть анекдот про дочь проститутки, которая спрашивает у матери: «Мама, что такое любовь?» Мать отвечает: «Это такая вещь, которую русские писатели выдумали, чтобы денег не платить».

ПРИСЯЖНЫЙ № 3: Эта подсудимая — какая-то недотрога. Попалась бы мне, я бы ее той же книжкой по голове трахнул, чтобы не выкобенивалась. Вот мужика жалко. Он, понимаете, пришел весь в надежде, а тут ему — здрасьте пожалуйста! Нельзя, видите ли, трогать. Это ж какой с... надо быть. Не понимают они нашего брата. И хоть бы что-то из себя представляла. Дразнила, заманивала, а потом взяла и пришила. Точно — серийная убийца.

ПРИСЯЖНЫЙ № 4: А прокурорша с адвокатшей — хороши представительницы закона. Тоже мне наказание — книжки заучивать, с лекциями выступать. Все бабы заодно! Видели, как обвиняемая обрадовалась придуманным ей приговорам?

ПРИСЯЖНЫЙ № 5: Да, у них всех лицемерие в крови. Они, думаете, почему глаза закрывают во время полового акта? От удовольствия? Да как же!.. Просто не могут видеть наши довольные лица. Вот вы, которая за сто пятьдесят долларов в час, откуда вы знаете, о чем русские проститутки разговаривают со своими дочерьми?

ПРИСЯЖНАЯ № 2: Неужели здесь не найдется настоящего джентльмена, чтобы одернуть хама? Почему он всех нас — под одну гребенку? Я порядочная, замужняя женщина. Мне самой подсудимая совсем не понравилась. Судя по их переписке, она вела себя легкомысленно, позволяла откровенничать с малознакомым женатым мужчиной.

ПРИСЯЖНАЯ № 6 (*на голове у нее шарф, как у мусульманки*): Ее бы надо отправить на перевоспитание в Катар или Саудовскую Аравию. Там бы ей не позволили выйти на улицу без сопровождения мужчины. А с открытым лицом — тем более.

ПРИСЯЖНЫЙ № 7 (*религиозный еврей*): Наши женщины тоже сидят дома с детьми. У них и мысли возникнуть не может вступить в контакт с посторонним мужчиной ни до, ни после замужества.

ПРИСЯЖНАЯ № 8: Да ладно вам! Мне мой пластический хирург рассказывал по секрету, что операция по восстановлению девственности очень популярна и среди еврейских религиозных девушек, и среди палестинских.

ПРИСЯЖНЫЙ № 9: На Ближнем Востоке все неоднозначно. Был я в прошлом году в Катаре и в Абу-Даби в командировке. Женщины на улице и в магазинах действительно все в чадрах. Глаза — единственный орган для коммуникации. Но как она этими глазами вам дает понять! Какой сексуальный магнетизм!

ПРИСЯЖНАЯ № 10: Этим русским семьдесят пять лет не давали Библию читать, вот они и читают своих поэтов вместо молитв. Но драться их книжками — про такое я еще не слышала.

ПРИСЯЖНАЯ № 11: Меня интересует, был ли покойный застрахован. И если был, то в чью пользу. Если в пользу преступницы, то хотя бы ясен станет мотив.

ПРИСЯЖНАЯ № 12 (*молодая девушка*): Оказывается, старики, которым под сорок, все еще пишут письма друг другу. Среди моих сверстников такого не бывает. Если есть свободное время, просто посылаем эсэмэску, встречаемся и имеем секс без всяких обязательств. Это же так просто, зачем мучить себя?

БЭЙЛИФ (*входит в комнату*): Леди и джентльмены, готов ли вердикт?

ВСЕ: Что вы, мы только начали обсуждение!

Ну, как? Годится для Голливуда? Или хотя бы для Бродвея?

Переходя от жанра драмы к обычной прозе, хочу рассказать тебе об одной статье в энциклопедии Британика. Я наткнулась на нее, разыскивая синонимы к слову «безгрешный». Так, оказывается, называли себя члены секты «перфекционалистов», существовавшей на севере штата Нью-Йорк, в городке Онейда, в середине XIX века. Мне показалось, что ты побежал бы вступать в эту секту, если бы машина времени перенесла тебя на сто пятьдесят лет назад. Ибо главным ее правилом было то, что все мужчины в ней являлись мужьями всех женщин.

Основал секту выпускник Дартмутского колледжа и Йельского университета Джон Хамфри Нойс. Он учил, что дух Христа уже возвращался на землю и даровал безгрешность тем, кто присоединится к новой религии. Общее имущество, общие жены, общие дети, общий труд. Все жили в одном большом доме, но каждый имел отдельную комнату. Любопытно, что коммуна существовала как раз в те годы, когда на другой стороне планеты безбожник Чернышевский сочинял сны Веры Павловны, мечтавшей о точно таком будущем для России. Община процветала в течение тридцати лет за счет успешного земледелия и животноводства, а также лесозаготовок. Потом один из ее членов изобрел какой-то особенный капкан для охотников за пушниной, который оказался невероятно эффективным и с успехом продавался по всей Америке.

Хотя сексуальные отношения оставались полигамными, на рождение ребенка нужно было получить разрешение у совета старейшин. Считалось, что в обязанности мужчины входило контролировать семьяизвержение. Если он не справлялся с этим или допускал какие-то другие нарушения правил, устраивались так называемые «покаянные» собрания, на которых собравшиеся корили провинившихся, а те каялись и обещали исправиться.

Рожденный ребенок оставался с матерью только до тех пор, пока не начинал ходить. Потом его забирали в ясли и детские сады. Вспоминаю, что и в идеальном государстве Платона индивидуальные браки в касте господ (стражей) были запрещены, мужчины и женщины вступали в связь по собственному выбору, а родившихся детей забирали у матерей кормилицы. Интересно — почему? Не потому ли, что интересы семьи могли отвлечь стража от беззаветного служения государству?

Если бы мы с тобой оказались в коммуне Онейды, что случилось бы с нашими чувствами? Их пришлось бы скрывать от остальных? А потом нас разоблачили бы и заставили публично каяться? И во искупление своей «греховности» заставили совокупляться с чужими — любыми — ненужными — нелюбимыми? Как тебе такой вариант вседозволенности?

Наш молодой сотрудник Халиб образование получал в России и неплохо начитан. Он, кажется, раскусил мою натуру и прекратил свои вздохи и глазовращения. Сказал с грустью: «На некоторых американках так и видишь музейную табличку

РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ. А у вас так прямо татуировка на лбу: **ДАЖЕ И ДУМАТЬ НЕ СМЕЙ!**» Зато он очень сдружился с Борисом на почве двух общих страстей: баскетбол и восточная парилка.

На прощание — краткие рецензии на два увиденных фильма.

«Сестры-близнецы». Это серьезная драма времен Второй мировой войны. Судьба разделила осиротевших немецких двойняшек, когда им было по шесть лет: одну богатые родственники увезли в Голландию, другая осталась в Германии. Потом война то сводит, то разводит их, со всякими мучительными коллизиями. Сделано в Европе, голландским режиссером, так что можно отдохнуть от голливудских штампов.

«Тихие души». Русский фильм неизвестного мне режиссера, название оригинала: «Овсянки» (это такая порода птиц). Современная российская провинция в Верхнем Поволжье, где живут потомки старинного угро-финского племени меря. У директора крупного предприятия умерла жена, и весь фильм построен вокруг подготовки похорон и ритуально-традиционного сожжения ее тела на костре. Предупреждаю: тело возлагают на поленья обнаженным, и оно такой красоты, что твой десантник может выйти из-под контроля.

В доказательство того, что мои приступы ревности длятся недолго, я от души желаю ему утешиться с прекрасной Барбарой. Если я когда-нибудь решусь — и сумею — рассказать тебе, КАК я тебя люблю, ты просто умрешь от зависти. Навеки твоя Л. Ф.

Мартовские кинокадры

Аэропорт имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке, зал «Прибытие». Канатами огорожено пространство для съемочной группы телеканала «Следопыт». Артур Казанов наставляет двух исполнителей — Барбару Хилл и Джека Вилсона.

АРТУР: Итак, что мы знаем о главном подозреваемом, Гарольде Бишмане? Сын вполне успешных и добропорядочных родителей, в школе был средним учеником, звезд не хватал, но имел друзей, играл в теннис, участвовал в музыкальных представлениях. Потом переходил из одного колледжа в другой, изучал финансы и международные отношения, особенно США с Россией. Первый раз женился на филиппинке, но вскоре та пожаловалась полиции на побои и потребовала развода.

ВИЛСОН: Это накатанный прием иностранных невест, которые хотят переселиться в Америку. Мое актерство — скорее, хобби, работаю я в частном детективном агентстве, где нам приходится расследовать много таких историй.

АРТУР: Для нас важно помнить, что персонаж, которого вам, Джек, предстоит изображать, уже был травмирован первым супружеством. И тем не менее не побоялся второй раз искать себе невесту по почте, давал объявления в бракопосреднические журналы и интернетные сайты. Когда жительница Новгорода Тамара Бурилова откликнулась на его любовный зов и прислала свою фотографию, он не мог поверить своей удаче. Красавица, на двадцать лет моложе него, готова попробовать связать с ним свою судьбу! И вот, после шести месяцев переписки, этим двоим предстоит первая встреча здесь, в аэропорту. Барбара, как вы представляете себе свою героиню?

БАРБАРА: Даже если допустить, что Джек прав и она просто хочет любой ценой переселиться в США, в ней должен был тлеть огонек надежды на любовь. Женщины необучаемы. А вдруг в этом внешне малопривлекательном — Джек, притите — незнакомце откроется неожиданное очарование? Вдруг загорится ниточка сердечной близости, несмотря на разницу в возрасте? Чарли Чаплин был старше Уны О'Нил на сорок лет, когда она согласилась выйти за него замуж, отвергнув ухаживания юного Сэлинджера.

АРТУР: Очень хорошо, совершенно согласен с вами. Тем более что она — девушка из культурной семьи, студентка университета. И в Нью-Йорке она сразу поступила в колледж, начала изучать историю американской живописи и архитектуры. По словам родителей, супружеские отношения разочаровали ее, ниточка не загорелась. Да и на телевизионной ленте, привезенной Бишманом, можно видеть, что присутствие мужа ей в тягость. Однако это не исключает, что первая встреча была окрашена другими чувствами.

ВИЛСОН: Мой герой, мне кажется, должен был запастись каким-то существенным подарком, кроме букета цветов. Может быть, ожерелье? Браслет? И приехал, скорее всего, в каком-нибудь шикарном автомобиле, а не в том фургоне, в котором мистер Бишман разъезжает сейчас.

АРТУР: Да, у него есть двухместный «корвет». Фургон используется для деловых поездок в жилые дома, которыми он владеет и сдает жильцам. Полиция пока не получила разрешения ни на обыск в его доме, ни на прослушивание его телефона. Но тайное наблюдение ведется. Пока удалось установить, что два или три раза он наносил визиты в штатную тюрьму. Там сидит за торговлю наркотиками его племянник, который жил вместе с ним, когда он женился на Тамаре Буриловой. Лейтенант Запата планирует допросить племянника.

БАРБАРА: Я сделала ту прическу, которую мы видим у Тамары на видеоленте. А нельзя ли запросить у родителей ее старые, доамериканские фотографии?

АРТУР: Обязательно запросим. Но эта прическа вам очень идет, посмотрим, как она получится на ленте. Начнем. Барбара, берите коляску с багажом и сделайте проход от тех дверей. Джек, с букетом и улыбкой идите ей навстречу. Камера!

АПРЕЛЬ

Артур пишет Любе

Бесценная и неповторимая! Второй акт драмы «Непредумышленное убийство» наполнил меня грустью. У автора явно нет ни тени сочувствия погибшему. Мне остается утешаться лишь тем, что хотя бы в одном плане моя роль соблазнителя была выполнена успешно: я лишил тебя *литературной невинности*, спровоцировал на создание настоящего литературного произведения. В нескольких местах смеялся вслух. Если ты продолжишь этот путь, возмездие не заставит себя ждать: творческие искания, обиды отказов от редакций, тщетные попытки обзавестись литературным агентом, ревность к успехам других литераторов и весь прочий набор страданий, связанный с этим ремеслом.

Но что меня по-настоящему добило, это пронизательность вашего Халиба. Он даже разглядел татуировку на твоём лбу. Не добавить ли к ней череп и кости? Простая свастика выглядела бы менее зловеще.

Неужели он прав, и у нас никогда не будет первых поцелуев на ночном пляже?

Ни твоей «виноградной кисти» под моей ладонью в сумраке автомобиля?

Ни репродукции с картины Ренуара над кроватью в номере мотеля?

Какая ненужная жестокость! Зачем — за что — нужно так обделять себя радостями жизни?!

Воспаленное целомудрие — редкая болезнь в наши дни. Остается слабая надежда, что рано или поздно и от нее придумают таблетки. Другой вариант: что ты поймешь Бориса на адюльтере и всплывет идея *возмездия*. Вообще как-нибудь спроси его, что он предпочитает: жену верную, но нелюбящую или любящую — но неверную?

На днях прочитал-прослушал сборник милых рассказов Джона Гришама. В одном описывается обитатель старческого дома, который в свои восемьдесят четыре года отказался подчиняться приличиям и лапает всех женщин, приблизившихся

к нему на расстояние вытянутой руки, не спрашивая их согласия, не обращая внимания на их возраст и внешний вид. Наверное, после восьмидесяти и я последую его примеру. Осталось ждать совсем недолго.

Ты действительно воображаешь, что я был бы счастлив в христианской коммуне Онейды? Судя по твоему описанию, эти люди просто устроили себе ГУЛАГ с другим уставом, по-другому выстроили бараки, иначе натянули колючую проволоку. Запретить счастье долгих и нежных семейных отношений — это ли не предел глупости?! Лишить себя сияющих детских лиц, возможности видеть, как твой ребенок приобщается к чудесам бытия, тянется к даримым тобою игрушкам и сладостям? Что, кроме жалости, может вызывать такой способ существования?

ЛИСТОВКА

Брак — это храм человеческой близости, любви, взаимопомощи, пестования детей. Невыполнимое требование к супругам никогда больше не влюбляться есть главная угроза целостности и прочности этого храма.

Только научившись ценить *невечную* любовь, ценить спутника жизни со всеми его/ее слабостями и недостатками, мы сможем сохранить семейный храм, дать своим детям возможность вырасти в спасительном домашнем тепле.

Отдельно хочу описать фильм, который называется «Номер 51 по Берч-стрит». Он сделан в полудокументальном ключе. Режиссер средних лет рассказывает о своих родителях, о семейной жизни, о еврейской среде. Его мать внезапно умерла от воспаления легких, и, к изумлению родственников, овдовевший отец, семидесяти с лишним лет, через три месяца женился на своей бывшей секретарше, с которой он работал тридцать лет назад. Другое шокирующее открытие: оказывается, все годы семейной жизни мать вела подробный дневник. Кроме того, она изливала душу психиатру. Дневник полон горьких чувств по отношению к мужу, к судьбе, к утраченным надеждам. Муж хорошо зарабатывал, был внимателен к семье и детям, не пил, не изменял, по крайней мере, в открытую. Так что женщина как бы не имела никакого права быть несчастной. Но была. Или чувствовала себя таковой.

Далее позволю себе историко-социальное отступление, которое ты, конечно, можешь обозвать обычной «артуровской пропагандой», но можешь и вслушаться объективно и непредвзято.

В течение многих веков здание социума у разных народов возводилось с помощью семейных кирпичиков, и их крепость и цельность справедливо считались важнейшим условием сохранения прочности общественного здания. Религия спешила на помощь и вырабатывала строгие правила супружеских отношений. Любовные измены осуждались и карались, католики и мусульмане запрещали развод, православные же настолько усложнили его, что в средние века жену было проще отправить в монастырь, чем получить разрешение развестись с нею.

Тем не менее в культуре многих народов возникали празднования, позволявшие людям иметь каникулы от супружеских обязанностей. Их перечисляет адвокат обвиняемой в моей пьесе о непредумышленном убийстве. Занятую отдушину придумали себе советские подданные в СССР: у них получение путевки в дом отдыха стало негласно служить той же цели. (Известный сатирик вставил в свой рассказ такую сцену — туристка звонит подруге из дома отдыха и жалуется: «Таня, это какой-то ужас — мужиков почти нет, многие женщины *совсем не отдохнули*».)

Но вот наступила индустриальная эра. Которая дала женщинам огромную меру самостоятельности, ослабила их зависимость от семейного кораблика. Мужья и жены в погоне за работой часто вынуждены жить в разных городах.

Детей перебрасывают друг другу, как футбольные мячи. Тем не менее общественная мораль по-прежнему учит — настаивает — обещает, что счастье в долгом союзе двоих не только возможно, но является единственной разрешенной формой. И что пожар новой влюбленности для него губителен и недопустим. А если счастья нет, значит, виноват кто-то из супругов, и надо повести его/ее к психоаналитику-консультанту. И взаимное недоброжелательство, горечь, обида несчастливых людей нарастают день ото дня, доводят их до истерик, до нервных срывов, до рукоприкладства, даже до убийств. (Смотри программы телеканала «Следопыт».)

У меня нет рецептов, как это можно смягчить, преодолеть, ослабить. Может быть, люди придут к убеждению, что при вступлении в супружество нужно обязательно обоим подписывать договор, в котором точно будет указано, какие обязанности каждый принимает на себя. В том числе и добавлять вариант «требование верности не включено». Или указывать длительность планируемых отношений: на 20, 15, 10 лет, как при получении займа на покупку дома. С возможностью возобновления и продления. Может быть, кто-то захочет включать и ежегодный отпуск от супружества — на неделю, на две, на месяц.

Мы с тобой оба знаем много пар, вовремя догадавшихся, что условие верности невыполнимо, что душа человека будет жаждать новой влюбленности всегда, и счастливо проживших всю жизнь вместе, закрывая глаза на измены друг друга. А заверять молодоженов, что пожар влюбленности, соединивший их, можно растянуть на все оставшиеся годы, есть гнусный обман, чреватый миллионами горчайших разочарований.

Смею ли я высказать предположение, что и твое увлечение перепиской с ветреным беглецом из ГУЛАГа вырастает из того же порыва? Что душа рвется из клетки строгого целомудрия, куда ее загнал страх утратить бесценное сокровище семьи, детей, грядущих внуков, супружества? Заметь, что в таких ситуациях муж не может не чувствовать, что жене хотелось бы чего-то, чего он дать уже не может. И тоже впадает в тоску. Которая мне часто мерещилась на лице Бориса. И — страшно сказать — на лицах мужей всех моих прежних возлюбленных тоже.

За время твоей дружбы с Женечкой ты могла заметить, что ее самая сильная страсть — в любой жизненной ситуации *быть хорошей*. Она может быть ангелом понимания, чуткости, доброты. Особенно по отношению к чужим людям. С близкими, домашними это труднее. Потому что она как бы *обязана* быть с ними хорошей. (Не потому ли в Евангелии сказано, что «враги человека — домашние его»?) И вот недавно в очередном порыве «хорошести» она пригласила пожить у нас свою сослуживицу на время ремонта ее дома.

Эта сослуживица обладает талантом тихо и незаметно появляться в комнате в самые неподходящие моменты. То она разыскивает свой сотовый телефон. То у нее порыв поделиться какой-то мыслью или эмоцией. Она возникает неслышно и немолимо, как огни полицейской машины в боковом зеркальце. И вносит такое же чувство безнадежности.

Как ты догадываешься, наша интимная жизнь с Женечкой идет своим ходом так, будто никакой Леандр не плывет изо всех сил ни в каком Геллеспонте. Мне начинает казаться, что сослуживица мистическим образом слышит сквозь стены порывы моего десантника и устремляется на его флюиды как раз в тот момент, когда я начинаю задирать Женечке платье.

Что мне остается делать? Разжать объятия, застегнуть молнию на брюках? Делать вид, что все нормально, можно и отложить? Я, еще не расслышав шагов входящей, ощущаю этот толчок в теле жены — прочь от меня. Даже если она успевает шепнуть мне на ухо: «Я избавлюсь от нее через пятнадцать минут», все умирает

во мне, рушится, как пропоротый дирижабль. В глазах темнеет от ненависти. Я ощущаю себя не любящим мужем, а сексуальным попрошайкой, которому очередной раз «не подали». О том, чтобы оставаться «хорошим», не может быть и речи. А ремонт дома затягивается. Кто сможет обвинить меня, если я приглашу Барбару на «незапланированные съемки»?

Вдруг мне пришло в голову: а почему в ухлестывании за тобой я пренебрегаю таким простым приемом, как игра на струнах ревности? Почему не рассказываю об очаровании Барбары Хилл? По сюжету нового фильма ей надо принимать участие в постельных сценах с нелюбимым старым мужем. В какой-то момент она выпрыгивает из-под одеяла и полуголая убегает в ванную. Должен признать: о таком бюсте каждая женщина может только мечтать. И взгляды, которые она порой бросает на меня между съемками, ох, намекают, ох, будоражат, ох, увлекают.

Наш Мишаня между тем совсем извелся со своей новой возлюбленной, у которой, похоже, сильны твои комплексы. И я, со всем моим опытом, цинизмом и умудренностью, не могу прийти ему на помощь. Живи мы в XIX веке, у меня была бы возможность сводить его «в дом неземных усад» и познакомить с азами «науки страсти нежной». Но сегодня и это запрещено безжалостным ГУЛАГом. Бедный мальчик, как и миллионы его сверстников, уже упрятан за колючую проволоку. Если я попытаюсь учить его рытью подкопов, Женечка исколет меня своим донкихотским копьём до смерти. Остается надежда, что так ли, эдак ли мальчик сам осознает, что настоящая жизнь начинается только за оградой, и освоит «синдром побега».

А твой ненасытный Леандр возвращается к своим мечтам. Камера! Мотор! Налюбовавшись обнаженными плечами, он переводит взор вниз. Там ее — твои — пальцы нащупывают язычок застежки-молнии на юбке. Нет, обещание, таящееся в слове «молния», оказывается обманом: застежка не поддается. Только с помощью неизвестно откуда взявшихся плоскогубцев ее удастся расстегнуть. И чудо открывается — да, у нее есть колени! И они способны сходиться и расходиться! Что может быть «круглей колен твоих — их либе дих!» Ненасытимый и истомленный АК.

Люба пишет Артуру в апреле

Ненасытимый и истомленный, любимый и невозможный Леандр! Должна признать, что твой подлый примитивный прием сработал: два дня я исходила ревностью, воображала, как явлюсь к вам на съемки и плесну горячим кофе в лицо то ли тебе, то ли твоей Барбаре, то ли обоим. Кстати, слышал ли ты, что художественному руководителю Большого театра в Москве плеснули в глаза не кофе, а серной кислотой? Он чуть не ослеп, бедняга. Но какие страсти бушуют! И это в возвышенном мире классического балета, который поэт назвал «замком красоты», от которого мы отделены «пиликающей ямой оркестровой, и подняты мосты».

У тебя — тревоги за Мишаню, у меня — понятное дело, за Славика. Халиб, кроме знания нужных языков, оказался еще компьютерным гуру. И он подбил нашего сына помогать ему в грандиозном проекте: создании программы «Компьютерный друг». Лавры Марка Цукербергера не дают им покоя. Программа должна обеспечивать покупателя дружескими отношениями с любой знаменитостью, какую он только пожелает.

Допустим, девушка влюбилась в Леонардо ди Каприо. Купив программу, она сможет вступить с ним в интимную переписку. Он будет разговаривать с нею с экрана компьютера, говорить нежные слова и комплименты, давать мудрые

советы и несбыточные обещания, жаловаться на непонимание режиссеров и возлюбленных. Будет назначать свидания в ресторонах и курортах, названия которых будут включены в программу за небольшую плату из кармана владельцев, гонящихся за рекламой. Девушка будет спрашивать у ди Каприо советов об отношениях с друзьями и родителями, а потом небрежно и загадочно ронять в разговоре: «Нет, Леонардо этого не одобрил».

Я пытаюсь отговорить их, запугать законами о копирайте, о недопустимых вторжениях в частную жизнь, о краже личных данных. Куда там! Они уверяют меня, что с копирайтом в электронных сетях давно никто не считается, а облик человека современная техника подделывает на экране так, что все папарацци скоро останутся без работы. Если у них получится, я, может быть, поддамся и закажу программу «Дружба с Артуром Казановым». И уж тобой экранным буду помыкать, как захочу. Может быть, даже попробую привить тебе начатки целомудрия.

Недавно случилась неприятность. Я начала писать письмо тебе, потом куда-то вышла на пять минут, а в это время Борис зашел в кабинет и прочел текст на экране. Слава богу, там было только про Большой театр, ничего серьезного. Борис удивился, спросил, кто такой Леандр, но я уверенно заявила, что это мой бывший сослуживец по библиотеке и что я не хочу терять связи с нью-йоркскими друзьями. Ты ведь знаешь, он не ревнив, только очень мрачнеет, когда я восхищаюсь кем-то или просто похвалю. По возможности я стараюсь следить за собой, не дразнить гуся гордости понапрасну.

Кстати — о гусях. Поймала себя на том, что всякое новое впечатление я подсознательно опускаю на проверку в сортировочный ящик: «Понравится это Артуру или нет?» И вот на днях напоролась на статью, которая должна тебя очень заинтересовать. Супружеская пара ученых, зоолингвистка и психиатр, опубликовали результаты своих многолетних наблюдений в книге под названием «Миф о моногамии у животных», и рецензент подробно описывает их открытия.

Да-да, можешь ликовать! Все трогательные истории о вечной любви у лебедей, гусей и попугайчиков оказались на поверку сказкой. Законы эволюции требуют, чтобы самец распылял свои гены с максимальной энергией. Но и самки не отстают от них в погоне за разнообразием. Береговые ласточки считались образцом верности, но когда провели анализ птенцов из одного гнезда, оказалось, что они были зачаты разными самцами.

ДНК — вот что разрушило старинный миф! Выяснилось, что и ревность тоже не является монополией самцов, которые соперничают и устраивают поединки. У воробьев самка может убить птенцов своей соперницы, которой оказывал внимание ее партнер. То же самое и у скворцов. Так что попытки людей учредить моногамию не имеют реальных корней в нашей биологии, а только в психике. Это нечто вроде «пакта о взаимном разоружении: я не буду мучить тебя изменами, если ты пообещаешь не мучить меня».

Раз ты в последнем письме нарушил этот пакт, я имею право отплатить тебе тем же. В наше переводческое бюро зачастил представитель большой торговой фирмы, продающей автомобили фирмы «Шевроле» в России. Мы готовим для них тексты рекламных проспектов, переводим инструкции по эксплуатации. Его зовут Генрих Врун, и он понятия не имел о том, что означает фамилия, присвоенная его дедушке феодосийским шутником-полицмейстером, выдававшим документы для эмиграции еврейским обитателям черты оседлости в царские времена.

В его приемах «ухлестывания» много тех, которые ты применял ко мне в начале нашего знакомства. Их я парирую без труда. Однако есть и оригинальные ходы, которые ты можешь взять на вооружение. Например, он вдруг начинает фразу

с «а помнишь» и дальше подпускает в голос такие промасленные интонации, что язык не поворачивается сказать: «Нет, не помню, не было ничего подобного в нашей прежней жизни». Или начинает вслух планировать совместную поездку в Европу, о которой у нас якобы существует давнишняя договоренность и осталось лишь решить, по какой реке лучше прокатиться: по Рейну или Дунаю. При первом взгляде на него никому и в голову не придет, что это прожженный ловелас. Так — короткая сарделька, сочащаяся жиром и сияющая самодовольством. Но, видимо, горячая на ощупь.

Вчера он вдруг пришел сильно расстроенный: его брат попал в больницу с огнестрельным ранением. Этот брат много лет состоит в Обществе по борьбе с насилием, работает с подростками, вступившими в уличные банды. Он похоронил уже несколько своих подопечных, сам был под огнем восемь раз, трижды подростки закрывали его своим телом во время перестрелки. Говорит, что любит и убитых, и убийц, что все они — отверженные дети Америки. Наше правительство рассылает миротворческие войска по всему свету. Не пора ли послать несколько миротворческих батальонов на улицы Вашингтона? Только представь себе, что мы с тобой будем делать, если эта чума затянет Славика или Мишаню.

Чтобы отдохнуть от кровавых историй канала «Следопыт», я иногда переключаю телевизор на канал «Планета животных». Там тоже кровяшка обычно хлещет ручьями, тигры, медведи, кашалоты раздирают свою добычу крупным планом. Но, видимо, анализируя реакцию зрителей, студия обнаружила, что среди них есть миллионы заячьих сердец вроде меня и надо что-то снять и для них. Раз в неделю они показывают для нас программу «На этот раз сорвалось».

И вот позавчера сижу я перед экраном и отдыхаю сердцем. То буйвол увернулся от стаи гиен и удрал. То орел выронил схваченного лисенка. То челюсти крокодила промахнулись мимо ноги антилопы, пришедшей на берег реки. А потом нам показывают львицу, лежащую на земле рядом с олененком. И диктор рассказывает совершенно невероятную историю. Видимо, у этой львицы погибли львята. И ее материнская любовь перенеслась на чужого детеныша. Она облизывает его, защищает от хищников, водит к водопою. Утратила свой охотничий инстинкт, перестала добывать себе пропитание, но вегетарианкой стать не сумела. Через месяц она умерла от истощения. Не про это ли мы говорим «любила до смерти»? Я, конечно, облилась слезами.

Плыви, плыви ко мне, мой Леандр! И вспоминай иногда то, что сказал мудрец Кьеркегор: «Великое дело — отказаться от своей любви. Но еще более великое — остаться со своей любовью, отказавшись от ее исполнения». Твоя Л. Ф.

Апрельские кинокадры

Артур вводит Барбару и Джека Вилсона в свой кабинет, усаживает перед телевизором.

АРТУР: Полиции удалось добиться некоторого прогресса в расследовании исчезновения Тамары Бишман-Буриловой. Лейтенант Запата любезно сделал для нас копию ленты, на которой запечатлен новый допрос мистера Фишмана. Это является нарушением правил расследования, поэтому я поклялся ему, что за пределами моего кабинета никто ни о чем не узнает. Хочу, чтобы вы посмотрели ленту внимательно.

Загорается экран. Гарольд Бишман держится спокойно, время от времени отпивает воду из бутылочки, потом прячет ее в карман.

ЗАПАТА: Сегодня я хочу расспросить вас о вашем племяннике Дугласе Кренце. Он ведь жил с вами, когда вы привели в дом новую жену?

БИШМАН: Да, несколько месяцев мы провели вместе под одной крышей. Потом решили, что это тесновато, и я помог ему снять квартиру.

ЗАПАТА: Дуглас и Тамара почти ровесники, не правда ли? Как бы вы описали их отношения?

БИШМАН: Они любили поддразнивать друг друга. Беззлобно, но иногда, на мой вкус, перебарщивали с ядком. Молодежь не всегда умеет оставаться в рамках такта. Прохаживались порой и на мой счет. Но я относился к этому добродушно.

ЗАПАТА: Наверное, вы были очень огорчены, узнав об аресте племянника?

БИШМАН: Это было как обухом по голове. Я только что вернулся из России, был подавлен ссорой с Тамарой, а тут вдруг — новая беда. И за что? Ну, покурил мальчик марихуану — а кто этого не делает?

ЗАПАТА: В протоколе указано, что это был не первый арест. И что в автомобиле у него нашли пакет травы весом в десять фунтов.

БИШМАН: И что с того?! Вся эта ваша война с наркотиками — раздутая фикция. Люди гибнут, кровь льется, в тюрьмах не хватает места. Сухой закон ничему нас не научил. Разрешили бы свободную продажу — и все мексиканские и колумбийские наркобароны разорились бы. Правда, и половина полицейских могла бы остаться без работы.

ЗАПАТА: Когда вы последний раз виделись с Дугласом?

БИШМАН: Я навещал его в тюрьме пару раз. Подбрасывал денюжку на его счет в тюремном киоске, обсуждали, как подавать апелляцию.

ЗАПАТА: Вы совсем не допускаете, что он мог быть как-то замешан в исчезновении вашей жены? В свое время вы высказали предположение, что она осталась с возлюбленным в Москве. Теперь мы знаем, что она вернулась в Америку отдельно от вас. К кому она могла поехать из аэропорта? К подруге, сокурснику? Почему бы родственник мужа, Дуглас Кренц, не мог дать ей приют?

БИШМАН: Я не верю, что Дуглас мог скрыть от меня такое. Если вы намекаете, что между ними мог загореться роман, я не вижу, какой смысл им было держать его в тайне. Молодой и красивый Дуглас мог легко увести у меня жену — в этом нет сомнения.

ЗАПАТА: Молодой, красивый — да. Но не богатый. Вы были для обоих главным источником материальной обеспеченности. Вряд ли вы согласились бы на роль все прощающего благодетеля.

БИШМАН: Лейтенант, все версии заслуживают тщательного расследования. Бог вам в помощь. Буду вам признателен и счастлив, если вы отыщете Тамару. Я все еще не теряю надежду уговорить ее вернуться ко мне. Но давайте на сегодня закончим. Несколько клиентов ждут меня через полчаса на другом конце города.

Экран гаснет.

АРТУР: Что скажете?

БАРБАРА: У меня шевелится тоскливое предчувствие, что никакого преступления не было. И все наши труды пропадут даром. Девушка просто удрала к кому-то другому и скоро объявится целая и невредимая.

ВИЛСОН: Да, есть такая возможность. Допускаю, что по каким-то причинам беглянке нужно некоторое время скрываться. Одно только... На той первой ленте, сделанной в Новгороде, есть кадр: Тамара на мгновение уткнулась лицом в шею матери. В этом жесте столько нежности и доверия... Не верится мне, что она могла обречь мать на такую тревогу и неизвестность.

МАЙ**Артур пишет Любе**

О, мой свет в далеком окошке!

Что это за слухи о приближающемся урагане? Не сорвет ли он крышу с вашего дома? Не задует ли лампу в окне? Что станет с твоим Леандром, если лучик маяка, ведущий его и манящий, исчезнет во мраке?

Мне вдруг пришло в голову, что я все время пытаюсь красоваться перед тобой, самоутверждаться, в чем-то убеждать. Кажется, никогда не делился чем-то постыдным и унижительным. Нельзя ли это свалить на «трудное детство в ГУЛАГе»? Только представь себе: эрос мощно врывается в жизнь мальчишки в десять-двенадцать лет, но кругом взрослые делают вид, будто знать не знают, что это такое. Даже если ты водишься с уличной шпаной и уже понимаешь значение таких слов «трахаться», «бараться», «дрочить» и все прочее, это не может никак соотноситься с огненной тайной, полыхающей в твоей душе. Ты жадно ищешь объяснений и вскоре оказываешься перед тоскливым «одно из двух»: либо я — безнадежный выродок, либо мир взрослых — сплошное вранье.

Здесь лучше перейти с первого лица на третье.

Ему было лет десять, когда он начал листать альбомы с репродукциями картин, застаиваться перед скульптурами в Летнем саду, вырезать из журналов фотографии красавиц в купальниках. Раз взрослые уговорились прятать эту обжигающую тайну под завесу стыда и умолчаний, ему ничего не оставалось, как добывать прикосновения к ней воровато, по крохам, извилистыми путями.

В их коммунальной квартире дверь ванной не прилегала к полу вплотную. Если подсунуть в щель карманное зеркальце и прижаться к доскам щекой, можно было увидеть, как соседка Лида водит мочалкой по груди и плечам. Или еще: в гости к его матери приехала подруга юности, жила у них несколько дней. Когда мать, уложив его, уходила на кухню хлопотать со стиркой и мытьем посуды, подруга вылезала из кровати, становилась обнаженная перед настенным зеркалом и начинала ласкать себя. Затаившись под одеялом и оставив щелку, можно было долго-долго любоваться ее сияющими ягодицами и зеркальным отражением всего остального.

Стыд-позор на всю Европу?! Ну и пусть, и пусть, и пусть! Потому что жить без этого невозможно — просто не стоит.

Перенесемся на десять лет вперед. У него уже есть девушка, студентка Библиотечного института, с которой они неумело и упоенно лишили друг друга невинности, близость с которой только возрастает день ото дня. Их увлечение книгами, фильмами, стихами, картинами дает им бесконечную пищу для увлекательных разговоров, сводит их с десятками интересных и талантливых молодых людей. Ему нравится быть хорошим, честным, добрым, отзывчивым. И он не очень задумывается о том, что случится, если его сердце откликнется на очарование другой девушки.

А именно это и произошло во время зимних каникул. Ему досталась двухнедельная путевка в дом отдыха, и там он встретил *другую*. Поначалу она даже не показалась ему красивой. Кто-то познакомил их, они перебрасывались при встречах пустяковыми шутками, сговаривались о лыжных прогулках, о вечеринках в номерах общих знакомых. На второй или третий день в доме отдыха устроили концерт самодеятельности, она вышла на сцену и запела по-английски: «I love Paris in the spring time...» Кажется, это и сразило его.

Потом, вспоминая их первые встречи, он с удивлением осознал, что в чувстве его волнение и нежность уже тогда мощно пересиливали и оттесняли вождление. Кажется, они целовались при встречах и прощаниях, но не больше. Какой-то

невидимый гиперболоидный луч шел от нее к нему прямо в сердце и оставлял там сладостную рану. Ему казалось, что объятия могут прервать действие этого луча. Он спешил к ней, как рыба может спешить к открывшейся проруби в корке льда — чтобы глотнуть кислорода.

Его отношение к возлюбленной из Библиотечного института ничуть не изменилось. Он по-прежнему радовался их встречам, ликовал, когда им удавалось уединиться в чьей-то комнате, жадно ласкал ее со всем неиссякаемым жаром двадцатилетнего. Понимал ли он, что такое поведение выбрасывало его из разряда «честных и хороших», что оно было заклеено словом «измена»? Головой он осознавал это, но в глубине души знал, что установленные правила «хорошего» в этой сфере для него абсолютно невыполнимы. Представить себе, что настанет момент, когда он должен будет подчиниться им и отказаться от новых влюбленностей, было для него так же невозможно, как рыбе перестать стремиться к проруби.

Но было еще и другое, что я смог выразить в словах лишь много лет спустя. Краткая формула уложится в очередную листовку:

ЛИСТОВКА

Если мужчине удастся сохранять верность жене, в девяти случаях из десяти он вскоре утратит любовь к ней. Она перестанет быть для него дорогим и близким человеком, а превратится в надзирательницу, тюремщицу, символ неволи, закрывающий путь к тому, без чего жизнь утрачивает смысл.

Именно эту простую формулу все идейные защитники ГУЛАГа будут прятать от себя, друг от друга, от своих детей. Да, любовь и свобода — два главных сокровища, за которые люди сражаются вот уже тысячи лет. Да, любовь и свобода несоместимы или, по крайней мере, представляют страшную опасность друг для друга. Разве не вправе я искать выход из этого тупика в призыве отделять любовь от влюбленности? Верните людям свободу влюбляться — и их дар любить друг друга возродится, обретет новую жизнь, наполнится теплом и доверием.

В обычных трудовых лагерях мощным инструментом принуждения была так называемая «котловка»: каждый член бригады следил, чтобы его сосед не отлынивал от работы, потому что за невыполнение нормы всех наказывали уменьшением пайка. В Моногамном ГУЛАГе таким же инструментом служит «культ верности»: каждый следит за своим супругом и пресекает попытки побега.

Твоему рассказу об изменах у лебедей и ласточек я, конечно, найду применение. Буду подсовывать его по кусочкам и Женечке, и Барбаре. Не могла бы ты отыскать что-нибудь разоблачительное и про пингвинов тоже? Образ самца, остающегося на несколько месяцев в лютом холоде, без еды, хранить в тепле единственное яйцо, снесенное парой, пока самка где-то охотится в океане, представляет серьезную угрозу моим теориям и пропаганде. Хотелось бы как-то заделать этот идейный прокол.

А обращала ли ты внимание на то, что среди американских президентов все знаменитые беглецы из ГУЛАГа были членами демократической партии, а не республиканской? Франклин Рузвельт, Джон Кеннеди, Линдон Джонсон, Билл Клинтон... Интересно, есть какая-нибудь связь между политическими убеждениями и служением свободному Эросу? Может быть, демократы более чувствительны к утрате свободы? Даже Элеанор Рузвельт, хотя и была поначалу ошеломлена и травмирована открывшимся романом мужа с ее секретаршей Люси Мерсер, вскоре пришла в себя и начала наверстывать упущенное со страстью, которой никто не ждал от нее. Ее переписка с Ленорой Хикок и Дэвидом Гуревичем могла бы составить тома, жаль, что читателям досталось пока так мало.

Любопытная черта эротических эскапад Джона Кеннеди промелькнула в книге Симура Херша «Темная сторона Камелота». Президент однажды признался сенатору Бэйкеру, который не раз сводил его с приветливыми красавицами: «Знаете, если день проходит без новой попки (так я перевел с английского *strange piece of ass*), у меня начинается жуткий приступ мигрени». Обрати внимание на слово «новой». При этом я допускаю, что Жаклин он продолжал *любить* вплоть до последнего рокового дня в Далласе. Ведь при таком потоке возлюбленных она тоже ощущалась «новой», когда им доводилось оказаться в одной постели.

Да, мы любим новые игрушки, новую одежду, новые путешествия, новые книги и фильмы, новых возлюбленных. Шехерезада должна была каждый вечер сочинять *новую* сказку, иначе ее единственный слушатель отрубил бы ей голову. Главная беда здесь в том, что любой воцарившийся тиран остается человеком, и ему тоже подавай *новые* войны. Не насытится Александр Македонский всей Персией, Чингисхан — Китаем, Батый — Русью, Наполеон — Египтом и Испанией, Гитлер — Чехословакией и Польшей, Сталин — половиной Европы и так далее.

Ты жалуешься на отсутствие разнообразия телевизионных программ — и справедливо. Они все больше и больше нацеливаются на потакание вкусам большинства, которое все больше и больше впадает в детство. Есть отдельный цикл для тех, кто верит в призраков, населяющих старые дома, для тех, кто верит в инопланетян, в лохнесское чудовище, в великана, оставляющего следы на снегу в горных лесах. Строительство игрушечных домов на деревьях — отдельный цикл. Про котят и щенят Женечка может смотреть с утра до вечера. Как худеть, как краситься, как татуироваться, как выбирать свадебное платье...

Еще одна тема стала несоразмерно популярной в последние годы. Попадались тебе программы про «хординг»? То есть про бессмысленное накопительство ненужных вещей? В русской традиции мы знакомы с этим давно и называем «плюшкинство». Уверен, что Гоголь ничего не выдумывал, когда описывал весь хлам в доме помещика, заслужившего в народе прозвище «х... заштопанный». Поломанная мебель, затянута паутиной, старая посуда, лампы, палочки оплавленного сургу-ча, свечные огарки, лимон, высохший до размеров ореха, и зубочистка — это я запомнил со школьных лет, — «которой хозяин ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов».

Похоже, среди американских стариков это стало повальным бедствием, почти таким же, как ожирение. Больно смотреть, как взрослая дочь уговаривает старуху мать позволить ей увезти на свалку хотя бы половину старых журналов, испорченных радиоприемников, сгоревших тостеров, заполняющих ее квартиру до потолка, а та с рыданиями цепляется за свои сокровища и умоляет не лишать последней радости жизни.

Неужели и мы с тобой когда-нибудь станем такими? И Мишаня после моей смерти наймет грузовик, чтобы вывезти в мусорные ямы мои компьютеры, альбомы, фильмы, посуду, обувь, рыболовные снасти, просроченные лекарства, потухшие фонарики, стулья, кровать и письменный стол, в потайном ящике которого все еще будет храниться «запыленная пачка старых писем, где строка, похожая на бисер, расплылась в лиловое пятно»?

Пока этого не случилось, не вернуться ли нам к тому, для чего мы были посланы на нашу грешную землю?

Да, простой капроновый чулок может сделаться частью священнодействия. Если его отделить от подвязки бережно и с трепетом начать скатывать с ноги, в нем могут возникнуть электрические токи и разряды, проникающие до сердца и других, не менее важных, органов. А потом то же самое проделать и со вторым чулком. Что-то

похожее бродящий по Эрмитажу пятиклассник видел на картине Буше «Купанье Дианы». Восславим же близорукость комендантов ГУЛАГа, не догадавшихся запретить детям вход в музей! И вот уже счастливый Артур Леандрович прячется в зале французской живописи, где, как сказал какой-то поэт, «малиновое варенье течет между смеющимися ягодицами купающихся нимф».

Люба пишет Артуру в мае

Неуемный и неверный, но все равно мой, мой Леандр!

Какие испытания выпали тебе в детские годы! Когда-нибудь ты опишешь их в большом труде под названием «Детство в Моногамном ГУЛАГе» и затмишь Набокова с его «Лолитой». Ведь и Гумберт Гумберт был впервые пронзен стрелами Амура уже в тринадцать лет. Его страсть к сверстнице по имени Анабелла перелетела через пропасть длиной в два десятилетия и возродилась в любви к падчерице. На всю жизнь он запомнил тайное свидание в ночном саду, ее голые колени, то сжимавшие, то отпускавшие его кисть, дрожащий рот, сухие губы и неловкий кулачок — не постесняйся украсть у классика! — «державший скипетр моей страсти».

Но что же случилось дальше с девушкой, певшей о любви к Парижу в любое время года? Ты не можешь, не имеешь права оборвать историю на самом интересном месте. Почему ты предпочел остаться с Женечкой? Куда делся «гиперболоидный луч»? Раз уж ты начал исповедаться про стыдное, иди до конца.

Прочитала в твоём письме про страсть Джона Кеннеди обязательно к *новым* попкам и вспомнила, что как раз недавно мне попала в Интернете статья какого-то историка на ту же тему. Отрывок из нее может понравиться тебе — посылаю его целиком.

«Сегодня в цивилизованных странах цельность семьи пытаются сохранять при помощи одних только моральных увещаний. Облегчение развода считается достаточным средством для утоления зова природы — свободно выбирать партнера для продолжения рода. Однако опыт последних десятилетий явно показывает, что развод — не панацея. Миллионы мужчин и женщин продолжают ценить свои отношения друг с другом, семейное тепло и не знают, как совместить эти чувства с другим зовом природы: *неудержимой тягой к новизне*. Скандальная хроника любовных „измен“ актеров, министров, президентов, банкиров, дипломатов, музыкантов, принцев и принцесс, рискующих крахом семьи и карьеры ради нескольких украденных объятий, ясно показывают нам, насколько могуч этот второй зов.

Если когда-нибудь будет написано исследование „Наркотик новизны“, материалом для первых глав его вполне могли бы послужить персонажи и судьбы, включенные уже в Ветхий Завет.

Что заставляло библейского Иакова покидать шатер любимой жены Рахили, проводить ночь с менее любимой Лией, а потом отвлекаться еще и на служанок? Наркотик новизны.

Что толкало царя Давида, при всех его женах и наложницах, добывать себе еще и Вирсавию, подстраивая убийство ее мужа? Наркотик новизны.

Почему царь Соломон неутомимо пополнял свой гарем моавитянками, идумеянками, сидонянками, хеттеянками и не мог остановиться? Все потому же.

Из-за чего впал в тоску мудрый царь Экклесиаст? Из-за того, что увидел: „Нет ничего нового под солнцем“ (Ек. 1:9).

Особое внимание в исследовании „Наркотик новизны“ должно быть уделено нашим отношениям с произведениями искусства. Разве кому-нибудь придет в голову требовать, чтобы человек наслаждался всю жизнь только музыкой Моцарта, только стихами Пушкина, только пьесами Шекспира, только фильмами Феллини?

Почему же мы ждем, что кто-то может быть удовлетворен жизнью с одним-единственным партнером?»

Ты пишешь, что христианская коммуна Онейды показалась тебе просто видоизмененным вариантом ГУЛАГа. А что ты скажешь о нравах, царящих среди народов Тибета? Мы получили недавно заказ на перевод магнитофонной записи, в которой киргизский иммигрант рассказывает, как он жил там и провел два года в китайской тюрьме в городе Лхаса. На ленте было полно слов, неизвестных Борису, потому что они относились к тибетскому быту и традициям. Мне пришлось обложиться справочниками и всякими трудами по этнографии, и я за месяц стала настоящей «тибетоведкой».

Почему я думаю, что тебе это может быть любопытно?

Потому что, если бы судьба перенесла нас в царство далай-ламы, я бы могла сделать тебя своим вторым законным мужем, и это не считалось бы изменой Борису.

Сокамерники нашего киргиза объясняли ему, почему обычай «одна жена — несколько мужей» возник в Тибете и пустил глубокие корни. Бедная почва, суровый климат создавали условия, при которых дробление хозяйства было опасным или даже губительным. Если бы каждый из братьев заводил собственную семью и получал свою долю наследства, любая засуха или падеж скота могли легко разорить его. А вместе они успешнее противостояли превратностям судьбы.

Понятно, что женщины там имеют более высокий статус, чем в других странах Востока. Брачный контракт подробно описывает, каким имуществом владеет жена и что она получит в случае распада союза. Разводы случаются и, как правило, по требованию жены, которая пожалуется родственникам на плохое обращение. Первый муж крайне редко подает на развод, а младший брат может покинуть брачный союз без больших осложнений.

Традиция требует, чтобы каждая семья отдавала хотя бы одного сына в монахи (они называются «лама») в возрасте от пяти до восьми лет. Благодаря этому монастыри становятся крупными и процветающими хозяйствами, что приводит к конфликтам с китайскими властями. Коммунисты пытаются разрушить местные обычаи, мешающие единообразию социалистических порядков, тибетцы сопротивляются. Их духовный лидер Далай-лама вынужден был бежать и искать защиты у Организации Объединенных Наций.

Ну, что — едем в Тибет? Хотя бы в туристическую поездку-разведку?

Халиб и Славик увлеченно работают над своей компьютерной программой, Борис иногда присоединяется к ним. Он посоветовал им выбрать телезвезду помоложе, например Джастина Бибера. Его популярность взлетела под небеса и за песни, и за хулиганские выходки, которые он совершает чуть ли не каждую неделю. Не понять, то ли это подростковая распушенность, то ли умелая тактика пиара. Сотни тысяч людей поставили подписи под петицией, требующей его депортации из Америки обратно в Канаду, но власти пока не откликаются.

Ты в свое время имел возможность убедиться в том, что Борис невероятно начитан и эрудирован. Но иногда я поражаюсь: когда он успевает расширять свою осведомленность в самых неожиданных сферах? Про этого Бибера, например, ему удалось раскопать всю подноготную. Что он объявляет себя христианином и активно участвует в благотворительности. Что он против абортгов. Что он критикует американское здравоохранение и восхваляет канадское. Что он вкладывает миллионы во всякие новые проекты. Например, в выпуск новых духов. Поддержал фирму, выпустившую новый сорт под названием «Однажды» (Some-day), который принес три миллиона долларов за первые недели продаж. Зачем

Борису было разузнавать все это, понять я не могу. Но похоже, канадский мальчишка покорил уже миллионы не только женских сердец, но и мужских.

Наш клиент Генрих Врун по своим манерам напоминает персонажей чеховских пьес. Старомодность, чувствительность, ироничность, но при этом и настойчивость тоже. Вдруг старомодно попросил у Бориса разрешения пригласить меня в ресторан. Да-да, только в ресторан и ничего больше. Ему хочется как-то по-особенному отметить свой день рождения, а я, по его словам, обладаю уникальным талантом *слушать*. Борис милостиво разрешил.

Мы провели очень приятный вечер во французском ресторане. Но невероятная история, которую он рассказал мне о своей матери, вызвала у меня слезы на глазах. Я сначала не хотела верить, но он показал мне вырезку из флоридской газеты, где все это было подтверждено. В раннем возрасте у девочки открылась редкая кожная болезнь, природу которой врачи не могли определить. Заключается она в том, что прикосновение любой одежды вызывало у нее сильные болезненные ощущения. Особенно если ткань терлась о кожу. Она могла лежать на простынях или сидеть в кожаном кресле, а в остальном предпочитала проводить день голышом.

Само собой разумеется, в школу она ходить не могла. Мать ее была учительницей, дала ей домашнее образование. Она овладела профессией бухгалтера, делала работу на дому. Каким образом она ухитрилась забеременеть Генрихом, никто не знает. Но попробуй себе представить его детские годы! Ему не было нужды подсовывать карманное зеркальце под дверь ванной. Наоборот, он не знал, куда деваться от вида голой матери. И конечно, никогда не мог пригласить домой друзей. При всех твоих жалобах на детство в ГУЛАГе, не думаю, что ты готов был бы поменяться с ним судьбой.

Деревья на улицах стоят как костры из пылающих цветов — яблони, магнолии, сакуры. Я вдруг поняла, что соскучилась по тебе — живому. Не планируются ли съемки в столице? Или какой-то другой повод приехать к нам? Какие отношения у моего Леандра с французской кухней?

Люблю, надеюсь, скучаю, твоя Геро в дальнем окошке.

Майские кинокадры

На диване в кабинете Артура, рядом с Джеком Вилсоном и Барбарой Хилл, сидит третий — красивый молодой человек с золотым кольцом в носу. На его лице — выражение радостной готовности к любой каверзе, которая могла бы хоть ненадолго разрушить скуку повседневной жизни.

АРТУР: Барбара, Джек — знакомьтесь. Нашего полку прибыло. Роберто Ломбарди предстоит исполнять роль племянника мистера Бишмана. Театральное агентство выбрало его по присланной нами фотографии Дугласа Кренца. Действительно, сходство молодых людей поразительное, нужно будет только убрать кольцо из носа.

РОБЕРТО: Ни за что! Неужели нельзя уговорить этого парня Кренца встать себе такое же?

АРТУР: Молодые люди похожи друг на друга не только внешностью, но и судьбой. Роберто в настоящий момент тоже находится в заключении. Покажи им свое ядро на ноге.

РОБЕРТО (*приподнимает штанину, щелкает по черной коробочке радиобрасслета, кричит*): Эй, начальник! Заснул там, что ли? Опять утром не прислал лимузин, мне пришлось ехать на студию в опасной для жизни подземке.

АРТУР: Роберто получил год условно за то, что пытался удрать с места учиненной им автомобильной аварии. Надеюсь, криминальный опыт поможет ему

убедительно воссоздать образ молодого человека, имеющего склонность выходить из рамок законопослушности.

РОБЕРТО: А я вам говорю, что эта толстозадая с... нарочно подрезала меня на хайвее. Я ехал в дорогой отцовской машине, и она решила подзаработать на страховке. Сосед по камере мне рассказал, что сейчас по всей стране это дело поставлено на поток, орудуют организованные шайки с сотнями участников. Водитель специально подставляется, а потом идет к врачу — члену шайки, который найдет у него двадцать травм, требующих дорогого лечения. Плати, страховка!

ВИЛСОН: Это правда. Моя контора расследует такие аферы. Видно, что жулики, а доказать ничего невозможно.

АРТУР: Раньше мы просто включали различные версии расследования в виде рассказов полицейских. Но теперь на студии новые веяния: от нас требуют инсценировать эти умозрительные варианты. Так как в сюжете возникла версия тайного романа между пропавшей Тамарой и племянником ее мужа, Барбаре и Роберто придется сыграть несколько романтических сцен. Нужно решить, устраивать ли их в интерьере или на открытом воздухе. Если бы ты, Роберто, начал ухаживать за Барбарой, куда бы ты пригласил ее?

РОБЕРТО (*вскакивает, опускается перед Барбарой на колени, подносит ее руку к губам*): О, дорогая! Ты самая тонкая, нежная, неповторимая из всех женщин, встреченных мною когда-нибудь. Но хватит ли у тебя доброты и смелости пойти навстречу странностям моей натуры и посетить мою уютную камеру пыток?

БАРБАРА (*со смехом*): Посетить что?

РОБЕРТО: Как? Неужели вы еще не видели фильм «Пятьдесят оттенков Серого»? Это новейший блокбастер, его смотрит вся страна. Героиня влюбилась в крутого чувака, миллионера и донжуана, который обожает связывать своих возлюбленных, стегать хлыстом, водить на цепочке. А без этого теряет к ним интерес. Уверен, что если мы разыграем эти сцены, они станут гвоздем программы. Барбара, обещаю пороть не очень больно, но следы на коже все же должны появляться. Правда искусства — превыше всего!

АРТУР: Боюсь, что дирекция не даст разрешения на такой смелый поворот сюжета.

РОБЕРТО: И зря! Вы на студии плохо знаете своего зрителя. Потому что и дирекция, и режиссер, и актеры видят законченную программу в просмотровом зале и понятия не имеют, как она пойдет на реальных телеэкранах.

АРТУР: Что ты имеешь в виду?

РОБЕРТО: Перед реальным зрителем она появится *вместе с рекламой*. А рекламирующие фирмы ведут специальный анализ телезрителей, изучают их характеры и вкусы и соответственно выбирают, где размещать свои ролики. Уверен, вы понятия не имеете о том, какие товары и услуги чаще всего рекламируются на канале «Следопыт».

АРТУР: Пожалуй, ты прав... Я, например, не знаю.

РОБЕРТО: На первом месте — лекарства от запора и изжоги. Показывают стариков и старух с унылыми, натуженными рожками, они принимают таблетку и сразу расплываются, вздыхают с облегчением. Добавить изображение успешного результата, плавающего в унитазе, пока не решились, но дойдет и до этого. На втором месте — всякие крекеры, йогурты, фруктовые желе. То есть то, что человек обычно ест в одиночестве, а не в дружеской или семейной компании и не в ресторане. И на третьем — излечившиеся алкоголики, восхваляющие клинику и врачей, которые помогли им протрезветь.

ВИЛСОН: Каким же мы должны представить себе типичного зрителя канала «Следопыт» по этим рекламкам?

РОБЕРТО: Это, как правило, одинокий волк. Мизантроп и брюзга. Он сердит на весь мир, поэтому ему нравится смотреть на злодейства и пакости, которые люди устраивают друг другу. Ваши программы утверждают его в презрении к человечеству.

БАРБАРА: Если, по твоим теориям, такому зрителю должны понравиться сцены в домашней пыточной камере, как насчет того, чтобы нам с тобой поменяться ролями?

РОБЕРТО: О, дорогая, я готов на все! Буду извиваться и визжать под твоей плеткой так натурально, что нас обоих выдвинут на Оскара!

ИЮНЬ

Артур пишет Любе

О, моя непостижимая и недостижимая Геро!

Приехать к вам? Неужели это возможно?!

Напрягаю свою фантазию и вижу уютный ресторан на берегу Потوماка. Летнее солнце на цветущих деревьях за окном автомобиля, треугольник гусей, летящих над сверкающей водой с криками «Пора? Не пора?».

Вот ты выходишь из своей машины. Видишь меня. Улыбаешься, идешь ко мне, я выхожу навстречу. Глаза твои сияют. Мы переплетаем пальцы, входим в ресторан. Полгода уже пролетело с нашей последней встречи. Нам столько нужно сказать друг другу!

Я не знаю, какую мне выбрать роль, чтобы задеть твоё воображение. Ты же помнишь, у меня большой набор. «Сирано с Обводного канала». «Вертер, переделавший стреляться». «Растлитель невинности». « Попрошайка любви».

Мы едва замечаем поданную нам форель и спаржу, вино и кофе. Как она — то есть ты — умеет ласкать словами! Как неповторима в искренности своих чувств!

Пролетает час, другой, вечность...

Мы выходим, идем к твоему автомобилю. А вдруг ты пригласишь меня войти внутрь? Решишься на короткий побег из ГУЛАГа? Раскроешь губы для поцелуя?

И тут из-за соседнего фургона выскакивают два полицейских с пистолетами.

— Ни с места! Руки вверх! Вы арестованы! Имеете право сохранять молчание! Все сказанное будет использовано против вас в суде!

— Арестованы?! В суде? Боже мой — за что?

— ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАРКОТИКА НОВИЗНЫ!

А нужно нам будет следовать примеру твоего Вруна и спрашивать разрешения у Бориса? Или у Женечки? В любом случае я буду хранить и лелеять твоё приглашение и воспользуюсь им, как только у нас случится просвет в съемках новой программы.

Ты знаешь, что я регулярно почитываю журнал «Любовь без границ». В нем можно найти самые причудливые объявления. Недавно напоролся на такое: «Ищу порядочную женщину для регулярных интимных встреч с моим мужем». Из любопытства представился кандидаткой и послал запрос об условиях на указанный электронный адрес. Женщина ответила подробным откровенным письмом. Она состоит в браке десять лет, у них двое детей. Они с мужем, как водится, утратили былую пылкость отношений, и она предвидит, что он начнет искать романтику на стороне. Ей даже страшно подумать о разводе, о том, чтобы оставить детей без отца. Она хотела бы опередить неизбежное и найти мужу возлюбленную по своему выбору. Готова заключить контракт, в котором будут точно указаны плата, сроки, места и время встреч. У нее даже есть адвокат, готовый заверить такой договор должным образом.

Подумал, что подобная комбинация только на поверхности выглядит необычной и экстравагантной. Разве не то же самое затеяла библейская Сара, когда предложила Аврааму спать со своей служанкой? «И взяла Сара служанку свою, египтянку Агарь, и дала ее мужу своему в жену». Агарь мы еще помним, она попала на картины знаменитых художников. Но кто помнит имена тех служанок, которых предоставили мужу своему обе жены Иакова? Из двенадцати колен Израилевых четыре ведут свой род от сыновей, рожденных праотцу служанками его жен, Валлой и Зелфой.

Спрашиваю себя: а хотел бы я, чтобы Женечка дала подобное объявление? Проявила бы, так сказать, заботу о близком человеке? Думаю, мой десантник отказался бы подыгрывать. Без момента спонтанной влюбленности его порывы умирают. Да и привкус нарушения запрета, преступности происходящего тоже добавляет свою остроту. Разрешенность ослабляет или даже убивает волнение — от этого куда не спрятаться.

Наши законы о браке и интимных отношениях полны противоречий. Например, неженатым мужчинам и женщинам закон не запрещает искать и находить новых партнеров хоть каждую неделю. С другой стороны, нет запрещения и на совместное проживание нескольких не состоящих в браке людей под одной крышей. Им разрешается делить расходы, проявлять заботу друг о друге. Но если кто-то попытается соединить эти два абсолютно законных действия, поднимется дикий шум. Участников обвинят в разрушении моральных основ, подвергнут осуждению, пришьют какую-нибудь уголовщину.

ЛИСТОВКА

Народу, который опустился до разрушения храмов Венеры, не остается ничего другого, как строить на их месте венерические диспансеры.

Борьба за право на однополую любовь тянулась около пятидесяти лет и привела к переменам, о которых не могли бы и мечтать Оскар Уайльд, Элан Тюринг, Паоло Пазолини, Сергей Параджанов, Теннесси Уильямс, Джон Чивер и сотни других. Борьба с Моногамным ГУЛАГом будет тянуться еще дольше, и исход ее остается неясным. Но лозунги и той, и другой войны, по сути, сводятся к одному, к тому, который был взят в качестве названия нашумевшего телевизионного сериала «Большая любовь».

Видела ли ты этот фильм? В нем главный герой, владелец большого магазина хозтоваров, вынужден скрывать свое многоженство, хотя и проживает в штате Юта. Его старшая — главная — жена живет с ним и их детьми в одном доме, вторая поселилась в соседнем под видом дальней родственницы, третья — в доме с другой стороны под видом пригретой матери-одиночки. Да, это, мол, просто три дружные семьи, никаких нарушений закона не происходит. А то, что герой ночует то в одном доме, то в другом, то в третьем, остается как бы их личным делом, пока ни одна из женщин не выражает протеста.

Создатели фильма относятся к героям с явным сочувствием и симпатией. Они искренне хотят разрушить предубежденность зрителя по отношению к многоженству. Три жены стараются быть добрыми и справедливыми друг к другу и к своему мужу, следовать установленному расписанию, заботиться о всех семи детях. Но человеческие страсти продолжают бушевать, и на голову бедного мужа обрушивается в три раза больше семейных драм и конфликтов, чем на голову обычного узника ГУЛАГа. Кроме того, регулярно утолять любовные порывы трех горячих женщин очень нелегко, так что герою приходится постоянно взбадривать себя горстями стимулирующих таблеток. Думаю, реклама виагры сделала на этом фильме отличный бизнес.

Ты хотела узнать, что стало с девушкой, певшей про любовь к Парижу. Околдованный ею двадцатилетний студент, в своих несбыточных мечтах остаться честным и хорошим, сознался ей, что у него уже есть подруга. «Парижанка» ненадолго опечалилась, но вскоре махнула на него рукой и вышла замуж за другого. Студент окончил институт, поступил работать на телестудию, женился на своей библиотечарше. Потом начал влюбляться в других девушек, тайно встречаться с ними. Но гиперболоидный луч все не исчезал. Он превратился уже в некий радар, который постоянно выводил его в те места, где могли происходить якобы случайные встречи с «парижанкой»: на улицу перед дверьми ее туристического бюро, на концерт в филармонии, на выставку подпольных художников.

Полагаю, и с «парижанкой» происходило то же, что с ним, чему англоязычные придумали название «old flame». Да, «старое пламя» имеет тенденцию разгораться в пожар, как оброненная и долго тлевшая сигарета. И вот однажды судьба повернула так, что мужа «парижанки» отправили в заграничную командировку на год. И она не выдержала: по цепочке общих знакомых разыскала телефон «старинного пламени» и позвонила ему. Интересно, что она не стала объяснять, кто звонит, напоминать о себе. Просто сказала: «Это я». Будто между ними не пролегли все зимы, весны и другие времена года из песни.

Хочешь продолжение истории? О, это надо заслужить, надо заслужить.

Камера!

Вот твои руки исчезают за спиной. Пальцы нащупывают там перламутровые пуговицы на паутине любви, носящей неблагозвучное, непроизносимое название «бретельки». Которые я так помню со времен наших совместных пикников на пляже в Харримановском парке. Или ты уже перешла на те новомодные конструкции, которые застегиваются-расстегиваются спереди и дают возможность плодам с райского дерева, светящимся, как лампы, выкатиться сразу под взгляды и поцелуи полуморочного счастливца АК?

Люба пишет Артуру в июне

Моего любимого пловца зовут Леандр. А помнишь ли ты другого пловца, которого сочинил писатель Чивер и потом воплотил на экране актер Берт Ланкастер? Этот пловец придумал экстравагантную затею: достичь своего дома не по хайвею, а переплывая один за другим частные бассейны богатых друзей, живущих в округе. Мастерским пером летнее развлечение превращается в миф о заплыве через океан иллюзий, отделяющий души людей друг от друга.

Джона Чивера ты мог бы объявить своим предтечей в проповеди бегства из моногамного ГУЛАГа и в разработке методов побега. В его дневнике есть такие строчки: «Я — как заключенный, пытающийся бежать из тюрьмы неверным путем. Возможно, дверь открыта, а я все рою туннель чайной ложкой. И возможно, это только углубляет яму под моими ногами». Один из героев его романа «Хроники семейства Уопшотов» тоже ведет подробный дневник, в котором перемешаны мечты о завоевании престижа, восхваления красот мироздания, наставления сыновьям («никогда не делайте в доме женскую работу», «никогда не занимайтесь любовью, не сняв штанов»). И какое имя автор дал этому герою? Он назвал его «Леандр».

Твой канал «Следопыт» 24 часа в сутки заполняет эфир историями уникальных злодейств и преступлений. А почему бы вам хоть раз — для разнообразия — не поведать зрителям о проявлении уникальной доброты? Халиб принес мне вырезку из газеты, и описанная в статье драма произвела на меня сильнейшее впечатление.

Вообрази себе судьбу девушки, которой досталось редкое увечье, выпадающее в среднем одной из пяти тысяч новорожденных: она появилась на свет без матки. Обнаружилось это, лишь когда ей исполнилось четырнадцать лет, а менструации все не начинались. Окончив школу, она встретилась с молодым человеком, который так полюбил ее, что женился на ней, несмотря на увечье. Но детей иметь им очень хотелось. Мать девушки стала расспрашивать врачей: «А не могу ли я подарить свою матку дочери путем хирургической пересадки?»

«Такие операции еще не делались, — сказали врачи. — Но существует возможность не подарить, а, так сказать, сдать в аренду».

Оказывается, уже разработана технология, позволяющая взять яйцеклетку одной женщины, оплодотворить ее в пробирке спермой мужа и поместить в матку другой, согласившейся вынашивать ребенка, чтобы потом отдать его биологическим родителям. Обычно такие отношения оформляются контрактом, оговаривающим условия, сроки, плату, конфиденциальность. Но на деле нередко женщина-донор, родив ребенка, объявляет, что она не в силах расстаться с ним. Как правило, в таких случаях суд удовлетворяет ее желание.

Понятно, что такой конфликт не мог возникнуть между дочерью и любящей ее матерью. Однако нашлись светила психиатрии и социологии, выдвигавшие серьезные возражения против задуманной процедуры. «Мы не сомневаемся в альтруизме мотивов всех участников, — говорили они. — Но существуют этические, социальные, религиозные традиции, которые опасно разрушать даже ради благих намерений. „Кто моя мать и кто моя бабушка? — спросит подросший ребенок. — Кто из них двоих может распоряжаться моими поступками, а кто — только давать советы?“»

Тем не менее мать и дочь настояли на своем. Они выбрали медицинский центр университета Миннесоты. Оплодотворенная яйцеклетка дочери прижилась в матке ее матери с первой же попытки. И через девять месяцев на свет появился мальчик, за любовь которого мать и бабушка будут сражаться на равных правах. Если канал «Следопыт» решит, что он созрел для пропаганды доброты и что такой сюжет заслуживает экранизации, я буду счастлива прислать тебе все накопленные мною материалы на тему «аренда материнства».

«Разрешенность убивает волнение», — написал ты. Помнишь, эту тему смешно обыграл Вуди Аллен в фильме «Все, что вы хотели узнать про секс, но стеснялись спросить»? В одной из новелл там герой способен насладиться возлюбленной только в рискованной ситуации. Например, забравшись в ее спальню по отвесной стене. Или укрывшись с ней под столом, накрытым скатертью, во время торжественного приема. Или в зале музея, прячась от посетителей за постамент статуи. Но в реальной жизни Вуди Аллен, исчерпав все другие способы возбуждения, соблазнил приемную дочь своей сожительницы Мии Фэрроу, когда девочке едва исполнилось шестнадцать лет.

Кто был по-настоящему заиклен на сексе с риском, это, конечно, президент Клинтон. Почему ему нужно было устраивать все свидания с Моникой Левински в Белом доме? Неужели нельзя было снабдить ее адресом какого-нибудь укромного мотеля и потом незаметно появиться там под покровом ночи? Нет, он извещал ее телефонным звонком о времени, когда будет один в кабинете, она появлялась с пачкой деловых бумаг, и секретарша, зная об их романе, впускала ее к возлюбленному. Короткие свидания проходили под вечным страхом внезапного вторжения кого-то из сотрудников или даже членов семьи. Кажется, любовникам так никогда и не довелось провести вместе целую ночь, завершить, как бы ты сказал, побег из ГУЛАГа.

Зато уж стража на этот раз показала, что она способна проделывать с теми, кто попался на попытке бегства. Внезапно задержать молодую женщину прямо на улице, посадить ее перед дюжиной следователей и агентов с пистолетами, двенадцать часов допрашивать без адвоката и свидетелей, грозить долгим тюремным сроком! Я восхищаюсь Моникой, которая, умирая от страха, все же отказалась тогда сотрудничать с комитетом специального прокурора. Она сломалась только тогда, когда они пригрозили втянуть в судебную мясорубку ее мать и отца.

Бедная, что ей пришлось пережить, стоя перед Большим жури и отвечая на эти ужасные вопросы! «Сколько раз и в какие дни имел место оральный секс с президентом?.. Какие части одежды при этом снимались?.. Кто расстегивал молнию на брюках и на юбке?.. Гладил ли он вас по груди?.. Была ли она при этом обнажена?.. Запустив руку под трусы, пытался ли он мастурбировать вас?.. Применялась ли при этом сигара?..» И вопреки имевшейся договоренности с адвокатами Моника все эти детали намеренно делались доступными журналистам, чтобы усилить давление в сторону импичмента президента.

Должна признать: несмотря на все сексуальные революции и попытки размножаться чуть ли не путем цветочного опыления, охрана на вышках все еще может проявлять нешуточную свирепость и «открывать огонь без предупреждения». Но веришь ли ты, что я выбрала свой путь не из страха? Что для меня это акт свободного волеизъявления, которым я порой — да простит меня Творец — могу даже тщеславиться?

Похоже, что вице-президент Ал Гор, напуганный импичментом, нависавшим над головой его босса, всячески пытался отмежеваться от него во время предвыборной кампании 2000 года. Много раз появлялся перед камерой с женой и детьми, в речах восхвалял семейные ценности. Но проиграв на выборах Бушу-младшему, сменил пластинку. Попадалась ли тебе книга «Сердцем соединенные. Трансформация американской семьи»? Супруги Гор написали ее вместе и с одобрением представили там десятки возможных отклонений от традиционного брака: пара гомосексуалистов с двумя приемными сыновьями разного цвета; разведенная жена и ее новый муж вместе с ее прежним мужем растят ее ребенка-инвалида; сложная комбинация, включающая двух мужчин, трех женщин и целый выводок детей; и так далее.

Супруги Гор многие годы выглядели образцом традиционной семьи, не задетой никакими «трансформациями». Их разрыв, случившийся в 2010 году, ошеломил сторонников и поклонников. Оказалось, что «связь сердец» не имеет достаточной прочности. Таблоиды сообщили, что бывший вице-президент многие годы переходил от одной тайной возлюбленной к другой. Назывались имена известной голливудской актрисы, модной массажистки, соратницы по защите природы, футбольной хористки и других. Ты вполне можешь добавить Ала Гора к списку политиков-демократов, отличившихся успешными побегам из ГУЛАГа.

Я стараюсь не заглядывать вперед и не думать о том, какой путь выберет Славик. С одной стороны, твой вариант, вариант успешного бегльца, выглядит таким соблазнительным, что трудно надеяться на что-то другое. С другой стороны, среди наших знакомых уже в трех семьях подростки внезапно выбрали путь строгого иудаизма, уехали в Израиль, женились там на предложенных им невестах, стали рожать детей одного за другим. В одной семье родители последовали примеру сына, тоже сделались ортодоксами, завели кошерный стол, начали изучать иврит. Если бы твой Мишаня сделал обрезание, последовал бы ты его примеру?

Кто вызывает у меня тревогу, это не Славик, а Борис. Последние недели он часто впадает в рассеянность, отвечает на вопросы невпопад, уходит в соседнюю

комнату, чтобы ответить на телефонный звонок. Ох, не пришла ли и мне пора дать объявление в журнале «Любовь без границ»? Как бы ты отнесся к тому, чтобы на такое объявление откликнулась Женечка? А что — я бы не возражала против такого поворота. Видимо, твоя пропаганда постепенно делает свое дело, размывает мои моральные устои. Так что плыви, мой Леандр, не бойся Левиафана в волнах, не слушай пения сирен на скалах. Помни, что никто не сможет любить тебя так безоглядно и бескорыстно, как твоя Геро-Люба в своем светящемся окошке.

Июньские кинокадры

Большой жилой дом для малоимущих в южной части Манхэттена. Перед ним останавливается знакомый нам «лексус». Артур Казанов и Барбара Хилл выходят из него, идут к дому, поднимаются по лестнице. Останавливаются перед дверью квартиры, вопросительно смотрят друг на друга. Артур наклоняется к ее лицу. Она прикрывает глаза, подставляет губы. Ах, если бы камера могла сохранить и передать сладость первого поцелуя! Оторвавшись от ее губ, Артур нажимает на звонок.

Дверь открывает лейтенант Запата.

ЗАПАТА: Как раз вовремя. Моя команда экспертов только что уехала, но завтра вернется снова. Поэтому не прикасайтесь ни к чему руками, только фотографируйте.

АРТУР: Как долго племянник Бишмана прожил в этой квартире?

ЗАПАТА: Около полугода. Сейчас для нас главное: выяснить, бывала здесь Тамара Бурилова или нет.

АРТУР: А что говорит сам племянник?

ЗАПАТА: Я допрашивал Дугласа в камере, но он уперся, как танк. Говорит, что имеет важную информацию, но откроет ее только в том случае, если ему будет гарантирован иммунитет от судебного преследования.

БАРБАРА: Он хочет, чтобы его выпустили из тюрьмы?

ЗАПАТА: Нет, за наркотики он готов сидеть до конца. Но явно боится, что его пристегнут к делу об исчезновении. Я передал прокурору его требование, но тот категорически отказался покупать кота в мешке. Ведь Дуглас перешел из разряда свидетелей в разряд подозреваемых, и это все меняет.

АРТУР (*достал смартфон, начал делать снимки*): Предвижу, что с камерами нас не скоро пустят сюда. Придется строить декорацию интерьера на студии.

БАРБАРА: Если моя героиня бывала здесь, какой-нибудь след она должна была оставить. Гребень, зубную щетку, тампоны, губную помаду...

ЗАПАТА: Все, что можно использовать для анализа ДНК, мои эксперты забрали и унесли в лабораторию: чашки, стаканы, столовые ножи, вилки. И, конечно, содержание мусорных корзин.

АРТУР: Вот эта расписная матрешка с часами — явно сувенир из России.

ЗАПАТА: Да, но Тамара могла подарить ее Дугласу, еще когда они втроем жили в доме Бишмана. Также она могла бывать здесь еще до последней поездки в Россию. Боюсь, что заставить Дугласа говорить — единственный способ двинуть расследование вперед.

ИЮЛЬ

Артур пишет Любе

Ну вот, трехнедельная эпопея закончилась. Погоня настигла бежавших из тюрьмы убийц, жители штата Нью-Йорк могут испустить вздох облегчения. Но третий

беглец, вернее, беглянка из ГУЛАГа, хоть и находится под стражей, может считать свой побег успешно состоявшимся. Эта тюремная надзирательница помогала беглецам, подчиняясь зову любви, значит, она оставила колючую проволоку позади.

То, что она в конце концов не решилась предоставить им автомобиль, который умчал бы их в Канаду, будут объяснять страхом. Действительно, она могла бояться, что за автомобиль ей добавят лет десять тюремного срока. Но мне чудится и возможность другого объяснения. Она была влюблена в *узника* и не знала, сможет ли она полюбить *освободившегося*. Акт освобождения подводил черту, убивал ее любовь — и решимость оставила ее. Кроме того, успешно сбежавший был бы навсегда потерян для нее. А убитый полицией, он останется с ней навсегда.

Ведь бегство из ГУЛАГа вовсе не сводится к цепочке волнующих адюльтеров. Ты должен сначала вырваться из кандалного чувства вины, которым тебя накачивают с детства. Иначе ты будешь мучиться каждый раз, когда новая стрела Амура вопьется тебе в сердце и ты станешь искать путей разрыва с прежней подругой. Как сказал один из пострадавших беглецов: «Ужасно не то, что их было всего лишь сорок четыре. Ужасно то, что я их всех помню».

Кто оставался всю жизнь неизлечимым мучеником ГУЛАГа, это Эрнст Хемингуэй. Он был женат четыре раза, имел дюжины возлюбленных, но сбежать так и не сумел. Каждый раз, когда новая влюбленность возносила его над колючей проволокой, он кидался стряпать обвинение в адрес покидаемой, которая якобы разрушила неправильным поведением мир их нежных чувств. Неизбежное затухание влюбленности он объявлял смертью любви и начинал судорожно искать виноватых в этой смерти. «Ты и твои деньги разрушили мой талант», — говорит жене умирающий герой рассказа «В снегах Килиманджаро». «А потом пришли богатые и все испортили», — говорит герой «Фиесты».

К теме «женщина — губительница» Хемингуэй возвращается много раз. В рассказе «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» жена просто убивает мужа — якобы случайно — на охоте, когда в нем воскресли смелость и уверенность в своих силах. В рассказе «Три дня под ветром» герои говорят о том, что женатые — люди пропащие и что нельзя позволять женщине затоптать себя. Желю Фитцджеральда, Зельду, он обвинял в том, что своими нападками она разрушает уверенность мужа в его творческих силах. Про родную мать в разговорах с приятелями говорил, что она желала его гибели на войне — тогда бы ей досталась слава матери героя. В 1928 году застрелился отец Хемингуэя, и он утверждал, что это его мать довела мужа до депрессии своим расточительством, своими долгими отлучками, своим пренебрежительным отношением к человеку, который, видите ли, не воспарял вместе с ней к вершинам прекрасного. Хотя на самом деле больной диабетом доктор Хемингуэй сам диагностировал закупорку вены в ноге и, скорее всего, застрелился, чтобы избежать мучительной смерти от гангрены.

Из опубликованных писем видно, что драму ухода от первой жены, Хедли Ричардсон, ко второй, Полине Пфайфер, Хемингуэй переживал долго, глубоко, мучительно. Но когда попытался воссоздать ее в романе «Сады Эдема», его опять унесло на путь «обвиниловки» в адрес Хедли.

В версии, доступной нам сегодня, все выглядит как фантазия автора на тему «лето втроем на берегу Средиземного моря». Герой, молодой американский писатель, окрыленный успехом своей первой книги (кто бы это мог быть?), приезжает с женой на курорт, чтобы писать новое произведение. Тема — охота и отношения с отцом. К ним присоединяется молодая прелестная женщина Марита, про которую жена говорит: «Она влюблена в нас обоих». Драма в любовном треугольнике движется извилисто и непредсказуемо, но в конце писатель успешно завершает новую книгу и уходит

от жены к Марите. Кажется, это единственный роман Хемингуэя, в котором никто не гибнет в конце. Может быть, именно поэтому он казался ему незавершенным?

В романе есть и важные отступления от автобиографической канвы. Дело представлено так, будто жена Кэтрин сама — из прихоти — пригласила Мариту пожить с ними в одном отеле, сама подталкивала ее и мужа друг к другу. Она доходит до того, что изменяет мужу с Маритой. Но не делает из этого тайны, а говорит, что да, любит их обоих. Муж тоже должен признать, что влюблен в обеих женщин, но он хотя бы полон чувства вины, считает это ненормальным. Образ жены постепенно чернеет. При Марите она начинает издеваться над мужем-писателем за то, что он постоянно перечитывает вырезки из газет с хвалебными статьями о нем. «Их сотни, и он постоянно таскает их с собой. Это хуже, чем носить порнографические открытки. Он изменяет мне с этими вырезками. Наверное, тут же, в мусорную корзину».

Чтобы окончательно опустить образ жены, прокурор Хемингуэй извлекает историю, случившуюся в начале его супружества с Хедли. Она ехала к нему из Парижа в Швейцарию и везла чемодан с его рукописями, которые в то время еще не были опубликованы. Он просил ее привезти ту, над которой собирался работать, но она, в порыве чрезмерной обязательности, упаковала в отдельный чемодан весь его архив до последнего листочка. И на вокзале этот чемодан украли. От ужаса случившегося Хедли лишилась речи. Когда Хемингуэй встретил ее на перроне, она могла только рыдать и умолять о прощении. Реальный Хемингуэй мужественно принял удар и, как мог, успокаивал жену. Но в романе «Сады Эдема» история повернута по-другому: жена Кэтрин *намеренно* сжигает все рукописи мужа-писателя. Естественно, после такого его уход к Марите получает моральное оправдание.

То, что роман не был опубликован при жизни Хемингуэя, дает мне право утверждать, что сбежать из ГУЛАГа ему так и не удалось. Каждая новая влюбленность рождала в нем чувство вины, он начинал строить пирамиду обвинений в адрес очередной жены, а последнюю, многострадальную и безответную Мэри Уэлш, просто избивал так, что она несколько раз оказывалась в больнице. Но никогда не жаловалась, объясняла все травмы случайными падениями. Может быть, она догадывалась или предчувствовала, что если ее муж полюбует, ему станет не о чем писать?

ЛИСТОВКА

От овладения огнем до умения строить каменные печи у людей ушло сто тысяч лет. Неужели столько же должно уйти на открытие разницы между спасительным теплом любви и манящим пожаром влюбленности?

Ты просишь продолжить рассказ о «парижанке». Да, они начали встречаться. Его расписание на телестудии было причудливым, поэтому он мог засиживаться у нее допоздна, имея благовидное объяснение для жены. Они сговаривались о времени его приезда по телефону, но ведь могли неожиданно нагрянуть родственники или друзья. На этот случай у них был тайный знак: если штора в ее окне на шестом этаже была задернута, это означало, что в квартире кто-то чужой, ненужный. Хочешь верь, хочешь нет, но первый месяц они только сидели на диване, держась за руки, вслушиваясь в то неведомое и необъяснимое, что сладко плавилось у них под сердцем. В этом деле у них были хорошие помощники: Моцарт, Телеман, Шопен, Альбиниони, Мендельсон. Однажды она выпустила его руку и ушла в соседнюю спальню проведать спавшего там шестилетнего сына. Он сменил пластинку, поставил шубертовскую Фантазию эф-минор, опус 103. Под эту музыку она и вернулась. Совсем, совсем нагая. Она была ослепительна. Он никогда в жизни

не испытывал такого счастья. Но предвидел, что повторить его невозможно, как невозможно сочинить второй раз опус 103.

У тебя могла возникнуть нелепая надежда, что в церемонии эпистолярного стриптиза я соглашусь пропустить — перепрыгнуть через — пояс для подвязок. На самом деле это бесценное создание цивилизации будет сохранять свое волнующее колдовство еще сотни лет. Ибо оно только притворяется прагматиком, нацеленным исключительно на удерживание чулок от сползания. На самом деле его причудливые вырезы, его шелковая шнуровка с просветами, его уверенный и плотоядный охват крутых бедер были уже тысячи и миллионы раз использованы и восславлены создателями порнографических открыток с первых же лет изобретения фотоаппарата. Когда же — о, когда! — доведется мне увидеть, как твои пальцы прикоснутся к пряжкам и подвязкам и начнут расстегивать их одну за другой?

Страстью опаленный, в мечтах плывущий, ночь взором пронзающий Леандр Артурович К.

Люба пишет Артуру в июле

Ну вот, ты доигрался — добился своего! Теперь и я невольно ко всякой ерундовине в своем белье начинаю относиться как к объекту чьего-то религиозного поклонения, как к тотему непристойного культа. Надевая лифчик перед зеркалом, вижу его твоим воспаленным взором и сама превращаюсь в форменную фетишистку.

Другая западня, подстроенная тобой: во всем прочитанном, увиденном, услышанном я подсознательно ищу темы, которые могли бы увлечь тебя, пересказываю их тебе и тем самым лью воду на мельницу твоей пропаганды. Вот тебе очередная история из этого разряда, рассказанная мне Генрихом.

Несмотря на свою фамилию, врет он крайне редко. Наоборот, пытается завлечь и обольщать предельной искренностью. Превращает меня в бесплатного психотерапевта. А я поддаюсь из смеси любопытства и сострадания. Замысловатый лабиринт его семейно-любковых отношений выглядит примерно так.

У него есть постоянная возлюбленная по имени Терри. Они встречаются примерно раз в неделю, но он не любит, когда она остается на всю ночь. Если это случается, он просит ее уезжать рано утром под предлогом, что бывшая жена должна завезти ему на весь день их двоих детей. Терри сердится, говорит, что детей ему почему-то привозят все раньше и раньше. Провести ночь в ее квартире он тоже отказывается: вдруг, мол, с детьми что-то случится, и он не сможет вовремя прийти им на помощь.

Конечно, Генрих не рассказывает Терри, что после развода у него возродились нежные отношения с бывшей женой. Во время их супружеской жизни жена была абсолютно равнодушна к плотским забавам, уступала ему из чувства долга. Теперь же их тайные встречи окрашены такой пылкостью, какой он не достигает даже с Терри. Ему приходится прилагать массу усилий и изворотливости, чтобы эти две женщины не узнали о том, что он связан с обеими. В твоей терминологии, они послушные узницы ГУЛАГа и не потерпят таких вопиющих отступлений от правил.

Генрих пытался консультироваться со шринками. Они вынесли ему научный диагноз: «коммитофобия». Так они клеймят мужчин, которые правдами и неправдами избегают брать на себя твердые обязательства в отношениях с женщинами — обещать commitment. В сумасшедший дом за это еще не сажают, но в бракоразводных процессах термин используют довольно широко. Никакой судья не вынесет решения отдать детей диагностированному «коммитофобу».

В нашей жизни назревает печальная перемена: Халиб получил заманчивую должность в афганском посольстве в Канаде. Мы оба привязались к нему и будем скучать. Борис на прощание хочет свозить его в Атлантик-сити, потешить рулеткой и русской баней, которая открылась там недавно в одном из отелей.

Значит, я терпеливо снимаю для тебя фетиш за фетишем, а твоя парижанка взяла и сбросила всю одежду зараз? Может быть, это на самом деле и есть то, что тебе нужно? А может, тебе пора включить музыку в используемый в твоих атаках арсенал? Недаром Платон собирался запретить ее в своем идеальном государстве, она, говорил он, незаметно прокрадывается и отвлекает душу человека от служения родине.

Толстой в своей «Крейцеровой сонате» тоже убедительно изобразил опасную силу соблазна, таящегося в музыке. Кстати, где он у тебя стоит по отношению к ГУЛАГу? Беглец или послушный зэк? Во всяком случае, в плане литья воды на твою пропагандистскую мельницу, посылаю тебе попавшийся мне отрывок из его письма Страхову на близкую тему:

«Решусь перед вами высказать мысль, которой я не посмею поделиться ни с кем из родных и близких. Мысль эта сводится к тому, что при нынешнем развитии огромных городов правила моногамных и целомудренных отношений между мужем и женой становятся невыполнимыми. Женщина теряет возможность рожать примерно на двадцать лет раньше, чем мужчина утрачивает интерес к плотским отношениям и исчезает для него необходимость в них. Что же делать мужчине эти оставшиеся двадцать лет?

Появление огромного числа женщин легкого поведения в больших городах — явление повсеместное и неизбежное. Представьте себе город Лондон без его восьмидесяти тысяч магдалин. Что бы случилось с семьями? Много ли бы удержалось жен, дочерей чистыми? Что бы стало с законами нравственности, которые так любят блюсти люди? Мне кажется, что этот класс женщин необходим для сохранения семьи при теперешних усложненных формах жизни».

А ты? Когда-нибудь покупал «миг последних содроганий» за деньги? Или решенность действительно убивает для тебя все удовольствие?

Всерьез борьбу с бизнесом порока в Америке начал в конце XIX века Теодор Рузвельт, еще будучи начальником полиции города Нью-Йорка. Он безжалостно карал не только владельцев домов разврата, но и полицейских, закрывавших глаза на их существование в обмен на ежемесячные выплаты. Расставание с эпохой борделей ностальгически изображено в замечательном фильме режиссера Луи Маля «Прелестное дитя». Не понимаю, как борцы с детской порнографией допустили выход этой картины в широкий прокат. Там главный герой — фотограф, которого играет Кейт Каррадин, — очень похож на тебя. Уверена, что рано или поздно ты перейдешь от письменной пропаганды к экранной и создашь несколько шедевров, тянущих на Оскара. И уж тогда толпа поклонниц оттеснит от тебя бедную Любу с ее вечной и не имеющей спроса любовью.

Июльские кинокадры

Кабинет в полицейском отделении. Барбара Хилл сидит на диване, рядом с ней развалился Роберто Ломбарди, задрав одну ногу на стол. Артур Казанов в углу уговаривает лейтенанта Запату.

АРТУР: Пойми, у нас запланированы съемки на пляже. Мы не сможем объяснить зрителю, почему у Дугласа Кренца на щиколотке пристегнута какая-то черная коробочка.

ЗАПАТА: Но ты понимаешь, что, если я отстегну ее, у его контролера зазвонит сигнал тревоги?

АРТУР: Контролера я предупредил. Он сказал, что готов не обращать внимания на сигнал в течение шести часов. Но если Роберто что-нибудь выкинет за это время, он привлечет к суду меня вместе с ним.

РОБЕРТО: От такого закоренелого преступника, как я, можно ждать всего. Давно мечтал поджечь весь Харриман-парк. Ограбить продавца горячих сосисок. Похитить Барбару Хилл.

БАРБАРА: Я уже догадываюсь, как можно отравить тебе последнее удовольствие: взять и согласиться на похищение.

ЗАПАТА (*качая головой, достает ключи, отстегивает радиобраслет с ноги Роберто*): Смотри, Артур, на твою ответственность. Актер тебе достался из породы непредсказуемых. Такие любят выкидывать разные фокусы, лишь бы поразить окружающих.

АРТУР: Все будет нормально. Мы вернемся к пяти часам, и ты пристегнешь браслет обратно.

Артур, Барбара, Роберто выходят из полицейского отделения, усаживаются в «лексус». Вилсон, сидящий на заднем сиденье, перекладывает камеру на колени, чтобы дать место Роберто. Автомобиль трогается.

АРТУР (*ведет машину*): Племянник Бишмана на очередном допросе признался, что у него с Тамарой Буриловой «сложилась отношения». Запираться было бесполезно, потому что официантка, работавшая в кафе вместе с Тамарой, видела его несколько раз приезжавшим за ней. Когда ревнивый муж прознал про это, он стал сам приезжать за женой к концу рабочего дня.

РОБЕРТО: Мы будем снимать сцены у кафе? Можно я прокалю шину любимому дядюшке?

АРТУР: Официантка сдружилась с Тамарой, и та рассказывала ей, что муж настаивал на скорейшем рождении ребенка, а она не чувствовала себя готовой и всячески уклонялась. Потребовала, чтобы у нее была отдельная спальня. Бишман согласился, но при этом вынул замок из двери. Вламывался к ней в любое время дня и ночи.

Автомобиль въезжает в Харриман-парк, останавливается на стоянке вблизи пляжа на берегу озера. Съёмочная группа находит свободный лежак под большим зонтом. Барбара снимает платье, остается в весьма открытом купальнике.

РОБЕРТО (*тоже поспешно снимает брюки*): Дорогая, неужели мы должны оставаться на виду у всей этой ненужной нам толпы? Насколько уютнее было бы укрыться за теми кустами сирени!

АРТУР: Роберто, не надо форсировать атаку. Сегодня мы снимаем первые дуновения любви, пробные пассы, нащупывание путей между двумя сердцами.

РОБЕРТО: Мистер Казанов, при всем уважении не могу скрыть от вас печального факта: вы безнадежно устарели. У современной молодежи нащупывание путей сводится к вопросу «Твоя квартира или моя?». Если квартиры нет ни у него, ни у нее, заднее сиденье вашего «лексуса» было бы самым правдоподобным местом действия.

АРТУР: Вполне возможно, что дойдет и до заднего сиденья. Сегодня же просто возьмитесь за руки и, нежно глядя в глаза друг другу, входите в воду.

БАРБАРА: Роберто, наверное, уже забыл, как изображать тонкие чувства.

РОБЕРТО: О, тираны принудительного романтизма! Деспоты серенад и томных вздохов! Вот я сейчас перемахну озеро кролем и изнасилую ту одинокую

старушку, которая плывет там в байдарке. Уверен, она уже и не мечтает о такой удаче. А отвечать вместе со мной будет наш режиссер!

БАРБАРА: Как я могу изобразить нежные чувства к такому болтуну?!

Она хватает Роберто за руку и увлекает за собой в воду. Вилсон успеваеt включить камеру и поймать в объектив поднятый ими фонтан брызг.

АВГУСТ

Артур пишет Любе

Бесценная, неземная, наполовину раздетая!

Огромная благодарность тебе за отрывок из письма Толстого — оно раньше не попадалось мне на глаза. Оказывается, наш великий классик до своего христианского преобразования был способен рассуждать вполне здраво. И своему любимцу, Пьеру Безухову, он явно прощает посещение «домов неземных усад». Зато отцу Сергию уже пощады нет: отрубить палец топором за греховные порывы.

Но ты никогда не догадаешься, кто недавно встал на защиту жриц любви: организация «Международная амнистия»! Да-да, на днях нашел в Интернете их призывы узаконить продажу сексуальных услуг. «В этом нет никакого порабощения женщины, — утверждает статья. — Она свободно выбирает этот род занятий, свободно назначает цены за свои услуги, свободно отказывает клиенту, который ее чем-то не устраивает».

Конечно, протесты посыпались со всех сторон. «Вы не можете называть себя защитниками прав человека и одновременно защищать покупку и продажу живого товара». «Разрешение проституции есть возврат к рабовладению». «Каждый раз, когда женщина предлагает свое тело за деньги, это сбрасывает ее на дно унижения и деградации». Но «Международная амнистия» стоит на своем и обещает продолжать кампанию за легализацию.

ЛИСТОВКА

Медицинские исследования показали, что сокращение сексуальной активности приводит к раку простаты у мужчин. Опираясь на эту информацию, проститутки могут представить себя работниками сферы медицинского обслуживания и добиться разрешения отправлять свои счета для оплаты в страховые компании.

Другая новость с фронтов идейной войны вокруг ГУЛАГа: оказывается, что в штате Мэйн возникла организация «Христиане за полигамию». За двадцать лет своего существования она пустила корни во многих других штатах. От мормонов они открещиваются, но объявляют себя просто продолжателями Реформации, возвращающимися к библейским заповедям. В Ветхом Завете они отыскивают примеры и цитаты, подтверждающие совместимость глубокой веры с двоеженством. Вот, например, из Второзакония, глава 21:15: «Если у человека будут две жены, одна любимая, а другая нелюбимая, и обе родят ему сыновей, и первенцем будет сын нелюбимой, главную часть наследства следует отдать ему, а не сыну любимой». Здесь явно двоеженство упоминается как дело обычное и вполне разрешенное.

Листая Ветхий Завет, я вдруг задумался над тем, как многозначительна — и невыполнима! — десятая заповедь: «Не желай чужого!» Ведь запрет воровства содержится уже в столь важной для тебя восьмой: «Не укради». Десятая же требует от человека подавить даже помыслы о присвоении чужого добра. «Не желай дома ближнего твоего, ни жены его, ни раба его, ни рабыни, ни вола, ни осла» (Исход, 20:17). Не желать ни коттеджа соседа моего, ни «кадиллака», ни бассейна, ни мотор-

ной лодки его, ни тем более жены — разве это возможно? Такое требование только лишает человека надежды на оправдание и жизнь вечную, ввергает в отчаяние, из-за которого он кинется забирать все эти вожаемые сокровища силой или хитростью.

Когда я слышу участившиеся сообщения о побегах молодых людей на Ближний Восток для вступления в ряды фанатиков Нового халифата, я спрашиваю себя, что могло толкнуть их на такой страшный выбор. А вдруг это наши невыполнимые требования абсолютной добродетели доводят их до отчаяния? Они теряют надежду заслужить наше одобрение и, очертя голову, кидаются туда, где одобрение им гарантировано, где их наверняка примут с восторгом. То, что очень скоро за этот восторг придется платить кровью и гибелью, не укладывается, не удерживается в их юных головах.

Другое наблюдение на ту же тему: ты замечала, как маленькие дети любят пугать? Мы с Женечкой покупали трехлетнему Мишане ватного тигра, и он немедленно наставлял его на нас и начинал рычать. Мы изображали испуг, и Мишаня заливался счастливым смехом. А твой Славик? Выкидывал что-нибудь похожее? Внезапно выпрыгнуть из темноты на маму и услышать ее испуганное «ой!»? Не ради ли счастья пугать они убегают в Новый халифат, вступают в уличные банды, в какое-нибудь арийское братство? Вытатуировать по свастике на каждом пальце и потом упиваться испугом соседа в автобусе, официантки в кафе, кассирши в банке? Порой я жалею, что упустил в жизни это простое наслаждение. Не таится ли тут вариант Декартовой формулы: «Пугаю — значит существую»?

Хочешь ли ты узнать, как кончился роман с «парижанкой»? Дело было так. Он ехал к ней на очередное свидание. Путь был длинный: сначала от студии на троллейбусе до станции метро, потом двенадцать остановок до автобуса, который увозил его до кольца на окраине города. И вот во время пересадки с троллейбуса на метро он увидел на улице совершенно очаровательную женщину. Она встретилась с ним глазами и улыбнулась. Он подумал, что никогда не видел такой прелестной, такой обезоруживающей улыбки. У него мелькнул привычный испуг, что вот, через миг они разойдутся и больше никогда не встретятся. Он привычно стал составлять в уме слова мольбы о телефоне. Еще через минуту он понял, что перед ним стоит его жена. Он поцеловал ее и стал говорить, что да, неожиданно съемки на студии закончились раньше и он ехал домой. Обнявшись, они пошли к дому, который находился в двух кварталах от станции метро и где их ждал девятилетний сын. Вскоре муж «парижанки» вернулся из командировки, и он никогда больше не виделся с ней.

Возвращаясь к теме упущенных наслаждений: неужели наш эпистолярный стриптиз подошел к концу? Неужели Леандра и Геро больше ничто не разделяет, кроме трусиков цвета лунной ночи? Нет, я не могу с этим смириться! Прошу тебя: перестань прикрывать обнаженную грудь руками, опусти их вниз, дай скользнуть под резинку, в жемчужный свет лунной ночи и проделать все, что творили бы мои ладони на их месте. Моей фантазии вполне по силам упиться этой картиной, как упивались члены Большого жюри на допросе Моники Левински. Работа на телевидении не смогла полностью подавить мое воображение. Тому свидетельство — твой сияющий облик, который хранится в нем, как пчела в слитке янтаря. АК.

Люба пишет Артуру в августе

Бесценный и невозможный!

Конечно, дети обожают пугать друг друга и нас и, взрослея, не склонны отказываться от этого удовольствия. Но жажда пугать — это лишь одно из проявлений,

один из вариантов сильнейшей человеческой страсти: привлекать к себе внимание. Взять для примера хотя бы меня: чтобы привлечь твое внимание, я превращаюсь буквально в твою пресс-секретаршу, выискивая в Интернете и газетах новости, которые могли бы тебя заинтересовать.

В этом месяце могу предложить неплохой улов.

В тихом городке штата Монтана жил себе и жил скромный джентльмен по имени мистер Кольер. Потихоньку торговал холодильниками и прочими устройствами, производящими холод. Однако сердцем оставался горяч настолько, что не мог удовлетвориться одной женой — завел себе вторую, с согласия первой. За это был отлучен от мормонской церкви и стал общаться с Богом напрямую. А тут недавно наш Верховный суд вынес постановление, объявляющее однополые браки законными. И Бог сказал мистеру Кольеру: «Неужели ты это стерпишь?»

Наш двоеженец оказался не робкого десятка. Он отправился в городскую управу и подал заявление на разрешение вступить в законное супружество со своей второй женой. Чем мы хуже гомосексуалистов? Дискриминация! Он послал письмо в Монтанское отделение Американского союза гражданских свобод, прося их помочь ему отстаивать свои права в суде. Он и обе его жены просто устали вести подпольное существование. Буду следить и извещать тебя о следующих витках этой беспрецедентной истории.

Вторая — еще пикантнее.

Мы давно знали о существовании интернетных сайтов, помогающих людям найти спутника жизни. Но, оказывается, четырнадцать лет назад, в Канаде, был создан сайт, помогающий найти женатым любовницу или любовника. Название: «Эшли Мэдисон». Лозунг: «Жизнь коротка — заведи роман». За прошедшие годы сайт сумел привлечь миллионы пользователей в сорока шести странах, он оперирует на английском, французском, немецком, итальянском, испанском, греческом, иврите, японском, корейском и других языках. (Заметь: нет на русском и арабском.)

Схема работает примерно так: присоединяясь к сайту, человек дает информацию о себе, сообщает о своих сексуальных предпочтениях, включает характеристики желаемого партнера. Мужчина должен оплатить возможность вступить в контакт с женщиной, женщина же направляет свой зов бесплатно, а мужчина оплачивает право прочесть его. (Чувствуешь, какая несправедливость к вам!) Фирма «Эшли Мэдисон» гарантирует успешную завязку адюльтера, но в мелком шрифте спрятано множество ограничений и уверток, делающих практически невозможным получение компенсации за неудачу.

И вот месяц назад на эту гуманную организацию, на этих смелых борцов с Моногамным ГУЛАГом обрушился страшный удар. Группа анонимных хакеров объявила в Интернете, что им удалось проникнуть в электронную память фирмы «Эшли Мэдисон» и украсть информацию о миллионах ее пользователей. Они требуют немедленного закрытия сайта, представляющего серьезную угрозу институту семьи, в противном случае грозят выставить миллионы клиентов на позор и осуждение. Сайт не подчинился шантажу, и на днях хакеры исполнили свою угрозу.

Что тут началось!

Владельцы сайта объявили, что все это ложь и провокация, что хранимая информация надежно защищена от хакерских атак, а псевдоразоблачению подверглись ни в чем не повинные люди, имена которых взяты наугад из телефонных книг.

Консультанты по брачным проблемам ждут притока тысяч клиентов.

То же самое и адвокаты, специализирующиеся на разводах. Один из них заявил, что это лучшая новость со времен установления седьмой заповеди.

Женщина, являющаяся членом Британского парламента, объявила, что ее данные были украдены и включены в сайт без ее ведома и согласия.

Йельский университет и Гарвард заявили, что тысячи имен их сотрудников и выпускников, попавшие в компромат, являются случайным совпадением.

Государственным служащим и военным, использовавшим рабочее время для участия в деятельности сайта, мугут быть предъявлены уголовные обвинения.

Если мне удалось заинтриговать тебя, ты можешь набрать в Гугле название фирмы и получить все сведения о том, как этот непристойный ураган прокатится по миллионам домов. Впрочем, не исключаю, что ты и без меня все это знал и даже пользовался услугами сострадательных канадцев, вырвавших такой широкий подкоп под оградой ГУЛАГа. Может быть, и мне стоит заглянуть в информацию, вывешенную хакерами, и поискать, нет ли там имени Бориса Филимонова?

Его отрешенность внушает мне все большую тревогу. Если это дела любовные, я как-нибудь переживу. Но вдруг что-нибудь посерьезнее? Открывшаяся болезнь, о которой он не хочет мне говорить? Печальные вести о родителях, оставшихся в России? Что если он тайно играл на бирже, вложил наши жалкие сбережения в какие-нибудь акции, и нынешние бури финансового океана грозят опрокинуть наш утлый семейный кораблик?

Для тебя же у меня заготовлен на прощание коварный сюрприз. Помнишь, ты написал, что разрешенность убивает для тебя удовольствие от адюльтера? Так вот, я торжественно РАЗРЕШАЮ тебе «скатиться с горки» под названием «Барбара Хилл»! Потом подробно расскажешь мне, как проходило катанье.

Тобой — неисправимым — безнадежно одурманенная и навеки замороченная Л. Ф.

Августовские кинокадры

Студия канала «Следопыт». Декорации интерьера воспроизводят квартиру Дугласа Кренца по фотографиям, сделанным Артуром с разрешения лейтенанта Запаты. Барбара Хилл, Джек Вилсон, Роберто Ломбарди сидят на диване, слушают разъяснения Артура.

АРТУР: Итак, достигнут первый серьезный прорыв в ходе расследования. Студия пошла на серьезный расход и наняла дорогого адвоката для племянника Гарольда Бишмана, сидящего в тюрьме. Ему удалось войти в доверие к заключенному, и тот сделал несколько важных признаний. Адвокат пока должен хранить их в тайне, но главное Дуглас повторил и полиции тоже: у него есть сведения, что Тамара Бишман-Бурилова мертва, погибла насильственной смертью.

БАРБАРА: Бедная! А я уже так сжилась с ней...

РОБЕРТО: Неужели мне придется играть настоящего убийцу?! У меня совершенно нет опыта в мокрых делах!

АРТУР: Дуглас с помощью адвоката ведет какую-то игру с полицией и прокурором. Он боится, что его заподозрят в причастности к гибели Тамары, и хочет выторговать себе — Джек, как это называется?

ВИЛСОН: Имьютони. За сотрудничество со следствием соучастнику могут сильно уменьшить наказание.

АРТУР: Вот-вот. Но нам нет нужды ждать конца этих переговоров. Неважно, участвовал Дуглас или нет. Важно, что роман с Тамарой у него был. А значит, мы имеем право включить его в сценарий и начинать съемки эпизода.

РОБЕРТО: Я очень надеюсь, что стадия томных взглядов и нежных вздохов уже позади. Мы с Барбарой можем заняться нашими делами напрямую? Когда это происходит в моей квартире, я люблю, чтобы моя гостья уговаривала меня, сдираала одежду, а я бы кобенился и изображал неуверенность и стыдливость.

АРТУР: Чем больше спонтанности, тем лучше. Однако по требованию сценариста мы должны включить сцену: входит ревнивый муж и застаёт любовников врасплох.

ВИЛСОН: Видимо, в этом случае плетка понадобится не Роберто, а мне.

АРТУР: Будем выстраивать сцену с возможной деликатностью. Мне не хочется вносить элементы командной режиссуры. Роберто, Барбара, смогли бы вы разыграть импровизацию нежного свидания без репетиций?

РОБЕРТО: Я — с огромным удовольствием. Мне нет нужды что-то разыгрывать. Мои горячие чувства к Барбаре давно полыхают у всех на виду. Вот она — другое дело. Мое очарование и все мои таланты до сих пор явно не смогли растопить лед ее настороженности.

БАРБАРА: Я постараюсь. Но не мог бы ты хотя бы на время съёмок перестать складывать губы трубочкой и нацеливать эту трубочку на меня?

РОБЕРТО: Боже, какой силы самоконтроля требует наша профессия! А нельзя хотя бы сложить губы бантиком? Вот так?

Артур включает камеру. Молодые люди идут навстречу друг другу. Обнимаются. Роберто скользит губами по щеке Барбары, по шее. Расстегивает пуговицы на блузке, запускает ладонь в открывшийся просвет. Продолжая раздевать, бережно опускает на диван.

ВИЛСОН (*рывком открывает дверь, входит в комнату*): Так-так-так... А я-то все ломал голову: где моя жена проводит время, когда ее нет ни в колледже, ни на работе!?

СЕНТЯБРЬ

Артур пишет Любе

О, моя мечта и недостижимость!

Ты постепенно приобретаешь еще одно драгоценное свойство — незаменимость! Нет, без тебя я никогда бы не узнал ни о троице в Монтане, ни об атаке хакеров на «Эшли Мэдисон». Если я когда-нибудь решусь начать свою войну в открытую и создам Общество исхода из Моногамного ГУЛАГа, пойдешь ко мне на должность консультанта и советника? В отличие от президента Клинтона, я открою тебе доступ в мой кабинет в любое время дня и ночи.

В новостях сообщили о страшном наводнении в штате Юта. Хуже всего досталось городку Хилдайл, где проживает большая община полигамистов. Они не пользуются Интернетом и телевизором, поэтому не знали о приближающемся бедствии. Поток уносил автомобили, десять детей и две женщины погибли. Правоверные христиане увидят в этом знак Божьего гнева на грешников. Но ты знаешь, что, и на мой взгляд, подобные общины — лишь вариант ГУЛАГа. В них подрастающих девочек присоединяют к клану, а мальчиков, в большинстве, подростками выбрасывают в чужой мир без образования и профессии. Такая жестокость!

У нас с тобой установилась традиция делиться новостями кино. Друзья наконец достали мне документальный фильм про Сэлинджера, и передо мной предстал необычный гибрид самого отчаянного беглеца из ГУЛАГа и самого свирепого надзирателя в нем. Я уже писал тебе о том, как русские классики ценили в своих женщинах *поплушность*. Сэлинджеру этого было мало: он требовал полного подчинения, полного разрыва с прежним миром, прежней жизнью.

Первая жена подчинилась ему в силу обстоятельств своей судьбы. Сильвия Велтер была немецкой нацисткой, арестованной и допрашиваемой офицером американской контрразведки Джерри Сэлинджером летом 1945 года. Он женился на ней, подделав для нее французский паспорт, увез в Америку, но их брак продлился меньше года. Она сбежала от мужа-тирана, вернулась в Германию, подала на развод. Впоследствии Сэлинджер ни в разговорах, ни в письмах даже не упоминал ее имени.

Вторую жену, Клэр Дуглас, он встретил, когда ей было только шестнадцать, а ему тридцать два. Тренировку послушания она проходила в школе при монастыре, где девочек заставляли принимать ванну под прикрытием простыни, чтобы не оскорблять Господа видом нагого тела. Клэр влюбилась в известного писателя без памяти. Смотрела на мир его глазами, читала те же книги по дзен-буддизму и Веданте, которые читал он, осваивала йогу и медитацию. В какой-то момент Сэлинджер предложил девушке оставить университет, порвать с родными и друзьями и переселиться к нему насовсем. На такой резкий поворот жизни Клэр не смогла решиться. Она отказалась. И тогда ее возлюбленный просто взял и исчез. Он не отвечал на ее звонки и письма, не появлялся у общих знакомых. Она была вычеркнута из его жизни так же решительно, как он вычеркивал из своей прозы персонажей, не сумевших подняться до требуемого им уровня.

Понадобился почти год терзаний, заполненный попытками забыть, лечением у психиатра, даже коротким замужеством, прежде чем Клэр смирилась и согласилась исчезнуть за бревенчатыми стенами сэлинджеровского коттеджа в глуши Нью-Гемпшира. По его требованию она не привезла с собой никаких вещей из ее прошлого, сожгла рукописи студенческих работ и пьес, не отвечала на письма родных. Тотальное недоверие Сэлинджера к миру взрослых распространялось и на медицину, поэтому родившуюся дочку Маргарет (Пегги) долго не показывали врачам, лечили ее детские хвори гомеопатическими лекарствами по книгам, стоявшим на почетном месте в домашней библиотеке. Сэлинджер проводил часы за письменным столом или с увлечением занимался огородом, а на Клэр лежала обязанность готовить завтрак, обед и ужин, ухаживать за ребенком и два раза в неделю стирать и гладить все простыни, хотя водопровода в доме не было.

Так как, по учению дзен-буддизма, плотские влечения считались нечистыми, мешающими духовному просветлению, интимные отношения между супругами почти прекратились с началом беременности. Все это плюс полная изоляция от окружающего мира привело Клэр на грань умопомешательства. Впоследствии она сознавалась взрослой дочери, что планировала убить ее — годовалую — и покончить с собой. Это должно было произойти во время короткой семейной поездки в Нью-Йорк в 1957 году, когда Сэлинджеру нужно было присутствовать на собрании в редакции «Ньюйоркера».

Видимо, какие-то высшие силы вмешались и удержали Клэр от выполнения задуманного. Она дождалась, когда муж ушел из отеля, завернула дочь в одеяло и сбежала к своему отчиму, у которого была квартира в городе. Он отнесся к ней с теплотой и пониманием, снял жилье для нее, нанял прислугу и даже оплачивал сеансы у психиатра, на которые Клэр являлась дважды в неделю. Видимо, сердце Сэлинджера уже было заморожено годовалой дочерью — через четыре месяца он приехал из Корниша и просил жену вернуться к нему.

Промучившись с гениальным супругом двенадцать лет, родив еще сына Мэтью, Клэр наконец вырвалась на свободу, забрав обоих детей. А он вскоре нашел себе новый объект для покорения — первокурсницу Йельского университета Джойс Мэйнард. Впервые Сэлинджер увидел ее фотографию на обложке журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин», где она опубликовала статью «Взгляд на прожитое в восемнадцать

лет». На этой фотографии ей нельзя дать больше тринадцати. И все началось по той же схеме, что и с Клэр: нежные письма, бомбардировка похвалами, долгие разговоры по телефону, тайные свидания и постепенное затаскивание в свою бревенчатую берлогу, полное подчинение и покорность.

Они начали совместную жизнь, но, видимо, на шестом десятке силы мужчины, изводившего себя постом, йогой и другими видами подавления плоти, были уже не те. Он так и не смог лишить юную возлюбленную невинности и вскоре безжалостно прогнал, от чего она чуть не сошла с ума.

ЛИСТОВКА

Культовое поклонение «непорочности» — дев, ангелов, зачатия, отцов-пустынников — навязано нам старцами, у которых уже «не стояло».

В нашей переписке уже всплывали Толстой, Хемингуэй, Чивер, Вуди Аллен, теперь вот Сэлинджер — и все оказывались по отношению к женщинам мучителями. Хорошо хотя бы, что ни один из дорогих нам гениев не дошел до убийства. А в истории, которую мы сейчас снимаем на студии, похоже, случилось именно это. Обычно я не терзаю тебя рассказами о драмах со смертельным исходом, но сейчас очень захотелось поделиться.

Американский бизнесмен Гарольд Бишман нашел себе спутницу жизни по Интернету в России и женился на ней. Отношения не сложились. Тамара Бурилова хотела подавать на развод, поехала повидаться с родителями, оставшимися в Новгороде. Бишман помчался за ней, уговорил не оставлять его. Они оба вернулись в Америку, и после этого Тамара исчезла. Бишман уверяет, что в московском аэропорту они поссорились, Тамара ушла, и больше он ее не видел. По просьбе родителей нью-йоркская полиция начала розыски, но в течение шести месяцев не могла найти следов пропавшей. И тут внезапно...

Прости, это я уже примериваюсь, как буду строить рассказ на экране. Но если говорить попросту: на сцене возник важный свидетель. Племянник Бишмана, Дуглас Кренц, ныне сидящий в тюрьме за наркотики, обещает дать важные показания, если ему гарантируют судебную неприкосновенность. Пока же рассказал следующее.

Вечером в день прилета супругов Бишман в Нью-Йорк в квартире Дугласа раздался телефонный звонок. Звонил дядюшка из аэропорта. Он сказал, что только что получил эсэмэску от уборщицы, сообщившей, что в их доме испортилось отопление и температура упала до сорока градусов по Фаренгейту. Ремонтники придут только завтра. Не могли бы усталые путники переночевать в квартире Дугласа? Племянник, конечно, дал согласие, и вскоре оба приехали к нему. Что происходило дальше и как погибла Тамара, он расскажет только в том случае, если его адвокат получит от прокурора письменное обязательство не привлекать его к суду в качестве соучастника, а только в качестве свидетеля.

Бишмана ознакомили с показаниями племянника, и он объявил, что все это несутелная ложь и дикие фантазии. Что он прилетел один, приехал из аэропорта прямо домой, отопление работало нормально. Уборщица заявила, что никаких эсэмэсок она не посылала, закончила уборку и уехала в свою контору. Полиции предстоит решить, кто из двоих подозреваемых врет, а мне нужно вести съемки таким образом, чтобы быть готовым и к тому, и к другому повороту сюжета. Сочувствуешь?

Наш Мишаня вдруг спросил о тебе, сказал, что жалеет о вашем переезде в Вашингтон. Что с тобой он всегда чувствовал себя совсем взрослым. Что ты даже спрашивала его совета, как отговорить Славика от дурацкой затеи с татуировкой. Смена ролей — из воспитываемого в воспитатели — это так лестно и увлекательно.

Не взяла ли ты пример с Толстого, который своим малолетним детям поручал выступать в роли учителей в яснополянской школе для крестьянских ребятишек?

Полез в «Энциклопедию античных мифов» и узнал, что Геро вообще-то работала жрицей в храме Афродиты. Видимо, твои документы перепутали, и ты попала на службу в храм девственной Дианы. Не пора ли исправить эту ошибку?

Наш стриптиз подошел к завершению, но я придумал блистательный выход: теперь начну *одевать* тебя в новую и дорогую одежду. Да, ты не поверишь, но мне удалось достать для тебя чулки из натурального шелка цвета цветущего граната. Они были изготовлены в Париже той самой мастерской, в которой Джефферсон покупал шелковые чулки для Абигаиль Адамс, чтобы отправить их в Лондон, где ее муж исполнял должность американского посланника. Есть единственный способ убедиться, что я говорю чистую правду: разрешить мне приехать и, растягивая наслаждение, бережно надеть их на твои ноги один за другим. АК, хранитель придворного гардероба королевы его сердца.

Люба пишет Артуру в сентябре

И куда же мой беспутный самозванный камердинер хочет отправить меня в алых шелковых чулках? Прямо на панель перед Белым домом? Или перед Капитолием? А будет ли мне оставлено право самой выбирать — заказывать — детали одежды для этого стриптиза наоборот? Например, в детстве у меня была мечта: появиться на школьном вечере в кринолине. Уверена, что по Интернету сегодня уже можно заказать платье на обручах. Но ты, конечно, будешь искать обручи такого диаметра, чтобы под ними хватило места и тебе.

Мы с тобой обычно делимся впечатлениями о прочитанных книгах, увиденных фильмах. Но сейчас хочу рассказать тебе о новом виде научно-фантастической одержимости, которая втянула в свою орбиту нашего Генриха. Слышал ты что-нибудь о «гипотермии» и «гипотермистах»? Это футуристическое направление, рассматривающее возможность замораживать умерших, чтобы они в таком виде могли дожидаться времен, когда замороженных людей научатся возвращать к жизни. Генрих так увлечен этой затеей, что уже записался на очередь в одну из фирм, предлагающих услуги для превращения клиентов в ледышки.

Дело это весьма непростое. К нему приступают лишь удостоверившись, что клиническая смерть уже наступила. Вода имеется в каждой клетке нашего тела, поэтому простое замораживание приведет к разрыву оболочек клеток, к разрушению тканей. Ввиду этого приходится медленно и осторожно понижать температуру тела, одновременно заменяя кровь незамерзающими жидкостями — этиленгликолем и его производными. Делаются также инъекции барбитуратов и антибиотиков.

Когда тело охладилось до $-43\text{ }^{\circ}\text{C}$, можно приступить к отделению головы. Да, некоторым клиентам не по карману уплатить 500 тысяч за полное замораживание. Генрих подписал договор на замораживание одной только головы и начал копить требуемые 200 тысяч. Тело или голову погружают в жидкий азот, где они будут храниться при температуре $-160\text{ }^{\circ}\text{C}$ до лучших времен.

Фирма называется «Транс-тайм». В ее хранилищах тела и головы содержатся в специальных капсулах, к которым прикреплены описания судьбы усопших. Есть среди них тела богатых стариков, которым просто некуда было девать остающиеся после них деньги. Но есть и драматические истории. Пятнадцатилетняя Патриция была изнасилована и зверски убита. Безутешный отец оплатил ее замораживание в надежде на то, что в будущем медицина научится восстанавливать разрушенные ткани и дочку воскресят целой и невредимой.

Где есть спрос на какие-то услуги, там неизбежно возникнет и жульничество. Проводя проверку одной гипотермальной фирмы в Мичигане, полиция обнаружила останки пятнадцати легковых клиентов, хранившиеся не в жидком азоте, а в обычном промышленном холодильнике. Некоторые уже разморозились и начали разлагаться.

Среди ученых-футурологов тоже нет единодушия насчет реализуемости гипотермического варианта воскрешения. Один профессор Орегонского университета в городе Юджин заявил: «Верить, что когда-нибудь удастся оживить тело замороженного человека, это все равно что верить, будто гамбургер при определенных обстоятельствах может быть превращен обратно в корову».

А ты? Какие у тебя отношения с идеей воскрешения из мертвых? Есть ли у нее шанс выжить в твоей голове рядом со все выжигающим скепсисом и иронией? Нам кажется, что о воскрешении всерьез способны рассуждать только искренние христиане. Но ведь и такой яростный безбожник, как Маяковский, не переставал думать о возможностях научно-технического возвращения умерших к новой жизни.

Помнишь, как в сатирической пьесе «Клоп» «будетляне» из светлого коммунистического будущего воскрешают Присыпкина и дивятся на его ограниченность и отсталость? Так же и в стихах он фантазирует о «большелобом тихом химике», который сидит в «мастерской человечьих воскрешений» и, листая книгу «Двадцатый век», выбирает, кого бы ему воскресить. Доходит до Маяковского и решает, что «недостаточно поэт красив». «Не листай страницы! Воскреси!» — зовет автор. Для него и «Теория относительности» Эйнштейна, и «Философия общего дела» Николая Федорова были интересны тем, что в них светилась надежда одолеть неизбежность смерти.

Борис с большим интересом слушал рассказы Генриха о гипотермии, расспрашивал о расценках в «Транс-тайме». Он, кстати, собрался съездить к вам в Нью-Йорк на неделю. В Бруклине есть переводческое бюро, работающее с китайским, японским, корейским, — мы с ними сотрудничаем, и пришла пора согласовать некоторые пункты общей стратегии. Но если ты случайно столкнешься с ним на улице, можешь не узнать. Он вдруг обрил голову, начал отращивать бороду и усы. Не вступает ли он в пору «кризиса среднего возраста», которым пугают нас психиатры?

В романе Булгакова Маргарита совершает облет спящего города обнаженная и сидя верхом на метле. Так как ты уже раздел меня догола, имело смысл искать в Интернете не шелковые чулки, а метлу с пропеллером. Тогда бы я могла время от времени наносить тебе внезапные визиты. Но сохранила бы я способность владеть собой, если бы застала тебя с Барбарой? Не уверена. Люба-Геро Ф., зацикленная и заторчавшая на своем ветреном камердинере.

Сентябрьские кинокадры

Аэропорт Кеннеди, парковка терминала № 3. Джек Вилсон и Барбара Хилл, катя перед собой багажные тележки, приближаются к автофургону, перекладывают чемоданы в багажник. Садятся на переднее сиденье, отъезжают. Артур снимает эту сцену телекамерой. Отъехав несколько десятков метров, фургон останавливается, Вилсон и Барбара выходят.

АРТУР: Теперь снимем второй вариант: наши герои прилетели из России не вместе, а порознь. Джек, ваш «корвет» отпаркован в последнем ряду. Катите коляску с чемоданом к нему.

ВИЛСОН: Это будет последний кадр на сегодня?

АРТУР: С вами — да. Потом я еще сниму Барбару для варианта: «Прилетела отдельно и взяла такси».

ВИЛСОН: Тогда я залезу в «корвет» и поеду прямо в свою детективную контору. Они звонили, зачем-то я им срочно понадобился.

АРТУР: Ладно, отпускаю. Сегодня мы вас мурыжили достаточно.

Пока Артур снимает сцену отъезда Вилсона, Барбара отходит к нанятому для съемок такси.

ТАКСИСТ (*опуская стекло*): А меня покажут в вашем фильме? Хотелось бы чем-то подогреть уважение жены после тридцати лет совместной жизни.

БАРБАРА: Я поговорю с нашим режиссером. Он только с виду резковат, а в глубине души очень добрый.

Артур идет к ним, наводит камеру на Барбару. Она идет с коляской к такси. Таксист помогает ей переложить чемодан в багажник, изображая предельную любовь. Отъезжают, но вскоре останавливаются около «лексуса» Артура. Он кончает съемку, платит таксисту. Чемодан перегружен из одной машину в другую. Артур и Барбара в «лексусе» выезжают из здания парковки под темное небо, вливаются в автомобильный поток.

АРТУР: Теперь уже ясно: нам с вами необходимо будет съездить для съемок на пару недель в Новгород. С ужасом предвижу встречу с родителями Тамары. Внезапно потерять молодую любимую дочь — врагу такого не пожелаешь.

БАРБАРА: Но, может быть, есть еще надежда? Вдруг племянник все наврал про ее гибель?

АРТУР: Если бы она была жива, за прошедшие девять месяцев дала бы знать родителям. Нет, в ее гибели сомневаться не приходится. Понимаю, что вам эта поездка тоже будет не в радость. Постараюсь что-нибудь придумать, чтобы скрасить ее. Вы ведь никогда не бывали в России?

БАРБАРА: Нет, и буду рада увидеть то, что американский президент когда-то называл «Империя зла».

АРТУР: Может быть, нам стоит заранее купить визы. А заодно и туристские путевки для плавания по какой-нибудь русской реке. Например, проплыть тем маршрутом, которым европейские купцы попадали в Новгород: Финский залив, река Нева, Ладожское озеро, река Волхов.

БАРБАРА: Звучит так заманчиво и романтично. Но что скажет ваша жена про такие планы?

АРТУР: Женечка знает, что по работе я должен проводить много времени с молодыми прелестными женщинами.

БАРБАРА: Я встретила с ней только один раз, но сразу поняла, какой она чудесный человек. Еще не решила, стану я отбивать вас от нее для себя или нет. Но шансы на это растут с каждой нашей встречей — предупреждаю.

ОКТАБРЬ

Люба пишет Артуру без очереди

Ну, вот! Вот она и нагрнула — черная, черная беда!

И ведь я знала, знала, что она надвигается. Где-то натягивалась невидимая струна из страхов и тревог. Натягивалась, позванивала и наконец — лопнула. Третий день хожу, как в каком-то желтом тумане, вздрагиваю от каждого звонка. Не могу найти чашку в буфете, мыло в ванной, шлепанцы под кроватью. Не понимаю простейших слов, обращенных ко мне.

Что случилось?

Борис пропал, исчез, растворился в вашем Нью-Йорке.

Уехал веселый, целовал-обнимал на прощание. Позвонил по приезде — и все. На следующий день его телефон не отвечал. Я позвонила в китайскую переводческую контору. Они говорят: «Он у нас не появлялся». А я даже не знаю, в каком отеле он остановился.

На третий день пересилила себя и позвонила в полицию.

Они начали искать, но как-то неохотно. Допрашивали меня часа три, попросили разрешения осмотреть ящики его стала, забрать компьютер. Затребовали списки наших клиентов здесь, в Вашингтоне, и по всей стране. Но похоже, что я для них — подозреваемая № 1. Не ты ли рассказывал мне, что в девяноста процентов таинственных исчезновений оказываются замешаны члены семьи?

Что делать, что мне делать?!

На Славика жалко смотреть. Его тоже допрашивали. «Когда видел отца последний раз? Когда говорил по телефону? О чем шла речь?»

Генрих пытается меня утешать, но он и сам не в себе, потому что полиция таскает на допросы и его тоже.

Не знаю, надолго ли меня хватит, если Борис не найдется.

Буду страшно благодарна тебе за любую помощь, совет.

Твоя Геро в потухшем окошке.

Артур пишет Любе в октябре

Главное — не паникуй, не волнуйся. На студии перед моими глазами прошло столько историй про фальшивые исчезновения, которые оказывались недоразумениями, ложной тревогой.

Я немедленно кинулся на поиски.

Мне помогают друзья из местной полиции и из частных детективных агентств. Сейчас я обзваниваю больницы. Уже ездил в ту, куда доставили раненого без документов и без сознания. Нет, это не Борис. Буду продолжать.

Пришли мне имена и телефоны нью-йоркских друзей. Понимаю, что и ты, и полиция, скорее всего, уже звонили им. Но, может быть, со мной они будут более откровенными, может быть, всплывет какая-нибудь деталь, какая-нибудь путеводная нить.

Умоляю: не давай панике одолеть себя!

Надо же случиться такому совпадению: на студии мы как раз готовим программу о пропавшей жене, я писал тебе об этом. А тут — похожая история у близких мне людей.

Держись, не теряй надежды, сообщай мне все до последней мелочи! АК

Люба — Артуру, три дня спустя

Дорогой мой! Наглотавшись валиума, я сижу у компьютера и говорю себе: «Три дня назад все было еще не так страшно — у тебя всего-навсего исчез муж». Сегодня чернота сгустилась так, что столб боли, протянутый, как шпага от горла к сердцу, не исчезает ни на минуту.

Попробую рассказать осмысленно, потому что ужас происходящего вскоре захлестнет и тебя тоже.

Ты крепко сидишь на стуле? Есть обезболивающее?

Полицейские вскрыли компьютер Бориса. И обнаружили в нем нашу с тобой переписку. Видимо, Халиб научил его хакерским трюкам, и он имел возможность перекачивать себе и читать весь фривольный треп, которым мы развлекали друг друга. Не это ли нагоняло на него тоскливую отрешенность, которую я замечала в последние месяцы?

Дальше — хуже.

Оказалось, что его жизнь застрахована на полмиллиона долларов в мою пользу.

Ты легко можешь представить себе, как мы с тобой выглядим в глазах полицейского следователя: мотив для убийства налицо, все обстоятельства указывают на нас. Любовники сговорились избавиться от мужа и прикарманить круглую сумму.

Но ты не можешь даже близко вообразить, что творит со мной мое вечное воспаленное чувство вины. Если окажется, что Борис наложил на себя руки из-за нашего эпистолярного флирта, мне не останется ничего, кроме как последовать его примеру.

Хотела написать по привычке «вечно твоя», но вдруг ясно-ясно поняла, каким смехотворно коротким может оказаться это «вечно». Л. Ф.

Артур — Любе, в октябре

Дорогая, бесценная, ни в чем не виноватая!

Наутро после получения твоего последнего письма я отправился в банк, снял наши с Женечкой жалкие сбережения (набралось около пятнадцати тысяч), превратил их в наличные и явился в частное детективное бюро, в котором служит один из наших актеров, Джек Вилсон. С ним я заключил официальный договор на розыски Бориса Филимонова, пропавшего в этом месяце на пути из Вашингтона в Нью-Йорк.

Полиции в таких делах доверять нельзя. Они всегда перегружены текущими работами, поэтому с готовностью хватаются за первую правдоподобную версию, форсируют расследование, порой подтасовывая улики, и потом страшно не любят отказываться от первых скоропалительных выводов.

Видимо, в какой-то момент Джек явится со своими вопросами к тебе. Пожалуйста, будь с ним откровенна и честна. Теперь, когда наши интимные отношения перестали быть тайной, нам остается единственная защита — абсолютная правдивость.

Я вполне допускаю, что у Бориса все эти годы могла протекать секретная жизнь, о которой ни ты, ни я не имели ни малейшего представления. Работа сводила его с десятками и сотнями людей, среди которых мелькали и довольно опасные персонажи. Он мог оказаться жертвой похищения или шантажа, от которого решил скрываться. Если он прятал от тебя какую-нибудь болезнь, он мог тайно отправиться куда-то на лечение. Его могли втянуть в религиозный культ или даже в клинику гипотермии, о которой рассказывал Генрих. Каждый из этих вариантов таит в себе лучик надежды, поэтому не давай черной тоске придушить их в зародыше.

Преданный тебе, ни в чем не раскаивающийся Беглец из ГУЛАГа АК.

Люба — Артуру

Кошмар продолжается. С меня взяли подписку о невыезде. Так же всерьез взялись за Генриха. Он тоже кажется им весьма подходящим подозреваемым. «Когда видели мистера Филимонова последний раз? Где находились в дни его исчезновения?» Генрих темнит, изворачивается, потому что не хочет втягивать в расследование своих дам. У него есть превосходное алиби: они как раз уезжали с Терри на курорт

в Кэйп-Мэй. Но если он заявит об этом, бывшая жена узнает про любовницу, и скандал будет до небес.

Я живу так, будто у меня открыли неизлечимую болезнь и мне остается только готовиться к худшему. В таком душевном настрое взялась перечитывать подряд «Смерть Ивана Ильича», «Смерть в Венеции», «Смерть господина из Сан-Франциско», «Смерть в снегах Килиманджаро». И Толстой, и Томас Манн, и Бунин, и Хемингуэй вглядывались в непостижимость смерти с серьезностью, которая возможна только для людей, не имеющих утешения веры. Как я жалею, что не успела хоть краешком души пристать к какой ни на есть религии! Помолиться о спасении, поставить свечку, принести жертвоприношение, воскурить фимиам, заказать молебен — что угодно, лишь бы не сидеть, уставя остекляненный взгляд на телефон.

Открыла Библию наугад на книге Иова и напоролась на безжалостную фразу о Боге: «Он пытке невинных посмеивается». Но тут же обвиняющий голос начал сверлить в висках: «Это ты, что ли, невинная? Сама натворила, сама нарушала десятую заповедь — теперь расплачивайся».

Если появится что-то новое в розысках, немедленно позвони мне. Я подозреваю, что полиция поставила прослушку на мой телефон, что проверяет и электронную почту, — но плевать! В Советской России мои родители верили, что каждое их слово может стать известно КГБ, но все равно часто несли открытую антисоветчину.

Ты собирался начать одевать меня. Нет ли у тебя в запасе полосатой тюремной робы? Думаю, она была бы в самый раз при нынешних обстоятельствах. Л. Ф.

Октябрьские кинокадры

Маленький подвальный ресторанчик в южной оконечности Манхэттена. Артур сидит за столиком, перед ним стакан с пивом. По ступеням спускается Джек Вилсон, садится перед ним. Подошедшей официантке указывает на стакан — «и мне того же».

АРТУР: Что случилось, Джек? Зачем такая конспиративность? В вашей записке я с трудом разобрал адрес этого притончика. Почему нельзя было встретиться на студии?

ВИЛСОН: Потому что в расследовании произошел неожиданный поворот.

АРТУР: Что именно?

ВИЛСОН: Полиция нашла автомобиль мистера Филимонова. Конечно, пустой.

АРТУР: Слава богу — хоть какой-то просвет! Значит, до Нью-Йорка он все-таки доехал.

ВИЛСОН: Нам с вами радоваться не приходится.

АРТУР: Почему?

ВИЛСОН: Вы даже не спросили, где его нашли.

АРТУР: Какая разница?

ВИЛСОН: Его нашли на платной стоянке. В двух кварталах от вашего дома.

АРТУР: А-а — я знаю эту стоянку. Они каждый год задирают цену. Скоро она станет не по карману моим гостям и друзьям.

ВИЛСОН: Мой приятель в полицейском управлении объяснил мне, что они не верят в случайные совпадения. Пропавший человек оставил свой автомобиль рядом с домом одного из подозреваемых — не странно ли?

АРТУР: Я все забываю, что сам попал под подозрение.

ВИЛСОН: Муж узнает о романе жены со старым знакомым, приезжает к нему выяснить отношения и после этого исчезает. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы связать эти события в одну цепочку.

АРТУР: Но я-то знаю, что Борис у меня не появлялся!

ВИЛСОН: Теперь вообразите, что похититель или убийца Бориса захотел подставить вас под подозрение. С чего бы он начал? Конечно, оставил бы машину пропавшего рядом с вашим домом.

АРТУР: Одной такой улики будет недостаточно.

ВИЛСОН: Полиция увезла автомобиль на обследование. Я не удивлюсь, если они найдут внутри пятна крови мистера Филимонова. Вы запираете дверь гаража в своем доме?

АРТУР: Обычно нет.

ВИЛСОН: Значит, злоумышленнику ничего не стоило зайти туда, когда никого не было дома, унести какую-нибудь отвертку или молоток с отпечатками ваших пальцев и подбросить на сиденье к пятнам крови. Раз он знал ваш домашний адрес, он, скорее всего, осведомлен обо всем, включая и ваш роман с миссис Филимонов.

АРТУР: Какой там роман! Я дал вам прочесть нашу переписку — вы могли убедиться, что дело не зашло дальше эпистолярного флирта.

ВИЛСОН: Прокурор вполне может извлечь оттуда целый ворох цитат, пронизанных искренней нежностью. Присяжные легко поверят версии, что мистер Филимонов приревновал, поехал выяснять отношения или мстить сопернику и погиб при невыясненных обстоятельствах.

АРТУР: Что же мне делать? И зачем вы просили в записке, чтобы я захватил свой паспорт?

ВИЛСОН: Вы выполнили мою просьбу?

АРТУР: Да, паспорт при мне.

ВИЛСОН (*достает из кармана конверт*): А я захватил часть аванса, который вы уплатили моей конторе. Здесь пять тысяч наличными. Когда-нибудь возместите.

АРТУР: Зачем мне столько наличных?

ВИЛСОН: Я хочу, чтобы вы на время уехали из страны. Причем немедленно. Прямо отсюда поезжайте в аэропорт. Если злоумышленник оставил убедительные улики, у полиции уже может быть ордер на ваш арест.

АРТУР: Внезапное бегство будет выглядеть явным признанием вины.

ВИЛСОН: Ничуть. У вас с Барбарой давно была запланирована командировка в Новгород, куплены визы. Но билет берите не в Москву или Санкт-Петербург, а в Хельсинки. Так надежнее. Из Финляндии в Новгород поезжайте на поезде, там нет регистрации пассажиров. Барбара присоединится к вам через несколько дней.

АРТУР: Я не могу улететь, не известив Женечку.

ВИЛСОН: Я позвоню ей, как только ваш самолет поднимется в воздух. Скажу, что у вас разрядился мобильник, а лететь надо было срочно. Ведь она еще ничего не знает ни об исчезновении Бориса, ни о полицейском расследовании, так?

АРТУР: Мне даже страшно вообразить, что произойдет, когда она обо всем узнает.

ВИЛСОН: Если вы дадите арестовать себя, скрывать дальше станет невозможно. Кроме того, полиция перестанет сотрудничать со мной в поисках мистера Филимонова или его тела. А так, пока вы остаетесь в другом полушарии, я смогу продолжать свою работу.

АРТУР: Поведав телезрителю о стольких преступлениях, думал ли я, что когда-нибудь сам окажусь в центре криминальной истории.

ВИЛСОН: Нельзя исключить возможность, что слежка за вами уже ведется. Пусть ваш «лексус» остается там, где вы его запарковали. Дайте мне ключи, я потом перегоню его в гараж вашего дома. Поедем в аэропорт в моей машине. Ни в коем случае не пользуйтесь карточкой при покупке билета — только за наличные.

Вилсон допивает пиво, расплачивается с официанткой. Достает из портфеля бейсбольную кепку и пестрый шарф, напяливает их на Артура. Оба выходят из ресторанчика и растворяются в темноте октябрьского вечера.

НОЯБРЬ**Артур пишет Любе из Новгорода**

О, свет мой, скрывшийся за горизонтом!

Расстояние между нами увеличилось в сотни раз, и твоему Леандру все труднее верить, что когда-нибудь он сумеет доплыть до заветного светящегося окошка. Будем, по крайней мере, надеяться, что полиция пока еще не пронюхала про твой новый электронный адрес и наши письма останутся невидимы для чужих глаз.

Джек Вилсон сообщил мне, что ты держишься молодцом, что встретила его приветливо, отвечала искренне на все вопросы, показала альбомы с семейными фотографиями, разрешила переснимать на смартфон то, что ему может понадобиться. Какая странная новая близость возникла внезапно между нами: мы оба попали под подозрение как соучастники преступления! Придет ли когда-нибудь конец этому кошмару?!

С другой стороны, у нас хотя бы под покровом неизвестности выживает лучик надежды. А здесь мне приходится почти каждый день встречаться с двумя людьми, надежду утратившими, погружившимися в черный подвал отчаяния. Супруги Буриловы увесили все стены в своей квартире фотографиями погибшей дочери: малышка в детской коляске, школьница с бантом, снегурочка в домашнем спектакле, студентка за мольбертом. Настоящий иконостас! Нас с Барбарой они приняли тепло, им греет сердце, что в далекой Америке память о Тамаре сохранится в виде телевизионной ленты.

Барбара привезла последние новости о расследовании. Дуглас Кренц получил наконец частичное имьунити и рассказал свою версию случившегося. Супруги Бишман приехали к нему из аэропорта поздно вечером. Он устроил для них импровизированный ужин, дядюшка извлек из чемодана бутылку русской водки. За столом все было мирно, разговор вертелся вокруг поездки в Россию, вокруг планов на будущее. Потом разошлись по своим спальням.

Наутро Дуглас проснулся с головной болью. То ли русская водка оказалась непривычной, то ли дядюшка что-то подсыпал туда. Часы показывали одиннадцать. В квартире было тихо, и он решил, что гости уже уехали. Его удивило, что посуда была убрана со стола и вымыта, а пустая бутылка из-под водки исчезла из мусорного ведра. Он вошел в гостевую спальню, чтобы собрать простыни для стирки. В кровати кто-то лежал. Он снял подушку, закрывавшую голову, и увидел Тамару. По остановившемуся взгляду открытых глаз сразу понял, что она мертва. Видимо, Бишман задушил ее и беззвучно исчез посередине ночи.

Что было делать несчастному племяннику?

Если позвонить в полицию, на кого первым делом падет подозрение в убийстве молодой женщины? Конечно, на ее возлюбленного, в квартире которого был найден труп.

Похоже, Бишману удалось совершить то, что криминалисты называют «безупречное убийство». Нет никаких свидетелей и никаких улик, указывающих на то, что в этот вечер он был в квартире племянника. Завершив свое черное дело, он уехал домой и посередине ночи заказал по телефону пиццу, что создает ему отличное алиби. Одним ударом он отомстил неверной жене и подставил под арест ее соблазнителя.

Дуглас сразу осознал безнадежность своего положения. Он запаниковал, начал метаться в поисках выхода. Ему пришло в голову, что дядюшка может, чтобы спрятать концы в воду, прикончить и его тоже, представив это как самоубийство.

Он дождался ночи, погрузил труп Тамары в автомобиль, увез в известный ему лес и закопал. Но место захоронения покажет только в том случае, если получит оправдание на суде.

Днем мы с Барбарой гуляем по старинному Новгороду, я снимаю ее на фоне крепостных стен, на фоне старинного собора, на мосту через Волхов. Существует легенда, будто после принятия христианства священники заставили местных жителей бросить в реку деревянного идола бога Перуна, которому язычники-славяне поклонялись. Проплывая через город, Перун зашвырнул на мост свой посох со словами: «Вот вам, новгородцы, дубинка в память обо мне, чтобы колотили ею друг друга до скончания веков». И это проклятие исполнилось, потому что междоусобия раздирали Новгородскую республику все четыре века ее существования.

В школьных учебниках истории в Советской России Новгороду уделено едва ли две-три страницы. Ничего не сказано о том, что это была огромная и могучая держава, куда устремлялись купцы из Европы и Азии. Ибо по теории «святого Маркса» после рабовладельческого строя в мировой истории воцарился феодализм, с крепостным правом и натуральным хозяйством. Никто не знал, как вписать в эту теорию четырехсотлетнее существование торговой республики, в которой о крепостном праве слыхом не слыхали, вели активную торговлю со всем миром от Флоренции и Любека до Багдада и Бухары, доплывали до Белого, Балтийского, Черного, Каспийского морей, создавали великолепные образцы архитектуры и иконописи. Все это было объявлено «Темным Средневековьем» и по возможности забыто.

Говоря о путешествиях: как бы я мечтал проплыть с тобою по какой-нибудь из русских рек! Когда тучи рассеются, когда мы узнаем, что случилось с Борисом, не купить ли нам — о, абсолютно случайно! — путевку на один и тот же туристический кораблик? В гостинице мне подсунули рекламный проспект фирмы «Викинг», предлагающей двухнедельное плавание из Санкт-Петербурга в Москву, через Ладожское и Онежское озера, с заездом на остров Кижи, где можно любоваться музеем деревянного зодчества на открытом воздухе, дальше по Волге с визитом в Кирилло-Белозерский монастырь, в Ярославль и Углич. И никто не заподозрит нас ни в чем предосудительном. Нас просто позвали наши русские корни.

ЛИСТОВКА

Суть настоящего любовного свидания: радостное и свободное дарение себя друг другу. Но невозможно подарить себя тому, кто уже как бы владеет тобой, — то есть супругу. Отсюда и вытекает многомиллионная и бесконечная река супружеских измен.

А сейчас мои русские корни только болят, как воспалившийся нерв. Каждый день по телевизору в гостинице вижу стрельбу в Донбассе, разрушенные школы и детские сады, взорванные мосты. Показали больницу в Луганске, в которой кончился инсулин, и врачам не остается ничего другого, как ампутировать кровоточащие конечности несчастных диабетиков. Почему двадцать лет назад чехи позволили словакам отделиться и не послали танки на Братиславу, а украинцы в Киеве не могут последовать их примеру и дать независимость презираемым ими «москалям» — этого мне никогда не понять.

В последнем письме Джек Вилсон сообщил, что в его расследовании появился просвет, который заставляет его совершить путешествие куда-то на север. Я очень верю в его детективное чутье и в аналитические способности. Играя Бишмана для нашей программы, он весьма убедительно создает образ человека, способного хладнокровно планировать и эффективно исполнять задуманное.

Нет, я не стану искать для тебя в Интернете ни полосатую тюремную робу, ни оранжевый комбинезон узников Гуантанамо, ни даже черное платье вдовы. Только кринолин — из светлого шелка, с фестонами, на легких обручах, которые не будут помехой для нашего праздничного вальса, гавота, мазурки. АК

Люба пишет в Новгород в ноябре

Далекий и неумный!

Моя тоска затянула меня в болото отчаяния так глубоко, что я вдруг спросила себя: «А почему ты так уверена в его (то есть твоей) невинности?» Ты воссоздал на экране столько историй самых замысловатых преступлений, что можешь считаться экспертом в этих делах. Обнаружение автомобиля Бориса рядом с твоим домом делает подозрения полиции вполне обоснованными. То, что ты на свои деньги нанял частного детектива для расследования, вполне может оказаться идеальным отвлекающим маневром. Тем более что детектив — твой приятель. Он сумеет раскопать и представить версию, снимающую подозрения с тебя.

То же самое и Генрих. Не зря он носит такую фамилию. Если он мог столько лет изворачиваться между бывшей женой и любовницей да еще делать пассы и в мою сторону, чего нам следует ждать от него? Почему он не мог приложить руку к исчезновению Бориса?

За окном небеса наказывают нас то дождем, то градом, то какой-то грязноватой смесью снега и тумана. Редкие прохожие под зонтиками пытаются перешагивать через лужи, но на асфальте уже почти не осталось сухих пятен. Машины волочат перед собою водяные усы, их фары расплываются, как желтые глаза гигантских кошек.

Славик, видя мое состояние, старается помогать во всем, сам готовит себе завтрак по утрам, а мне заваривает крепкий кофе, без которого я уже не могу вернуться к дневной рутине. О нашей переписке с тобой он не знает, поэтому не может понять, почему моя тоска окрашена таким сильным чувством вины.

Ты, я вижу, способен еще видеть что-то светлое впереди, планируешь наше совместное путешествие по России. Я бы согласилась, если бы ты нашел маршрут не по туристским красотам, а по самым горестным местам, помнящим мучения и катастрофы: Соловецкие острова, Беломоро-Балтийский канал, Мордовия, Магадан, Чернобыль, Донбасс.

Одна одинокая подруга призналась мне: «У меня не осталось наволочек без дыр — я по ночам грызу их зубами». Готова последовать ее примеру. Снова в голове настойчиво звучат строчки из Новеллы Матвеевой, но уже из другой песни: «Ах, вернись, вернись, вернись! Ну, оглянись, по крайней мере».

Приближается День благодарения. Впервые не найду в душе ни щелки для чувства благодарности. Боже мой, будет когда-нибудь этому конец?! Л. Ф.

Ноябрьские кинокадры

Самолет идет на посадку.

На здании аэропорта надпись: ОТТАВА.

Из дверей в толпе других пассажиров выходит Джек Вилсон.

Автобус довозит его до пункта аренды автомобилей. Получив голубенькую «тойоту», он выезжает под легкий снежок. Мы видим, как его рука включает экранчик GPS, набирает слова «Посольство Республики Афганистан».

«Тойота» едет по улицам канадской столицы. Останавливается через дорогу от небольшого здания, упрятанного за решетчатыми воротами. Рядом с калиткой — будка с полицейским.

Вилсон открывает портфель, достает оттуда папку с фотографиями, начинает перебирать их. Крупным планом: двое мужчин обнимают друг друга за плечи. Внизу надпись авторучкой по-английски: «Boris and Khalib». Еще несколько фотографий тех же мужчин — вместе и по отдельности. В заключение — фотография старшего, с обритой головой и бородкой. Подпись: «Boris today».

Вилсон достает фотокамеру с дальнфокусным объективом, наводит ее на ворота. Вечерет.

Из калитки поодиночке начинают выходить сотрудники посольства. Когда появляется Халиб, Вилсон несколько раз нажимает на затвор камеры.

Халиб садится в подъехавшее такси, уезжает.

Голубая «тойота» следует за такси, держась в отдалении.

На фоне темнеющего неба появляется светящаяся вывеска: «Пещера трех пиратов. Бар и ресторан». Такси останавливается, Халиб расплачивается, входит в здание. «Тойота» находит место на стоянке. Внутри автомобиля Вилсон достает из портфеля кожаную черную фуражку, черные перчатки с фигурными вырезами на запястье. Снимает пальто, под которым открывается черная кожаная куртка. В таком преобразенном кожаном-черном виде он входит под светящуюся вывеску.

Народу в ресторане еще не очень много. Одни мужчины, не пытающиеся скрывать своей принадлежности к сексуальному меньшинству. Вилсон садится к стойке, заказывает пиво. Видит Халиба, сидящего за столиком в одиночестве. Подсаживается к нему.

ВИЛСОН: Простите, вы давно живете в Оттаве?

ХАЛИБ: Почти полгода.

ВИЛСОН: А я только что прилетел. Ищу жилье. Не подскажете ли подходящий район? Чтобы было прилично, безопасно и не очень дорого.

ХАЛИБ: Своим кондоминиумом я очень доволен. И видел в конторе, что есть свободные квартиры.

ВИЛСОН: Правда? Не дадите ли адрес?

ХАЛИБ: Пожалуйста. *(Достает визитную карточку, кладет на стол.)*

ВИЛСОН *(фотографирует ее смартфоном)*: Прямо камень с души. В чужом городе поначалу все пугает. Кстати, меня зовут Джек Вилсон. Я актер из Нью-Йорка. Получил здесь небольшой ангажемент на год.

ХАЛИБ: Если холод и снег вам привычны, обживетесь здесь скоро.

В этот момент в ресторан входит новый посетитель. Это тот самый мужчина с бородой и усами, фотографию которого Вилсон рассматривал в автомобиле. Борис Филимонов видит Халиба, направляется прямо к его столику. Халиб встает ему навстречу, распаивает объятия. Борис обнимает его, крепко целует в губы. Поцелуй длится достаточно долго, чтобы Вилсон успел незаметно заснять его на смартфон.

ХАЛИБ: Знакомься, это Джек Вилсон, актер из Нью-Йорка. Он ищет жилье, и я посоветовал ему наш кондоминиум.

БОРИС: Правильно, соотечественникам надо помогать.

ВИЛСОН: Я так вам признателен. Если мне понадобится помощь или совет, могу я позвонить вам?

БОРИС: Конечно, в любой момент. *(Достает и протягивает визитку.)*

Камера показывает ее крупным планом:

БАВИЛОН
Бюро переводов
Директор
Филимон Борисов
e-mail: liubagero@yandex.com

ДЕКАБРЬ

Артур пишет Любе из Нью-Йорка

Бесценная!

У меня нет слов, чтобы описать счастье и облегчение, испытанные мною по возвращении из Новгорода. Ликующий Джек Вилсон встречал меня в аэропорту и уже издали, из-за барьера показывал победное V из двух пальцев. Он имеет право гордиться. Не всякий сумел бы так вчитаться в твои письма и извлечь из них эту путеводную ниточку: дружба Бориса с Халибом, совместные визиты в парилку, отъезд Халиба в Канаду, начало тоски Бориса.

И еще в одной важной детали чутье не обмануло нашего детектива: злоумышленник, то есть сам Борис, таки прокрался в наш гараж, украл оттуда садовые ножницы с отпечатками моих пальцев и подбросил их в автомобиль рядом с пятнами своей крови. Если бы я не сбежал на месяц в Россию, меня точно арестовали бы и я бы получил шанс лично познакомиться с тюремной жизнью, которая пока остается невидимой для телеобъективов канала «Следопыт».

Что двигало Борисом? Почему он не мог цивилизованно признаться тебе во всем и уехать к своему возлюбленному в Оттаву? Неужели чтение нашей переписки привело его в такую ярость, что он решил мстить нам, как какой-нибудь граф Монте-Кристо? Или месть предназначалась одному мне? И он надеялся, что его объявят погибшим, меня запихнут за решетку, а ты получишь свои страховые полмиллиона? Но неужели, зная тебя, он не предвидел, на какой кошмар он обрекает тебя своей мистификацией?

Сознаюсь, во мне накапливается желание расплатиться с ним за наши страдания. Но ни Джек Вилсон, ни мой друг, лейтенант полиции Запата, не видят, как это можно сделать легальными путями. Формально он не нарушил никаких законов. Миллионы мужей страхуют свою жизнь в пользу жены, тысячи из них потом могут сбежать к новым возлюбленным. Пытался ввести в заблуждение следствие? Он заявит, что понятия не имеет, кто проделывал манипуляции с автомобилем, оставленным им в Нью-Йорке.

Но главное для меня сейчас — узнать, как ты.

Камень свалился с души? Ты счастлива? Или все же новая горечь гложет? Брошенная, оставленная жена — ведь это, по правилам ГУЛАГа, позор и унижение. Полагается грызть наволочку по ночам. А с твоим талантом во всем искать только свою вину тебя может унести на избитую тропинку: «Что я сделала не так, что он захотел оставить меня?»

Взываю: не винись, не кайся, не жалея!

Радуйся тому, что Борис жив и, может быть, нашел свое счастье.

Вы прожили двадцать лет в любви и согласии — много ли пар сегодня могут похвастаться таким сроком? Славику уже восемнадцать, вы дали ему созреть в домашнем тепле, и он потопает дальше по жизни без тех травм и шрамов, какие оставляет в детях ранний развод родителей.

Другое дело: как тебе жить дальше? Сможешь ли ты в одиночку тянуть переводческое бюро? Или придется искать работу в библиотеке? А может быть, Генрих воспользуется внезапной удачей и предложит тебе руку и сердце? Ведь формально он не женат сейчас ни на одной из своих дам. Почему бы ему, еще не замороженному, не воссоздать схему, изображенную в телесериале «Большая любовь»?

Напиши мне поскорее хотя бы несколько слов — мне это ужасно важно. АК

Люба пишет Артуру в декабре

Дорогой мой!

Друзья недавно прислали из России такую историю. Судили одного человека за убийство. Вина его была доказана несомненно, но прокурору захотелось для красочности вызвать в качестве свидетельницы еще и вдову убитого. Оказавшись в судебном зале, эта женщина вдруг направилась к обвиняемому, упала перед ним на колени и заголосила: «Голубчик ты мой! Век буду за тебя Бога молить! Избавил меня от изверга и мучителя! Избивал он меня каждый день. Пошли тебе, Господи, долгие годы жизни и здоровья. А я стану свечки ставить и слать тебе передачи в зону».

Так и я.

По сути, ты явился причиной разрушения моей семьи. А я готова видеть в тебе только избавителя от невыносимых мучений. За два месяца я настрадалась так, что не побоюсь назвать Бориса «извергом» в лицо. Впрочем, надеюсь, что адвокаты провернут развод, не заставляя нас встречаться друг с другом.

Я читала, что гомосексуальные пристрастия у мужчин могут просыпаться довольно поздно. И при этом влечение к женщине не умирает. Во всяком случае, я не почувствовала никакой перемены в поведении мужа. Его дружба с Халибом, неожиданное увлечение юным канадским певцом не заронили никаких подозрений.

Наверное, ему было мучительно — скрывать проснувшиеся эмоции. Но все равно: это не оправдывает того, что он сделал. Так тщательно спланировать и осуществить месть нам с тобой! Ведь он всерьез надеялся, что нас будут судить и отправят в тюрьму.

Сейчас по всем миру катится волна разоблачений католических священников, обвиненных в педофилии. И я подумала: а что должно было происходить в средние века? Однополая любовь была под запретом. В Библии сказано прямым текстом: «Кто ляжет с мужчиной как с женщиной, подлежит смерти». Человек, обнаруживший в себе эти начатки, видел единственное спасение в том, чтобы спрятаться под рясой монаха или священника. Не удивлюсь, если какой-нибудь историк опубликует труд: «Католическая церковь как тайный союз гомосексуалистов».

«Каторга! Какая благодать!» — мысленно цитировала Аксенова-Гинзбург, когда тройка судей НКВД приговорила ее не к расстрелу, а к лагерям. А я вспоминаю из того же Пастернака: «Жизнь вернулась так же беспричинно, как когда-то странно прервалась». Ты и твой Вилсон спасли меня — чувство благодарности преодолевает сейчас все остальное.

Конечно, выживать будет нелегко. Славик рвется отложить колледж и поступить ремонтником компьютеров, пока я буду искать работу. Уже нашел мастерскую, которая согласилась нанять его. Мне ничего не остается, как смириться и принять его жертву.

Не думаю, что Генрих или кто-то другой захочет связываться с разведенной дамой, достигшей пятого десятка. У него ведь отношения с ГУЛАГом запутанные: то убегает, то спешит обратно за колючую проволоку.

Зато со мной — я это чувствую — явно произошло преобразование. Да, да — можешь торжествовать! Силы вернулись к твоей Геро, и она снова зажигает лампу

в своем окошке. Плыви, мой Леандр! И ты, и твой десантник будете встречены со всей нежностью, какая еще осталась в душе после пережитых потрясений. Л. Ф.

Артур пишет Любе накануне Рождества

О, преображенная и незабвенная!

Пишу тебе в великом и покаянном смущении.

Твой неутомимый пловец, твой пожизненный беглец из ГУЛАГа кончил тем, что неосторожно заплыл назад за колючую проволоку. Катанье с горки под названием «Барбара Хилл» закончилось роковым падением, и мышеловка захлопнулась. Три недели в Новгороде горят в памяти как сладостный мираж. Со времен «парижанки» я не переживал такого сгустка счастья, плавящегося под сердцем.

Барбара одаривает меня собою щедро и порой даже самозабвенно. Но при этом выяснилось, что в ГУЛАГе она не только заключенная, но и страстная и убежденная надзирательница. Она готова смириться с Женечкой в моей жизни, но объявила, что не потерпит никаких других отклонений. «Шаг вправо, шаг влево — считается побег! Конвой открывает огонь без предупреждения!»

О нашей с тобой переписке она узнала от Джека Вилсона. Было выдвинуто требование: «Поклянись, что с этим будет покончено. Для меня невосносим статус *одна из*. Пока мы вместе, я должна ощущать себя единственной».

Благодарю тебя за длинное плавание прошедшего года, за эти электронные вспышки очаровательных посланий, за мечты и стриптизы, за трепыхание сердца по дороге к компьютеру — будет в дупле записка или нет? Как знать, может быть, мы когда-нибудь встретимся, и возгорится «старое пламя». Может быть, я когда-нибудь вернусь за плащом, все еще висящим на гвозде в твоём доме.

Леандр, утонувший в пении роковой сирены.

Декабрьские кинокадры

Студия телеканала «Следопыт». Полуобнаженная Барбара сидит в кресле, Артур перед ней на коленях. Она, запустив пальцы ему в волосы, трет себя по голой груди его лицом, как мочалкой.

Раздается стук в дверь.

АРТУР: Минуточку!

Барбара неохотно выпускает его голову. Встает, надевает халатик, садится в стороне.

Артур отпирает дверь, выпускает лейтенанта Запату.

ЗАПАТА: Я помешал?

АРТУР: Мы репетировали интимную сцену между супругами Бишман. Как идет расследование?

ЗАПАТА: По сути, мы зашли в тупик. И Кренц, и Бишман стоят на своем. Ясно, что убийство имело место. Но кому из двоих предъявить обвинение, мы не знаем. По телефону ты сказал, что у тебя для меня есть рождественский сюрприз. Как видишь, я сразу примчался.

АРТУР: Мы сортировали материалы, привезенные из Новгорода. Буриловы дали мне сфотографировать письма и открытки Тамары из Америки. В том числе и последнюю открытку, которую она писала в самолете на пути в Нью-Йорк. Увеличив снимок, я смог наконец прочесть постскриптум. Это и есть мой подарок тебе.

ЗАПАТА (*рассматривает протянутый ему снимок*): Ты же знаешь, кириллица мне недоступна.

АРТУР: Перевод — на обороте. Постскрипtum был написан явно уже после приземления самолета. (*Читает.*) «Долетела благополучно. Гарольд прилетел раньше, встретил у выхода. Сказал, что в доме у нас испортилось отопление, придется заночевать у Дугласа».

ЗАПАТА (*вскакивает, испускает ликующий вопль, танцует румбу*): Вот это подарок так подарок. (*Обнимает Артура.*) Конец мистеру Бишману, теперь не уйдет. Выходит, он летал в Россию с единственной целью: заманить жену обратно и казнить ее здесь.

АРТУР: Думаешь, он созрел для ареста? И мы можем кончать ленту в варианте «убил муж»?

ЗАПАТА: У меня нет никаких сомнений.

БАРБАРА: Но какой поворот судьбы! Убитая из гроба смогла отомстить своему убийце. А он-то воображал, что все провернул без сучка без задоринки.

ЗАПАТА: Увидев этот документ, прокурор выпишет ордер на арест тут же. Ложь Бишмана стала очевидна, значит, можно верить Кренцу. Он получит свое «имьюнити» и покажет нам место захоронения. Сгорел мистер Бишман, спекся!

БАРБАРА: Ох, не спешите! Если его адвокат сумеет отобрать в присяжные хотя бы несколько мужчин, прошедших через развод, они очень могут вынести оправдательный приговор. В душе будут думать: «Придушил изменницу — и правильно сделал».

К О Н Е Ц

Наум СИНДАЛОВСКИЙ

* * *

Заключили тайну в тайне,
Словно музыку в трубу,
Словно в первое свиданье
Всю дальнейшую судьбу.
И за дело ль, не за дело,
Как беспаспортных бродяг,
Заключили души в тело
И не выпустят никак.
А душа, когда стихает
Тел здоровых шумный пир,
Одинокими стихами
Изливается на мир.

* * *

Немого восторга ничтожная доза
Способна нарушить порядок в строю.
Я видел, как кожу меняет береза,
Роняя вчерашних одежд кисею.
Я слышу паденья их пепельный шорох,
И вздох облегченья от встречи с землей,
И шепот листвы невесомый, как порох,
Который по осени станет золой.
Неловкая слабость пройдет, как усталость.
Белеют стволы обновленных берез.
Но что-то осталось. Но что-то осталось
От тех неожиданных метаморфоз.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ГЁТЕ

Пляшут тени полнолуныя
В переплетах меж окон,
Будто старые колдуньи,
Из языческих времен.
Бьется пламя в дымоходе,
Рвется в каменную щель,
Будто правда об исходе
Есть единственная цель.

Наум Александрович Синдаловский родился в 1935 году в Ленинграде. Исследователь петербургского городского фольклора. Автор более двадцати книг по истории Петербурга: «Легенды и мифы Санкт-Петербурга» (СПб., 1994), «История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах» (СПб., 1997), «От дома к дому... От легенды к легенде. Путеводитель» (СПб., 2001) и других. Постоянный автор «Невы», лауреат премии журнала «Нева» (2009). Живет в Санкт-Петербурге.

Бьется в двери дикий ветер,
Выбивая пляску ног,
Будто это и не вечер,
А Вальпургиева ночь.
Будто кто-то метит строфы
И читает между строк.
Будто в доме Мефистофель
Отбывает вечный срок.

* * *

И как гвардейские кирасы
Темны без отблеска зари, —
На мозаичных главах Спаса
Приметы Спаса на крови.
Мозаик огненные капли
Стучат набатом вечевым,
И окровавленные камни
Преподают урок живым.
И звуки волн в канале тонут,
Не нарушая тишины,
Как императорские стоны,
Что до сих пор еще слышны.
И отливая блеском смальты,
В тревожном ожиданье стуж,
На купола глядят асфальты
Глазами непросохших луж.

* * *

Снова Пухтоловы горы
Оглушают тишиной.
Позади остался город,
Словно шепот за спиной.
Словно чьи-то пересуды
Стелют дымом без огня.
Неподвижные, как Будды,
Горы встретили меня.
Главы их в дубах и липах,
Плечи в зелени травы.
И на спинах их не липнет
Городская грязь молвы.
Терпеливые друг к другу
И послушные Творцу,
Им общественная ругань,
Слава богу, не к лицу.
Я кричу у их подножья,
Чтоб, как в грех, не впасть в нытье:
Все мое! Мое и Божье...
Каюсь, Божье и мое!

* * *

Над спящей вершиной соседней горы
Прносятся ночью иные миры.
И ветер доносит до наших садов
Чужое дыхание их городов.
Их окна в подтеках космических гроз
Отмечены светом мерцающих звезд.
И честное слово, я слышал, как некто
Бормочет стихи на чужом диалекте.
И вижу, о Боже! По лезвию света
Он шлет их поэтам на нашу планету,
Чтоб кто-то из них, просыпаясь в тиши,
Схватил бы бумагу и карандаши.
У них, у поэтов, такое явление
Всегда объяснялось одним озареньем.
И лишь по проществу прожитых лет
Ссылались на Бога. Которого нет.

* * *

Ни Бога, ни черта не знаю.
Мне храмы что груда камней.
Я встану, коль надо, под знамя,
Которое ближе ко мне.
Но если до выбора веры
Дойдет на последнем году,
Скорее пойду к Люциферу,
За то, что он гибнет в аду.

* * *

Чтоб не мучило одиночество
От начала и до конца,
Нам в наследство досталось отчество
Богоизбранного отца.
И когда по морям и посуху
Мы прокладываем пути,
С этим отчеством, точно с посохом,
Нам увереннее идти.
И молитву мы, как пророчество,
Произносим на склоне лет:
Пусть останется имя отчеством
Для идущих за нами вслед.

* * *

По Неве в предверье лета
Проплывают глыбы льда.
По народным, по приметам,
В город хлынут холода.

Берега Невы в гранитах,
Чтобы не было беды.
Суверенные границы
Безответственной воды.
От ее слепых агрессий
Ужас в городе и страх.
И не зря поставлен Крейсер
На прибрежных рубежах.
И как ушки на макушке,
Насторожены во мгле
Петропавловские пушки
И Кораблик на Игле.
И дома гвардейским строем
Стали тесно вдоль Невы.
Город может спать спокойно,
Если кто пойдет «на вы».

* * *

На ягодных ветвях уже ни слив, ни вишен.
Осенние дожди вершат круговорот.
Сороки верещат и облетают крыши
В надежде отыскать приют от непогод.
Осенние ветра колотятся о стены,
Пытаются войти в печные жерла труб,
И смахивают дым, как смахивают пену,
Не расточая сил, одним дыханьем с губ.
Осенний горизонт теряется в тумане,
Ночные холода захватывают власть,
И небо тяжело повисло над домами,
Готовое вот-вот сорваться и упасть.
Осенний свет звезды, как тусклый свет от лампы,
Меняет лес мундир, изодранный до дыр.
И мы с тобой стоим. Атланты — не атланты,
Но стоит нам уйти, и сразу рухнет мир.

Ангелина ЗЛОБИНА

ВАЛЬС ДЛЯ КЕРОСИНЩИКА

Рассказ

Эту мелодию Колышев с детства не любил, особенно если ее исполняли на баяне. Вечно там что-то постукивало, как будто пальцы отлипали от клавиш, музыка тянулась, как патока, астматически задыхаясь на полуфразе.

Колышеву сразу вспоминался школьный утренник — спортзал, елка на сосновой крестовине, девчонки из младших классов в марлевых платьях, красноносый баянист дядя Гена в заношенном пиджаке, надетом поверх синей олимпийки. А потом, с тем же баяном — насупленный пацан-третьеклассник, карамельная душа. От сквозняка дождь на елке вело в сторону, за окном мело...

Колышев учился во вторую смену, по утрам маленький кухонный приемник заливался бодрой пионерской побудкой, потом изводил нудными писательскими проповедями, а наговорившись, вежливо сообщал: «Ребиков, вальс из оперы „Елка“». Звучала тихая музыка, мать шинковала капусту для щей, на сковороде что-то скворчало.

«Старый пень! — вздыхал Колышев. — Кто теперь помнит эти кухонные трансляции...»

Он ухмыльнулся, когда увидел ник в чате — Елка — а тут еще на улице повалил снег, крупные белые хлопья на фоне серого неба. Когда кабинет с панорамным окном на высоте птичьего полета, снегопад уже не пейзажная лирика, а масштабное шоу с перемещением атмосферных фронтов и световыми эффектами.

Колышев напел, дурачась, знакомый вальсок и написал:

- Дерево, знакомиться будем?
- Смысл?
- Кофейку испить, пообщаться. Я очень добрый.

Ответа не последовало. Библиофилы от общения с Колышевым уклонялись, проконсультировали пару раз по поводу старых книг, но так вежливо и холодно, будто Лева забрел в академическую читальню эдаким заблудившимся оккупантом — на следил, спросил глупое и не уходит.

Правда, некая Дарина похихикала с ним немного, но скоро попрощалась, сославшись на неотложные дела, и исчезла.

Днем, когда Колышев сидел на совещании у Главного, Дарина снова появилась, спросила у знакомых про какого-то Филина, завязался пустяковый разговор, аккуратная

Ангелина Злобина окончила художественное училище, работала художником-оформителем, видеодизайнером, художником-постановщиком, сценаристом. Рассказы и повести публиковались в журналах «Нева», «Новая Юность», «Урал», «Сибирские огни», «Звезда», «Голос эпохи», «Чайка» (США), альманахе «Русский глобус» (США), «Порт-фолио» (Канада). Повесть «Странная моя птица» в 2014 году вошла в длинный список премии Ивана Петровича Белкина. Повесть «Лето мое» и рассказ «Любка» в 2015 году вошли в длинный список Бунинской премии. Живет в Москве.

офисная пикировка, кто-то упомянул Елку, она тут же отозвалась — отвечала быстро, с ехидцей. Диалог чуть оживился.

Лева строго смотрел в ноутбук, разгадывал кроссворд и краем глаза следил за репликами в чате. Совещание между тем перешло в конфликтную стадию — закончились финансовые отчеты, и теперь Главный яростно распекал двух замов. На фоне клубящихся за его спиной туч разнос выглядел эффектно, не хватало только зигзагов молний и пурпурного зарева. Замы оскорбленно молчали, все остальные молчали тоже, но изображали на лицах укор и напряженную работу мысли.

- Как жизнь, Ель? — написал Колышев.
- Нормально, Керосинщик. А ты как?
- Жду расстрела.
- Во сколько мероприятие?
- Уже началось, я в конце списка.
- Время есть, может, еще и передумают.
- Ель, а как насчет кофе?

Елка не отвечала. Кроссворд тоже не поддавался. Совещание затягивалось.

На улице посветлело, включенные облака плыли в сторону, клубясь и изредка пропуская к земле неяркие солнечные лучи. Город лежал внизу, как рассыпанный мусор: дымился, тлел, что-то там мелькало, вспыхивало, копошилось на магистралях. Голубой оттенок стекла слегка облагораживал панораму, а вертикальный выступ главного здания — карандаш, как его называли, выглядел фантастически — серый кристалл со ступенью у острия башни.

Выйти бы туда, сдержанно откашляться в микрофон и вдруг прозвучать над городом с диктаторской задушевностью: «люди!» Или вывести на этот просцениум того самого баяниста со школьного утренника. Поставить табурет на стеклянный выступ, посадить мужика, приобнять по-родственному и сказать: «Спокойно, дядя Гена! — и обвести ладонью морозно дымящийся простор, — Тут все свои. Давай сыграй чего-нибудь!»

И поплывет над замерзшим городом кроткий хроменький вальс, захлопают клавиши, завздыхают меха. Закружатся снежные хлопья, остановятся машины, прохожие замедлят шаг и станут изумленно озираться, как деревенская школоты на кремлевской елке.

Что бы им такое сказать...

— Лев Петрович, — Главный после небольшой паузы снова возвысил голос, будто предполагал, что Колышев там вдали задремал от невнимания, — как у вас подготовка к визиту продвигается?

— Работаем, Денис Сергеевич. Пока все по плану.

— Хорошо, — начальственный тон немного смягчился, — не буду повторять, как для нас важно, чтобы все прошло на должном уровне. Надеюсь на ваш опыт. Кстати, Лубенникова подробно инструктируйте. Личная безопасность теперь на нем, так что...

— Конечно, Денис Сергеевич, все обсудим.

Колышев, деловито нахмурившись, наклонился к сидящему рядом Лубенникову и тихо спросил:

— Как называется пишущий хайку? Семь букв, четвертая «д».

Тот еле слышно процедил в ответ: «Я тебе потом скажу» — и что-то записал в блокноте.

После совещания Лубенников пошел рядом слевой.

— Ну что, насчет визитера инструкции будут? — спросил он.

— Да ничего сложного, ты особо не парься, — расслабленно ответил Колышев, — он нормальный мужик, несмотря что министр. Пожилой, интеллигентный, неговнистый. С заскоками, правда... Скажи своим из сопровождения, пусть напомним ему деликатно, что сигару изо рта иногда нужно вынимать. В Мавзолее, например, курить не стоит. В ГУМе тоже не всем нравится, когда курят.

— Он так и будет тайком ездить? — спросил Лубенников.

— Судя по всему, да. У него бизнес с нашими, там это не приветствуется. Так что корректирует стратегию в неформальной обстановке и девок своих заодно выгуливает: бутики, Большой театр, кремлевские музеи, дискотека.

— А что за девки?

— Одна его невеста, вторая — дочь от первого брака. Ровесницы. Шнобели у обеих побольше, чем флюгер на твоей крыше в Нахабино, обе тощие, с лица темные, как мумии.

Колышев и Лубенников вошли в лифт, две изящные барышни из секретариата прервали беседу и метнули взгляды в зеркало. Одна медленно поправила прическу. Лева проследил за ее рукой и усмехнулся.

— Танюш, как дела?

— Отлично, — сдерживая довольную улыбку, ответила девушка.

— Лубенников на новоселье зовет, поехали? В снегу поваляемся.

— В другой раз.

Барышни вышли. Когда двери за ними закрылись, Колышев продолжил:

— Насчет видеонаблюдения — там никого учить не надо, ребята ушлые, отработают незаметно. Сам-то встречать поедешь?

— Поеду, наверное.

— Ну и правильно. Как увидишь в аэропорту ушанку с красной звездой во весь лоб, значит, встретил. Он эту шапку на Арбате купил в прошлом году. Да ладно, шучу я. Он нормальный, я же говорю. Шерлок Холмс такой: пальто, шляпа.... сигара в зубах. Кстати, о новоселье: как нахабинское поместье, готово?

— Смеешься? Там еще работы на пятилетку. Сам-то как, ремонт закончил?

— Не-а. Я уже привык! Это теперь мой образ жизни. Как все сделают — я нарочно все ломаю и заново начну. Если только раньше прораба или дизайнера не убью.

* * *

Год назад Колышев купил квартиру в новостройке, простор — хоть в футбол играй, вид с лоджии почти такой же, как из окна рабочего кабинета.

Явились загорелые усатые люди, похожие на разорившихся виноделов, принесли матрасы и электрический чайник, встали табором на новой жилплощади и начали неспешно преображать пространство. Время от времени приезжал дизайнер, наблюдал за ремонтом. бродил с колышевской женой Натальей по комнатам, застеленным полиэтиленом, вел приятные беседы о колорите и зонировании. Рядом они смотрелись довольно комично: Наташка широкая, как слониха, окатистая, яркая, а этот — тонкий, бледный, коленки и локти острые, как у кузнечика.

С левой он тоже как-то раз пострекотал, развивал мысль о том, что домашняя библиотека облагораживает пространство.

Колышев вспомнил родительскую квартиру, корешки подписных изданий за стеклянными дверцами румынской стенки и скривился.

— Да ну, пыль одна.

— Вы аллергик? — дизайнер почему-то обрадовался.

— Нет, просто тоска у меня от дерматиновых переплетов. Да и кому эта макулатура сейчас нужна!

Но Наталья воодушевилась, ей в мечтах явился уютный уголок в свете настольной лампы: шкаф с книгами, часы на каминной полке, бронзовая собачка. Камин построили, часы купили, и даже собачка приехала с венского блошиного рынка — маленький кривоногий бульдог с глазами-дырочками. А книги Наталья привезла с отцовской дачи — немного, всего пару коробок. Содержимое одной ничем не удивило, скорее, подтвердило унылые предположения Кольшева, а в другой оказались десять разрозненных томов «Библиотеки великих писателей» Брокгауза и Ефрона, ветхий томик Толстого с «Крейцеровой сонатой» 1905 года издания и подшивка журнала «Нива».

Кольшев поначалу загорелся идеей найти недостающие брокгаузовские тома, но вскоре отвлекся на другие дела и забыл. А на книжный сайт он попал случайно — кликнул какую-то ссылку, увидел стопу фолиантов под логотипом, пригляделся, почитал и зашел в чат, назвавшись Керосинщиком.

Он лихо поздоровался, не слишком удачно скаламбурил насчет Вельзевула и Эльзевиров, потом присмирел и задал пару вопросов о книгах, ответы получил, но уходить, как ни странно, не торопился.

Что-то Кольшева задело в тоне завсегдатаев, они будто хотели поскорее избавиться от него — всё объяснили, попрощались и взяли паузу. А потом появилась реплика Елки:

— И еще несколько часов в воздухе витал жирный навязчивый запах керосина...

Дарина нарисовала десяток смайлов и добавила:

— Судя по всему, он к нам пришел навеки поселиться.

— Не он первый. Как пришел, так и уйдет, — ответил Филин, — разумеется, если ты прекратишь с ним кокетничать и займешься наконец каталогом.

— Я всего лишь проявила доброту и снисходительность! — возмутилась Дарина.

— Ну а теперь самое время проявить кротость и усердие.

«Да пошли вы в болото, кони обглоданные! — разозлился Лева, — сидят в своих книгохранилищах, как билетеры на свалке, и пузыряются от спеси!»

Однако на следующий день он снова заглянул на страницу с фолиантами и, увидев знакомое имя, ввязался в разговор.

— Ель, здорово, — начал Кольшев.

— Привет, Керосинщик.

— Давай дружить. Я Лева.

В разговор вмешалась Дарина:

— Задов? — ее реплика, как всегда, завершала череду смайлов.

— Передов, моя девочка. Я очень добрый, хочу дружить с Елкой.

— Дружи со мной, Лева, я тоже добрая!

— С тобой нельзя. Я переполнен добром, желаю оказать дереву донорскую помощь, восполнить дефицит.

— Это каким же образом?

— Наряжу, полью шампанским, подключу к бесперебойному источнику питания.

— Судя по всему, ты переполнен не добром, а баблом, — это уже от Елки без лишних скобок.

— Одно другого не исключает!

— Верно. Как, впрочем, и то, что одно из другого не следует. Однако мне пора, всем привет!

Кольшев заходил каждый день, перекидывался парой слов с Дариной или Филиным, пугал случайных посетителей, Елку дразнил, подначивал, но после диалога с ней каждый раз чувствовал себя так, будто ему смазали по физиономии и выставили за дверь.

«Ничего, — думал он, — охота — дело долгое. Главное — из норы выманить».

Дарина как-то раз посплетничала с Колышевым, сказала, что на самом деле ее зовут Даша и работает она секретарем в университетской библиотеке. Еще рассказала о том, что завсегда та чата когда-то вместе учились, ездили в экспедиции, встречались в компаниях. Они и сейчас встречаются иногда, но больше по работе — конференции, семинары. Даша почти никого из них не видела, кроме Филина — он ее начальник — и Ермакова — он к ним заходил однажды, приносил журналы со своими публикациями. Елку не видела, но знает, что та работает в отделе редких книг, иногда что-то переводит, не замужем, но вроде и не одна... В свободном браке, скорее всего. Есть у нее сын лет десяти или двенадцати.

Почему Елка? Да очень просто — Елецкая Клавдия Антоновна.

Колышев скривился: вот как, оказывается — Клавдия Антоновна! Ну, понятно, старая гримза эпохи печатных машинок. Теперь уж Клавой живого человека не назовут.

Лева представил строгую тетку в старомодных очках и с пучком на затылке. Такая у него в школе преподавала литературу — мелкая, сухая, дотошная. Иногда ее глаза начинали хищно сиять, а голос становился ядовито-сладким: «Колышев, и ты наивно полагаешь, что я тебе поверю?»

«Ничего я не полагаю, я учил...» — бубнил он в ответ.

Его вдруг осенило: а ведь литераторше тогда было едва за пятьдесят, а казалось — злая старуха в заношенном суконном костюме и в монашеских туфлях. В шестом классе Лева мечтал ее убить — проткнуть огненным мечом или затравить драконами.

Не вставая с кресла, он потянулся к шкафу, достал начатую бутылку виски, бокал и развернулся к окну. Снова вспомнился грустный рождественский вальсок, запах хвои и томительное ожидание свободы — криков и толкотни в раздевалке, каникул, праздника...

Колышеву вдруг стало обидно, что через пять лет и ему стукнет полтинник и что Наталья к сорока годам как-то нехорошо раздалась, отяжелела, даже голос стал грубым, как у торговки. А была симпатичная, фигуристая такая, смешливая. Как же они тогда в одной койке-то оказались... Вроде ничто не предвещало, да и пришла она с кем-то другим. Тоже, кстати, дело было в новый год.

Колышев накануне вернулся из пражской командировки, самой первой и поэтому недолгой. И сразу после по-осеннему бесснежного, нарядного чешского Рождества с легким морозцем и запахом булочек с корицей угодил в серую московскую вьюгу. Встретился на улице бывший однокурсник с двумя веселыми подружками, позвал в гости...

Утром первого января Лева проснулся на раскладном кресле в чужой кухне — слева холодильник «ЗИЛ» и Наташкина макушка со спутанными темными кудрями, справа окно, за окном снегопад, на подоконнике повязанная марлей трехлитровая банка с чайным грибом.

Похмелье было лютое — внутри все горело, капель из крана отдавалась эхом в затылке, от света ломило глаза. Студенистый диск с серыми лохмотьями, ровно округлившийся в границах банки с желтой водой, вызывал рвотные спазмы. Да и вся убогая квартирка, засаленная поколениями нищих жильцов, будто пьяненько усмехалась и смела на что-то намекать. Под окнами дворники начали наперебой скрести асфальт, в комнате за стеной зазвенела посуда, проснулся телевизор и запел печальным голосом Пугачевой все то же, новогоднее: «Благословляю вас на все четыре стороны».

Кольшев поднялся, забрал с подоконника банку, решительно направился в туалет и выплеснул гриб в унитаз. Наташка смеялась, закрыв лицо простыней. Потом они выпили теплого выдохшегося шампанского, и Лева воспрянул духом и телом.

Ему тогда светила долгая командировка, теперь уже на восток — звание, перспективы... Вопрос с женьбой надо было срочно решать.

* * *

Отставив пустую бутылку из-под виски к мусорной корзине, Кольшев развалился в кресле и положил ноги на низкий подоконник. За окном стало совсем темно, снег все еще сыпал, мелькал, размывал желтые огни. Соседняя башня-карандаш возвышалась над городом, как гигантский стеклянный полип идеальных очертаний, отражая и небо, и землю с ее мелкой муравьиной жизнью.

Кольшев поднес к подбородку пустой бокал и, насупившись, прорычал в него:

— Люди! вы меня видите? Я здесь, в серой стеклянной башне, пью виски. Я вас тоже не вижу. Как вы там? Все еще покупаете «Советское» шампанское к Новому году и смотрите одно и то же кино? Правильно. Это наши традиции, а без традиций нет никакого праздника, и вообще ничего нет. И что, ваши сердца до сих пор обливаются ностальгическим медом от заузного нытья под гитару? С ума сойти... Мое почему-то не обливается...

А помните чайный гриб в трехлитровой банке? Я помню, потому что я старый пень. И если б вы знали, люди, как я все это...

В кабинет вошел Лубенников.

— У меня к тебе вопрос, — бодро начал он прямо в дверях и с ходу водрузил на стол бумажную сумку-пакет.

У Кольшева зазвонил телефон, на экране возникла улыбающаяся Наталья.

— Да! — твердо ответил Лева. — Мне тут один вопрос надо решить, — продолжил он, — я задержусь...

Лубенников вынул из пакета коробку, распечатал, достал бутылку.

Кольшев оценил объем и вздохнул:

— ...часа на полтора, наверное.

* * *

Утром Кольшев томился, слушая интерактивное совещание, и пил нарзан. В чате двое незнакомых и Ермаков обсуждали тонкости хранения ветхих книг, мрачно острили насчет финансирования и политики, потом с той же мрачностью поговорили о погоде и умолкли. Видимо, разошлись по своим библиотечным закоулкам дышать пылью и чахнуть. Весельчаки.

Появилась Елка. Кольшев коротко поздоровался, а она заявила:

— Керосинщик, ты мне сегодня снился.

Лева даже слегка отпрянул от экрана и поставил стакан с нарзаном на стол. Секунду помедлив, он написал:

— Заинтригован. Продолжай.

— Ничего особенного, не надейся. Кажется, ремонт в квартире — полиэтилен на полу, мебели нет, окно открыто.

— Похоже, Ель! У меня ремонт недавно закончился. А я? Я на себя похож?

— Откуда ж мне знать? Я тебя не видела, кроме как во сне.

— Сейчас, погоди...

Колышев засуетился, стал выбирать фотографию попримечней, но вспомнил про училку с пучком, спохватился и послал прошлогоднее вьетнамское фото, где он в набедренной повязке стоит на камнях, раскорячившись, как паук, и целится копьём в воду. Хорошее фото, как раз для такого случая. Он бы и своей литераторше такое послал, если б знал куда.

— Нет, не похож, — ответила Елка. — Хотя... по сути то же самое.

— По какой еще сути?! Ты давай без намеков! — возмутился Колышев. — Кстати, ты тоже гони фото, так будет честно.

На почту прилетело письмо, Колышев открыл вложенный файл и озадаченно уставился в монитор.

С фотографии, улыбаясь, смотрела симпатичная молодая женщина с кофейной чашкой в руке. Гладкая рыжеватая челка набок, глаза голубые, нос курносый, джемпер вязаный.

— Ага, — проговорил Колышев, задумчиво почесывая подбородок. — Ага...

* * *

Ночью его разбудил звонок с незнакомого номера. Пока Лева соображал, стоит ли отвечать, телефон умолк. Наталья тихо сопела, обняв подушку и по-рыбьи приоткрыв рот.

Сон пропал. Лева побрел на кухню, налил себе холодного чая, присел к столу и включил ноут. В чате висели реплики двухчасовой давности — Филин с Ермаковым изругали статью общего знакомого и мирно попрощались. Елка один раз им возразила и больше не появлялась. Остальные, наверное, давно спали.

— Ель, ты здесь? — на всякий случай спросил Колышев. Никто не отвечал. Часы показывали половину второго. В списке гостей вдруг появился второй ник.

— Здесь.

— Чего не спишь, дерево?

— Работаю, как ни странно. Перевод надо успеть сделать.

— Отвлекаю?

— Да нет, на сегодня уже все. Сейчас чаю выпью — и спать.

— Ель, а тебя правда Клавой зовут?

— Правда, Лева.

Она первый раз назвала его по имени. Колышев расплылся в улыбке и заерзал на стуле. А она добавила:

— У меня есть две сестры, и у них тоже редкие имена.

— Евлампия и Агриппина? — предположил остроумный Лева.

— Старшая Агриппина, ты угадал. А младшая Евдокия. Дуняша.

— Родители начудили.

— И не говори! Папенька историк-русист.

Колышев заподозрил подвох и на всякий случай спросил:

— Ель, а чего Дашка говорит, что тебе тридцать пять? Врет, или фото старое?

— Врет, конечно, мне тридцать шесть. А фото позавчерашнее, просто свет удачно падает.

— Опера такая есть — «Елка».

— Есть. По сказке «Девочка со спичками».

— Девочка со спичками и Керосинщик! Это опасное соседство, Ель.

— Действительно.

— Но я осторожный.

— Да-да, и очень добрый, я помню.

Что-то происходило странное, давно забытое, похожее на плавное, едва заметное кружение. В доме стояла тишина, и разговор шел тихий, мирный, будто они, как два подростка, сидели летней ночью на крыше какого-нибудь старого дома, где никого, кроме кошек и сонных птиц, а над ними медленно поворачивалось темное, крапленое звездами небо.

Елка рассказала, что живет на окраине, за окном железнодорожные пути. К шуму поездов давно привыкла. А работает в центре, в доме, похожем на терем. Дом с улицы не видно, он во дворе, зажат между новыми постройками и старыми тополями. Работа интересная, нужная работа, хотя величина зарплаты и говорит об обратном.

Переводы иногда выручают, вот как сейчас.

Колышев хвастался фотографиями: он в кимоно на фоне буддийского храма, рядом игрушечное озерцо, вдали волны лесистых холмов.

Он за спиной темнокожего диктатора-коротышки, пузатого и улыбчивого. Рядом несколько человек в штатском и десяток камуфлированных парней с автоматами.

Он на яхте под незнакомым флагом среди невзрачных людей в строгих костюмах.

Елка уходила заваривать себе чай, потом возвращалась, спрашивала: «Ты еще здесь?», удивлялась, глядя на фото, говорила: «Надо же, как у тебя все интересно».

Часа в три они разошлись, синхронно отбившись пожеланием «спокойной ночи!» и с той же одновременностью обменявшись смайлами. Получилось смешно.

Засыпая, Колышев думал: «Моя будет. Уговорю».

Над темными крышами поплыли звезды, буквы, фразы, старые книги, убегающие окна электрички, кофейная чашка; и совсем близко, поворачиваясь с важностью астероида, пролетела бронзовая венская собачка с глазами-дырочками.

* * *

Полторы недели Колышев недосыпал из-за ночных разговоров, но был, как никогда, весел, нахален и великодушен. Десять дней он напевал всем надоевший вальсок, острил и строил планы.

Елка появлялась в сети поздно, ближе к полуночи, и каждый вечер Лева начинал исподволь следить за временем. Он почти никогда не ошибался — она заходила в чат вскоре после него, и завязывался пустяковый разговор: привет — привет, как жизнь — да ничего жизнь...

Оказалось, что ее легко рассмешить, и разозлить так же легко, но в этих ночных беседах она была уклончивей и спокойней, обходилась без ответных колкостей, наврное, потому что уставала за день.

Он расспрашивал ее о работе, о жизни вообще, подсмеивался над мышинной бедностью гуманитариев-энтузиастов, развлекал байками о своих азиатских или южноамериканских поездках. А иногда вдруг удивлял каким-нибудь случайно ухваченным знанием, из тех, что обычно достаются только самым любопытным и везучим очевидцам.

Елка пыталась осаживать его, когда он острил с апломбом богатого гринго, а Колышев запугивал ее бытом и нравами аборигенов. Елка сердилась, потом смеялась, когда Лева рассказывал, как его едва не женили в одной из командировок.

Они вместе пили чай, она — черный с медом, он — зеленый с запахом мокрого сена. Расходились обычно около двух часов ночи.

Но диалог странным образом не прекращался — удачно складывались не придуманные вовремя фразы, в любой момент возникало краткое ощущение присутствия; и вообще все, что раньше виделось мельком, как пыль на обочине, вдруг оказалось забавным и даже нахально-двусмысленным.

Утром возле автомойки три чернокожих парня в костюмах Санта-Клаусов изображали роботов, последовательно включаясь в плавное механическое движение. Один наклонился, зубасто улыбнулся Колышеву и замер, будто его заклинило в пояснице. Рука приветственно закачалась с четкостью метронома. Ладонь у парня была темно-розовая, цвета говяжьей ветчины. Светофор включил зеленый свет, пацаны в красно-белых шапках поплыли мимо. На только что вымытом боковом стекле остался флаер с логотипом ночного клуба и новогодней елкой, танцующей на кривых черных ножках.

* * *

- Привет, Зеленая. Скрипишь?
- Скриплю и качаюсь.
- Сколько ж тебе денег пообещали?
- Полгода счета за квартиру оплачивать можно.
- А велика ль твоя квартира, дерево стоеросовое?
- Хрущевка-двушка.
- Богато. И охота тебе за такие гроши колотиться? Дружила бы со мной полюбовно, горя б не знала. Дура ты, Клавдия. Пошли завтра знакомиться, я одно хорошее место знаю.
- А перевод кто за меня делать будет? Лучше отложим пока эту затею.
- Да чего откладывать-то? Жить надо, подождем же скоро! Это ты еще деревце молодое, а я уж старый буратино, через пять лет полтинник грянет. Давай я тебя буду любить нежной старческой любовью и заботиться о твоём благополучии? Соглашайся уже, дерево!
- До чего ж ты смешное сооружение, Лева. Ветхое, правда.

* * *

- На парковке Колышева догнал Лубенников. Поравнявшись, насмешливо обронил:
- Все поешь? — и добавил: — А мои вчера Клаву чуть не потеряли.
- Колышев едва не сбился с шага, в висках застучало: «Глупо. Глупо. Как пацана развели. Зачем, кто?»
- Лубенников удивленно глянул на него.
- Дочку визитера-инкогнито зовут Клавдия, забыл, что ли?
 - Черт! Забыл! — Колышев осторожно выдохнул. — Что случилось?
 - В метро сбежала от всех, юркнула в поезд и ручкой помахала.
 - Нашлась?
 - Сама позвонила, сказала, что в отель вернулась. Ей просто по метро гулять надоело.
 - Ну еще бы. Нашли куда пойти!
 - Это ж не мы решаем.
- Лубенников раздраженно мотнул головой.
- Сложно с этой Клавдией. Самостоятельная она чересчур.
 - И не говори! — охотно согласился Колышев.

* * *

На собеседование в рекламный департамент приходила девица невиданной красоты: длинноногая, белокурые локоны до плеч, носик пуговкой, грудь — глаз не отвести.

«Вы какой ноутбук предпочитаете?» — «Красный». И ресницами хлопает, как положено. Взяли, конечно.

— Клава, я теперь люблю только блондинок, — докладывал вечером Колышев, — они будят во мне зверя.

— Носорога?

— Сама ты носорог. Кстати, Ель, а поехали в феврале в Намибию? Будем охотиться.

— На кого же?

— Друг на друга, естественно! Денно и ночью. А как надоест, по окрестностям покатаемся. Ты уж, поди, сто лет никуда не выбиралась из своего пыльного терема, так и засохнешь. Решайся, Клава! Надо же когда-то менять твою убогую жизнь.

— Убогую?

— Ну а какая она у тебя?

Елка долго не отвечала, потом появился вопрос:

— Почему ты, Лева, уверен, что можешь судить о моей жизни?

— Так ясно же все, как белый день.

— Да неужели.

— Хорошо, рассказываю. Хрущевка, значит, окраина? Так вот, жилище твоё — склад старья и макулатуры. Паркет убитый, мебелишка кое-какая, проводка искрит, трубы текут, зато есть десять погонных метров книжных стеллажей и ореховый гардероб из бабушкиной центральной коммуналки. Да, Ель? Чуть не забыл — пианино! Какое у тебя, Клава, пианино — «Лира», «Аккорд», «Родина»? Или, прости господи, «Элегия»?

— Я на скрипке играла.

— Вот как! Ну, извини, ошибся. Долго училась?

— Десять лет.

— Сейчас играешь?

— Нет, не играю.

— Бинго! Видишь, Клавдия, сколько у тебя лишних навыков. А теперь вот книжку переводить про культуру вымершего народа. Смешно, ей-богу. Ты сама уже вымирающий вид, чудь заволоцкая. Пишешь свои статьи, чтоб их прочли Филин да Ермаков, а они напишут — чтоб ты прочла, вот такой у вас обмен энергией.

Знаешь, на кого вы все похожи? Есть такие креветки, которые годами живут в запаянной колбе, там микроклимат по минимуму: горсть камешков, три ракушки, одна водоросль — скромно и со вкусом. И водичка как средство обмена продуктами жизнедеятельности. Вот креветка с водорослью эти продукты поочередно едят и выделяют, тем и живы. А если ещё и солнышко на аквариум светит — так вообще счастье. Ну что, прав я, Елочка?

— Однако поздно уже.

— Капитулируешь? Нет, погоди, Зеленая. Сыну твоему сколько лет?

— Одиннадцать.

— Вот он вырастет, поймет, как нормальные люди живут, и будет тебя презирать, такую грамотную и такую бестолковую.

— Лева, у тебя дети есть?

— Дочке шестнадцать лет. В Англии учится. Хорошая девка, умненькая, смешная и на язык бойкая. Она меня тоже презирает.

В кухню вошла Наталья — заспанная, голоногая, в широкой пижамной майке.

— Колышев, ты сдурел, что ли, совсем? — глухо проворчала она, направляясь к холодильнику. — Третий час уже! Чего там у тебя?

— Чего-чего... Книжки пытаюсь купить, недостающие тома...

Наталья налила себе молока, убрала пакет обратно в холодильник, спросила небрежно:

— Брокгауза, что ли? Я уж купила давно! Ищет он...

Пауза в чате затянулась. Елка, судя по всему, ушла спать.

«Гордится она, что ли? — думал Колышев, — тоже мне, сортовое дерево! Или обиделась? А про Намибию ведь хорошая идея...»

Ему вдруг отчетливо представилось утреннее небо сквозь жалюзи, тишина, монотонный ветер из кондиционера. И они вдвоем на смятой постели в тигровых полосах африканского солнца лежат, совпадая углами и изгибами, светлокотие и голые, как два новорожденных зверя.

Колышев вспомнил фото, где Клава в голубом джемпере с кофейной чашкой в руке. Плечи остренькие и запястье тонкое. Про таких говорят «хрупкая», но хрупкости в ней как будто и нет никакой. Или есть?

* * *

На следующий день Елка исчезла. В чате ее не было, на короткое вопросительное письмо она не ответила. Колышев подумал: мало ли, может, взяла пару отгулов к выходным и уехала в какую-нибудь дачную глушь. Но и в понедельник она в сети не появилась.

Колышев весь день провел в разъездах — смотрел новое здание филиала, на обратном пути заехал к проектировщикам, часа два отстоял в пробках. Погода стояла дрянная, в воздухе висела изморось, оседала на стеклах, сползала бурными потеками. Придорожные отвалы из снега и грязи таяли, распуская вдоль обочин мутные разливы.

Дома были гости, три Натальиных подруги и какой-то кудрявый носатый тип, похожий на актера. В гостиной пахло кальянным дымом, вином и пригоревшей едой. Актер умело рассказывал старый анекдот, компания изнемогала от смеха.

Колышев сварил себе кофе, включил ноут, просмотрел последние реплики в чате. Полтора часа назад Ель как ни в чем не бывало беседовала с какой-то знакомой, а потом заторопилась домой.

— Ну и наплевать, — медленно и отдельно сказал Колышев и тут же встретился взглядом с Натальей. Она остановилась в дверном проеме, еще смеясь и вальяжно отвечая кому-то через плечо «уж конечно!».

— Так и будешь тут сидеть? — подойдя, тихо спросила она. — У нас люди, между прочим, а ты тут...

— Плевать мне, — так же тихо проговорил Колышев, глядя прямо в ее раскрасневшееся от вина и смеха лицо.

Зазвонил телефон, Наталья поджала губы и вышла.

Колышев взял трубку.

— Да. Ну давай подъеду, поем заодно. А где это? Понял, скоро буду.

* * *

В клубном зале возникло оживление, на сцену вышел лысый мужик с саксофоном и с ходу, негромко и быстро, заиграл не то дурачась, не то всерьез. Публика потянулась к сцене.

— Это тот самый Карапетян, — пояснил Лубенников, наклонившись над столом, — я тебе говорил про него — виртуоз!

Грузный пианист в гавайской рубашке сел к инструменту и стал деловито перебирать клавиши, Карапетян прогудел ему что-то одобрительное, в зале засмеялись, захлопали.

Лубенников немного покивал в такт и снова занялся едой.

— Два дня осталось, — продолжил он давно начатый разговор, — как уедут, напьюсь в одно лицо, ей-богу. Вот где у меня уже этот Инкогнито со своими девками!

— Ты сам хотел эту должность, — усмехнулся Лева.

— Хотел, твоя правда. А я тебе не рассказывал, как они только что купленную картину в ресторане забыли? Ну так вот...

Сменить тему, судя по всему, было невозможно. Колышев изредка бросал ответные реплики, ел горячее мясо, пил холодную водку. Усталость прошла, но раздражение переросло в мрачную волчью нервность. Он так и видел себя со стороны: взгляд исподлобья, шерсть дыбом и стертые желтые клыки. Того и гляди, оскалится и пригнет морду с тихим утробным рыком.

«Когда этот дурень сделался любителем блюзов, интересно, — раздраженно думал Лева, — давно ли в актюбинском ресторане весь вечер песню про офицеров заказывал... Напомнить, что ли?»

— Кстати, — Лубенников указал на Колышева вилкой, — ты же покупал какие-то старые книги? Нужен консультант для нашего Инкогнито. Завтра его дамы пойдут по модным магазинам, а сам он хочет в букинистический. Его какая-то конкретная тема интересует, лошади, что ли... Надо будет с продавцом пообщаться, посмотреть, что он предложит.

— Мне с ним пойти? — холодно спросил Колышев.

Лубенников осекся, сообразив, что сказал не то, и стал полшутя оправдываться, но Леву вдруг осенило:

— Погоди... Есть у меня одна знакомая, большой специалист по всякому книжному старью. Я поговорю завтра. Лишние деньги ей точно не помешают.

Музыка стала громче; музыканты, публика, стены — все немного покачивалось, кривилось, будто виделось сквозь толщу воды. Контрабас осторожно шагал на мягких лапах, что-то ритмично позванивало и шелестело, саксофон заливался и сверкал, как елочная игрушка. Колышев подался вперед и прокричал:

— Только ты ей не плати! Я сам. Дело у меня к ней.

Подошел официант, принес очередной графин с водкой, наполнил рюмки. Колышев поднял свою и, многозначительно шевельнув бровью, повторил:

— Я поговорю. Завтра.

Он выпил и стал смотреть в сторону сцены. Делал вид, что слушает музыку, и представлял себе в лицах завтрашний разговор с Елкой:

«Что ты хотел, Лева?» — «Хотел сказать, что деревянное ты изделие, убить тебя мало, вот что...»

Людей в зале стало больше. Карапетян будто притягивал их и вел куда-то, мерцая своей блестящей дудкой. Он хищно улыбнулся, на мгновение выпустив мундштук, а потом снова схватил его губами и наклонился. Поплыл хрипловатый бархатный звук. Саксофон стих, а потом возник снова и пошел шаг в шаг с задумчивым контрабасом, постепенно отставая, теряясь, петляя... но вдруг выскочил первым, распелся и напоследок один вытянул тихую длинную ноту.

— Пойду попрошу сыграть одну вещь... — тяжело поднимаясь из-за стола, сказал Колышев.

— Лева, не надо, — Лубенников попытался удержать его за рукав.

— Спокойно!

Колышев протиснулся к сцене, жестом попросил саксофониста приблизиться и, неприязненно глядя на его маленькую серьгу, спросил:

— Ты «Елку» знаешь?

Карапетян, не расслышав, приложил узкую ладонь к уху.

— Кого?

— «Елку» Ребикова, — Лева пошевелил пальцами в воздухе, — ну?

— А... вальс? Да, конечно!

Карапетян выпрямился, бережно поднес мундштук к губам, замер... Лева сел на край сцены, достал телефон и ткнул пальцем в значок диктофона.

Первые ноты прозвучали как неумелое детское музицирование — отдельно, медленно... И вдруг повело, закружило, как снежный вихрь, вздыбило волчью шерсть до озноба и тут же будто пригладило легкой рукой. Он все угадал, этот Карапетян, понял, как выжать слезу, издевался, дразнил. Звук забирался в холодные поднебесные выси, умолкал и летел вниз, кружась, убыстряясь, дрожа. А потом — неузнаваемый, странный — кашлял и всхлипывал, сворачивался в комок, жаловался кому-то, бормотал, бормотал... и стих.

— С Новым годом, друзья! — ласково сказал Карапетян в микрофон.

Колышев встал, и тут же все зашумело, захлопало, накренилось. Он сунул руку во внутренний карман пиджака и зажмурился, ослепнув от фотовспышки.

— погоди, — крикнул он музыканту, — иди сюда...

Карапетян наклонился и осторожно тронул его за плечо.

— Не надо! У нас же концерт, правда? Вы мне напомнили — я сыграл. Хорошая музыка!

Колышев сжал кулаки, утробный волчий рык все-таки вырвался:

— Ты кто такой, чтоб мне одолжения делать? Я заказал — я плачу, понял меня?

«У-у-у» — разочарованно проныл саксофон. В зале засмеялись.

Колышев рванулся на сцену, но перед ним возник парень в сером костюме. «Вам лучше сесть на место», — занудно повторял он и показывал открытые ладони, будто трогал стеклянную стену.

Упал микрофон. Но сначала этот, в сером костюме, отлетел и раскинулся, как сломанный манекен. Кто-то скрутил Колышеву руки, он попытался ударить ногой, но не успел — все опрокинулось, голова глухо стукнула о деревянный пол, перед глазами метнулись зигзаги...

* * *

Ночью Колышев отстучал Клавдии довольно длинное невразумительное послание со словом «нефиоциальный» в первом же предложении, но, к счастью, не отправил. Утром, на работе, перечитал и все написал заново. Получилось кратко и вежливо, пожалуй, даже сухо.

Клавдия ответила сразу и тоже довольно коротко — написала, что именно сегодня во второй половине дня она свободна и постарается помочь.

Колышев переправил ее письмо Лубенникову, а потом долго сидел, горемычно подперев щеку ладонью, и смотрел в окно.

Там, снаружи, будто и вовсе не было никакого города — ничего не шевелилось, не дымилось и не мерцало. Только справа виднелась в тумане башня-карандаш, похожая на летательный аппарат в густом неподвижном облаке. Или на гигантское елочное украшение в вате.

Колышев вспомнил, как мать убирала елочные игрушки в старый чемодан и перекладывала их слоями ваты с прилипшими точками конфетти и крапинками хвои. Потом они вместе выпутывали из осыпающихся веток электрическую гирлянду, мать подметала пол, от опавших иголок пахло пылью...

Дворовые пацаны забирали от мусорных баков выброшенные елки и тащили их на пустырь. Там разводили костер, носились друг за другом, размахивая в темноте глеющими ветками, рисовали в воздухе огненные зигзаги, орали дурными голосами, прикуривали от головешек.

Он как-то рассказывал об этом дочке, та слушала без тени улыбки и все время спрашивала: «Зачем?» Действительно — зачем?

Колышев, скосив глаза, взглянул на стоящую рядом чашку с недопитым чаем. Шевелиться не хотелось, от шевелений начинало болеть в затылке, и под языком появлялся ржавый привкус. «Вот так бы и сидеть, вытянув ноги, — зевая, думал он, — и пусть будет тихо, и теплой мятой пусть пахнет, только бы никто не...»

Телефон занял саксофоном лысого Карапетяна, налегая на «ыы-ыы-ы», забираясь вверх по позвоночнику до самого темени. Колышев засуетился, чуть не сбросил вызов.

— Ну, ты как? — бодро спросил Лубенников. — Жив? — и продолжил, не дожидаясь ответа: — Позвонил я твоей Елецкой.

— Ну и?

— Все нормально, договорились. В половине четвертого она будет ждать нашего кронпринца в кафе у книжной лавки. Спасибо, выручил!

— Не за что, — зевая, проговорил Лева. — А скажи-ка мне, друг Лубенников, кто это мне музыку на телефоне поменял?

— Я. Да ты сам просил! Вчера в такси...

— Ладно, ладно, все, без подробностей. Я сейчас занят, давай позже.

Колышев взглянул на часы. Одиннадцать тридцать. Значит, через четыре часа явится к кофейне, что у книжной лавки, Инкогнито в тирольской шляпе и с сигарой в зубах. Бодрячок с селедочными глазами и холеными брыльцами. Библиофил-изыскатель с подкрашенными усами.

Представится эдак запросто, будто в гости зашел; изумится, услышав знакомое имя: «Really? Claudia?» Потом будет ходить за ней вдоль стеллажей и полок, принюхиваясь к теплому запаху ее шерстяного джемпера, духов, молодого тела, следить за движениями ее рук. Будет стоять рядом, задумчиво выпячивать губу и упоминать между прочим о своем предке, валдайском коннозаводчике.

Ну, получай, старый конь, русские мелкопоместные прелести, бонус к московской слякоти и новострою — вот тебе зима, библиотечный уют с настольными лампами, вот тебе пожелтевшие страницы, бледные пальцы, розовая щека, белокурая прядь. Да еще непременно выйдет из-за шкафа раскормленный кот, глянет недобро и вспрыгнет на подоконник. Только вместо старого лакея, задремавшего с охапкой шуб, будет сидеть у двери крепкий парень в кожаной куртке.

Получай и вали отсюда, только разрешение на вывоз макулатуры получить не забудь.

Телефон снова заголосил на все лады.

Колышев с чего-то вдруг осип, и его «да» прозвучало так жалобно, будто у него на горле был компресс, а под мышкой градусник.

— Добрый день, — услышал он, — это Клавдия Елецкая.

— Привет...

От неожиданности Лева смутился и заговорил, почему-то стараясь не дышать в трубку:

— Привет... Вот, значит, какой у тебя голос... Нет-нет, я слушаю. Завтра в два? Хорошо, я подъеду. Конечно, знаю. Договорились.

Он вдруг разулыбался и все-таки выдохнул:

— Так вот, значит, какой у тебя голос...

Голос был приятный, но интонация отстраненная, с холодком. Колышев задумался. Надо сказать ей завтра, что зря она так исчезла, могла бы и попрощаться приличия ради.

Впрочем, неважно. У самого на всякую ерунду времени нет, так что — был рад знакомству, всего доброго, Клавдия Антоновна, спасибо за помощь. Облагораживайте атмосферу и дальше, многоуважаемая Ель. Мне, старому Керосинщику, приятно было посидеть с вами на крыше, поболтать, послушать голубиное бормотание, посмотреть, как в ночном небе совершают большой круг всякие звезды, чайные чашки, книжки и прочая мелкая лабуда, не считая бронзовой собаки с глазами-дырочками. Удачи, дерево!

На другой день, когда Колышев подъехал к назначенному месту, говорить все это было некому. Между афишной тумбой и обледенелой скамьей стояла невзрачная женщина в сером пуховике. Вязаный шарф в два оборота, усталое лицо, припухшие веки, потертая сумка на длинном ремне, руки в карманах. Колышев представлял, что она тоньше, моложе, выше ростом. Но, увидев ее издали, он сразу по каким-то неявным признакам понял, что это и есть Елка, а никакой другой никогда не было, да и быть не могло.

Замелькали в голове короткие невнятные мысли, похожие на чьи-то ехидные смешки за спиной, на собственное трусливое бормотание, но отступить было поздно.

— Ну, здравствуй, — приблизившись, сказал Колышев. Он попытался улыбнуться, но тут же раздумал, получилось что-то вроде нервного тика.

— Привет, — сказала она и поежилась не то от смущения, не то от холода.

Светлые спутанные волосы метались, закрывая ее лицо то с одной, то с другой стороны.

— Замерзла?

— Да нет, ветер просто.

Колышев протянул ей конверт.

— Спасибо за помощь. Может, смотаемся куда-нибудь? — неуверенно предложил он, — Посидим...

Клава покачала головой.

— У меня еще много работы, так что...

— ...поболтаем...

— Не получится. Спасибо! Всего доброго.

Она пошла в сторону подземного перехода.

Колышев сел в машину, доехал до ближайшего переуллка, свернул и остановился.

«Вот дятел, — процедил он, — напялил костюмчик от Армани, выпендрился! А эта... могла бы хоть причесаться, как на той фотографии, а то черт знает что, не то курьер, не то уборщица какая-то...»

Но хуже всего было то, что он не знал эту женщину. И она, судя по всему, его не знала, а может, и не хотела знать.

Он вспомнил, как Клава взяла конверт — кисть узкая, длинные тонкие пальцы... Ну да, она же писала, что играла на скрипке. Десять лет училась.

Колышев опустил стекло и прокричал ковыляющей мимо старухе в пуховом платке и длинном мужском пальто:

— Слышь, мать! Тошно-то как, а?

Та приостановилась, недобро глянула, поправила платок у щеки и побрела дальше, прижимая кулак к согнутой пояснице.

— Нормально все будет! — объявил себе Колышев и поехал обратно в офис.

— Все будет нормально, — повторял он, стоя на светофорах, сворачивая, перестраиваясь и обгоняя, — все будет зашибись.

Он вошел в лифт, покосился на компанию бодрых разговорчивых клерков, поймал одобрительный взгляд немолодой и тощей, как плеть, тетки в строгом платье с игривым шарфиком. В коридоре столкнулся с удивленным Лубенниковым и прошагал мимо, бросив на ходу: «Нормально все».

Он захлопнул дверь, сбросил пальто на стул, налил себе виски, уселся в кресло и развернулся к окну. Промелькнуло где-то услышанное «закатился, как шар в лузу». Лева сделал глоток и продолжил мысль: «Пнули, вот и закатился».

Что-то сыпалось с небес — мелкое, серое... И никакого просвета до самого горизонта. Скорее бы, что ли, кончилась эта зима.

Колышев задумался, выстукивая ногтями марш по стенке бокала.

— Надо было поговорить все-таки... — сказал он вслух. — Нет, ну как? Черт... Надо было поговорить! А теперь что? Да ничего, разошлись и забыли. Разошлись — и забыли... Вот и хорошо. Вот и правильно. Не тот возраст, чтоб дурью маяться.

Ему опять вспомнилась узкая рука с длинными пальцами, взлетающие от ветра светло-русые волосы, невнимательный взгляд. Что-то потерянное было в том, как она отворачивалась и шурилась от ветра. А может, просто избегала смотреть в глаза. Пришла раньше, стояла, мерзла...

Колышев взял телефон, отыскал ее номер, нажал «вызов» и медленно пошел вдоль окна, слушая тихие гудки.

Виктор ШИРАЛИ

* * *

Кожа белая атласная
Губы яркие как заря
Для чего же ты, прекрасная
Вдруг покинула меня

Жизнь татами, поединок
Кувырок
Жизнь прекрасна
Со словами
Ну а рефери был Бог

И когда мы кувыркалися
Он смотрел рядил судил
По-японски в зубы скалился
И ошибки находил

Я давно лежу распластаный
Применили болевой
Кожа белая атласная
Для чего я не с тобой.

* * *

Что странного что я сошел с ума
Я прожил век в застенках темно-желтых
И раем мне мерещилась тюрьма
И нечем было мне открыть аорту

Михайловский. И садик за дворцом
И райские сады и Бога кущи
В которых я гулял садовником творцом
И Еве что-то говорил на ушко.

* * *

Что прошло то стало мило
Жизнь дневная миновала
Дело движется к ночи
Жизнь ночную промолчим

Виктор Гейдарович Ширали родился в 1945 году в Ленинграде. Автор нескольких поэтических книг. Член СП Санкт-Петербурга. Живет в Санкт-Петербурге.

На дворе мартует март
Кошка Боня ходит боком
Был фартовым это факт
Но споткнулся ненароком

Полетел в тартарары
И прожив судьбу земную
Кончиком пера замри
Строчку сделал золотую.

* * *

Мне перешиб хребет двадцатый век
Точнее девяностые
Последние по списку
Я пил паленую
По закоулкам рыскал
Клял Родину и Родиной был свят

Я Бога клял
Я вольничал в ладошки
Шел по судьбе
Натянут был канат
Между рождением и смертью
Было страшно
Клял Родину и Родиной был свят

Был некий промысел
Скорей всего осенний
Лист падал молча
Под ногой шурша
Мне было страшно
Плакал я свирелью
Сви́реп был век
И так нежна душа.

* * *

Пора, мой друг, пора
Душа клонится долу
Уже молчком
Частица бытия
И меркнет мир
Я глохну понемногу
Мне кажется
Что я уже не я

Давно ль Господь
С тобой я спорил ровней
И семя испутив
Победу я кричал

И деву пришлю
Собой наполнив
Не камфару
А мускус источал

Пора, мой друг, пора
В забвенье в отрешенье
От смертных мук
От суетных забот
По первопутку
Света в отдаленье
Везет меня
Мой прихотливый Бог.

* * *

Паршивой осенью
Венозною весной
Зимою длинной
И коротким летом
Любимая
Я счастлив был с тобой
За краем бытия
Поговорим об этом
Нева течет
Выходит в рукава
Нева волною
Ну а я к отливу
Презервативы
Банки
Суета
Что было то прошло
И стало мило
Река Смоленка
Грязною водой
Течет к заливу
Отопьюсь паршивой
Волною невской
Данною судьбой
Что было то прошло
И стало мило
На кораблях
Подъемлют паруса
Куда ж нам плыть
Скорей всего к восходу
Еще звенят
Талдычат голоса
Что было то прошло
Не начинай свободу
Утихомирься

Ты пожил свое
Презервативы
Паруса и бабы
Что было то прошло
Ты проживал свое
Теперь прожуй
И прокляни свободу.

* * *

С трудом переползая в новый год
Неловко чувствуя себя в двадцать каком-то веке
Что нового в судьбе произойдет?
Что нового в веку и в человеке?

И строятся и рушат города
И в мозг моча и кровь струится в жилах
И вертится чтобы остыть Земля
И шляются апостолы по миру

И я вишу старея на кресте
И гнезда вьют в глазницах голубицы
Я в мир пришел чтоб жизнь просвистеть
И в этом свисте с ним соединиться

Жизнь хороша когда она крестна
Господь лежит с наложницей Марией
Зима к концу и кажется весна
И нового не происходит в мире.

* * *

Умереть на Рождество
Видно звезды так решили
Это ли не торжество
Бога что остался в силе
Несмотря на тыщи лет
И судеб кровосмешенье
Где курчавый мой поэт
Может я и продолженье
Краткой жизни
Воли нет
Нет покоя
Нет счастья
И побега тоже нет
И звезда — мое ненастье
Дай мне выдохнуть судьбу
Дай продлить мое столетье
Продышать мою звезду
Глупую как междометье.

Александр МЕЛИХОВ

ПЕРСТЕНЬ ДОСТОЕВСКОЙ

Рассказ

«Милый друг, нежный друг, помни ты обо мне», — страстным и прекрасным женским басом пропела в прихожей Елена Образцова: психотерапия начинается с лестничной площадки.

Тем не менее он не вышел к посетительнице: пусть усвоит, что если назначено на одиннадцать, то и нужно приходиться в одиннадцать, а не в десять пятьдесят. Пусть пока посидит на кухне, Сима найдет, чем ее развлечь. Надо, надо их приучать к точности, а то совсем уважать перестанут. Да и время нужно и впрямь экономить, за десять минут вполне можно набросать тезисы к вечерней лекции о войнах с точки зрения психосинтеза.

Все начинается с того, что людей интересует только исключительное: они так часто и упорно, да еще и привирая, рассказывают друг другу о редчайших проявлениях храбрости, верности, щедрости, что понемногу начинают считать исключительное нормой. Но им и этого мало — они начинают сочинять уже нечто исключительное даже среди исключений, — населяют воздушные замки своих культур никогда не существовавшими призраками Неустрашимости, Бескорыстия, Милосердия, Преданности, а затем начинают стыдиться того, что сами они совершенные пигмеи в сравнении с заоблачными вершинами невозможного. И поскольку никто не смеет признаться в своей мизерности, полагая, что он единственный среди прочих святых и героев трус и шкурник, все становятся рабами своих же собственных фантомов. Когда демагоги или дураки провозглашают нечто высокое типа «Лучше смерть, чем предательство», «Мы своих не сдаем», никто не осмеливается возразить, что вся его жизнь, как и жизнь каждого нормального человека, есть нескончаемая вереница предательств, — в итоге, выбирая между правдой и смертью, трусы и шкурники выбирают смерть, потому что решаются признать правду о себе лишь тогда, когда отступать уже некуда.

А если бы они были с самого начала заземлены, спокойно отдавали себе отчет, что они людишки так себе — трусоватые, подловатые, не лишённые тяги к высокому, но только за чужой счет, — и не облегчали себе задачу убивать, защищая свою ложь, таких же так себе людишек, изображая их чудовищами и недочеловеками, вместо того чтобы честно понимать, что и те людишки как людишки, с кем всегда можно сговориться за счет шепотки идиотов, кои вразумлению не подлежат, ибо и впрямь верят во что-то заоблачное, — короче, если бы народы понимали, что существует только земное, то они и вели бы себя, как это им свойственно в земном, — где поднажать, где отступить, где схитрить, где поблагородничать, но чтоб без особого риска и особых затрат. В земном и конфликтовали бы по-земному:

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году. Окончил математико-механический факультет ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Известный прозаик и публицист. Живет в Санкт-Петербурге.

лаялись, сплетничали, пакостили по мелочи, самое страшное — убивали из-за угла, но только поштучно, своих личных врагов.

Снова вся беда оказывалась в идеалах.

Под их игом томятся даже короли и президенты. Хотя тех-то реальность заземляет особенно жестоко, они ежеминутно ощущают свое бессилие перед ее могуществом, но если они попытаются отдаться чистой целесообразности, откажутся хотя бы изображать попытки достичь невозможного, то тут же прослынут трусами или тиранами, циниками или глупцами в глазах идеалистов, а в нынешнем якобы прагматическом мире в глубинах подсознания даже шкурника из шкурников таится идеалист. Но самыми опасными источниками идеалистической заразы всегда будут те мирки, где люди никоим образом не расплачиваются за последствия своих решений, — это всевозможные интеллигентские кружки и кружочки, целиком проживающие в мире умственных конструкций, в воображаемых мирах, где можно сколько угодно витать в облаках без малейшей опасности разбиться. И в будущем царстве психосинтеза главной задачей государства сделается заземление интеллигенции, недопущение никаких детских садов и кастальских заповедников, где бы люди были защищены от жестокостей жизненной борьбы. Должны разрушаться прежде всего культурные династии, начинающие слишком много о себе воображать: если отцу удастся выбиться в интеллектуалы, в деятели духа, то дети непременно должны быть отправлены на фермы или в ремесленные, а то и военные училища. Или торгово-коммерческие — мелочный расчет заземляет еще лучше. Технические подробности пока разрабатывать не стоит, этим легко насмешить. Главное, усвоить основную цель — заземлять, опускать на землю каждого, кто пытается взлететь, освободиться от власти природы. В том числе природы человека.

Всегда останется, правда, шепотка таких идеалистов, кого невозможно заземлить никакими силами, — это клинические сумасшедшие и никчемные недотепы, кому никак не ужиться с реальностью. Если такой станет наливать чай, то обязательно ошпарится, если возьмется выгнать корову в стадо, то непременно попадет ей на рога, — эти придурки всегда будут воспевать превосходство духа над материей, ибо с нею им никакими силами не управиться. Однако они будут неопасны. Поскольку станут вызывать исключительно смех, если не позволять им отсиживаться в каких-то башнях из слоновой кости. Только они в царстве психосинтеза и будут угнетены — сумасшедшие санитарями, а недотепы реальностью. Собственно, достаточно и того, чтобы все идеалисты считались или больными, или смешными, необязательно угнетать их еще и физически. Но власть земли, власть физической силы каждый должен постоянно наблюдать рядом с собой. Образованным людям ни в коем случае нельзя позволять уединяться в каких-то заповедниках, они всегда должны жить в джунглях криминализованного дна, где царит нагая сила, — только это и позволит уничтожить самые истоки идеалистической и утопической заразы. Все должны каждую минуту ощущать: жизнь груба и жестока, и нужно каждую минуту радоваться, что тебя не убивают и не насилуют, — только такое мироощущение может выжечь смертоносные фантазии о бесплотной любви и безнасилованном земном рае.

Итак, резюме: никто не должен быть свободен от грубой, грязной, животной стороны жизни. С этим уже можно выходить к публике. Зеленые цифры на электронном табло промигали десять пятьдесят восемь — как раз хватит времени пригласить в кабинет и посадить.

Пациентка оказалась неожиданной — типичная колхозная бабуса в цветастом платке, прикрывающем половину лица, будто после побоев мужа-механизатора, и в длин-

нющей, до башмаков, юбке из синего сатина, из коего когда-то шили семейные трусы. Обе дамы были так увлечены разговором над забытыми чашечками-блюдечками-печенюшечками, что не обратили на него внимания, хотя сидели перед кухонным окном боком к нему.

— Значит, вы говорите, ваш супруг раскрепощает? — с надеждой переспрашивала колхозница (такие слова знает!.. И к психоаналитику выбралась — какой прогресс, вот уж не думал, что народ от земли когда-нибудь тоже придется заземлять!..). — А вас он раскрепостил?

— Еще как, — уверенно отвечала Сима. — Вы не поверите, я когда-то громко пукнуть боялась!

Узнаю брата Колю...

Он откашлялся, и Сима очень солидно обратила к нему напрягшиеся яблочки щек, а колхозница принялась суетливо собирать сатиновую юбку, чтобы подняться и заранее торопливо кивать с забитой собачьей улыбкой. Она была не так уж и стара, вернее, совсем не стара.

Он уже было приступил к преувеличенно галантному полупоклону, приберегавшемуся для особо жалких пациенток, однако Сима поспешила перевести его в другой регистр:

— Познакомься, это Ульяна Достоевская. Та самая, телеведущая. Твоя, можно сказать, коллега. Она тоже раскрепощает наш народ. Вернее, раскрепощала. А теперь сама... Ну, она тебе все спокойно расскажет. Проходи, пожалуйста, в кабинет, — Сима уже обращалась с еще не совсем померкшей телезвездой, будто со старой подружкой, оказавшейся в сложной, но вполне поправимой ситуации.

Ульяна Достоевская порождалась светом из тьмы вместе с ресторанным столиком, за которым она располагалась, а что таил полумрак позади ее, так разглядеть и не удавалось — не то сауна, не то замедленная нудистская дискотека, не то... Но Ульяна не позволяла надолго отвлекаться. В первый миг вылитая советская кукла, что закрывала глаза и нежно квакала, когда ее укладывали на спину, воплощенная невинность — носик уточкой, алые губки пуговкой, — она начинала медленно наводить на невинные глазки загадочный прищур, одновременно растягивая младенческие губки в двусмысленнейшую порочную ухмылку, покуда на экране не возникала прожженная шлюха в глубоком декольте, в котором при малейшем движении колыхались две дыньки-«колхозницы». Не сводя со зрителя влекущего взора, она медленно раскрывала кукольный ротик и сладострастно вводила в него розовое эскимо, а затем еще более сладострастно выводила.

И так несколько раз подряд. Затем эскимо откладывалось и начинался «свободный разговор о свободном сэксе» — постреливающие глазки и полизывающий язычок неустанно напоминали, что мадам Достоевская хотела бы сказать гораздо больше того, что ей позволяет современное ханжество, но она надеется, что зрители это понимают и сами.

— Егор и Людмила заметили, что их сексуальная жизнь теряет новизну, — кончик язычка проходит по губкам, складывающимся в особенно двусмысленную улыбку. — Но они сумели сделать свое семейное гнездышко местом увлекательнейших игр. Сейчас они их нам покажут.

Егор и Людмила, на удивление унылые и необаятельные, бредут к зеркальному шкафу, внутри которого обнаруживаются свисающие кандалы. Егор угрюмо стаскивает с супруги кофточку (она терпеливо, будто корова перед дояркой, ждет, пока обнажится ее жирная спина), растягивает ее дряблые руки кандалами в проеме шкафа, напяливает себе на одутловатую голову черную кожаную маску и начинает

пошлепывать немолодую Людмилу какой-то мухобойкой, приводя на память старый анекдот, как советский служащий подбил жену устроить домашний стриптиз: «Правильно говорил парторг — отвратительное зрелище».

— Теперь семейная жизнь Егора и Людмилы течет гораздо увлекательнее, — мадам Достоевская вновь вводила в ротик сладострастное эскимо, а Сима, если она оказывалась рядом, начинала выходить из себя:

— А где их дети?! Она что, считает, что семья существует для *экса*?!

Почему, не только. Денис, например, с Аллой еще и возделывают дачный участок. Но чтобы дело шло повеселее, они включают туда садомазо: широконогая скуластая Алла изображает надзирательницу в концлагере, ударами плетки-многохвостки подгоняющую Дениса по тощим волосатым ягодицам (о надетых стрингах свидетельствует лишь поясок на поясице).

Сэкс уместен всюду — Никита и Маргарита скрашивают будни при помощи регулярных осмотров в гинекологическом кресле (виден блеск и слышен лязг нержавеющей расширителей). А Геннадий стимулирует Зару вибратором при помощи дистанционного управления во время производственных совещаний в офисе (искусственный пенис в ее руке вращает безглазой головкой, словно змееныш-искуситель, наказанный слепотой).

Сэксу все возрасты покорны, а он покорен им. Компания плешивых и седовласых пенсионеров и пенсионерок возится на матрасном ринге неразличимым клубом (он так и называется — клуб «Мафусаил»), а Ульяна Достоевская, облизываясь, разъясняет, что в этом возрасте нельзя забывать о безопасности: аппарат для измерения давления, сердечно-сосудистые средства должны прилагаться к виагре, да и скорая медицинская помощь должна оставаться в шаговой доступности.

Одиноким предоставляется резиновая женщина, обращению с которой госпожа Достоевская учит, облизываясь особенно сочно: не подмажешь — не поедешь.

Такой же нежности и заботы требует презерватив, а для приверед, коим его натягивание кажется недостаточно романтичным, рекомендуются кондомы, расписанные тюльпанами и даже светящиеся голубым и розовым.

— Свет и во тьме светит, — игриво завершила Достоевская и погрузила эскимо в свой миниатюрный ротик с особенным сладострастием.

— А режиссер Игогоев показывает людей такими, каковы они есть, какими не решился показать их мой однофамилец Достоевский, — по небольшой сцене бегают друг за другом, трясая причиндалами, тощий волосатый Раскольников и коротенькая жирная Соня Мармеладова...

— Если не секрет, Достоевская — это ваша настоящая фамилия?

— Нет, что вы. Но это уже и не псевдоним, я и паспорт поменяла. Я ему с детства завидовала — бывают же такие знаменитые фамилии, не то что моя — Крышкина, ни одного Крышкина знаменитого нет. Я жила в своем Мухосранске, отец нас бросил, мама билась как рыба об лед, чтобы нас с братиком прокормить да одеть — она мне так с детства и вдалбливала, что все мужики козлы... Я и одета всегда была хуже всех. Смотрю телевизор и вижу: есть женщины, перед которыми все мужики стелются. И понимаю, что мне нужно только туда. Или в петлю.

Из-за жары, не унимающейся даже ночью, не поймешь, отчего она покраснелась. Но колхозного в ней остались разве что дыньки, по-прежнему живущие за пазухой собственной жизнью. И путь она прошла далеко не колхозный. Она сыпала названиями телеканалов, по которым ей пришлось выгребать против течения — что-то вроде ДТП, ДСП, ЖПС, и козлов таки она там повидала побольше, чем в любом колхозном стаде. Она так уже и смирилась, что не встретится ей в жизни ни один порядоч-

ный мужчина, и вдруг ее полюбил самый настоящий принц — он физик, кандидат наук, теперь таких просто не бывает, к ее прошлому относится очень сочувственно, понимает, как ей тяжело было пробивать себе путь наверх. Он и зарабатывает неплохо, зовет ее поехать на три года в Швейцарию, и она отдала бы полжизни за эти три года, но над ней нависает ужас разоблачения. Нет-нет, принц все понимает, он верит, что все эротические сцены в Интернете с ее участием — сплошной фотомонтаж, но у принца есть отец, настоящий король, человек из другого времени, ко всему современному относится с гадливостью, он и телевизор, на ее счастье, никогда не смотрел, но если кто-то когда-нибудь ему покажет, а такие козлы, особенно козлихи, обязательно найдутся, из Интернета уже ничего не вырубишь топором...

И тогда ей остается только в петлю.

Никогда бы не подумал, что это кукольное личико способно выразить такую смесь надежды и отчаяния.

— А скажите, пожалуйста, почему вы позволяете кому-то быть судьей ваших поступков? Чем он это заслужил?

— Как чем заслужил?.. Да всей своей жизнью!

— А что, вам так хорошо известна его жизнь? Вы уверены, что он и в самом деле не совершил в своей жизни ни одного безнравственного поступка?

— Ну, тогда и вся жизнь была другая, там такая порнуха вообще не допускалась...

— Такая не допускалась, а другая допускалась. Каждое время имеет свои соблазны, и он совершенно необязательно перед ними устоял.

— Ну, знаете, если так рассуждать, вообще никому верить нельзя!

— Правильно. Надо помнить, что все люди всего только люди, что ангелов среди нас нет.

— Нет, Сергей Поликарпович совершенно особенный человек, он настоящий верующий христианин!

— Но тогда он должен сказать: порадитесь со мною, я нашел мою заблудшую овцу. Вы разве не знаете, что на небесах больше радуются одному кающемуся грешнику, чем девяноста девяти праведникам, не имеющим нужды в покаянии? Почему ваш Сергей Поликарпович должен судить строже, чем небеса? Он тоже должен понимать, как вам было нелегко найти в себе силы...

— Но в том-то и дело, что он не сможет этого понять, он сам наверняка никогда не испытывал...

— Если не испытывал, то и не может судить тех, кто испытывал.

— Мне вас просто страшно слушать!

Надо ж как они позволили себя поработить этим самоназначенным наместникам идеалов!

— Что ж, если он вас так запугал, киньтесь ему в ноги, поклянитесь, что вас нечистый попутал, но теперь вы до конца своих дней будете ходить в черном и каждый день перед ним исповедоваться во всех своих греховных помыслах.

Мадам Достоевская, однако, сарказма не расслышала, ее кукольное личико просияло надеждой, наивные шоколадные глазки широко распахнулись.

— Вы думаете, поможет?..

— Почему нет? Может быть, ему только того и нужно.

— Ой, спасибо, вы мне прямо жизнь вернули!

Она вскочила и ринулась к двери — прямо сейчас бросаться в ноги. Потом кинулась обратно: ой, я про гонорар забыла! Лихорадочно отыскала в сумочке беленький конвертик, вложила ему в руку, меленько кивая: спасибо, спасибо, спасибо, спасибо!.. Снова кинулась к двери и снова вернулась. Стянула с пальчика кольцо и вложила ему его в другую руку (он и встать не сообразил): это вам будет память

обо мне! Правильно я сделала, что в Москве ни к кому не пошла! Вот что значит культурная столица!

И простучала башмачками окончательно. За дверью выкрикнула Симе: спасибо, он гений! Ответа Симы он не расслышал, но, судя по спокойному тону, ответ был утвердительный, типа «я это всегда знала», затем грохнула стальная наружная дверь, и в их родной двушке воцарилась тишина.

Он посмотрел на перстень — вроде как серебряный. А вместо камня на него смотрел наивно распахнутый шоколадный глаз.

Сима вглядывалась в раскрытый ноутбук зачарованно, как деревенская девочка в распечатанную коробку с шоколадными конфетами, — в последнее время она увлеклась розыском затерявшихся одноклассников. Заметив его, вскинула сияющие глаза:

— Я Верку Баранову нашла!

И еще более радостно:

— Я ее не любила!!

И совсем уже ликующе:

— Она дралась!!! Каким-то пояском!!!!

Дитя...

Охваченный нежностью, он стал за спинкой стула и положил ей руки на плечи (их жар ощущался даже сквозь пестрый узбекский халатик), и она немедленно тоже разнежилась:

— Ой, почеси, пожалуйста, спинку!

Давно они не предавались этой забаве.

Он принялся легонько скрестись ногтями, как это делают кошки, пытаясь обратить на себя внимание, а она, изображая оргиастическую негу, как бы не в силах вымолвить ни слова, только большими и указательными пальцами показывала: правее, левее, повыше, пониже...

Понемногу его эта игра начала возбуждать, он принялся обнажать ее спину, ничуть не менее упитанную, чем у Егоровой Людмилы, но это вызывало уже не брезгливость, а сострадание и лишь усиливало нежность. Да, только сострадание и может одолеть беспощадную власть идеалов.

Он уже ласкал ее груди, тоже ничего себе колхозницы, и, подняв ее со стула, потихоньку двигал в сторону спальни.

Однако на пороге она заартачилась:

— А ты мылся?

Снова эта мания отмывания, и шок ее не излечил.

— Мылся, мылся!

— Дай я убедюсь... убежусь... я тебя сама вымою. Как в детском садике. Какой красивый у тебя петушок, целый петушище!.. Все бы хотели такой иметь!

— Надо будет его в музей выставить.

— Нет, тогда все на него накинется, я лучше буду его хранить в своей частной коллекции... Что это он у тебя совсем заземлился, дай я его возвышу...

Они поливали из душа друг друга по очереди, но он все-таки отводил глаза, не мог не замечать отвисающей груди, нависающего животика...

Не так-то легко выбраться из-под тирании идеалов. А когда дошло до дела, его петушище чуть не свернул себе шею, тщетно пытаясь пробиться в родной курятник.

— Вы помните еще ту сухость в горле, — смущенно пробормотала Сима, и он вспомнил уроки Достоевской: не подмажешь — не поедешь.

— Подожди, я сейчас вернусь.

Он пошлепал на кухню — там на подоконнике сияют целых две пластиковые бутылки подсолнечного масла. Вспомнил, что какой-то француз выскальзывал из объятий Поддубного, намазавшись неведомым прованским маслом. Оливковым, что ли? Удивительно, что от всех этих процедур желание еще неокончательно заземлилось.

Но когда он в неполной боевой готовности снова приблизился к супружескому ложу, Сима, расположившаяся в позе рембрандтовской Данаи, начала настороженно принохиваться:

— Ты подсолнечным маслом, что ли, намазался? Я смотрю, винегретом пахнет. Что это он у тебя опять заземлился?

— Ладно, давай отложим.

— Почему — я люблю винегрет.

— Может, еще огурчиков соленых покрошить?

То, что она уже была снова горячей и потной, делало ее только роднее.

И так после этого славно поработалось над набросками новой науки — психиатрической истории. Он давно понял: все нынешние войны, революции, рыночные и антирыночные преобразования, кампании за нравственность и за безнравственность не что иное, как коллективные психозы. Фишка в том, что психоз — это вовсе не что-то редкое, «патологическое», но абсолютно нормальная и присущая каждому реакция на ситуацию беспомощности и непонятности. Роды — после попытки сдавливанием и удушьем обрушивается грохот и ослепляющий свет, — психоз на месяцы, а может быть, и годы. Тиски пеленок — новый психоз. «Закаливание» — неведомо за что топят в отбивающей дыхание ледяной воде — новый виток психоза. Неведомо с чего обрушивающийся гнев отца, попеременные то шлепки, то тискания матери — еще один завиток. И увядают они хоть отчасти лишь от пребывания в мире понятном и послушном.

Но есть одна неустранимо психотическая сфера — это история: в ней от начала и до конца времен все неизвестно из чего возникает и неизвестно почему исчезает, и лишь полным безумцам кажется, что они могут что-то там понять и чем-то управлять, — вот они-то и становятся революционерами и реформаторами, потому что людям менее психотичным еще страшнее оставаться перед тайной экономических катаклизмов и национальных извержений. Поэтому искать причины войн и революций в экономике, в безопасности совершенно то же самое, что интересоваться, хорошо ли варила щи домохозяйка, убитая мужем-параноиком за связь с японским микадо. Избавить от ужаса перед историей может отнюдь не участие в ней в качестве манипулируемой безумцами букашки, но, напротив, максимальная изоляция от нее в любом маленьком, понятном и послушном мире.

Семья как средство ослабления политических психозов — это будет его следующая лекция в школе психосинтеза.

А шоколадный глаз Ульяны Достоевской, скромно прилегли на бочок, не сводил с него наивно распахнутого взора.

Как там, интересно, у нее сложится с ее Поликарпычем?..

ВОТ ТАКОЕ КИНО

Тут звенит звонок? Едва ли.
И линеек нет давно.
В школе, в простеньком спортзале,
Смотрят мальчики кино.

Не за деньги смотрят — даром,
Не за рупь, не за мильён.
Школа — месяц как казарма,
А в казарме батальон.

На полу расселись прямо,
Без претензий, без обид.
На экране — Шварц с Ван Даммом,
Сигал,
Ли,
Сталлоне,
Питт...

Здесь нельзя быть не в экстазе,
Не открыть в восторге рот.
Как Арнольд врагов дубасит!
Как злодеев рвет Жан Клод!

Брэд замочит всех в округе,
У него есть огнемёт.
Ну а Стивен из базуки
Обезвредит целый взвод.

То и дело фразы с места
(Знать, бойцы вошли во вкус):
«Я балдею от Сильвестра!»,
«Зацени, что сделал Брюс!»

Будет в плеере крутиться
Старый диск за часом час,
А кумиры биться, биться...
А потом придет приказ:

Григорий Геннадьевич Егоркин родился в 1963 году, журналист. Автор трех книг стихов и прозы («Не обращайтесь клятв своих», «Тарагарщина», «Страна Зеро»). Печатался в литературных журналах «Урал», «Ковчег», «Наше поколение», «Москва», «Современная драматургия», «Нижний Новгород», «Реплика», «Перемены» и других. Лауреат конкурсов «Евразия», «Тагильская находка», «Хрустальная роза» и других. Живет в Челябинске.

«Бой... Прорыв у террикона...
Где разведка, мать ее?..
Град...
Обстрел...
Бронеколонна...
Батальон, подъем!.. В ружье!»

Слышишь из-за поворота
Этот скрежет, этот гуд?
Без базук, без огнемета
Там мальчишки танки жгут.

В ПОИСКАХ РАЗГРУЗКИ

Бэт хваток не по-русски —
На «пять» и даже «шесть»,
Вчера был без разгрузки,
И вот разгрузка есть.

Расчет был очень тонкий,
Отменно угадал:
Свой нож за две лимонки
Он Хмурому отдал.

Гранаты — класс, не липа,
Бабахнут будь здоров!
За них Душман отсыпал
Полцинка трассеров.

В бригаде с этим строго,
Не котелок борща!
Взамен патронов ВОГи
Забрал он у Леща.

Под них Бэт самогону
Добыл.
Ну а затем
Горилку сдал Барону
За новенький ПМ.

И вот ченч на закуску
(Совмин, а не башка!):
За пистолет разгрузку
Берет.
Плюс три рожка.

Нам ждать еще этапа?
А почему бы нет!
К такой разгрузке надо б
Сыскать бронежилет.

Я — НАГАН

Я был рожден как пистолет —
Не саблей, не прашой.

Мне очень-очень много лет,
Да, мне уже за сотню лет,
Но послужу еще.

Ведь, как и прежде, мой курок
Изгибом крут и зол,
Не сточен временем боёк,
Стальной проверенный боёк,
И смазан маслом ствол.

Я помню ночь на тышу ватт
И день черней угля,
И в брата шлет три пули брат,
Свинцовых пули — в брата брат,
Он из меня стрелял.

В подвале штаба Колчака
Я метился в шинель
Седого дядьки из ЧК,
Казак сказал, что из ЧК.
Все пули — точно в цель.

Что дальше? В памяти забор,
Норильск, барак, февраль...
Когда чуть сзади и в упор,
В затылок — резко и в упор,
Промажете едва ль.

Теперь я стар. Но я солдат
И вот о чем прошу:
Хочу туда, где целит брат,
Сегодня в брата целит брат.
Я честно послужу!

ОСКОЛКИ ВАВИЛОНА

Чешет репу зампотех
Из второго батальона:
«У меня — и смех и грех —
Все осколки Вавилона.

Это где-то вдалеке
Не приснится и по пьяни.
Взять расчет для РПГ:
Осетин и молдаванин.

Завтра в бой вести народ,
Всё всерьез — вот и кумекай.
Что ж, доверю миномет
Курду, сербу и узбеку.

Вот такой у нас конфуз,
Так сказать, в библейском стиле:
Наблюдателем — француз,
Пулеметчиком — бразилец.

Между нами разговор
(И не знал, что так бывает):
Если азеру в дозор,
Его ара прикрывает.

„Данке шён“,
„Мерси“,

„Салам“,
„Плиз“,
„Рахмат“,
„Дякую, зёма“...
Верить — нет: такой бедлам
До отбоя от подъема.

Что тогда сплотит отряд?
Тайну нам приоткрывают:
Очень просто — русский мат,
Его каждый понимает».

КОРОЛЬ ПЛАСТИДА

Знают все: любой кулик
Свою топь хвалить привык.
Тим балдеет от пластида,
Тим толковый подрывник.

Простоват на первый вид:
Нос картохой, чуб торчит...
А сметет хоть элеватор,
Только дай ему пластид.

Командир доволен им,
Тим почти незаменим.
Надо грохнуть трансформатор,
Кто пойдет?
Конечно, Тим!

Взрыв с моста пустил в уклон
САУ на полсотни тонн.
Не гадайте, чья работа,
Всем понятно: это он.

Коли есть боезапас,
Подложить готов фугас
Хоть под Барака Обаму,
Хоть под Меркель.
Где приказ?

День за днем идет, но вот
Тим какого часа ждет:
Ходит он на Сортировку,
Рельсы там, как зубы, рвет.

Трах-бабах — вагон в кювет,
Трах-бабах — двух стрелок нет...
Парень трудится ударно,
Без ухода на обед.

Чем феномен объясним?
Может, фактором таким:
До войны простым путейцем
Был король пластида Тим.

РАЗГОВОР С ПЛЕННЫМ

Он приткнулся в углу, на матрасах —
Молодосенький, двадцать не дашь.
Бинт на шее, синяк возле глаза
И в засохшей грязи камуфляж.

Миска с кашею.
Кружка с водою.
На часах — с карабином казак.
«Эй, герой! Со вчерашнего боя?»
Приподнялся малой:
«Точно так».

Неприятна у хлопца фатера,
Свет скупой из-под самых стропил...
«Получается, из БТРа
Ты по мне разрывными лупил?»

Дело прошлое — всей нашей роте
Было жарко от вашей брони».
Пожимает плечами:
«Выходит,
Я стрелял по тебе. Извини.

Но и вы наподдали рассолу,
С двух „шмелей“ взяли нас на прицел.
Вот тогда и убило Миколу,
А Толян в БТРе сгорел».

Зуб за зуб или око за око...
Так, кажись, испокон говорят?
В том бою потеряли мы Дока
И трехсотыми пару ребят.

Дать за Дока бы в лоб со всей дури,
Так домой Док хотел к декабрю!..
Держит что-то, однако.
«Закурим?»
Виноватый смешок: «Не курю».

Не идет разговор. Между нами
Боль.
Война.
Окаянные дни...
«Мне б короткий звонок...
Мне бы маме...»
Достаю телефон:
«Позвони».

Маргарита ПАЛЬШИНА

БЕЛЫЙ КРИК, КРАСНАЯ ПЕСНЯ

Повесть

Белым криком немела картина, заключенная в раму окна. В позе, сломленной ожиданием, Анна смотрела на ледяное Онежское озеро. Снег валил третьи сутки, равняя небо с землей. Чуть свет соседи собирались откапывать дверь их крайней избы, а к сизым сумеркам опять заметало все тропки в деревне. Обещали: зима 1914-го будет лютой, и рубили сучья с дерев, и клеймили кору крестами¹. Ветер бился в окно, скулил в трубе. Удары молота по наковальне, казалось, вгоняют в мерзлую землю новый кладбищенский крест.

«Анька-то, жена кузнеца, не переживет эту зиму», — шептали соседи, когда, еще осенью, не смогла открыть амбарный сундук. Бабы в деревне пекли ячменный хлеб и калитки, пряча счастье свое под тяжелой железной кровлей². Сундук был проверкой на стойкость. Взятась, потянула — крышка не дрогнула, только вздулись и налились иссохшие русла вен на запястьях.

А кузнец ей купил пианино, подержанное, осипшее на две белых клавиши. Анна смирилась с заменой их черными. Вальсы Штрауса закружились с метелью, зазвучали из невозможного прошлого постаревшими голосами двorcов Петербурга.

Скрипнул снег под санями — и снова к окну. И снова — не он. Это по онежской зимней дороге к кузнецу зачастили губернские гости. Во дворе на ветру простонала калитка, да в сенях от мороза половицы трещат. Он вернется, придет за ней? Равнина темнела к ночи, безмолвствуя. Купола деревянных церквей напомнили остовы кораблей. Беспредельность ледяной пустыни по смыслу равна безысходности.

Ночью же, отогревшись во сне, в животе шевельнулась зверушка. Не она бы, и Анна не ворочалась на печи с боку на бок — на краю земли, как изгнанница севера,

Маргарита Николаевна Пальшина — писатель, сценарист, поэт, член Международной гильдии писателей (МГП), Союза писателей XXI века, Российского Союза писателей (РСП), лауреат международного конкурса «Золотая строфа», Всероссийского конкурса «КИНО—Хит», Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», Международного конкурса «Русский STIL». Работала копирайтером в международных сетевых и российских рекламных агентствах, внештатным автором туристических и глянцевого журналов. Более десяти лет работает в рекламном бизнесе и журналистике. Проза и стихи опубликованы в литературных журналах: «Новый берег», «Белый ворон», «Сетевая словесность», «Зарубежные задворки», «Пролог», «Млечный Путь», «Контрабанда», «Поэтоград» и других. Живет в Москве.

¹ В Заонежье (Карелии, Скандинавии) существовала традиция вырезать (вытесывать) кресты на коре деревьев и обрубать сучья — в память об умерших и как оберег от новых напастей.

² Карельское название ячменя — *ozta*, что созвучно слову *oza* — счастье. Калитки — национальные пироги из ржаной муки с ячменной или пшенной начинкой, хлеб в Карелии также выпекался преимущественно из ячменной муки.

ссылная в Заонежье. В Петербурге ее бы давно уж простили. Но зверушка толкалась, скреблась изнутри.

«Мы с тобой должны выжить. Мы остались одни», — прошептала ей Анна.

* * *

Анна помнила: многолюдным был дом ее детства. Собирались все к ужину, после играли в шарады, живые картины. Младшенькая, Татьяна, любила загадывать птиц. Перекраивали маминую юности платя, перья от шляпок в крылья влетали. И летали по сцене гостиной, и кружились, как на балах. Анне весной исполнится десять, Тане — восемь. Долгожданного брата мама носила под сердцем — тоже родится весенним. Осенью той торопили весну.

— Вы не находите, поутру будто пахнет апрелем?

— Иней тает на палой листве. Запах терпкий и прелый.

— Мне капелью вчера почудился дождь.

— Вот наваждение! Октябрь на дворе.

Мечтали и ждали солнечных дней. Примеряли весны обещания, как бальные платья. Сестренки готовили к *petit-jeux*³. Легкие роли — заучи наизусть и будь счастлива. Игрушечные золоченые клетки салонов, где щебечут довольные птички. Изображали не жертв, не героев, персонажи спектаклей лучились, как смех. В сказ темных ветров на просторах трагедий не верил никто. Далекое не пугает: если и сбудется, то с кем-то другим.

— Все под Богом ходим, — предостерегала их маменька.

Но молились светло. К ночи расходились по спальням, свечи к груди прижимая. Анна чуть ниже держала свечу, верила: солнечное сплетение — место, где обитает душа. Когда переживаешь о чем-то или волнуешься сильно, болит и трепещет именно там.

«Мирен сон и безмятежен даруй...»⁴ Может, молитва моя не нужна? Свет проникает в меня, понимает без слов?

— Ты все ярче сияешь, — улыбался отец, — храни тебя Бог.

Анна чувствовала: космос рос у нее внутри, словно носила в себе живое дыхание неба. С первыми заморозками и вовсе сон потеряла, смотрела на звезды и думала: там живет Бог. Днем солнце на всех, ночью всякий молится о себе. Почему звезд так много? Неужели каждой свечке, зажженной в часы вечерних молитв, звезда предназначена? Неужели Бог видит нас всех? Входит в темную комнату неба и смотрит оттуда на наши земные свечи. Что же станется с нами, когда ему надоест?

Ничто настагает внезапно. Так осенняя ночь пожирает день, и город беспомощно шурится лампадами окон.

Ночью черное солнце приснилось. Проснулась, как от удара. Порттик обрушился осколками камня. Голубь присел — и сорвался напрямик под колеса запоздалой пролетки. Как же так, птица пала, а должна бы взлететь?

Анна выбежала на улицу босиком и в исподнем. Голубь бился еще, мостовая междулыжными ртами пила его кровь. Кровь дымилась и в свете газовых фонарей мерещилась голубой. Анна дрожала над ним на ветру и плакала. Небо изморосью оседало на горящие щеки. И казалось, утекло много дней прежде, чем выбежали вслед за ней домашние голоса.

— Дурной знак! — мама скрестила руки на животе.

³ Светские игры (*фр.*).

⁴ Слова молитвы святого Иоанна Златоуста на сон грядущий.

— Пропащий, лучше бы кошка съела, — сестренка не плакала.

— В дом ступайте! Кто ж по улицам бегаёт в неглиже? — плед накинул на плечи отец.

Но согреться Анна уже не могла. Космос лопнул, как тщедушное тельце. Птичьи перья и потроха схоронила в земле у оградки во внутреннем дворе.

Зимой хоронили братишку — уже за оградкой. И кладбищенская земля ледене- ла в руках. Не отпевали. Оплакали восковыми слезами свечей поминальных.

— Голубок мой! Вылетел раньше срока...

Ветер дунул в окно. Погасла свеча. И тяжелым занавесом на дом тишина опусти- лась. Сон в руку. Живые фигуры изображали? Богу стало тошно смотреть — он от- вернулся. Мы ничтожно малы перед Господом: не птицы, а насекомые. Ничто — му- хобойка. Хлоп! — и кончились игры. Недоглядел наблюдатель сторонний, позволил невинную душу забрать. Или хуже: сам промахнулся.

Так зачем же стараться? Ты одна на дороге. Бог не хранит. И времени маховик уже завертелся, как колеса пролетки, застучал по расхлябанной улице жизни, разго- няясь на поворотах. Чем дальше, тем настойчивей будет стучать. Звук, который, услы- шав раз, не сможешь потом ни унять, ни перекричать.

Голос времени, глухого к мольбам и немного к вопросам. Равнодушный, необратимый.

* * *

Бывает, время застывает и замуровывает людей заживо в своей капсуле. Но и за- ключенным приходят письма.

Пригласительное письмо отправителю не возвращают.

«В Летнем саду состоится карнавал Белых ночей», — и Петербург закружило в танце. Кружил тополиный пух в аллеях, сверкая на солнце, как новогодний снег. Кружили кареты, пролетки вокруг магазинов мод и галантерей. Светские «Вестники» тут и там мелькали в руках веерами, страницы с нарядами бумажными голубями перелетали из гостиной в гостиную.

Анна смотрела на тополиный снег. Это время кружилось в воздухе и медлен- но оседало на подоконник. Анна ждала от портнихи коробку с первым своим баль- ным платьем, мечтала крышку открыть — и себя белоснежной и нежной. Новой. Другой. Бестелесной.

Призрачный город за окнами утратил тени и очертания: днями мела солнечная метель, а после заката ночь распускалась над городом белым цветком.

В окне дома напротив не спала соседка. Одинокая, как луна. Воплотившееся ожи- дание на берегу предрассветного неба. Постаревшая Сольвейг в капоте, чья жизнь — обреченное снеготаяние.

— Помни, Анна, репутация женщины — как зеркало: чуть подыши, и мутнеет. Манеры — плод благородной души, проявление добродетели. На нимфах⁵ не женят- ся. Один проступок — и свет закроет пред вами все двери.

Да, нужно вести себя хорошо, чтобы Богу не стало тошно. Он с иконы строго визи- рал, как теснили друг друга с сестренкой у зеркала, каблучками туфелек дырявили пол.

— На балу нельзя в зеркала смотреться. Перед кавалерами опускать глаза, — на- ставляла их маменька. — Скромность и простота. Нельзя выделяться! Быть со всеми, как все...

Как же хочется быть единственной! Анна, Анечка, кружева и ленточки, аромат гиацинтов, фиалок, волнующее прикосновение взглядов, фраки, маски, мундиры,

⁵ Нимфа — здесь олицетворение естества, дикости, природы.

кисейные шлейфы платьев, хрустальные голоса фонтанов, скрипки, гобои, литавры, паруса беседок, колонны, белеющие в ночи, как свечи, вальсы, кадрили, белоплечие дамы и статуи, сияние, трепет... Атласная книжка в руках наполняется незнакомыми именами. Необычайная легкость. Головокружение. Словно в лодке плывешь по опрокинутому в пруд небу. Водовороты, подводные течения. И глаза в прорезях масок — как просверки звезд сквозь кобальтовые облака.

Руку вкладывая в мужские ладони, Анна чувствовала: каждая девушка на балу собирается из разноцветных и хрупких стекол, как витражи. Каждый кавалер воспринимает ее по-своему и влюбляется тоже по-своему. Все мимолетно, случайно. Для каждого из них я — другая, отличная от самой себя, как фигуры кадрилей, как ленточки в волосах, кружева на платьях. Мельтешение образов, ощущений. Словно небо в пруду разбивается на тысячу мелких осколков, рябь на глади бального зеркала. Таков маскарад. Партнеры в танце меняются, отражения пар дробятся, множатся до бесконечности.

Девушки перед началом очередного танца выстраиваются в ряд, одинаковые и разноцветные, как гиацинты. Если долго стоят, начинают таять, опускаются горестно плечи и оплывают, как воск, кружева на платьях. Даже оборванный шлейф не трагедия по сравнению с ожиданием приглашения.

Анна двух кавалеров записала на одну кадрили. Боже, какой скандал! А вдруг кто-то из них позабудет о ней, передумает? Отец тоже любит их с Таней поровну — одинаково. Ни одна из нас не уникальна, мы в круговерти этого бала — как в запад-не зазеркалья.

Как же хочется выйти на берег! Чтобы подали руку и рука бы была — как земная твердь. И лицо — живое! Теплая кожа щеки слилась бы с моей навек вместо сотен ласк и прикосновений обманчивого бархата масок.

Если в тебя кто-то влюбится, по-настоящему, для него ты будешь единственной. С ним ты *будешь*. В этом — освобождение из кружения зазеркалья. И пока он рядом, не умрешь, не исчезнешь, дробясь в отражениях.

Над головами кружится-кружится тополиный снег... Чтоб отменить снеготаяние, нужно в случайном искать неслучайное. И себя в нем найти, уберечь свое время.

* * *

Время коротко. Зимний день отчаянно к ночи стремится. В Заонежье метель правит балом. За окошком избы в снежной пляске кружатся субтильные воспоминания в беспощадных объятиях кавалеров грядущего. И замирают между землей и небом средь души зеркального зала.

Ячменя у Анны осталось на дне сундука. Зима в прошлый век⁶ затворяет калитку...

Всё случилось в фамильной усадьбе.

Зацветала вода в реке, лето зрело, багровели закаты. И томление в воздухе предвещало грозу.

Душными вечерами пили чай на веранде. Мотыльки ночные били в золотые колокола абажуров. Свет метался от дяди к отцу. Они спорили, порой за полночь.

— Манифест⁷ — это трусость, — распался отец. — На переправе коней не меняют. Нужно было и дальше огнем и мечом. Чернь восстала. Распустили державу!

⁶ Историки склонны видеть 1913 год неким не календарным, а историческим порогом между двумя веками. XX век наступает с началом Первой мировой войны.

⁷ Обсуждаются события Кровавого воскресенья и начало революции 1905 года, Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 года.

— Он — снотворное для больного, скоро всё вернется на круги своя, — рассудительно возражал ему дядя.

— Мир утратил веру в царя! Веру черпают в благоговении, в страхе. Православный дух укрепляют победы. Бог на иконе, Царь на троне. России нужна война!

— И чего вы кричите? Вас-то точно не призовут к оружию, офицер министерских заседаний, — оглаживал бороду дядя.

Отец осекался на полуслове, пустоту в кулаках сжимал над столом, как записки служебные в своем кабинете. Не отстреляться от правды словами.

— Ох, беда не ходит одна, — вздыхала мама, чай дымящийся подливая обом. — В ту проклятую зиму голубочка нашего схоронили. И надежда на продолжение ваше с ним вместе в землю слегла.

А сестрам на будущее гадала тетушка. Осторожно карты выкладывая на белоснежную кружевную скатерть. Червонный валет — амурные хлопоты, шестерка треф — поздняя дорога... и под сердцем — пиковый король!

— Анна, милая, что вы от нас утаили?

Ночь синела. Туманы с окрестных болот ползли по полям, по тропинке сада, оплетали дом и веранду, влажную шаль накидывали на плечи.

Анна, передернув плечами:

— Может, врут? Погадайте еще раз.

— Нет, нельзя подряд. Карты устанут.

— А вы посидите!⁸ — советовала кузина Дашенька.

— И мне тоже два раза, — просила Татьяна. — Королей на всех кавалеров не хватит в колоде.

— Молодые забавы, — улыбалась лукаво им тетушка.

— Вот напасть, одни девки в роду, — ворчал между спорами с дядей отец.

— Зато не к войне.

Гадания да на лодке катания по реке — вот и все развлечения летом. Изводила скука. Снились балы, Петербург и веселые игры в гостиных.

— Что-то закисли мы все тут. Не посетить ли нам балаганчик? Говорят, в деревню на ярмарку приехали комедианты. Говорят, представления у них недурны, — предложил в тот злосчастный вечер им дядя.

Сейчас Анна вспомнила: сердце не екнуло, не отозвалось. Перед бурей всегда безветрие. Никаких предчувствий. И это знамение: слезы льют в тишине.

Взорвался отец:

— В балаганчик? Мы?!

— Развлечемся, худого не будет, — успокоила мама.

— Развлекаться бы только. Зритель и есть мерило искусства. Комедии — порождения века пустого. Одухотворенному времени нужны герои. А судьба героев трагична.

«Почему всех вокруг так восхищают страдания? — думала Анна. — Неужели радость пресна?»

Видно, радость их застоялась, как в вода в рукавах реки, превратилась в настойку тоски.

Поутру северный ветер разогнал тяжелые облака. Над верандой в светлеющем небе остророгий месяц повис. Загадать на растущий?

— Предсказания наши сбываются! Кто-нибудь хочет проверить?

Комедианты высмеивали суеверия. Спектакль о чародеях кончился, но никто не хотел расходиться. И тогда волшебник на бис возник над толпой. В узких туфлях и колпаке с бубенцами похожий на шута. Глаза, подведенные угольно-черным, смеялись. Анна столкнулась с ним взглядом — и рванулась душа.

⁸ Старинный гадалый ритуал «посидеть» на картах, чтобы те «отдохнули и говорили правду».

У отца бывало такое же выражение лица, когда любовался закатами. «Внезапное поражение красотой», — шутила мама.

Шут-волшебник подал руку, помог Анне подняться на сцену. Легко впустил в свою жизнь. Вместе смотрели на зрителей с возвышения сцены, словно с другого берега. Театр — мистерия, игра времени и судьбы. А глаза под гримом — прозрачные, как ручей. Знают всё о ней: что было, что есть и что будет.

— Ты не спеши убегать. Мне хорошо с тобой рядом, — шепнул на ухо. И локон от дыхания взвился, затрепетал.

Вот оно: быть единственной!

В дворянских гостиных все друг к другу обращались на «вы». Анне чудилось, что за спиной кто-то прячется. Оборачивалась незаметно и видела воздуха пустоту, или стену, или свое отражение в зеркале. С годами множилось «вы» за плечами, призрачный рой личин.

Лицемерие — когда лица, как маски, подбирают под фрак и платья для балов, званых ужинов, игр. Каждый из нас играет. Разные роли от случая к случаю. Случаи непредсказуемы, мысли-чувства-поступки случайны.

В детстве мама с отцом говорили сестренкам прямо и ласково «ты», а потом они повзрослели, и начались приличия. На собеседника взглядывать мельком, беседу вести намеками, не выражать желания, не досказывать мысли... А главное — не понимать неприличного. Или делать вид, что не понимаешь того, что находится за пределами света, о чем умолчали в книжках «Правила светской жизни, хорошего тона и этикета».

Актер не играл шута, он смеялся.

— Шарлатан! — по рядам загудело.

— Маг... пророк! — крикнул кто-то в толпе. — У меня сбылось предсказание!

У пророков не спрашивают о происхождении. Они появились. Ниспосланы свыше.

— Просто Макар, — сказал о себе. И Анна в него поверила.

Неприличное «ты» сблизило двух героев на сцене, как в жизни людей сближает соприкосновение обнаженной кожей.

«Ты» вернуло Анну самой себе. Словно во сне потерялась в тумане — и нашлась, от яркого солнца утром проснувшись.

Вмиг почувствовала, что «радость» прорастает из корня «Рай». Льется лучами из сердца, жизнь наполняет до дна, до края, переполняет и уносит в необозримую, как земля, бесконечность.

* * *

— Человек ничтожен, если не сумел подняться над собой, — утверждал Макар.

Именно так они встретились и полюбили друг друга. Бродяга и помещичья дочка. У Анны — положение в обществе, где Макару нет места. Но в тот день — и всегда — он был выше нее. Любовь с первого взгляда: снизу вверх. Театральные подмостки возвышают актера над зрителями.

Занавес! — и миг восторга равняет всех: и простолюдин, и барин аплодируют самозабвенно.

— Смех побеждает.

Комедианты свободны в мыслях, чувствах, поступках, словах. Сцена безжалостна, зрителей разоблачает, как зеркало. Те же слова прошепчи в приличном обществе кому-нибудь на ухо и — попадешь под арест. А в театре все слепы. Люди не склонны в комедиях видеть пародии на себя: своих грехов не бывает, только чужие.

Дядя с отцом на веранде спорили о врагах Российской державы. Анна с Макаром в роще смеялись, как заговорщики. Понимание шутки объединяет. Понять — значит присвоить: чужой человек вдруг становится близким, своим.

— Смех сближает. Рассмеши — и тебя полюбят.

Жаркое солнце. Много смеха. Любви. И настоящих слов.

В столичных театрах ценились иносказательность действия, метафоричность фраз. Недосыгаемость и непостижимость мира трагедий. Блистательные умы, чувствительные души! Понимали ли они то, что видят на сцене? Вместо ответа — непроницаемость глаз.

«Анна, нельзя лорнировать публику!» — попрекала маменька. А Макар вытаскивал людей за руку из зала на сцену...

— Раньше цари при дворе держали шутов. Только урод мог сказать им правду.

— Ты красавец! — заверяла его.

— Скоморохи не люди! Ни денег, ни происхождения, ни дома, ни семьи, ни обязанности, ни устоев! Всю жизнь бродяжничают, а хоронят их за стеной кладбища! — возмущался отец.

Как братишку, вспомнила Анна. Его ждали, как божий дар. И не дождалась. Но несчастных любишь сильнее.

Осенью той торопили весну...

Это лето помчалось вскачь. «Петербург изнывает от жары, — писали в газетах. — Каменные многоэтажные громады, каменные мостовые и такие же тротуары раскалены, воздух насыщен пылью, копотью и смрадом от загрязненных рек. Африканская жара под тридцать градусов для северной столицы нечто исключительное. По данным Николаевской физической обсерватории, подобной температуры в конце июня не наблюдалось тридцать лет, с 1882 года».

А в поместье грибы подоспели, ягоды зрели на цветущих кустах раньше срока. И запахло вдруг палыми листьями далекого октября.

Анна вновь услышала дыхание неба.

Затухали белые ночи, россыпь звезд подрагивала на куполе мироздания, как роса на гигантской ягоде ежевики. У небес горько-сладкий вкус. У Макара губы вымазаны ягодным соком.

— Люблю ежевику, растет вдоль дорог.

Встать на носочки, дотянуться и выпрыгнуть из себя! И сойти с ума ненадолго...

Губы его быстрые, бешеные.

— Как посмел прикоснуться?! Под домашний арест! — кричали на Анну мать и отец.

Анна скиталась по дому от окна к окну. Словно свет был водой из колодца, а она в темных комнатах, как в пустыне, изнемогала от жажды.

Золоченые рамы зеркал и картин, бронзовые часы, канделябры, пузатые статуэтки фарфоровых ангелочков, графины и вазы из хрусталя — всё в доме, казалось, поглощает свет, лишает его сил и отражает уже искусственным блеском. Всё сверкает, в глазах темнеет. Так выглядит зазеркалье. Перевернутый, несправедливый мир!

— В белом платье с утра! Не стыдно? А если дядя зайдет?

Вот Макар ничего не стыдился. Одна рубашка на все времена дня и года. Пестрая, как крылья вульгарных бабочек.

— Есть бескрылые бабочки, — рассказал. — Лежат на листьях ежевичных кустов и ждут самцов, сами летать не способны. Тебя тоже замуж родители выдадут.

Выезды в свет, званые обеды в приличных домах, помолвка с тем, кого едва знаешь, свадьба, первый ребенок, книги расходов, Библия и приемы. Достойная мать и жена, все печали, тревоги, заботы вокруг детских болезней и немодного

цвета обоев в гостиной. Устаревшая пьеса. Мама ее играет, вскоре Анне придется. Вечная роль. Дочь родится, подрастет — и по кругу: обеды, балы, замужество, дети, домашние хлопоты. Круг замкнут.

— Если бы я могла родиться другой. Я б умела летать. Но от себя, как от земли, не оторвешься.

— Хочешь, покажу фокус? Нарисую круг и в центре поставлю точку, не отрывая руки от листка в твоём альбоме?

— Но это же невозможно! Как?

— Всё возможно. Загну и отогну уголок.

— Так нельзя!

— Кто сказал, что страница должна быть ровной? Если есть обратная сторона листка, почему бы ее не использовать?

Уголки разгибая в альбоме, Анна терзалась: в чем счастье? Исполнять то, что написано ролью, не нарушая приличий границы? Жить по чужим правилам, а не по своей воле? Это вовсе не жить! Сперва обязательства, потом старость. Или выйти на сцену и тысячу жизней прожить, никому из нас не доступных?

Сцена — пространство, неподвластное времени. Перевоплощаясь от пьесы к пьесе, актер способен его обмануть. Дороги по городам и весям размыкают предопределенность пути.

— Ты тоже сможешь играть. Я тебя научу, — пообещал ей Макар.

В деревне тем временем готовились к ночи Ивана Купалы. Дни летнего солнцестояния ночью прервет солнцеворот. Будут песни петь и водить хороводы, прыгать через костры. В реку войдут, как в новую жизнь. Цветы в волосах, яркие ленты, сочные губы, загорелые руки. Будут смеяться и любить друг друга на берегу под раскидистыми кустами.

И Макар зажжет факел. Что ему помещичья дочка, когда начинаются...

— Ведьмины пляски! — называл летний праздник дядя.

Ведьмы обворожительны и обнажены. Куда Анне до них, перетянутой корсетом, как сноп сена? Еле шевелится и почти не дышит. Чучел таких ведьмы сжигали. Или бросали в реку. Она бы не выплыла.

— Богохульники! Ничего святого!

Языческий праздник Древней, дохристианской Руси. Сварог старше нашего Бога? Стало быть, и мудрее? И зачем на Руси понадобилась чужая, византийская, вера, если Сварог подарил людям Солнце Ра? Оно и есть радость и рай. Солнечный свет — главное на земле. Как мало все-таки в ее доме света!

Анна венок сплела и свечу приготовила. Если ее огонек затеряется в водовороте реки, не прибудет обратно к берегу...

Анна хотела Судьбу. И дорогу. Чтобы самой решать, кем, где и с кем ей отныне быть.

— Всё, что мы делаем, важно для нас самих. Несчастные жертвы никого своим положением не осчастливят, — говорил Макар.

Последняя короткая ночь в году. Как тихо в усадьбе! С утра домочадцы умылись росой на Иоанна Крестителя, сходили в церковь и сейчас спят спокойно, как невинные дети.

В раскрытое окно влетел ветер, принес Анне благоухание рощи, запах реки. Веточку от любимого. Мимолетность цветущего мира! Осенью поседеют леса, а пока она ароматы цветения глотает, как сладкий, дурманящий сок ежевики.

Бессонная ночь. У реки, наверно, уже покатали с горы огненное колесо. Солнце на убыль.

Анна, не касаясь перил, паря над ступеньками лестницы, словно призрак в белой сорочке, спустилась вниз и замерла посреди гостиной. Любое движение — и скрип половиц сон потревожит в доме.

Время таяло в тишине.

Полнолуние. Стол преградил путь к окну и стоял, как прибитый намертво. На столе — хрустальный графин с водой, как награда за стойкость. Стол дубовый, графин тяжел.

«Устой», — вспомнилось Анне любимое слово отца. Дом устойчив, порядки незыблемы, предназначение женщины в нем неизбежно.

Лишь луна робкий свет в окно проливали. Свет искрился в хрустальном графине. Заключенный, как Анна за окнами дома.

Луна — безутешная Солнца жена. Никогда не увидит мужа. Лучше уж быть вдовой, чем так.

Макар — Солнце. Анна — Луна. И они не встретятся никогда.

В мире Анны всё ненастоящее, даже люди. Настоящими были роща, соловьи, ежевика, ветер, деревья, звезды, облака... И Макар. Он подарил ей жизнь, открыл все пути-дороги. И теперь она мечтает стать невидимкой, раствориться вдвоем в большом незнакомом городе, где никто их не будет искать. Самим творить судьбу. Создавать мир своими шагами. Разгибая его уголки, открывать каждый день что-то новое. Подняться над собой. Как на сцене, быть выше ведомых зрителей.

Освободиться!

В воде на дне графина барахтался лунный свет. Анна выпила воду, вызволила его из хрустальной темницы. И впустила в себя.

На рассвете луна пошлет восточку солнцу.

Без Макара жизнь ее будет утрачена.

* * *

Тропинка вела сквозь заросли ежевичных кустов к реке. Анна осторожно ступала, стараясь запомнить каждый свой шаг, каждый укол травинки или камешек под босой пяткой.

Бывают такие картинки бытия — наверняка увидишь еще раз, перед смертью.

Тишина предрассветная. Молчание утра. Венера сияет над горизонтом. Дым от костров ночи Купала стелется над рекой. Зачем-то взяла в руку головешку. Как факел.

— Я несу свет!

Издrevле Венеру называли по имени Люцифер, носитель света. Падший ангел и богиня любви слились воедино в свете звезды.

Анна скинула с себя платье, развязала шнуровку корсета. В воду входила медленно. Илистое топкое дно, скользкие камни, тугие стебли рогоза — ведьмины посохи.

Сперва по щиколотку, держа у груди факел, как когда-то молитвенную свечу, опустила чуть ниже. Солнечное сплетение — место, где обитает душа. Так же щемило там, когда молчал потом зрительный зал за кулисами перед премьерой, наблюдая за нею незримо, как бог, как рассвет, затаивший дыхание ветра.

По бедра. И ласковые руки Макара, обучившего ее плавать. И лоно ее, истекающее нектаром не существующего в природе, чтобы сравняться своей красотой, цветка.

По пояс. Кровь и жгучая боль роженицы.

По грудь. Головешка, зашипев, потухла в воде. Будто сердце остановилось — и вдруг огненным колесом сорвалось с горы.

Поскользнулась на камне, и — дно ушло из-под ног. Провалилась в воду, как в пустоту. Захлебнулась вмиг. Беспомощно забарахталась к берегу.

Это вхождение в воду предсказало ее судьбу.

Факел в руке и вода в реке — война и жизнь, страсть и время. Поминальная свеча по той, что не станет прежней, и второе крещение.

— Тебе нужно выбрать новое имя для сцены.

«Анита», — напишут потом на московских афишах.

— Не зная жизни, не сможешь играть. Истина постигается через людей, их радости и печали, а люди — внутри тебя. Все: мужчины и женщины, старики и дети. Сочувствие, сопричастность стирают границы. Других отыщи в себе. И тогда в зрительном зале увидишь Бога. Одно лицо вместо враждебной многоликой толпы, готовой ошкаться. Бог не казнит. Он любит. Ты — его отражение.

Балаган называли «народным театром».

— Балаган — наша жизнь, — говорили. И жили на сцене: не притворялись, играя свои роли, а претворяли чужую жизнь. Творили глупцов, подлецов, влюбленных, героев... Зрители плакали. Или смеялись. Рукоплескали. Занавес опускался. А потом вызывали на бис.

Актеры жили в театре! Порой негде спать, кроме как в артистической гримерной.

Анна прилежно учила уроки. Бенефисы в провинции: роли без слов, с репликой на один выход, улыбки и реверансы на раусах. Всем внимала: деловитой лисице — антрепренеру, мрачному режиссеру, премьеру Борису, страдающему поочередно то бессонницей, то похмельем, актерам труппы, пересмеявшим свой голод, и приглашенным их сменщикам, забывчивой костюмерше-неряхе, зазывалам, билетчикам. Всем.

А Макар учил ее плавать. До конца августа, до первых осенних листьев.

— Не получится пловца из того, кто боится погружения в воду. С головой. Перед тем как учиться плавать, нужно выучиться нырять. Так и с ролью: не сыграешь, пока не уверуешь в то, что играешь на сцене, пока не нырнешь на самое дно души.

Чужая душа — потемки. Но сам для себя человек страшнее тьмы. Чем глубже себя узнаешь, тем больше боишься. Подчас Анна задавалась вопросами, которые никогда бы и в голову не пришли в родительском доме. На сцене чувствовала, что ответы, как клейма, горят на щеках. А есть ли у меня способности? Дар? Имею ли я право играть, быть на сцене?

— Ты — птичка из клетки. Многие месяцы канут, прежде чем запоешь, полетишь. Придется терпением запастись.

— Ах, оставь! Анна — украшение труппы. Красоток не сыщешь среди бедноты.

Рампа кружилась, сцена покачивалась, превращаясь в палубу корабля, зрительный зал — в речные стремнины. Вот-вот ее кораблик сядет на мель или разобьется о подводные камни в щепки. Ухо жадно ловило шепоты в первых рядах. Казнят или помилуют? Провинциальные сцены стали ее эшафотом. А до Москвы было еще далеко.

За одно лето не перевоплотиться из петербургской девочки в русскую женщину. Все равно что пытаться вобрать в себя сразу всю землю с ее лесами, полями, рассветами, реками, дорогами, городами и селами, небом, Луной и Венерой.

Утратить страх — главный навык жизни на сцене. Порой Анне это напоминало охоту: публика — быстрый и жестокий зверь, актеры в труппе — загонщики в шурах, первобытно бесстрашные. Зверь может ранить, а то и убить.

Первобытные стихии земли оживали в труппе. Трагедийный актер и премьер — солнце или огонь в ночи; режиссер с распорядителями — камни и почва, основа их существования; себя и всех на вторых ролях причисляла к ручейкам и речным потокам, важнее ты или незаметнее, но течешь, куда скажут. А Макар был воздухом, свежим ветром, меткие стрелы шуток посылая в зал. Русский талант не бывает без юмора, русские пьесы — без смеха. Смеялись князя Н. и С. в глупых пародиях, в остроумных комедиях — Островский, Чехов, Толстой...

— Смех побеждает, — твердил непрестанно Макар.

Публику. Голод. Дороги. Судьбину.

Смейся и наполняйся радостью.

Бог так велел: Радуйтесь! Это лучшая мне благодарность, молитва и воздаяние.

Дети так радуются первому снегу. Лепят снеговиков во дворе, бегают по сугробам, играют в снежки и визжат от восторга. Беспечная радость.

Печь затопить было нечем, негде согреться, сырость в каморке. Не услышав баюкавшего по утрам, привычно сухого — осеннего — шороха листьев, Анна проснулась от тишины. На крышу театрала падал и падал снег. Будто оплакивал.

— Ночью умер Борис. От инфаркта.

Сердце премьера переполнилось и разорвалось. Трагедийные роли на сцене. А в жизни — убогая драма. Жена год назад потеряла рассудок, лечили ее в желтом доме. Не узнавала уже никого, но Борис верил встрече. Недоедал, только пил, чтоб забыться, деньги все отправлял на почтовых ей на лечение. В Петербург. В последний раз был у нее проездом — не узнала. Нет надежды, доктор сказал. Над детьми лучше бы родственникам опекунство оформить, и как можно скорей. Вы же странник-с, не в состоянии позаботиться.

Анна тогда поняла: нет ничего печальнее утреннего снега на желтых листьях. Снег в сентябре. Беспощадный диагноз природы, преждевременная кончина. Летние приключения сбылись у кого-то другого, а нам выпал трагичный финал.

Макар унаследовал факел Бориса. Но публика пригвоздила его к скале равнодушия, как Прометея, похитившего огонь у богов. Дерзнувшие быть счастливыми не достойны любви.

Провал следовал за провалом.

— Дайте время! Я ж с людьми огнем хочу поделиться! Искренность завоюет сердца.

— Чьи? Не сезон сейчас для гастролей. Все уезжают в столицу.

Анна гадала, как там дома, в Петербурге? Вспоминают ее? Нет, забыта. Прокляли вслед и сожгли слова прощальной записки. Некуда возвращаться. Только следовать за бродячим театром. Но она ни о чем не жалела и сейчас бы пошла за Макаром и в огонь и в воду, а тогда в начале пути...

— Мы поедem в Москву! — рассудил режиссер. — Там полно театральных огней и легче зимой прокормиться.

* * *

Когда упал занавес и начали гаснуть один за другим огни, Анна не верила в возвращение. Так бывает при пробуждении, на тонкой грани меж явью и сном: невозможно проснуться! Сказочная страна манит-зовет обратно. Жизнь расплывается перед глазами, а в голове звучит дивная музыка. Песня Сольвейг — золотая нить меж мирами, солнечный луч, проникший в темную комнату спящей из заперделья.

«Музыка Грига и декорации Рериха — главное содержание и сильнейшая прелесть спектакля, — позже читала Анна в газетах, — сценическое искусство отодвинулось на второй план, уступив первенство музыке и живописи...»

Пера Гюнта не спас тяжелый взгляд Леонидова⁹, не удержала пылкая Коонен, все говорили о красоте, а значит, о Сольвейг.

Солнечный свет пронизывает все вокруг, но остается невидимым и описаниям не подлежит. Призрак, разлитый повсюду, прикосновение грез.

⁹ Леонид Миронович Леонидов исполнял роль Пера Гюнта, Алиса Коонен — роль Анитры в первой постановке пьесы Генрика Ибсена в Московском художественном театре, 1912 год.

— Сольвейг не роль, а то, ради чего играют, выходят на сцену. Солнечный путь героя, очаг для блудного сына. Вечное возвращение.

Москва театральная! Фонари Камергерского напоминали подвесные домики о четырех углах, обиталища муз. Московский художественный театр недавно утратил приставку «общедоступный», но сохранил дух народный. Ставили жизненно, высказывались открыто, играли зрителей в зале, играли себя, ярко и остро писали о театре газеты.

Как отнеслись театралы Москвы к этой странной полусказочной постановке пьесы Генрика Ибсена в октябре 1912-го? Не триумф, пожимали плечами и напевали вполголоса песнь Сольвейг. Песнь печали и радости, потери и обретения.

Потрясением стала премьера для труппы Макара и Анны. Перевернула их балаган.

Осенью 1912-го маленькие театрики росли в Москве, как грибы. Театры-табакерки сдавали подмостки внаем и приютили бродячую труппу. Костюмы раскрашивали в пурпур, лампы ставили вкруг, чтоб холщовая ткань при свете играла, как шелк или бархат. Пыль из занавеса выбивали, как из матрацев, штопали, как старую шаль. Бродяг тепло принимали. Анна вскоре привыкла к запаху краски и пыли кулис и к тому, что зрители аплодируют стоя. Мест не хватало на всех, стояли в проходах, присаживались на ступени. Застенчивых гимназисток суровые кавалеры брали к себе на колени. Но то был еще не успех. Любительские премьеры. Играли короткие пьесы по три спектакля за вечер по четным числам месяца. Поселились всей труппой в меблированных комнатах над харчевней на Кузнецком мосту.

А учиться бродяги ходили в большие театры. У настоящих актеров с ангажементам и именем на афишах. Анна искала в театрах парадную лестницу с красным ковром, как в провинции. Но кареты богачей подъезжали к отдельному входу, а дамы демонстрировали свои драгоценности в ложах. Разночинная чернь на галерке теснилась. Дерзкие юноши отбирали друг у друга театральные бинокль, разглядеть лебединую шею и белоснежные плечи очередной Прекрасной Елены с сомнительной репутацией.

Москва не Петербург, здесь не кичились происхождением, не соблюдали приличий. Мещанский город для смелых и предприимчивых. Здесь удовольствия и радости жизни доставались не по наследству, а за рубли. Вино текло рекой в кабаках на Кузнецком мосту, который был вовсе не мост, а пристань для заблудившихся в осенней стылой ночи. Лампады в форме чаш источали не масляный чад, а ароматы свободной любви. Безродные знатно блудили. Дамы, дыша на кавалеров вином, духами и туманами¹⁰, призывно откидывали вуаль, и глаза их сияли и оценивались в каратах, как вытребованные за ласку бриллианты. Танцевали, тесно прижавшись к своим благодетелям.

Анна видела в раскованных танцовщицах освобождение женщины. Смирненно скорбящая Богородица отвернулась к стене, а прекрасные дамы хохотали и любили мужчин, пригласивших не под венец, а на танец. Анна выучила новое модное слово: эмансипация.

— И после ЭТОГО я стану женщиной? — спросила Макара.

— Нет, — впервые серьезно ответил он. — Женщиной станешь после того, как поймешь, чего хочет мужчина, а не поймешь, останешься самкой человека.

Значит, я не смогу сыграть главную роль, мучилась Анна. Роли без слов, ночи без сна. Ощутить другого в себе? Как такое возможно, что чужие тела вдруг сливаются в одно существо?

¹⁰ Аллюзия на стихотворение «Незнакомка» Александра Блока.

А Макар дышал ровно, обнимая ее во сне. Что ему снится? Даже сны у них разные.

На потолке плясали всполохи пламени от свечи. Словно ведьмы дразнились, показывая ей свои влажные языки. У Анны же всякий раз пересыхало от страха не только в горле.

— Ты еще не готова. Крылья отращивать быстро не получается. Дай нам время. Всё случится само собой, — успокаивая, гладил ее Макар.

Нечетными вечерами он уходил куда-то. Анна знала: к другим, но не спрашивала ни о чем. Ждала безропотно. По мебелированным комнатам блуждал его запах: горьковатый древесный аромат, полынный ветер. К полуночи таял в воздухе, но не исчезал. Макар, возвращаясь под утро, вновь наполнял собой дом.

Как-то нечетным вечером Анна согласилась выпить с актерами труппы вина. От папиросного дыма и песен воздух густел, перекачивался волнами. Анне чудилось, будто осенний туман просочился в комнату. И в пелене тело ее растворялось, утрачивало свой вес, как в воде. Движения так легки, что еще немного — и полетит. Хлопнула дверь. Ног не чуя, Анна сбегала вниз по ступенькам.

— Макар! — и на шею.

— Напилась до бесчувствия! — отругал.

Прислонилась к плечу виновато. Вздохнула. Раньше Анна всегда узнавала его по запаху. А в ту ночь — по шагам на лестнице.

Поднял на руки, отнес в спальню.

— Истина не в вине, — объяснил ей утром, прикладывая к голове мокрое полотенце — холодный компресс от головной боли. — Без чувства нет красоты. Без красоты не бывает любви. Только похмелье. А любовь — это когда человека принимаешь всего и таким, как есть, без остатка. Сейчас ты любишь мой голос, мой смех, мои губы и руки. Но и кусочек плоти, которого ты так боишься, тоже я. Если ты меня любишь, то должна полюбить меня всего целиком, понимаешь?

Полынный ветер... Сладкое ожидание, горькое возвращение. Сорок лет ждала Сольвейг в избушке на севере, пока Пер Гюнт искал счастья на краю света. Но куда бы ни шел человек, он идет на север. В мире не бывает странствий без возвращения. И странник становится странником после возвращения домой.

Рано или поздно каждый из нас осознает, что жизнь не бесконечна, как казалось в детстве, верилось в начале пути.

Как выбрать из множества дорог свою единственную дорогу?

Угадать. Найти.

Но угаданное ускользает от понимания, найденное покидает душу, и тогда предстоит новый мучительный поиск в хаосе событий, отчаянных надежд и запоздалых молитв.

Он был неприкаянным, растратил жизнь попусту. Она любила его. Он не нашел себя, она сохранила его в воспоминаниях. И вернула ему жизнь. Другую, наполненную ароматом странствий, полынным ветром. Она не гадала, не выбирала. Просто ждала. Единственного.

«Когда я правдой жил, в согласии с судьбой? Когда я сильным был? И где я был собой?» — спрашивает Пер Гюнт.

«Во мне одной», — отвечает Сольвейг.

«Эта история о поиске и возвращении, о самопожертвовании и раскаянии», — писали театральные критики.

Эта история о том, как человек обретает себя, поняли Макар и Анна. Потому что себя можно найти только в другом человеке. Любовь помогает обрести свою суть, свою целостность.

— Ты у меня первый, — призналась Анна.

— А ты у меня... всю жизнь искал... в других, — признался Макар. — Когда на тебе остановился, будто домой вернулся, и позабыл их всех. Верь мне и не ревнуй к прошлому. Оно у меня было бурным, но то не настоящая жизнь. Ты поделила ее на «до нашей премьеры» и «после». Раньше я играл чужих людей, теперь самого себя. Потому что с тобой и для тебя.

«Это живопись жестов и слов. Это живописание.словно сама жизнь поднялась на сцену», — писали о новом спектакле труппы театральные критики.

— О пути и дорогах я напишу лучше Ибсена, — заявил режиссер бродяг еще в Камергерском.

Всякий творец кем-нибудь или чем-нибудь вдохновляется. Пьеса русской задумана, не плагиат. Не сказка, а повесть. И писал режиссер впервые. Ставя чужие пьесы, он всегда добавлял на сцену немного себя. А сейчас прорвало плотину из слов, тоски и молчания. К крещенским морозам оригинальная пьеса готова была.

Театр Немчинова согласился поставить. И это была уже Сцена, а не подмостки. Имена Макара и Анны напечатали на афише. Прибежал посыльный с мороза с охапкой листов. Передал Анне в руки. На афише снег таял. Руки дрожали. Анна не могла надышаться свежим запахом облаков.

Анита в главной роли... шагала по сцене в свете софитов, как по солнечной дорожке в реке. Светлые волосы, ореол кудрей, живая свеча горела в тишине предрассветной. Зрительный зал замирал. Голова кружилась. Солнце взойдет — и будет успех.

Люди занимаются искусством, чтобы быть замеченными. Услышанными. Кем? Вряд ли всем человечеством и даже не зрительным залом, не критиками и театрами.

Та, чью роль исполняла Анна, пришла на премьеру. Стареющая и одинокая, растраившая себя на балы и обеды. И рыдала, узнав себя в юной Аните, сказавшей страннику «Да!». Режиссер был отмщен, отмтыты скитания труппы.

Как золото, мягкое расплавленное золото, Анна тихо ступала, затем плыла и ныряла, чувствуя, как тела их теряют форму и очертания, разделяющие их оболочки и расстояния. Жидкое чистое золото переливалось на солнце. И через край, и друг друга переливались они с Макаром.

Зимнее солнце позолотило московские крыши. Это был их первый рассвет.

* * *

Может ли свет потускнеть внезапно? Может ли прямая дорога оборваться на перекрестке и, пересекая другую, утратить себя? А мы продолжаем идти по иному пути, не заметив подмены? Анне чудилось, ее будто проклинали, пока сладко дышала во сне.

Зима сыпала снегом искристым, белой тройкой неслась за мечтой. А весна захромала. Снег оседает на крышах и тротуарах бурыми шапками, слякотью хлопает под ногами. Скомканые афиши, рваные облака. Влажный, чем-то гнилостным пахнущий ветер.

— Распутье в Москве, — жалуются прохожие, кутаясь в воротники.

Ей слышится слово «распутство». Десятки мохнатых лапок и глаз — и шепотки-шепотки-шепотки: «неназванная жена, бесталанная актриса, самозванка». Ползут по стенам, по подоконникам, как паутина. Утром Анна мокрой шваброй стирает их неустанные труды, а к ночи вновь все затянуто сетью в спальне.

Сон возвращается: они двое с Макаром на сцене, над головами кружится снежное конфетти золотым огнем. Анна руку протягивает, но Макар отворачивается. И внезапно прыгает в зрительный зал. И уходит меж темными рядами кресел. Реплика Анны повисает в воздухе без ответа. Анна тихо крадется к рампе, но та

раздвигается в стороны и растет, плещется необъятным огненным морем. И на сцене некому ее поддержать: не актеры выступают из-за кулис, а восковые куклы плавают в свете софитов, превращаясь в нечто оплывшее и бесформенное. Анна одна. Зал молчит. И молчание дышит зловеще. Ждет. Разоблачения. Слышится, как потрескивает свеча, капли воска дробно стучат... о подоконник. По утрам ее будит апрельская капель.

Общая кухня доходного дома тонет в белом дыму: кипятят и сушат белье. С трудом дышится сквозь пар и копоть. Анна стала бояться двусмысленных вздохов и хищных слов. Ее жизнь они высосали по капле — осталась одна оболочка от прежней златовласой принцессы сцены. Синие венки причудливой сеткой проступают сквозь неестественно бледную кожу. А на афишах перед театром краска выцвела, полиняла от талого воздуха.

Человеку легко внушить комплекс самозванца: ничто в мире не принадлежит ему по праву, кроме жизни. И ту — Бог дал, Бог взял. Аромат инопланетности обратится в беде запахом инаковости, люди чуют его, как хищники, особенно женщины. Черноволосые, невысокого роста, плотного телосложения. Плотской завистью полные. Много их одинаковых: в меблированных комнатах на Кузнецком мосту, в театре, на улицах, в кофейнях, на площадях. Дробятся, зеркалятся образы зла. Любопытные носы по ветру, толстопятые ноги месят закопченный снег, языки шепчут и шепчут вслед:

«Странный год — почти все тринадцатые числа совпадают либо с пятницей, либо с понедельником. Жди несчастий».

«На перекрестках и не такие судьбы ломаются. Посмотри, что ждет тебя».

Газету подкинули с некрологом о девушке из предместий Санкт-Петербурга. Молоденькая неопытная актриса — копия Анны в профиль. Заманил покровитель премьеру отпраздновать в спальню, а потом обвинил в шантаже. Позор, надругательство, впереди — сыскная полиция, высылка из Москвы. И девушка заколола себя кухонным ножом на паперти храма Христа Спасителя, написав в письме свою жалобу. На громкий процесс при закрытых дверях в качестве эксперта вызывали московскую приму, красавицу Волгину — свидетельствовать в суде о душевном состоянии артистки после успеха на сцене.

Душевное состояние Анны — туман, хаос, тревожный предутренний сон, мираж. Светопадение. Снеготаяние.

В тот же вечер подвернула лодыжку на сцене. Как пеленой затянуло зимний прозрачный свет. Голова закружилась, воздух стал липким, как туман, захлебнулась и заблудилась.

А на следующий день арестовали Макара: фразы, вызывающие взрывы хохота в зрительном зале, в кабаке звучат революцией. Обивали пороги участков всей трупой — без толку. Макар словно исчез во тьме тюремных застенков.

— Сбежал. Не нужна, — зашептали.

Анна ждала, что объявится. Афишу спектакля с их участием после провала скоро заклеили новой.

— Пора нам в дорогу, — вздыхал режиссер.

Анна ждала. В те апрельские хмурые дни поняла: время — от дьявола. В раю его нет, длится и длится один знаменательный день — как премьеры в театре. Недавно еще ей казалось, дорога в Москву привела, поселила их в доме, счастьем обжитом. Напрасно поверила! Солнце на земле, не успев взойти, начинает клониться к закату, после успеха неминуем провал. Упорное время, подобно Сизифу, дни ее, будто камни, катит с горы вниз и вниз. Светопадение. Снеготаяние. Терпеливый дьявол искру божью за искрой уничтожает. И на дне нет вестей.

— Не нужна никому. Ты одна на дороге. И она нескончаема.

Та весна вспоминается Anne кусками: разорванная афиша, низкого серого неба лоскуты в грязных лужах, слезы и трещинки вокруг глаз, и кожа на скулах вот-вот зашипит от соли.

Предал? Бросил одну в чаду, в нишете мебелированных комнат?

Каждый миг бытия человек честен, искренен, чист. Но мгновения незаметно выстраиваются в череду деяний по принципу «Хочешь жить — умей вертеться». Лжецами нас делает время, в течение которого мир меняется, и правда превращается в ложь. Стрелки кружат по циферблату, время наступает и убивает нас внутри мгновений зыбкого счастья, тающей, как снег в руках, правды... Это дьявол заводит часы в наших домах и на башнях города, чтобы мир уничтожить.

Москва — город часов. И со всех семи холмов ее катятся под откос чьи-то некогда светлые дни, как тяжелые камни.

— Оступилась? Хромаешь? Падаешь вниз? Порча на тебе, дочка!

— Мне б вернуть все, что было недавно так ярко, светло, а потом растворилось в слезах...

Перекрестки московские, перепутья. Места гиблые, где охотятся ведьмы.

Она там и стояла — на перекрестке Камергерского и Тверской. Черноглазая, крючконосовая птица. Ее отражением был иссиня-черный, Anne почудилось: трехсотлетний ворон в прихожей. Привела за собой в просторную, богато обставленную квартиру с высокими потолками, камином и гардинами, поглощающими весь солнечный свет, так что и дни подчинялись законам ночи. Современные ведьмы богаты, любят комфорт и роскошь. Дубовая мебель, череп, свечи, перевернутые кресты — и очередь страждущих на протертом диване в гостиной.

— Магия — древнейшая мудрость земли. Она старше религии, старше христианского бога. Старше всех богов, придуманных человечеством.

Первобытно жестокая вера в кровавое очищение.

Колокольчиком бронзовым прозвенела, внесли бьющихся петухов.

— ...Но я не волшебница, чтобы палочкой взмахнуть и вернуть тебе счастье. Чтобы порчу снять, ежедневно придется поливать тебя кровью, растирать мясом убитых птиц. Отравленное же мясо скормить бродячим псам. Двенадцать дней, от полнолуния до тех пор, пока луна не умрет...

Анна бежала от нее в свою комнатку на Кузнецком мосту через тысячу перекрестков. Проулки петляли, дорожки неизменно ее возвращали к черному дому, точно тот заколдован. Самой и не вырваться из западни, от птичьего глаза дурного не скрыться.

Анна кинулась к извозчику на обочине, как к спасителю. А карманы — пусты. Деньги, что ей выделили на покупку пропитания для всей трупы, остались в сумочке, в кошельке — на дубовом комоде в ведовской гостиной. Как смотреть в глаза режиссеру? Он последний ее поддерживал после исчезновения Макара. Ей доверяли! А теперь, выходит, распутница да еще и воровка?

Воистину бездонный город Москва — всех в себя втянет, поглотит. Можно сколько угодно падать, здесь для низости не существует предела.

Пробродила по мерзлым улицам до рассвета. Вернулась еле жива. К ночи — жар. И болезнь до отъезда не отпускала. Май за окнами, грозы и свежая зелень. Анна так и лежит на засаленной простыне, плохо взбитой подушке, отвернувшись к стене. От Макара вестей по-прежнему нет.

— Завтра в путь. Здесь мы себя исчерпали, — решение режиссера поддержала вся трупка.

— Выезжаем.

Изношенные костюмы к спектаклю, где блистали Макар и Анна, сожгли на пустыре.

— А что с Анной делать?

Тоже втихую оставили на постоялом дворе, где-то под Тверью, как старое платье. Утром проснулась — и след их простыл.

— Съехали еще затемно, — сказала хозяйка, по-зимнему зябко кутаясь в пуховую шаль.

Самый одинокий рассвет в жизни Анны, будто одна на земле, одна во всем мире.

Старушка ее пожалела, отпаивала куриным бульоном в ожидании почтовых повозок на Санкт-Петербург, видно, петухов она использовала по назначению. Сокрушалась хозяйка над судьбою Анны, давала советы; когда жар возвращался — молилась усердно перед иконой за ее выздоровление.

— Если отворачиваешься от Бога, девочка, он покидает тебя. Руку кормчего и защитника оттолкнула. Никто не направит по верному пути. Перед злом беззащитна. Безбожник один на дороге, и все что угодно может с ним приключиться. Молись, Анечка! И домой возвращайся!

В повозке почтовой Анна тряслась по дорогам с неделю. И все это время бредила. Перед глазами на грани яви и сна пролетали белые птицы, хрустальные города, причудливые золотые калитки в цветущие сады... Нереальная красота! Только мимо-мимо... Точно жизнь ее кончилась, не начавшись. Точно видела сон. А откроет глаза — и окажется снова дома. Иконы, статуэтки, канделябры, картины, мягкий диван, рояль в гостиной... И почти неземной покой.

* * *

Анна чувствовала себя чьим-то сном. Зыбким и мимолетным. Будто шагала по тонкому стеклу. Когда сновидец просыпался, стекло разбивалось — и жизнь обрывалась. Анна падала в звенящую ледяную пустоту. А когда засыпала, в ее жизни наступал новый период, никак не связанный с прошлым. Черета мимолетных снов.

Дома Анну не ждали, приняли нехотя. Июнь и июль канули в небытие. Бывают такие дни... Дни тоски и тревоги. Тревоги и тоски. Сквозь них продираешься, как сквозь колючие кусты, или пелену тумана, или густую вязкую среду болот. Точно постоянно вынуждена преодолевать непосильную силу трения. И хочется одного: зарыться с головой под теплое одеяло и заснуть сном без сновидений. То ли усталость накачивает, то ли жалость к самой себе. Дни напролет.

Анна спускалась из спальни к ужину в обманчивом блеске свечей и молчании.

— Татьяна помолвлена с порядочным человеком из богатой семьи... Что будет, когда всё откроется? Когда никакие пышные оборки не спрячут того, что у Анны под платьем? Позор! Позор для всей нашей семьи, нагуляла... — шептала украдкой мать.

Отец мрачно качал головой. Таня грызла пропитанный слезами отчаяния голубой кружевной платочек.

После ужина Анна уходила на веранду смотреть на звезды. Стоял август. Безлунные ночи, метеоритный дождь. Время персеид — падающих звезд, жертвующих собой ради людских желаний. И как в детстве она успевала загадывать? Наверное, желания были простыми: игрушка, конфета. А сейчас... Ей мнилось, что и они с Макаром такие же падающие звезды. Вспыхнули на театральной премьере, и никто о них больше не вспомнит. Он — в тюрьме, она — в огне безнадежных безлунных ночей, не сулящих ничего, кроме раскаяния. Как часто ей снился Макар на пороге в пыльных дорожных сапогах, с ветром в спутанных волосах! Рассмеется,

удерживая под уздцы гнедого коня, усадит ее в седло — и увезет далеко-далеко отсюда. Но то были лишь сны.

А наяву билась под сердцем новая жизнь. Дочери. Поначалу Анна воспринимала тошноту как последствие болезни и лихорадки. Но дикий красный шиповник уже третий раз не расцвел внутри, а на мясо за ужином взглянуть не могла. Такая примета: если женщина не выносит крови, будет дочь. Только мальчики кроважаны — родятся к войне.

Глядя в ночное звездное небо, Анна не видела будущего. Ни для себя, ни для дочки. Говорят, это правда: свет звезд так долго летит до земли, что каждую ночь мы смотрим в прошлое. Как бы там ни было, время шло. Облетали дни августа. И стареющая луна медленно поднималась над крышами, как ночной кошмар. В окне дома напротив по-прежнему не спала соседка. Год прошел, как целая жизнь. И Анна ее догнала на берегу предрассветного неба. Обе они теперь ждали того, что не сбудется или сбудется, но с кем-то другим. Покинутые, одинокие луны.

Август печален, он — вечер лета. Если май — раннее утро, полное надежд и кружения бала жизни, июнь — ясный полдень, июль — послеобеденный чай на веранде, то август — прогулка на закате, золотой свет и длинные тени деревьев, и воздух пропитан яблочным ароматом и ностальгией. Прошлое померещилось, но не сбылось. Анна думала, что и жизнь ее вступила в августовскую пору зрелости — без надежды, без ожидания. Впереди — осень, дожди, темнота...

Но ждала Татьяна. Белой фаты и безоблачного счастья. Белых коней, запряженных лихой шестеркой в карету, и колокольного звона златоглавых церквей на венчание. Да и матушка уж размечталась ходить по улицам без оглядки, ездить в открытом экипаже, как прежде бывало, на обеды, балы приглашения получать в белоснежных конвертах. Так что в один из особенно темных августовских вечеров пригласили они домой повитуху. Неприкаянных не испугаешь ссылкой. К тому же многих пользовала повитуха, и петербургские сплетни упрочили репутацию доброго ангела-избавителя от любовных грехов и бед.

Приоткрыли тихонько дверь в спальню Анны. Она не спала.

— Ты не бойся, все сделаю. Не шевелись, и больно не будет, — склонилась над ней черноволосая женщина. Нос с горбинкой и глаза — злые вороньи бусины. Ведьма! Точная копия той московской, что резала петухов и отравленное порчей мясо бросала собакам. А в руке что-то стальное блеснуло, то ли изогнутое лезвие ножа, то ли крюк.

Анна в припадке скатилась с кровати. Забилась в истерике на полу. «Неужели дитя она вытянет из меня, как оборвавшуюся нить? Скормит нежную плоть дочки бродячим псам в переулке?!»

Анна выла так, что в гостиной услышал отец — и нарушил обет не входить. Мужчинам не место при подобных событиях. Но не смог удержаться. Грех порождает грех — более тяжкий. И он бросился спасать дочь. Выгнал повитуху, запер мать в родительской спальне. Поднял Анну с пола, уложил на постель и до рассвета менял на горящем лбу у нее мокрые полотенца. С Анной снова стряслась нервная лихорадка. Он держал ее за руку, и Анне потом казалось, что без него эта ночь бы не кончилась никогда. Но забрезжил рассвет. И она, обессиленная, уснула.

Ранним утром отец собрал всех в гостиной для короткого разговора.

— Я уеду на несколько дней. Анну беречь, не тревожить. Чтобы поправилась к моему возвращению.

Куда отправляется — не сказал. А задавать вопросы главе семейства не принято, как и перечить или ослушаться. Мать стала ласковей с Анной, выхаживала, как могла. Таня книги читать ей по вечерам приходила, но все плакала и твердила:

- Ну, не я же, не я, не я...
- Нет, не ты виновата. Судьба такая моя, — Анна сестру утешала.

Отец вспомнил тихий северный край — Заонежье. И человека, способного стать Анне надежной опорой.

Онежское озеро — синее-синее, широкое и глубокое, как море. Берегов не видно. Щуки ловятся в рост человеческий, но хороша и плотва — наваристая, вкус ухи из нее не забудешь. Леса полны целебными травами и грибами, ягодами: черникой, брусникой и королевой болотных топей — морошкой. Растят рожь и ячмень, держат крупнорогатый скот. Благодатный край. Не голодают. Крестьянские дома вдоль берегов — просторные, на две половины. А дом кузнеца у самой воды — двухэтажный, с резным деревянным балконом, на зависть любому помещику.

У кузнеца Василия когда-то была большая семья, двенадцать человек: дед, отец, мать, братья и сестры, но подули ветра злосчастья, и всех схоронил. Так и жил на краю села у воды бобылем. Отцу Анны чинил повозку зимой, когда тот по делам министерским проезжал Олонецкую губернию. Зимний путь пролегал по льду Онежского озера. Так и сошлись они — и прониклись друг к другу доверием.

Ни один из соседей не сказал бы о Васе дурного слова. Он был мрачен и молчалив, но с открытой душой. Всем стремился помочь, часто в долг подковывал лошадей, телеги чинил и валял кухонную утварь — без нее хозяйкам не обойтись. После смерти родных скот продал, но комнаты в доме не запер. И калитка всегда нараспашку была — зайди в горницу, пока в кузнице занят, хлебни свежего молока из кувшина, отломи кусок хлеба от каравая, что всегда оставлял неожиданным гостям на столе. Щедрый он человек, и надежный, и работник исправный, говорили соседи. И за что такие напасти?

Вася мальчиком был послушным, но быстро подрос — и влюбился. В Евдокию. Первой плясуньей была на селе, а пела — заслушаешься. Невзлюбила ее семья Василька: не пара вы с ней, не пара! Ты работаешь, она пляшет. И случилась беда. В ночь Ивана Купалы, когда догорели костры солнцеворота, выловили утопленницу из онежской волны. Яркие ленточки в светлых вьющихся волосах, посиневшие губы.

«Дунечка! — звал Василий ее, трясся за плечо. — Дуняша... Евдокия!!!» Крик отчаяния долго бродил по рощам прибрежным несмолкающим эхом. А кузнец замолчал. И с тех пор перестал улыбаться. Но то было начало всех бед.

На Ильин день пророк камень холодный бросает в озера и реки, и никто уж не смеет в воду войти. В начале августа лето внезапно сменилось осенью, и задули с озера северные ветра. Злое поветрие. Точно проклятые и водой, и ветром, один за другим уходила его семья. Оспа выкосила в тот год половину деревни.

И сейчас, когда ставни на окнах начинали от ветра дрожать, Василий дом запирает, бросал работу в кузнице и шел на кладбище. Тоненькие березки сиротливо тянули ветви к могилам. Он сидел на грубо стесанной деревянной скамье молчаливый, как могильная плита. Вел немой разговор с родными. Самая содержательная на свете беседа: в молчании содержится все, что словами высказать невозможно.

Там отец Анны его и застал. В дом вернулись, поставили самовар — выпить чаю, чтобы согреться. Портрет Анны Василию показал. Тот рассматривал долго — да, была она чем-то похожа на его Евдокию.

— И он — лучший, с кем можно растить детей, — сказал по приезду отец.

Анна, поколебавшись с неделю, выбрала жизнь. Для себя и для дочери.

Когда время персеид и сенокоса кончилось, по первым осенним листьям свадьбу сыграли.

Анна думала прежде, все деревенские дома безнадежно дряхлы. Затхлый запах древесной трухи, гнилых тряпок, изношенной одежды, кислой капусты... В них не по годам быстрее стареешь. В доме Василия — пустота: ни следочка от прежних лет не осталось. Чистота, будто дом только что выстроен, и придется его обживать еще долгие годы. Вымел, вычистил кузнец все несчастья. Открыл и себе, и Анне дверь в новую жизнь.

Перед ней лежал первый снег, чистый лист, незнакомый медлительный сон. Вероятно, сновидец ее засыпал в тишине и покое.

Как же теперь далека Москва! Как звезда, на которую смотришь со дна глубокого озера.

* * *

Блудной дочерью Анну прозвали в деревне. Все ходила на берег постоять под сосной, взглядом впившись в старую деревянную пристань. Встречала и провожала осенью — корабли, зимой — сани.

«Смотрит в воду, как в прошлое», — говорили о ней. А вода убывает по осени и застывает зимой.

Говорили: «Не жди! Дала новую жизнь — и своей у тебя не осталось».

Анна и не заметила, как сама превратилась в декорацию к незабвенной московской премьере пьесы «Пер Гюнт». Бескрайнее ожидание Сольвейг. Рерих писал пейзажи к спектаклю в Карелии. Покатые камни «бараньи лбы», сосны кряжистые, низкие облака, свинцовые дали озер, одинокий дом у воды...

Есть на севере озеро боли: грешники замерзают на берегу, вылавливая свои отражения в волнах, и засыпают навеки. Промозглые сны — приют убогого чухонца при жизни и после смерти.

Анна с берега в воду кидала плоские камешки: местное развлечение «печь куличики». Камешек прыгал по поверхности раз, два, три, пять, иногда восемь раз и тонул, исчезая в волне.

Корабли покачивались на волнах, отчаливая от берега, и уверенно плыли в стылую туманную даль, откуда сама не вернулась. В детстве спрашивала отца: «Как кораблик удерживает равновесие на волнах?» — «Проседает под собственной тяжестью», — отвечал, непременно добавив мораль: — Человека достойным делает жизненный опыт».

Корабли несли вести из прошлой жизни — городские газеты. Анна читала заметки о поездах. «На высокой скорости пейзажи за окнами поезда размываются, а время как будто замедляет бег». Родители возили Таню в Париж на поезде прошлой зимой, когда Анна встречала с Макаром в Москве свой первый женский рассвет. Опыт боли и радости, любви и тоски. В юности год проживаешь как десятилетие, в зрелости десять лет пролетят, как один год. Дни похожи, как палые листья: в полете сияют золотом, а на земле все они бурого цвета. «В поездах, наверно, укачивает», — думала Анна.

Трудно жили в деревне, но дружно, душевно. Так резные ставни, коньки крыш, погосты, ветряные мельницы и коптящие смолокурни сливались с природой, ни осанкой, ни ярким штрихом синевы ее хмурой и молчания не нарушив. Осуждали Анну, но жалели и помогали, кто чем мог. Бабы шерсти ей надарили: зиму лютую ждали — садись, пряди и вяжи. Детские вещи, носки, платки, телогрейку Василию. Всё сгодится, главное — дотянуть до весны.

«Веретено — суть женщины, оплетаешь дитяtko в завязи, нитью судьбы своей оберегаешь». Так и сидели днями до сумерек, как театральные мойры. Анна

чувствовала, как крутится дочка внутри, а за окнами избу туманы, дожди и метели, сменяя друг друга, оборачивали землю защитным слоем времени. День за днем, круг за кругом времена года наматывались на земную ось, как пряжа безвременья. Крик младенца, свечи и Рождество, февральские ветры, мартовская капель, белые ночи, поляны иван-чая, шторма осени...

Колыбель качалась под балдахином из выцветшей кружевной юбки, как под куполом облаков. Малышка тихонько посапывала во сне. Анна столько скиталась и прожила нервных срывов, а дочка на удивление спокойной была, редко плакала, почти ничего не требовала.

К весне Анна вспомнила свое детское увлечение — вышивание. Здесь по льну вышивали красным крестом птиц и цветы. Символы жизни, весны, рассвета. Ожидание солнца, что проснется и будет дежурить все лето на горизонте, божества Сварога, окрашивающего северное уныние в сочные цвета краткой радости.

Птицы Анны пользовались успехом: было в них что-то от далекой, неведомой здесь и прекрасной мечты. Птицы счастья, бабы их называли. Анна обменивала полотенца-талисманы на муку, молоко и калитки.

Пели деревенские женщины: «С каждого порога — в Питер дорога»¹¹.

Спрашивали: «Как там, в столице?»

У многих мужья уезжали на зиму в Петербург на заработки и только к майскому севу домой по воде возвращались.

Анна вздыхала о Петербурге, о родителях, но перед глазами проплывали огни Москвы, фонари Камергерского, чад свечей в кабаках на Кузнецком мосту, рампы свет, поворот головы и улыбка Макара. Две заветные и несбывшиеся буквы «М» так похожи на арки покинутых ею замков и мостов над каналами Петербурга!

«Скоро приду», — сказал Макар и шагнул в темноту. Анна не поняла, что не вернется. Скоро, скорость... На высокой скорости время замирает, это жизнь пролетает мимо. А сама застываешь, прильнув к окну. И отдельно от мира не существуешь. Растворяешься в происходящем и себя уж не чувствуешь. Человек — это память и прошлое, а она отдалась на милость грядущему.

Качая малышку, сама становилась ею, ощущая себя в колыбели времени. Все ошибки, что дано совершить, совершила. Неужели дочь — оправдание ее грешного бытия? Когда ребенок, проснувшись, вдруг улыбнется, кажется, худшее позади.

Треснул лед по весне на озере. Василий не ждал гостей в кузнице по зимней дороге. Рядом с Анной сидел и нарезал тонкие полоски из бересты, натягивал на каркас. Легкая лодочка на двоих, полетит над волной, как чайка. «Сойдет лед, и по озеру вас покатаю», — обещал. Подходил к колыбели, улыбался дочке: «Дуняша!» И просил им сыграть на расстроенном пианино.

Но Анна начала забывать петербургских вальсов мелодии. Все чаще на слух подбирала мотивы деревенских песен, услышанных на берегу.

Ничего Василия с Анной не объединяло, кроме дочки, неродной, но подаренной на Рождество — так дарят любовь и надежду. И Василий ценил дар судьбы. Берег Анну и дочь, как берегут семью. Разное прошлое, общее будущее.

Он выглядел старше, суровее и мудрее, но на деле ровесником был, несчастья кого угодно состарят. Анна Василия уважала. Уважение возникает, когда о любви мечтать уже поздно. Была бы дочка здорова. В ней — счастье.

Оба они, потерявшие близких, понимали друг друга с полуслова. И молчали. Так молчат те, кто остался наедине в целом мире. Одиночество, беды сближают, переживших делают соучастниками. Кто ей ближе теперь? Тот, кто закопченными

¹¹ Старинная заонежская песня второй половины XVIII — начала XIX века. (М. И. Мильчик, «Заонжье. История и культура»).

в кузнице, точно выкованными из железа руками без страха прижимает к себе ее дочь? Или светлый призрак странника Пера Гюнта?

Анна медленно входила в новую жизнь, как в холодную воду, и Макар, некогда обучивший плавать, наконец отпустил.

Сон ей снился под осень. Багровое небо, поле битвы, по краю лес. Меж пулеметными очередями щебечут птицы. Ветер свищет, убитые смотрят в небо широко распахнутыми глазами. Птицы в гнездах кормят птенцов плотью погибших бойцов. Капли крови в уголках жадных клювиков. Голодный птенец — образ всего человечества. Не поест — не выживет. Войны кормят его, учат парить в небесах в поисках нового поля сражений.

Голос Макара во сне — как шепот листвы: «Арестантов первыми отправляют на фронт. Мы — пушечное мясо, необходимая жертва».

Ставни стукнулись в бревенчатую стену, последняя в этом году гроза. Надо проснуться, выбежать во двор — и закрыть окна. Ветер сорвал с вешалки полотенца, вышитые красными птицами счастья. Клавиши пианино вздрогнули и застонали. Шторма осени, дальше — метели опутают землю новыми нитями. Жизни или смерти? Судьбы.

К пристани причаливают запоздавшие корабли. Конец навигации. И сообщение с городами будет прервано до зимней дороги из крепкого льда. Хоть бы успеть попрощаться!

Газеты читали на берегу всей деревней. Заголовки кричали: «Война! В Российской империи объявлена мобилизация».

Анна присела без сил у воды, глядя в туманную даль. Меж небом и морем Онежским отсутствовала линия горизонта: одно плавно перетекало в другое, и казалось, свинцовая тишина окружала, давила со всех сторон.

Он вернулся не с моря, а с суши. Отчего-то в праздничной, льняной, вышитой красным крестом по вороту рубашке.

Василий обнял Анну за плечи и сказал нараспев: «Пойдем-ка домой!»

* * *

Когда пламя свечи догорает, свет становится красным. Детей из матери вынимают в крови. Новый век вошел в деревню с красной повязкой на рукаве. Агитировали за страну советов. Прокляли Бога, значит, убьют и царя. Хаос, бегство из Петербурга. Красный Марс над горизонтом. Пророчили лето засухи. Но карельская земля долго плакала, посевные работы начались лишь в начале июля. Поздно, голодная будет зима. Мужики из Питера домой без рубля возвращались. И молчали, как прибрежные камни.

Анна помнила слова Блока, как «разорванный ветром воздух», в богемных кругах Москвы его почитали, горячие речи цитировали.

«Жить стоит так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в „то, чего нет на свете“, а в „то, что должно быть“; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она — прекрасна»¹².

Красота на Руси искони связана с кровью. Один корень у зла и мечты. Анна в церковь вернулась. Дочь крестила. Сына Васи носила под сердцем. Слушала колокольный звон над деревней. Карелия старообрядческой веры была. В деревянных

¹² А. Блок, «Интеллигенция и революция». 1918 год.

церквах на иконах не лазоревые небеса. Нет небес, все святые будто плачут по небу, а глаза и земля под ногами кровоточат.

«Страшное бесовское время, — шептали в деревне. — Небо плачет, земля красна, тяжела. Падают в землю тела мертвецов — и утягивают ее на дно времени».

Мухоморов в лесах уродилось не счастье. Листья осин и рябин покраснели до срока.

В золотые дни осени Василий отвел Анну к выжженной просеке. Под посевные поля выжигали леса, засевали озимую рожь. Чернела, зияла перекопанная земля. Ни иголочки, ни листочка. Но у самой воды молоденькая сосна зацепилась корнями за камень. И зеленела над бездной жертвенного угля, руки-ветки протягивая в заозерные дали.

«Вот и мы с тобой так же, переживем, — сказал Вася. — Заонежье — край света, здесь живут как у Бога за пазухой».

Анна давно забыла себя, в церкви оплакивала прошлые годы: первые шаги дочери, гулянье на Ильин день у погоста, рыбалку на лодочке из бересты, грибной дождь, запах свежескошенного сена, деревенские ярмарки, яркие ленты желаний на ветках березы. Опять не сбылось?

Василий работал в кузнице, как и прежде. И удары молотом по железу сводили Анну с ума. Искры сыпались во все стороны, будто ускорился втрое. Не заходила — боялась обжечься.

Но однажды принес он причудливо заплетенный квадрат — выковал рамку под семейную фотографию. Ярмарочный фотограф бродил по домам в поисках заработка, запечатлел их троих на крыльце: Анна с дочерью на руках, Василий на ступенях чуть выше, справа за плечом — как ангел-хранитель. Три головы, пять ног, четыре руки... на троих — единое существо. Сын родится — и тоже волеется.

Фотографию Анна хранила за образами, а в рамке поставила рядом с иконой на полку. Василий молча кивнул. «Безбожники, — говорили о них в деревне. — Дай Бог им счастья!»

«Мир держится на наших плечах, на тех, кому нужно ковать, пахать и сеять, работать, любить и растить детей», — верил Василий. Иногда он кормил голубей и чаек на пристани вместе с Анной.

Будьте наивны, как дети, живите свободно, как птицы. Пойте песни, сжигайте палые листья.

Если каждому так важна его маленькая жизнь и жизнь близких, то почему мы ведем большие войны, как посторонние? Жертвуем жизнью... ради чего и кого? Молчали снега. Рухнула под тяжестью наледи крыша погоста.

Анна подливала в чай брусничный отвар — против простуды. Соседки смотрели в багровую гущу на дне чашек и, как цыганки, вещали:

«В Питере бродят по улицам бесы с окровавленными мордами, стреляют, режут всех, метель воет, сносит дома, голод у них — лошадей поедают, больных сапом, кошек дохлых, варят в котлах детей, красные флаги над городом реют».

«Гони их взашей», — посоветовал Вася.

Книгу достал из сундука. Пыль смахнул. Старообрядческие письма. Анна их прочитать не сумела, но знаки видеть могла: буквиц спирали, кресты, убегающие в бесконечность, квадраты снежинок, похожие на календари без дат. Василий пальцем ее по знакам водил и приговаривал: «Жизнь не загубишь, жизнь вечна». Анна оглянулась на календарь на стене: в цифре 1918 восьмерка напомнила ей колесо солнцеворота.

Горький привкус зимы, тревога весны. Муж, дочь, нерожденный сын. Надо жить, скоро солнце взойдет над их северным краем и развеет страшные сны ожидания.

Первой рынды звон услышала в доме. Вестники корабли!

Все эти годы Анна вела дневник, а теперь на страницы писем разорвала тетрадь, наспех надписывая обращения, адреса и раскладывая по конвертам. И фотографию, не колеблясь, вынула из рамки. Запечатала всё, будто клад, перевязала тесьмой, что хранила себе на оборки нарядного платья.

«Привезите мне хорошие вести!» — попросила отчаливших.

Догадывалась ли она, что письма вернутся нераспечатанными?

Анна смотрела на прибрежные волны в лучах заката. Загадку солнцеворота нам постичь не дано. Жизнь — птица счастья, выкидывает птенцов из гнезда, и кому-то из них суждено взлететь, а кому-то разбиться. А судьба, как и птица, не различает птенцов, удары ее идеальную форму крыла поколений вытачивают, как волны безликие прибрежные камни. И нужно быть благодарной за то, что так много ударов дано.

Без боли не придет понимания счастья. О великой радости способен поведать раненый на берегу. Небо, волна, чистый озерный песок, пахнет илом и сосновыми иглами. Спасибо, Господи, за красоту! За жизнь и судьбу. За любовь. За возможность берега, где навсегда осталась.

Анна вспомнила, как когда-то давно расстегнула корсет и сбросила прошлое, как старомодное белое платье. Она в историю, как в воду, вошла — чтобы выжить.

Красное солнце стояло над озером. Красная песня звучала вдали над полями. Деревенские начали сеять.

Игорь КОЛЫМА

СПЯЩЕМУ НОЖУ

Ясно мне, что снюсь я ныне непреклонному ножу,
И уже не вам, родные, а ему принадлежу,
Ни к чему теперь ни охать, ни выпрыгивать из кож.
Мне ни выдоха, ни вдоха не позволит сделать нож.

Он проснется, знаю точно, я под ним давно стою.
Он натаскан и наточен на артерию мою
И во сне пылает сталью, всеми красками огня.
Он разбойник, он каналья, он подобие меня...

Оба созданы для бойни. Он убийнее вдвойне,
Но пока он спит спокойно, то не мыслит о войне.
И пока луна в зените, не зардел пока восток,
Тс-с-с, родные, не шумите! Пусть поспит еще чуток...

РУССКИЙ

Мой сосед, Никола, из смоленских,
Богатырь, каких не известны.
Носит он во взгляде две чеченских
И заплатку в черепной кости.
А под костью той ума палата
И историй с байками — вагон.
Дружит Коля с Джабой, из десятой,
Часто водку пьянствуют вдвоем.
Ну а мы с другим соседом, Сашкой,
Бывшим посидельцем и вором,
Завсегда разбавим им компашку —
Веселее все же вчетвером,
Да и звонче струны у гитары,
И душа погрузится в покой
Под чудные наши тары-бары,
А Сашок с ухмылкой блатной
За плечо обнимет: «Что, ментяра,
С уркаганом вздрогнешь по одной?»
И конечно, вздрогну, как не вздрогнуть,
Если тут любой почти что брат,
И несет в себе, внутриутробно,
И любовь, и Родину, и ад.

Игорь Семенович Колыма родился в 1964 году в г. Магадане. Автор двух поэтических сборников, публикаций в ряде журналов, в том числе «Колымские просторы» и «Дарьял». Живет в Москве.

Если здесь под водку и закуску,
Под хмельное наше бу-бу-бу,
Даже пусть и свет от лампы тусклый,
Я на каждом лбу читаю — «русский!»,
В том числе и на Джабара лбу...

В ТВОИХ КРАЯХ ВСЕ ТЕ ЖЕ ШУТКИ

Юлии Б.

В твоих краях все те же шутки,
А в лимузинах те же мачо.
Твой мир все так же носит шубки,
Шелка и джинсы от Версаче.

И все тебе дано от Бога —
И фунты стерлингов, и кроны.
А до небес совсем немного.
Ну, может, пара миллионов...

И ты живешь, как в вечном мае,
Как в добрых сказочках о феях.
Вот только смерть тебя пугает,
Поскольку ты знакома с нею.

В моих краях все так же серо,
Хмельно и хмарно, как и прежде.
И здесь в одну одеты веру.
В одну на Господа надежду.

И здесь я падал. Падал дважды
С небес и вновь лечу на плиты.
И рвал бы волосы, да каждый
Мой волос Боженькой посчитан.

Но я живу напропалую.
Топчу судьбу, сбивая ноги.
Но я лелею и целую
Все то, что встречу по дороге.

Целую реки и озера,
Церквушки, избы, слева, справа...
Поля целую, косогоры,
Людей, зверей, деревья, травы.

И жизнь свою, хотя кувалдой
Она и бьет, и все ей мало.
И даже смерть поцеловал бы,
Когда б она существовала...

МНЕ ГОВОРИЛИ...

Когда государство начинает убивать,
оно называет себя Родиной.

Август Стриндберг

Мне говорили — ты не патриот
И не способен броситься под танки.
Мне говорили — ты не первый год
Несешь себя одетым наизнанку.

А сеть кипела — Родина в огне!
Я видел это в каждом перепосте.
Мне говорили, что нужны стране
Мои слова, мой разум, плоть и кости.

И без меня России, ну, никак
Не жить, не быть в объятьях черной силы.
Что за чертой Отечества бардак.
И там живут сплошные имбецилы.

Ну, а во мне давно болит болезнь.
Болит до стога, хохота, до крика —
Я точно знаю — Бог на свете есть!!!
Владыка мне и прочему Владыка!!!

И Он шептал мне, за собой ведя —
Вон дом. В нем сын, жена и теплый ужин,
И в нем Россия, ждущая тебя,
А остальной России ты не нужен...

НА КУДЫКИНУ ГОРУ

От доктрин и идей,
От ослепших людей,
От загонов, запретов, заборов
Ты б ушел поскорей, но из сонма путей
Твой ведет на кудыкину гору.
Через дебри и мрак, через черный овраг,
Через шепот и злобу в народе,
На вершину, где рак твой не свистнет никак
О любви, доброте и свободе...
Но пока не идут твои ноги, и тут
С каждым днем ты собой тяжелеешь.
А столетья бегут,
И все туже хомут
На твоей провинившейся шее.
И не сбросить ярмо, и уйти не дано
От вранья, ворожды и позора.
И ты молишь о помощи Господа, но
Он ушел на кудыкину гору...

* * *

Евгению Староверову

Все тот же сон, один и тот же сон —
Ты в нем теряешь такелаж и снасти.
И, значит, снова ты предупрежден,
Вооружен, и нет тебя опасней,
Когда глядишься в зеркало, затем
Взираешь в бездну звездного колодца.
И уходить не хочется совсем,
Но сознаешь — когда-нибудь придется.
Уйти, забрав с собою сотни бед,
Сюжетов, дум, дорог и бездорожий.
И, наконец, понять, что смерти нет,
И не понять, что жизни, в общем, тоже...

ПОЭТУ ОТ ВРЕМЕНИ И МЕСТА

Исключений нет. От седых былин,
От троянских стен, неизменно это —
Если ты поэт, то всегда один,
А иначе — хрен стал бы ты поэтом.

Ну, а стал, тады соответствуй, будь.
Вот тебе кресты, вот тебе зоилы.
Вот тебе под дых всю людскую суть,
Потому что ты — инородной силы,

Но поскольку весь оказался тут
И не спекся враз, значит, слава богу.
Потому что здесь непременно бьют,
А не ровен час, то и насмерть могут...

Тут одно из двух — либо ты изгой,
Либо с плеч — бу-у-бух, голова долой...

Александр БРАСС

КАЗНЬ ПЕРВОМАРТОВЦЕВ

«Не так страшна смерть, как ее ожидание». С этим утверждением сложно не согласиться. Особенно когда ты молод, полон сил и надежд. И даже когда ты, казалось, в любую минуту был готов принести свою молодую жизнь в жертву убеждений и общего дела, расставаться с ней мучительно тяжело. «На миру и смерть красна». Ну, быть может, глядя со стороны. Но эшафот и последняя ночь для «первомартовцев» стала мучительным, нескончаемым кошмаром. Ровно 135 лет назад на Семеновском плацу в Санкт-Петербурге был приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный Святейшим Правительствующим Синодом убийцам в бозе почившего государя императора Александра II.

Казнь осужденных была назначена на утро 3 апреля 1881 года. В ожидании исполнения приговора они были переведены в Дом предварительного заключения на Шпалерной улице.

Верноподданнические настроения Российской империи неожиданно для властей сменились всеобщим сочувствием. Фактически убийцей царя был один человек, который и сам поплатился жизнью на месте преступления. Большинство петербуржцев считали, что правосудие может ограничиться лишь пожизненным заключением. Тем более что среди приговоренных к смертной казни были две молодые женщины. Этот факт не мог не обеспокоить консервативные круги в правительстве Александра III. Последствия казни могли быть самыми непредсказуемыми. Многие решились открыто выступить на защиту цареубийц, рискуя в лучшем случае поплатиться вечной ссылкой в Восточную Сибирь.

Выдающийся российский публицист и общественный деятель Григорий Константинович Градовский писал в те дни:

«В деле 1 марта 1881 года немало было оснований к замене смертной казни другим тяжким, но все же поправимым наказанием: Желябов был арестован еще до цареубийства, Перовская, Кибальчич, Гельфман и Михайлов не убивали царя, даже Рысаков (бросивший первую бомбу в царскую карету) его не убил; непосредственным убийцей был И. И. Гриневицкий, но он сам погиб от второй бомбы, которая поразила царя...»

Александр Семенович Брасс родился в 1967 году в поселке Ольховка Гвардейского района Калининградской области. Публицист, беллетрист. В университете изучал юриспруденцию и социологию. Окончил одну из элитных спецшкол по борьбе с терроризмом. Служил в подразделении особого назначения. Имеет опыт участия в сотнях спецопераций. Владеет несколькими восточными языками. Автор ряда книг и статей на темы террора и борьбы с ним, а также по истории ислама и западноевропейского левоанархистского экстремизма. С 2010 года постоянно проживает в графстве Керри на юго-западе Ирландии.

Однако «громче» всех за отмену смертной казни прозвучал голос Лева Николаевича Толстого, осмелившегося написать письмо самому Александру III, взывая его проявить «христианское всепрощение и милость». Используя все свои связи и влияние, он добился, чтобы письмо оказалось в руках монарха.

Из письма Льва Николаевича Толстого Александру III:

«Я, ничтожный, непризванный и слабый, плохой человек, пишу письмо Русскому Императору и советую ему, что делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали. Я чувствую, как это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу. Я думаю себе: если ты напишешь, письмо твое будет не нужно, его не прочтут, или найдут, что оно вредно, и накажут тебя за это. Вот все, что может быть... Но если ты не напишешь и потом узнаешь, что никто не сказал Царю то, что ты хотел сказать, и что Царь потом, когда уже ничего нельзя будет переменить, подумает и скажет: Если бы тогда кто-нибудь сказал мне это! — Если случится так, ты вечно будешь раскаиваться, что не написал того, что думал...

...Не простите, казните преступников, Вы делаете то, что из числа сотен Вы вырвете трех, четырех и зло породит зло. И на месте трех, четырех вырастут 30, 40... Убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли...

...Если бы вы простили всех государственных преступников, объявили это в Манифесте, начинающимся словами: „Люби врагов своих“, — это христианское слово и исполнение его на деле было бы сильнее всей человеческой мудрости. Сделав это, Вы бы истинно победили врагов любовью всего народа...

Л. Н. Толстой

Черновое. 1881 г. Марта 8-15. Ясная Поляна».

Если судить объективно, сам Александр III не был сторонником применения смертной казни. Новый монарх полагал, что пожизненное заключение ничуть не меньшее наказание, поэтому письмо Льва Толстого произвело на него столь сильное и глубокое впечатление, что это неминуемо повергло в неопишуемый ужас «реакционно-консервативную» партию из числа царедворцев. «За такое письмо: „места отдаленные“», — говорил генерал Бестужев-Рюмин. Обер-прокурору Святейшего Синода Победоносцеву, на правах бывшего наставника наследника престола, с огромным трудом удалось уговорить Александра III не поддаваться влиянию всемирно известного писателя. Ответа на свое письмо Лев Николаевич так и не дождался.

Сострадание к осужденным на смертную казнь переполняло сердца молодежи. Имена Желябова, Перовской и Кибальчича не сходили с уст российских либералов. Речь Андрея Желябова, произнесенная им со скамьи подсудимых, заучивалась наизусть студенческой молодежью.

В столь сложной и накаленной ситуации, которая сложилась в те дни в Российской империи и, особенно, в Петербурге, противник любых конституционных преобразований обер-прокурор Святейшего Синода, бывший наставник Александра III Константин Петрович Победоносцев, опасаясь помилования осужденных, 30 марта 1881 года предпринял «демарш», написав царю письмо следующего содержания:

«Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились, что ныне считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников.

Если бы это могло случиться, верьте мне, Государь, это будет принято за грех великий и поколеблет сердца Ваших подданных. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из тех злодеев, что избежит смерти, будет тот же час строить новые козни. Ради Бога, Ваше Величество, да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности.

*Вашего Императорского Величества
Верноподданный Константин Победоносцев».*

Ответ не заставил себя долго ждать. Буквально через несколько часов Победоносцев получил записку от царя:

«Будьте спокойны, с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь. А.».

Итак, судьба всех шестерых первоапрельцев была окончательно predetermined. Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, Тимофей Михайлов и Николай Рысаков должны были быть повешены утром 3 апреля 1881 года на Семеновском плацу. Относительно Геси Гельфман, по случаю ее беременности, казнь была отложена до послеродового периода. В ожидании казни шестеро заключенных, как уже было упомянуто, были переведены в Дом предварительного заключения.

Николай Рысаков до последних минут пытался вымолить для себя помилование. Его продолжали непрерывно допрашивать во время предварительного следствия, на протяжении всего судебного процесса и после вынесения смертного приговора, вплоть до 3 апреля. Он рассказал следователям не только все, что знал, но и то, что слышал от других членов организации. Будучи «опорожненным сосудом», он прекрасно понимал, что для «Департамента государственной полиции» он уже не представляет никакого интереса. Тогда 2 апреля 1881 года, за день до казни, Николай Рысаков сделал последнюю, отчаянную попытку вымолить помилование, направив петербургскому градоначальнику Баранову письмо, в котором предлагал себя в качестве уличного шпика, обещая опознать членов «Народной воли» и других нелегалов, чьи имена он не знает, но сможет опознать в лицо. Его предложение осталось без ответа, которое, равно как и его предательство, не спасло ему жизнь.

Совершенно иными мотивами руководствовался Николай Кибальчич, отправив 31 марта 1881 года письмо из Дома предварительного заключения Александру III. В нем не было ни раскаяния, ни желания вымолить себе помилование, а лишь тревога за будущее России и за те последствия, к которым может привести приведение в исполнение смертного приговора.

Письмо Николая Кибальчича Александру III

«Ваше Императорское Величество!

Не из личных побуждений и эгоистических желаний обращаюсь я к Вашему Величеству с этим прошением. Мною руководит лишь одно чувство любви к родине и скорбь о ее страданиях. Осмеливаюсь надеяться, что Ваше Величество выслушает мой голос — голос человека, желающего высказать одну беспристрастную истину.

В эти предсмертные минуты одно тревожит мой измученный ум — мысль о будущем нашей родины. Прекратятся ли ее страдания и несчастья, дождется ли она, наконец, счастья и свободы или еще долго будет стонать под гнетом всевозможных бедствий. Прекратятся ли, наконец, те условия, которые создали террористическое направление деятельности русской социально-революционной партии.

Я был тоже участником террористических актов, несмотря на то, что по складу своего характера тяготел к мирной общественной деятельности, а по свойствам своего ума имел стремление к спокойным научным занятиям; я не в силах был противиться тому историческому течению, которое толкнуло целую группу лиц на террористическую борьбу. Тем не менее я всегда страстно желал и желаю, чтобы исчезли причины существования революционного террора, чтобы партия с пути насилия могла перейти на мирный путь культурно-общественной деятельности.

И не один я, а все мои товарищи по процессу желают этого, как они заявили на суде. Я нимало не погрешу против истины, если скажу, что того желает и вся партия.

Но только воля Вашего Величества может прекратить возможности повторения тех ужасных событий, которые произошли за последнее время. Ваше Величество может вывести страну из того невыносимого положения, в котором она находится.

Ваше Величество! Не казнь, а последствия нашей казни смущают меня. Только из опасения этих последствий я решаюсь просить Ваше Величество — отменить смертный приговор Особого присутствия Сената.

*Сын Священника Николай Иванович Кибальчич
1881 года 31 марта».*

На следующий день, 1 апреля 1881 года, Александр III, находившийся в Гатчине, ознакомился с содержанием письма, однако оставил его без внимания.

С окончанием судебного слушания аресты на этом не прекратились.

1 апреля в районе 4-го участка Московской части, прямо на улице полицейскими приставами были досмотрены и задержаны Николай Гомалицкий, недавно отчисленный из Лесного института, и бывший студент пятого курса Медико-хирургической академии Григорий Исаев. При задержании у него не оказалось никаких документов, однако в Доме предварительного заключения Григорий Исаев, равно как и другие участники покушения 1 марта, был опознан Николаем Рысаковым. Во время допроса Григорий Исаев держался достойно. Худошавый молодой человек, с тонкими чертами лица, с которого никогда не сходил румянец, разговаривал со следователями, ничуть не выказывая своей тревоги. Несмотря на то, что ему грозило повешение, с его губ не сходила улыбка. Он признал себя членом социал-революционной партии «Народная воля». Он также подтвердил, что вместе с Николаем Кибальчицем занимался изготовлением динамита и взрывных устройств, в том числе и метательных снарядов, одним из которых был убит Александр II. Однако от дальнейших показаний отказался, в том числе назвать место своего проживания. Если бы он назвал свой адрес на Вознесенском проспекте, № 25\7, в квартире которого располагалась последняя штаб-квартира Исполнительного комитета в Петербурге, сразу же подверглась бы аресту Вера Фигнер, поскольку по этому адресу они проживали вместе под видом супругов Кохановских. Александр III, узнав об аресте Исаева, собственноручно написал записку в «Департамент государственной полиции»: «Надеюсь, что эту скотину заставят говорить...» Однако говорить он так и не стал. Если бы он был арестован до начала процесса «1 марта», он, вне всякого сомнения, разделил бы участь своих товарищей. Смертная казнь ему была заменена бессрочной каторгой. Он умер от туберкулеза после невыносимо тяжелой и продолжительной агонии в страшном Алексеевском равелине 25 марта 1885 года. Незадолго до смерти к нему в камеру вошел начальник Секретного отделения петербургского градоначальника подполковник Судейкин и лично предложил Григорию Исаеву свободу в обмен на обещание открыто выступить против террора. Ответом арестанта стало молчание.

Из дневника Григория Исаева:

«Личное самоотречение не есть отречение от личности, а только отречение от своего эгоизма...»

После того как Исаев не вернулся домой, Вера Фигнер сразу пришла к выводу, что он стал жертвой повальной волны арестов, прокатившихся по столице после убийства государя императора. Однако она не спешила покинуть квартиру, как это сделала Софья Перовская после ареста Андрея Желябова. Хорошо зная Исаева, Вера Фигнер была полностью уверена в том, что он ни при каких обстоятельствах не выдаст их квартиру. Если же квартиру все-таки удастся обнаружить, то причиной тому станут не признательные показания Григория Исаева, а свидетельские показания дворников, хозяев продуктовых лавок, соседей и других посторонних людей, которым будет предъявлена его фотокарточка. Следовательно, в запасе у нее оставалось еще несколько дней на то, чтобы перевезти в безопасное место имущество Исполнительного комитета. Нужно было обладать железными нервами, чтобы спокойно, не торопясь, зная, что в любую минуту может нагрянуть полиция, упаковывать вещи. В первую очередь были «эвакуированы» значительные запасы динамита, хранившиеся в квартире. Затем упакованы и вынесены типографский шрифт, а также «паспортное бюро»¹. В последнюю очередь вынесли оборудование химической лаборатории, еще недавно использовавшееся в квартире на Обводном канале. Последними, вместе с Верой Фигнер, квартиру покинули Прасковья Ивановская и Людмила Терентьева. Как и предполагала Вера Фигнер, Исаев продолжал молчать на допросах, однако его фотокарточку опознали дворники дома. Когда полиция ворвалась в квартиру, выломав дверь, квартира уже была пуста. Единственное, что досталось полицейским, это еще теплый самовар.

2 апреля 1881 года на конспиративной квартире, по Большой Дворянской улице, в доме № 8, был арестован Петр Тычинин. Он, так же как и другие первоартовцы, признал свое членство в «Народной воле», равно как и не отрицал тот факт, что предоставил свою квартиру для тайных сходок. Однако другие сведения, интересовавшие следователей, Петр Тычинин давать отказался. Спустя несколько дней после своего ареста Петр Тычинин покончил жизнь самоубийством.

Таким образом, практически все участники покушения на Александра II в течение месяца были схвачены и препровождены в Дом предварительного заключения, или Петропавловскую крепость.

Ночь перед казнью смертники провели в Доме предварительного заключения. Мужчин разместили на нижнем этаже в одиночных камерах, Софью Перовскую и Гесю Гельфман — на верхних этажах. Позже, со слов одного из солдат-жандармов, дежуривших в ночь перед казнью, стало известно о последних часах узников.

Около восьми часов вечера 2 апреля в Дом предварительного заключения приехали пять православных священников, чтобы исповедовать, морально поддержать и напутствовать приговоренных к смерти. Софья Перовская и Андрей Желябов наотрез отказались принять священников. Тимофей Михайлов охотно встретился со священником. Он долго говорил с ним, исповедался, однако принять святое причастие категорически отказался. Николая Рысакова священник нашел рыдающим над Святым Писанием. Он с радостью, словно хватаясь за последнюю надежду, принял священника, долго беседовал с ним, желая найти успокоение. Затем исповедался и принял причастие. Николай Кибальчич согласился впустить священника.

¹ Набор бланков, печатей и типографских шрифтов для изготовления поддельных удостоверений личности.

Они долго диспутировали, однако от исповеди и причастия Кибальчич отказался, в конечном итоге попросив священнослужителя удалиться и оставить его одного наедине со своими мыслями.

Вслед за священниками, примерно в десятом часу, в Дом предварительного заключения со своими помощниками приехал печально известный палач Фролов. Рано утром он лично должен был привязать осужденных на смерть к позорным колесницам.

Последнюю ночь приговоренные провели по-разному. Лишь Николай Кибальчич спокойно спал, остальные практически не сомкнули глаз. Николай Кибальчич написал прощальное письмо своему брату и лег спать. Софья Перовская легла в начале одиннадцатого, но несколько раз за ночь поднималась с постели. Тимофей Михайлов также написал прощальное письмо своим родным в Смоленскую губернию, которое утром передал тюремной администрации. Андрей Желябов был возбужден, он не подавлен. Некоторое время он беспрестанно ходил по камере, затем он также написал последнее письмо своим родным и в начале одиннадцатого лег на тюремную койку, однако глаз сомкнуть так и не смог всю ночь. Николай Рысаков провел ночь тревожно. Он то впадал в некое оцепенение, то начинал рыдать и метаться по камере, то припадал к Святому Писанию. Недаром говорят, что ожидание казни страшнее самой казни.

Тем временем товарищи на воле не оставляли надежды в самый последний момент спасти осужденных на смертную казнь.

Из воспоминаний члена военной организации «Народная воля» Эспера Серебрякова:

«Предполагалось собрать человек триста петербургских рабочих, разделить их на три группы: две — человек по пятидесяти, а одну — в двести. Во главе этих групп должны были находиться все петербургские и кронштадтские офицеры. Группы предполагалось распределить на трех выходящих на Литейный проспект параллельных улицах: на крайних — малые группы, на средней — большую. И вот когда процессия проходила бы среднюю группу, все три группы по сигналу должны были броситься вперед, увлекая в своем порыве толпу, и одновременно прорвать шпалеры войск; боковые группы произвели бы замешательство, а средняя окружила бы колесницы, вскочив на которые офицеры обрезали бы веревки на осужденных и увлекли бы их в толпу, с которой вместе отхлынули бы обратно в боковую улицу, где должны были ожидать две кареты с платьем и всем нужным для переодевания.

Не знаю, кем был выработан этот план, но когда нас (кружок морских офицеров в Кронштадте) о нем извещали, то вместе с тем сообщили, что инициатива освобождения принадлежит рабочим, распропагандированным Рысаковым, что нужное число рабочих уже есть. Мы тоже были согласны. Но почему этот план не состоялся и насколько серьезно им занимались, я не знаю...»

Утром 3 апреля 1881 года, ровно в 6.00 камеры осужденных отворились. Им предложили горячий чай, после чего стали поодиночке заводить в здание управления Дома предварительного заключения. Им еще раз огласили приговор суда, после чего поинтересовались, нет ли у приговоренных последней просьбы. Затем переодели в тюремную одежду. Софье Перовской выдали тиковое с мелкими полосками платье, ватный полушубок и грубую арестантскую шинель. Мужчин переодели в серые штаны, полушубки, поверх которых накинули черный арестантский армяк, выдали сапоги и фуражку без козырька с наушниками.

Окончив процедуру переодевания, смертников вывели в тюремный двор, где их уже ожидал палач Фролов со своими помощниками, набранными из числа арестантских рот, а также две высокие, открытые позорные колесницы. Ступив во двор, Софья Перовская, до этой минуты сохранявшая полное хладнокровие, заметно пошатнулась и побледнела. Стоявший рядом с ней Тимофей Михайлов подхватил ее под локоть, тихо произнеся: «Что ты, Соня, — опомнись». Она тут же справилась с минутной слабостью и уверенно шагнула вперед. В первую колесницу усадили Андрея Желябова и Николая Рысакова. Во вторую — Тимофея Михайлова и Николая Кибальчича, а между ними Софью Перовскую. Палач Фролов с помощниками крепко стянул ремнями руки, ноги и грудь осужденных, намертво приковав их к сиденью. На груди каждого смертника повесили доски с надписью — «цареубийца». Окончив работу, палач с помощниками сели в два арестантских фургона, называемые «хозяйственные фургоны тюремного ведомства», и в сопровождении полицейских покинули тюремный замок, направившись к месту казни — на Семеновский плац. За ними проследовали две ломовые телеги с пятью черными, грубо сколоченными гробами.

Накануне казни, 2 апреля, к смотрителю Преображенского православного кладбища Саговскому явился пристав Александро-Невской части Петербурга с чиновником в штатском и приказал в спешном порядке на окраине кладбища подготовить общую могилу для пяти гробов. В тот же день могильщики вырыли огромную, глубокую яму, которая должна была стать последним прибежищем для народовольцев.

Спустя несколько минут после отбытия палача в 7.50 из Дома предварительного заключения выехала первая «позорная колесница», на которой сидели Рысаков и Желябов. Вслед за первой выехала вторая колесница с тремя государственными преступниками Михайловым, Перовской и Кибальчичем. Завершали процессию три кареты с православными священниками. Как бы ни были бледны народовольцы, но выехав на улицу, они словно воспрянули духом. У Софьи Перовской на лице даже появился румянец. Тимофей Михайлов попытался выкрикнуть что-то в толпу, однако барабанный бой и взвизгивание флейт, сопровождавшие их на всем следовании пути, заглушали его голос. Он то и дело выкрикивал что-то в толпу, время от времени раскланиваясь в разные стороны.

Сопровождение государственных преступников до места казни было возложено на подполковника Дубисса-Крачака. В его распоряжении входило 11 полицейских чиновников, несколько околоточных надзирателей и городских, а также местных полицейских из 1-го, 2-го, 3-го и 4-го участков Литейной части и 1-го и 2-го участков Московской части. В дополнение к этому конвой был усилен двумя эскадронами кавалерии и двумя пехотными ротами. Кортёж должен был проследовать от Дома предварительного заключения на Шпалерной улице по Литейному проспекту, Кирочной, Надеждинской и Николаевской улицам до самого Семеновского плаца, где был установлен эшафот с пятью виселицами. На протяжении всего пути следования «позорных колесниц» были установлены усиленные жандармские конные разъезды. Исходя из чрезвычайных мер предосторожности, в помощь конвою на Шпалерной улице была выставлена рота солдат, еще одна рота на Литейном со стороны арсенала, рота на углу Невского проспекта и Николаевской улицы, а также рота солдат у мясного рынка, что на Николаевской улице. Таким образом, не было ни единого шанса отбить приговоренных к смерти.

Улицы, по которым везли приговоренных к казни, были переполнены любопытствующим людом, жадным на подобного рода зрелища. Чтобы пробиться к обочине дороги, по которой проследуют «позорные колесницы», многие петербуржцы занимали место за несколько часов. Люди взбирались на лавки, телеги и даже

фонарные столбы. Все хотели взглянуть на членов таинственного Исполнительного комитета, долгое время державшего в страхе всю империю. Высокие колесницы тяжело громыхали на каждом ухабе, производя тяжкое впечатление. Особенно удручающе действовали на нервы барабанный бой и флейты. Уличные зеваки рассчитывали увидеть законченных злодеев со звериными, налитыми кровью глазами, перекошенными ненавистью и злобой дегенеративными физиономиями. Вместо этого пред ними предстали молодые люди с чистыми лицами и ясными глазами. Никто не мог поверить, что прикованные к «позорным колесницам» молодые люди смогли совершить столь немислимое преступление. То тут, то там слышались оханья и восклицания: «Какие хорошие лица и такое жуткое преступление!» Толпа пребывала в полнейшем недоумении. Тем не менее толпа уличных зевак не испытывала к приговоренным ни малейшего чувства жалости. Напротив, петербуржцы, стоявшие вдоль дороги, словно пребывали во всеобщем кровавом экстазе и с нетерпимой жадностью ожидали жестокой расправы над царевубийцами. Замечено было даже два случая, когда толпа чуть не растерзала каких-то двух женщин, которые посмели вслух выразить сочувствие первомайцам. Только вмешательство солдат спасло их от неминуемого линчевания разъяренной толпы.

Все, кроме Михайлова и Рысакова, держались уверенно. Желябов гордо восседал, с высоты позорной колесницы смотрел поверх толпы, желая показать полное равнодушие к ожидавшей его участи. Софья Перовская, казалось, была несколько смущена назойливыми взглядами, но в целом вела себя мужественно. Кибальчич был погружен в свои мысли, словно в эту минуту он решал какую-то сложную задачу.

«Позорные колесницы» окружала цепь штыков, позади следовала рота гвардии и казаки с пиками наперевес. Под оглушительный барабанный бой процессия миновала Литейный проспект, Кировую и Надеждинскую улицы, пересекла Невский проспект и вышла на Николаевскую улицу, упиравшуюся в Семеновский плац. От Николаевской улицы через весь Семеновский плац, вплоть до эшафота, были выставлены в две шпалеры казаки, образующие коридор, по которому к месту казни проследовали две «позорные колесницы». Ровно в 8.50 осужденных на смертную казнь доставили на Семеновский плац. Появление «позорных колесниц» было встречено громким гулом толпы, который стих лишь после того, как колесницы подъехали к самому эшафоту.

Наблюдение на плацу и за прилегающими к нему улицами было поручено полковнику Есипову. В его распоряжение были переданы шесть полицейских чиновников, а также местная полиция из числа Московской и Александровской частей. В дополнение к этому у входа на плац были выставлены четыре роты солдат и две сотни казаков. Армейскими ротами также были перекрыты Николаевская и Гороховая улицы, а также выставлены заслоны у Обводного канала и Старосельской железной дороги.

Сам Семеновский плац частично был оцеплен цепью казаков и кавалерии. У эшафота квадратом выстроились конные жандармы и казаки, а также пехота лейб-гвардии Измайловского полка. Позже Анна Якимова заметила: «Не было только артиллерии против таких сильных врагов, как пять привязанных ремнями к колеснице осужденных государственных преступников». Всеми войсками на Семеновском плацу командовал начальник 2-го армейского корпуса генерал-лейтенант барон Дризен Александр Федорович.

В начале девятого на плац приехал столичный градоначальник генерал-лейтенант Баранов Николай Михайлович. Чуть позже стали прибывать представители судебных властей: прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты Плеве Вячеслав Константинович, исполняющий обязанности прокурора окружного суда Плющик-Плюшевский, а также заместители прокурора и обер-секретарь Семякин.

В самом центре плаца возвышался эшафот.

Из материалов уголовного дела:

«Черный, почти квадратный помост двух аршин вышины, обнесен небольшими, выкрашенными черной краскою перилами. Длина помоста 12 аршин², ширина — 9 ½. На этот помост вели шесть ступеней. Против единственного входа, в углублении, возвышались три позорных столба с цепями на них и наручниками. У этих столбов было небольшое возвышение, на которое вели две ступени. Посредине общей платформы была необходимая в этих случаях подставка для казненных. По бокам платформы возвышались два высоких столба, на которых была перекладина с шестью на ней железными кольцами для веревок. На боковых столбах также были винчены по три железных кольца. Два боковые столба и перекладина на них изображали букву П. Это и была общая виселица для пяти цареубийц. Позади эшафота находились пять черных деревянных гробов со стружками в них и парусиновыми саванами для преступников, приговоренных к смерти. Там же лежала деревянная, простая подставная лестница. У эшафота, еще задолго до прибытия палача, находились четыре арестанта, в нагольных тулупах — помощники Фролова...

...Вскоре после прибытия на плац градоначальника палач Фролов, стоя на новой деревянной некрашеной лестнице, стал прикреплять к ее пяти крюкам веревки с петлями. Палач был одет в синюю поддевку, так же и два его помощника. Казнь над преступниками была совершена Фроловым с помощью четырех солдат арестантских рот, одетых в серые фуражки и нагольные тулупы.

Небольшая платформа для судебного и полицейского ведомства была расположена на 1 ½ сажени³ от эшафота. На этой платформе находились во время совершения казни представители высшего военного и судебного мира, а также представители русских и иностранных газет, военный агент итальянского посольства и некоторые младшие чины посольских миссий. За платформою, по левую сторону от эшафота, расположился кружок военных разных оружий...»

К эшафоту подъехали кареты со священниками. Следом за ними въехали «позорные колесницы», вставшие между виселицей и специальной платформой, на которой восседали официальные лица.

Когда «позорные колесницы» остановились, палач Фролов спустился с эшафота и влез на первую колесницу, на которой восседали Желябов и Рысаков. Не спеша, словно растягивая удовольствие, он сперва отвязал Желябова, затем, Рысакова. После этого помощники палача взяли под руки Желябова и Рысакова и по ступенькам взвели на эшафот. Затем, тем же порядком, на эшафот подняли Кибальчича, Перовскую и Михайлова. Перовскую, Желябова и Михайлова приковали цепями к позорным столбам. Кибальчича и Рысакова оставили стоять возле перил, в один ряд с другими приговоренными к смертной казни цареубийцами.

Когда все преступники поднялись на эшафот, гул толпы сразу же прекратился. Два ряда барабанщиков встали между эшафотом и платформою, обернувшись лицом к осужденным, образовав живую стену. Вслед за этим последовала команда «на караул», после чего столичный градоначальник генерал-майор Баранов известил прокурора судебной палаты Плеве о том, что все готово для приведения приговора. Затем барабанщики забили мелкую дробь, и обер-секретарь Попов стал зачитывать приговор, оглашение которого заняло несколько минут.

² Аршин — старорусская единица измерения длины, равная 72 сантиметрам.

³ Сажень — старорусская единица измерения длины, равная 2,134 метра.

Во время оглашения приговора все присутствовавшие, кроме осужденных преступников, оголили головы. Проявляя полную невозмутимость, они стояли прямо, устремив свои взоры на обер-секретаря. Наибольшее спокойствие проявили Перовская, Желябов и Кибальчич. Михайлов и Рысаков были смертельно бледны. Можно было подумать, что их лица высечены из белого мрамора. Желябов был несколько возбужден. Стоя между Кибальчицем и Перовской, он то и дело поворачивал голову, словно прощаясь с товарищами в последнюю минуту. Перовская, стоя у позорного столба, блуждала взглядом по застывшей толпе. На ее лице даже выступил легкий румянец. В какой-то момент она едва заметно улыбнулась, показывая всем окружающим свое пренебрежение к скорой смерти. На лице Кибальчича отражалась полная душевная покорность судьбе.

По окончании оглашения приговора пятеро священников в полном облачении, с крестами в руках поднялись на эшафот и подошли к осужденным на казнь. Все приговоренные поцеловали крест. Андрей Желябов, прикоснувшись губами к кресту, что-то сказал на ухо священнику, после чего, встав на колени, еще раз горячо поцеловал крест. После этого священники спустились с эшафота, осенив приговоренных крестным знамением, уступив место палачам.

Фролов с помощниками поочередно надел на смертников длинные белые саваны висельников. До этой минуты Желябов, Перовская, Кибальчич и Михайлов старались не терять присутствие духа. За несколько секунд до того, как их облачили в саваны, Желябов и Михайлов подошли к Перовской и простились с ней поцелуем. Последним белый саван был накинут на Рысакова. Наблюдая, как его товарищи облачаются в саваны висельников, он окончательно утратил последние силы. Его колени подкосились, и, если бы не Фролов, Рысаков наверняка повалился бы на деревянный помост.

Затем на всех осужденных были накинуты особые мешки-балахоны, скрывавшие головы преступников, но имевшие в области шеи горизонтальные порезы, которые позволяли свободно накинуть на шею петлю и затем крепко ее затянуть. После этой последней процедуры началось самое страшное. То, что происходило позже, не дается никакому описанию.

Корреспондент «Times»:

«Все присутствующие отзываются об этой казни как о самом безобразном зрелище, которое когда-либо видано было...»

Корреспондент «Kölnische Zeitung»:

«Я присутствовал на дюжине казней на Востоке, но никогда не видал подобной живодерни...»

Преступники, стоя в один ряд в белых саванах, с мешками-балахонами на головах, производили тяжкое зрелище. Приблизительно в 9.20 Фролов закончил последние приготовления и приступил к самой казни.

Первым был казнен Николай Кибальчич. Фролов подошел к нему и подвел к невысокой черной скамье. Помощники палача, взяв Николая Кибальчича под руки, помогли ему взобраться по ступенькам. Палач накинул ему на шею веревку и затянул на шее петлю, после чего одним ударом выбил скамейку из-под его ног. Его тело повисло в воздухе без каких бы то ни было движений и конвульсий. Николая Кибальчича постигла мгновенная смерть. Не было ни агонии, ни мучений.

Затем Фролов подошел к Тимофею Михайлову. Его казнь скорее походила на длительную, мучительную пытку, нежели на приведение в исполнение приговора,

вынесенного высшей судебной инстанцией одной из самых могущественных и передовых европейских держав. Он обладал высоким ростом и довольно крупным телосложением. Еще до начала казни офицеры, стоявшие возле эшафота, выразили сомнение в том, что слишком тонкие веревки, приготовленные для казни, вряд ли смогут выдержать вес его огромного тела.

Когда Фролов со своими помощниками подошел к Тимофею Михайлову, он брезгливо оттолкнул их. Затем, несмотря на то, что его голова была покрыта мешком-балахоном, самостоятельно взошел на верхнюю площадку, направляемый за локоть одним из палачей. Казалось, в его решительном поступке выражался последний вызов властям. Как только на его шее затянулась петля, Фролов выбил из-под его ног ступенчатую скамейку. В этот момент и начались его мучения. Спустя пару секунд после того, как скамейка была выбита из-под его ног, веревка разорвалась, не выдержав тяжести тела. Огромный, грузный Михайлов с шумом рухнул на эшафотный помост. По толпе, до сих пор сохранявшей полное безмолвие, словно морская волна, пронесся гул, переросший в крики ужаса.

Из воспоминаний Л. Плансона, ставшего свидетелем казни первомайцев:

«Со всех сторон послышались выкрики:

- Надобно его помиловать!
- Простить его нужно. Нет такого закона, чтобы вешать сорвавшегося!..
- Тут перст Божий!
- Царь таких всегда милует! Пришлет своего флигель-адъютанта!..»

Издrevле на Руси повелось миловать приговоренного к повешению, если во время казни рвалась веревка.

Обескураженные таким поворотом событий, палачи быстро пришли в себя. Помощники Фролова достали новую веревку, быстро перекинули ее через кольцо на верхней балке и соорудили новую петлю, на что ушло не более трех минут. Все это время Тимофей Михайлов беспомощно лежал на помосте. Окончив приготовления, палачи подошли к Михайлову, но каково же было их потрясение, когда выяснилось, что он не только жив, но и пребывает в полном сознании. Несмотря на связанные за спиной руки, мешок-балахон на голове и саван висельника, который сковывал движения, Тимофей Михайлов нашел в себе физические и моральные силы самостоятельно подняться с помоста. Он, как и предыдущий раз, оттолкнул палачей и самостоятельно, без посторонней помощи, лишь слегка поддерживаемый одним из помощников Фролова, взошел по ступенькам на лавку. После того как петля в очередной раз затянулась на его шее, Фролов вновь выбил из-под ног скамейку. Веревка натянулась, как струна, и... вторично разорвалась. Тело Тимофея Михайлова вновь рухнуло на помост, от чего весь эшафот содрогнулся, отдаваясь глухим грохотом по всему Семеновскому плацу.

Невозможно описать взрыв негодования толпы, которая еще несколько минут назад сама была готова растерзать царевубийцу. Сейчас же волна возмущения, проклятий, криков протеста была направлена в сторону его палачей, в том числе представителей властей. Если бы не внушительное количество войск, собранное на плацу, готовое по первому же приказу открыть огонь из винтовок, разъяренная толпа прорвала бы оцепление и сама разорвала бы его палачей и других исполнителей приговора.

Стоит отметить, что смятение и негодование царило и среди военнослужащих, находившихся на Семеновском плацу. Часть солдат присоединилась к толпе

и стала громко требовать помилования Михайлова, однако тут же последовала команда: «Налево, кругом марш», и их отправили под арест.

Тем временем Фролов невесть откуда достал третью, более прочную веревку и наскоро соорудил очередную петлю. Второй раз Тимофей Михайлов уже не смог встать с помоста. Помощники Фролова с трудом подняли тяжелое тело Тимофея Михайлова, и главный палач наскоро просунул его голову в петлю. На этот раз веревка не оборвалась. Тело медленно закачалось и завертелось вокруг своей оси. И в этот момент произошло то, чего больше всего опасались палачи. Веревка стала перетираться у самого кольца и быстро раскручиваться. Стоявшие поблизости от эшафота люди стали кричать, что веревка вот-вот разорвется в третий раз. Услышав крики, Фролов быстро сориентировался в ситуации и подтянул соседнюю петлю, которая изначально предназначалась для Геси Гельфман. Он встал на скамейку и накинул еще одну петлю на шею висевшего Тимофея Михайлова, которого помощникам палача пришлось приподнять на руках. На этот раз было все конечно, его мучения прекратились. Тимофей Михайлов так и остался висеть на двух веревках. Таким образом, можно считать, что Михайлова вешали четыре раза.

Третьей на очереди была Софья Перовская. Ее, как и двух ее товарищей, под руки возвели на ступенчатую скамейку. Фролов затянул у нее на шее петлю и попытался выбить у нее из-под ног скамью. Однако Софья Перовская с такой силой ухватилась ногами за выступавшую часть, что помощникам Фролова с большим трудом удалось ее оторвать. После этого ее тело рывком сорвалось со скамейки и еще долгое время, словно маятник, раскачивалось на виселице. Она не билась в конвульсиях, только ее тоненькие ножки, выглядывавшие из-под савана, несколько секунд еще вздрагивали. Спустя полминуты она полностью замерла.

Четвертым казнили Андрея Желябова. К нему Фролов испытывал особую ненависть. Возможно, по этой причине он, насколько мог, продлил мучения Желябова. Петля была затянута слишком высоко, узлом на подбородке, что существенно продлеvalo агонию. Этот факт настолько возмутил присутствовавшего на казни врача, что тот, не выдержав, набросился на Фролова грубой бранью, на что последний злобно ответил:

— Когда я тебя буду вешать, то стяну, как следует.

Андрей Желябов долго бился в конвульсиях, описывая вольты в воздухе. В толпе вновь послышался недовольный ропот. Фролову пришлось спустить Желябова и вновь, на этот раз как следует, стянуть петлю, повернув узел к шейным позвонкам. Только после этого тело Андрея Желябова неподвижно замерло.

Последним казнили Николая Рысакова. От всего пережитого он пребывал в шоковом состоянии и без посторонней помощи не мог не только взойти по ступенькам, но и вообще передвигаться. Сам Фролов был настолько потрясен неудачей с Тимофеем Михайловым, что и Рысакову ошибочно накинул петлю, слишком высоко, узлом к подбородку. Рысаков попытался в последний момент оказать сопротивление и настолько сильно вцепился ногами в скамью, что помощникам палача в буквальном смысле пришлось ее вырывать из-под ног его. Одновременно с этим палач Фролов дал сильный толчок Рысакову в грудь, после чего его тело повисло на веревке, извиваясь в страшной агонии.

В 9.30 все было кончено. Фролов со своими подручными спустился с эшафота, став рядом с помостом в ожидании последующих распоряжений. Барабанная дробь стихла, и «паузу» тут же заполнил шум толпы. Трупы оставили висеть еще 20 минут. После этого военный врач в присутствии двух членов прокуратуры осмотрел вытянутых из петли казненных и засвидетельствовал факт смерти. Затем на эшафот были подняты пять черных гробов, в которые были уложены

казненные. Гробы были немедленно заколочены, уложены в две ломовые телеги и покрыты брезентом. Под сильным конвоем телеги с гробами отвезли на железнодорожную станцию для захоронения в общей могиле на Преображенском кладбище.

Ровно в 9.58 вся процедура была завершена. В 10.00 столичный градоначальник генерал-лейтенант Баранов отдал приказ к разбору эшафота. Ожидавшие в стороне плотники тут же приступили к работе. К 11.00 работа по разборке эшафота была завершена. Армейские подразделения, находившиеся на Семеновском плацу, были отправлены в казармы. А палачи, пользуясь людской глупостью и суевением, начали бойкую торговлю снятыми с виселицы веревками. Во благо негодьям на этот раз их оказалось достаточно много.

В тот же день на станцию Обухово в сопровождении пристава Александро-Невской части и нескольких штатских прибыл паровоз с одним-единственным вагоном, в котором находились гробы с казненными. В присутствии пристава Шлиссельбургского участка Агафонова вагон был вскрыт, и рабочие извлекли из него пять вымазанных в черную краску, грубо сколоченных гробов. Кладбищенские рабочие уложили их на подводы и в сопровождении сотни казаков повезли к кладбищенской церкви. Однако пристав Агафонов сразу предупредил смотрителя Преображенского кладбища Саговского, что отпевание государственных преступников строжайше запрещено. Гробы подвезли к заранее вырытой могиле и стали спускать. Они походили на обычные ящики и были сбиты столь небрежно, что при опускании в яму несколько из них буквально начали рассыпаться. Один из ящиков проломился, и труп Софьи Перовской частично вывалился наружу. Однако ни у кого из присутствовавших при погребении не возникло желание спуститься в яму и уложить ее труп обратно в гроб. Так и засыпали землей, без отпевания, без каких-либо формальных процедур погребения. Дабы не превратить братскую могилу первомайцев в место «паломничества», ее точное расположение по распоряжению властей сохранялось в строжайшей тайне. По сей день никто не может указать место погребения Андрея Желябова, Софьи Перовской, Николая Кибальчича, Тимофея Михайлова и Николая Рысакова.

Реакция Исполнительного комитета партии «Народная воля» не заставила себя долго ждать. Спустя несколько дней после казни Исполнительный комитет напечатал в своей подпольной типографии и распространил открытое письмо, в котором он обещал ужесточить борьбу с самодержавием.

«ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА»

3 апреля между 9 и 10 часами утра на Семеновском плацу в Петербурге приняли мученический венец социалисты: крестьянин **Андрей Желябов**, дворянка **Софья Перовская**, сын священника **Николай Кибальчич**, крестьянин **Тимофей Михайлов** и мещанин **Николай Рысаков**.

Суд над мучениками творили царские сенаторы, приговор диктовал Император Александр III, он же и утвердил его.

Итак, новое царствование обозначилось. Первым актом самодержавной воли Александра III было приказание повесить женщин. Не выдержав еще коронации, он оросил престол кровью борцов за народные права.

Пусть так!

Со своей стороны, над свежей могилой наших дорогих товарищей, мы подтверждаем всенародно, что будем продолжать дело народного освобождения. На этом пути не остановят нас виселицы, как не останавливали они в прошлое царствование целый ряд бойцов, начиная с Соловьева, продолжая Ковальским, Виттенбергом, Логовенко, Лизогубом, Чубаровым, Давиденко, Осинским, Антоновым,

Брандтнером, Горским, Бильчанским, Федоровым, Дубовским, Дробязгиным, Малинкой, Майданским, Розовским, Лозинским и кончая Млодетским, Квятковским и Пресеняковым.

Тотчас после 1 марта Исполнительный Комитет обнародовал послание к Императору Александру III, в котором доказывал, что единственным средством к возврату России на путь правильного и мирного развития является обращение Верховной Власти к Народу.

Судя по событиям 3 апреля, Верховная Власть выбрала иной путь — путь обращения к Фролову, знаменитому сподвижнику в Бозе почившего Александра II.

Пусть так!

Откладывая оценку общей политики Александра III на ближайшее будущее, Исполнительный Комитет заявляет теперь же, что реакционная политика по традициям Александра II неизбежно приведет к последствиям еще более пагубным для правительства, чем 1 марта, предшествуемое заговорами николаевским, одесским, александровским, московским и двумя петербургскими.

Исполнительный Комитет обращается с призывом ко всем, кто не чувствует в себе инстинктов раба, кто сознает свой долг перед страждущей Родиной, сомкнуть свои силы для предстоящей борьбы за свободу и благосостояние Русской земли.

*Исполнительный Комитет, 4 апреля 1881 г.
Типография „Народной Воли“, 5 апреля 1881 г.»*

СТО ЛЕТ «ЛЕГКОМУ ДЫХАНИЮ» БУНИНА

1.

Уже сто лет существует рассказ И. А. Бунина «Легкое дыхание», «самый знаменитый рассказ» (С. Рассадин) «самого чувственного» (О. Сливицкая) русского классика, творчество которого является, по словам религиозного мыслителя И. Ильина (1883–1954), «последним даром русской дворянской помещицкой усадьбы, даром ее русской литературе, России и мировой культуре»¹. Рассказ впервые был опубликован 10 апреля 1916 года в газете «Русское слово», а затем был включен автором в свою последнюю книгу, вышедшую в России, сборник прозы и стихов под названием «Господин из Сан-Франциско. Произведения 1915–1916 гг.». Писатель в заметках «Происхождение моих рассказов» вспоминает:

«Рассказ „Легкое дыхание“ я написал в деревне, в Васильевском, в марте 1916 года: „Русское слово“ Сытина просило дать что-нибудь для пасхального номера. Как было не дать? „Русское слово“ платило мне в те годы 2 рубля за строку. Но что дать? Что выдумать? И вот вдруг вспомнилось, что забрел я однажды зимой совсем случайно на одно маленькое кладбище на Капри и наткнулся на могильный крест с фотографическим портретом на выпуклом фарфоровом медальоне какой-то молодой девушки с необыкновенно живыми, радостными глазами. Девушку эту я тотчас же сделал мысленно русской, Олей Мещерской, и, обмакнув перо в чернильницу, стал выдумывать рассказ о ней с той восхитительной быстротой, которая бывала в некоторые счастливейшие минуты моего писательства»².

Только в отечественном литературоведении и эссеистической критике этому произведению посвящено свыше двадцати работ. Моя задача заключается в том, чтобы подвести определенные итоги его многолетнему изучению и, учитывая множественность вариантов извлечения и толкования смысла, предложить свою интерпретацию.

Вячеслав Иванович Влащенко — литературовед, методист. Автор трех книг («Проблема литературной преемственности на уроках внеклассного чтения в старших классах» (Л., 1988); «Уроки литературы в выпускном классе» (в соавторстве с Г. Н. Иониным (СПб., 2009); «Современное прочтение романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (СПб., 2014) и более 100 публикаций о русской литературе XIX–XX веков в сборниках трудов ИМЛИ («Московский пушкинист». Вып. V, 1998; Вып. X, 2002; Вып. XII, 2009); ИРЛИ (Пушкинский Дом), СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена; в журналах: «Social Sciences» (2015. № 2), «Вопросы литературы» (1998. № 6; 2004. № 4; 2014. № 6); «Нева» (2005. № 12; 2014. № 10); «Литература в школе», «Русская словесность», «Литература», «Начальная школа».

¹ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6: Кн. 1. М., 1996. С. 210.

² Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1967. С. 369.

По мнению многих исследователей, этот рассказ относится к художественно совершенным произведениям литературы. Но можно ли его отнести к истинному (духовному) искусству, которое требует от читателя «духовной сосредоточенности, духовных усилий, очищения, углубления и обещает за это прозрение, мудрость и радость»?³

Бунин в своем произведении создает удивительно поэтичную и таинственную ауру бытия, явственно ощущаемую читателем в процессе эстетического восприятия. Древние греки и римляне аурой называли то трудно уловимое в окружающем мире (веяние, дуновение, дыхание, отзвук, сияние), что доставляет человеку радость и надежду на высший смысл своего существования и бытия всего мира. Кажется, что эстетическая аура земной жизни в рассказе Бунина, создаваемая «легким дыханием» и «бессмертным сиянием глаз» главной героини, пением весенних птиц и «звоном ветра в фарфоровом венке», отражает устремленность души автора к метафизическому, божественному, чему противопоставлена обыденная жизнь обыкновенных людей, представителей «толпы», окружающей Ольгу Мещерскую.

Константин Паустовский (1892–1968), взволнованный «удивительным совпадением» (он апрельским вечером 1916 года на елецком вокзале, в городе детства и юности Бунина, купил в газетном киоске новый номер «Русского слова» и впервые прочитал рассказ «Легкое дыхание»), через много лет в «Золотой розе» (1955), в главе, посвященной Бунину, рассказал о своем глубоком эмоциональном потрясении:

«...я впервые до конца, до последней прожилки понял, что такое искусство и какова его возвышающая и вечная сила. Я несколько раз разворачивал газету и перечитывал при умирающем огне свечи, а потом при водянистом свете бездомной зари все одни и те же слова о легком дыхании Оли Мещерской...»⁴

Кажется, что и многие читатели вслед за Паустовским могли бы повторить его слова: «Все внутри меня дрожало от печали и любви. К кому? К дивной девушке, убитой <...> гимназистке Оле Мещерской». Кажется, что они, представив могилу погибшей девушки, с «крепким, тяжелым, гладким» крестом из дуба, «фотографическим портретом гимназистки с радостными, поразительно живыми глазами», могли бы сказать те же слова, что и Паустовский: «Я бы усыпал эту могилу всеми цветами, какие только цветут на земле. Я уже любил эту девушку. Я содрогался от непоправимости ее судьбы».

Паустовский, которого Бунин, откликаясь на рассказ «Корчма на Брагинке» (был опубликован в журнале «Вокруг света»), в открытке, присланной ему из Франции в 1947 году, назвал «дорогим собратом», — это писатель с романтическим мировосприятием, «убежденный и сознательный последователь романтической школы»⁵, художник, создавший в трагическую для России эпоху XX века много удивительно красивых и печальных «выдумок», поэтически преображающих жестокую реальность и в какой-то степени спасающих душу читателя от тоски и отчаяния. Свое эмоциональное впечатление от художественной миниатюры Бунина, свою эстетическую реакцию он выразил так:

«Я не знаю, можно ли назвать эту вещь рассказом. Это не рассказ, а озарение, самая жизнь с ее трепетом и любовью, печальное и спокойное размышление писателя, эпитафия девичьей красоте»⁶.

³ Ильин И. А. Указ. соч. С. 77.

⁴ Паустовский К. Г. Золотая роза // Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М., 2002. С. 553.

⁵ Генри П. «Дорогой собрат...» (Константин Паустовский и Иван Бунин) // Русская литература. 1996. № 3. С. 190.

⁶ Паустовский К. Г. Указ. соч. С. 552.

Но восприятие Паустовским образа бунинской героини, на мой взгляд, все же является идеализирующей точкой зрения, разделяемой многими исследователи «Легкого дыхания», является односторонним взглядом читателя, который, вопреки художественному целому рассказа, как будто не хочет видеть всей трагической правды об Оле Мещерской.

Я тоже помню свое первое, еще детское потрясение этим произведением Бунина. Рассказ впервые был прочитан еще в школьные годы и прочитан именно после «Золотой розы» Паустовского, моего любимого писателя в отрочестве и юности, но это было не только эстетическое, но и нравственное потрясение, вызванное конкретным фрагментом произведения:

«А через месяц после этого разговора казачий офицер, некрасивый и плебейского вида, не имевший ровно ничего общего с тем кругом, к которому принадлежала Оля Мещерская, застрелил ее на платформе вокзала, среди большой толпы народа, только что прибывшей с поездом. И невероятное, ошеломившее начальницу признание Оли Мещерской совершенно подтвердилось: офицер заявил судебному следователю, что Мещерская завлекла его, была с ним близка, поклялась быть его женой, а на вокзале, в день убийства, проводя его в Новочеркасск, вдруг сказала ему, что она и не думала никогда любить его, что все эти разговоры о браке — одно ее издевательство над ним, и дала ему прочесть ту страничку дневника, где говорилось о Малютине».

И теперь главная героиня рассказа уже вызывает противоречивые чувства: не только любовь, сходную с любовью младших классов («...почему-то никого не любили так младшие классы, как ее»), не только восхищение природной красотой, детской непосредственностью и жизнерадостным мироощущением, но и недоумение, неприятие, отторжение, мучительный стыд, нравственное отчуждение и даже ужас из-за ее порочных отношений с казачьим офицером, надругательством и над собой, и над природой любви. И теперь пронзительная боль, сострадание и скорбь связаны уже не только с гибелью Оли Мещерской, но и с ее падением, превращением «ангела» в «блудницу», с ее «грамматикой любви», «грамматикой бездуховного, чувственного инстинкта» (И. Ильин), с «темными аллеями» ее взрослой и такой скоротечной земной жизни. И теперь возникают ассоциации не только с пушкинской «красавицей» из «Зимнего утра» («мороз и солнце» и в стихотворении, и в рассказе), но и с «Джокондой» Леонардо да Винчи, с ее «змеистой полуулыбкой».

И тогда возникает тревожный вопрос: ее грехопадение является проявлением какого-то общего закона, «закона универсума» (О. Сливницкая), или результатом победы внутреннего зла, животного инстинкта, дьявольского по своей сути искушения?

Галина Кузнецова (1900—1976), последняя любовь и ближайший друг Бунина в эмигрантский период его жизни, в «Грасском дневнике», в записи от 28 мая 1929 года пересказывает свой разговор с писателем:

«Я сказала, что меня в этом очаровательном рассказе всегда поражало то место, где Оля Мещерская, весело, ни к чему, объявляет начальнице гимназии, что она уже женщина. Я старалась представить себе любую девочку-гимназистку, включая и себя, — и не могла представить, чтобы какая-нибудь из них могла сказать это. И. А. стал объяснять, что его всегда влекло изображение женщины, доведенной до предела своей „утробной сущности“. „Только мы называем это утробностью, а я там назвал это легким дыханием. Такая наивность и легкость во всем, и в дерзости, и в смерти, и есть «легкое дыхание», недуманье. Впрочем, не знаю“»⁷.

⁷ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. СПб., 2009. С. 125—126.

Возникает впечатление, как будто автор дневника неточно передает объяснение Бунина или тот очень неудачно выбирает слова в стремлении пояснить загадочный смысл рассказа. Сразу вспоминается стихотворная строка Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Можно ли «утробную сущность» героини, такую «дерзость» в любовных отношениях и «в смерти» (любовь и смерть — ключевые концепты в художественном мире Бунина), «такую наивность» и опасное «недуманье», приводящее к неизбежной смерти, назвать «легким дыханием» в природно-божественном смысле этих слов («Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре»)?

В самом тексте рассказа можно выделить ключевой вопрос, мучительно таинственный и для многих читателей, и для «классной дамы» (для которой «Оля Мещерская — предмет ее неотступных дум и чувств» и которая «ходит на ее могилу каждый праздник»), и, видимо, для самого автора:

«Этот венок, этот бугор, дубовый крест! Возможно ли, что под ним та, чьи глаза так бессмертно сияют из этого выпуклого фарфорового медальона на кресте, и как совместит с этим чистым взглядом то ужасное, что соединено теперь с именем Оли Мещерской?»

Но что значит этот вопрос? Как понимать «то ужасное»? Это «злой рок» (Е. Колтоновская), «ужасная смерть» (С. Вайман), «жуткая и необъяснимая катастрофа» (О. Сливицкая), «обреченность красоты и молодости на гибель» (Ю. Мальцев)? Или «ужасное» здесь «не только сама смерть, но и та естественность, с которой героиня способна отдаваться, казалось бы, несовместимым влечениям»?⁸ Или это проявление «утробной сущности», грехопадение и порочность «ангела», открывшаяся темная бездна человеческой души, «тайна животно-человеческого инстинкта» (И. Ильин), превращение «мадонны» не просто в «блудницу», но одновременно и в «палача» казачьего офицера («завлекла», «поклелась быть женой», «издевательство над ним»)? Какова же позиция автора? В чем глубинный духовный смысл этого рассказа?

Не является ли это произведение Бунина, в котором необыкновенная женская красота главной героини и красота изображаемой природы органично и естественно соединяются с красотой художественного слова, живописно описательно и музыкально звучащего, не является ли этот «очаровательный рассказ» восхитительной «прелестью», то есть опасным обманом⁹, всего лишь красивой «выдумкой» («Что выдумать?») для томимого «духовной жаждою» читателя, ищущего и взыскивающего Истины, духовного смысла существования мира и человека? Как у Бунина, спрашивает критик С. Рассадин (1935—2012), «отличить добро от зла, если последнее завораживает? Если магически очаровательна сама порочность девочки-гимназистки Оли Мещерской — или, во всяком случае, несущественна и простибельна по сравнению с данным ей (кем? Дьяволом? Богом?) легким дыханием»?¹⁰ Почему так странно и, кажется, логически необъяснимо ведет себя героиня Бунина в ситуациях с Малютиным, начальницей гимназии и казачьим офицером?

Данная статья является попыткой через 50 лет после первого прочтения снова прикоснуться к живой ткани рассказа и хотя бы приблизиться к пониманию многих загадок и главной тайны этого шедевра великого русского писателя, произведения,

⁸ Бройтман С. Н., Магомедова Д. М. Иван Бунин // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Кн. 1. М., 2000. С. 573.

⁹ «Прелесть = заблуждение, прельщение, обман» (Дьяченко Г., прот. Полный церковно-славянский словарь. М., 2008. С. 486).

¹⁰ Рассадин С. Б. Русская литература: от Фонвизина до Бродского. М., 2001. С. 166.

в котором автор передал (если использовать его же слова из дневника за 1886 год) свое «чувство несказанной загадочности прелести мира и жизни»¹¹ и которое можно соотнести с его записью в самом конце 1920-х годов: «Тайна, тайна! И всюду она, всепроникающая власть тайны, таинственного, власть чаще всего темная, жуткая»¹².

Будем помнить о том, что глубокое восприятие и осмысление подлинного произведения искусства, как справедливо утверждают современные исследователи, «способствует превращению глаза телесного в глаз духовный, или в око души, направленного не только вовне, но и внутрь самого себя»¹³. Подлинное чтение — это исследовательское чтение и духовная работа, это и путь напряженного самопознания читателя, серьезный труд миропонимания.

2.

Среди многочисленных исследований о «Легком дыхании» Бунина можно выделить три работы, в которых предлагается **эстетическое** осмысление рассказа: выдающегося психолога Л. Выготского (1896–1934), литературоведа С. Ваймана (1924–2004) и современного исследователя А. Жолковского.

В книге Л. Выготского «Психология искусства» (написанной в 20-е годы и опубликованной только в 1965 году) отдельная глава посвящена «Легкому дыханию». Анализируя многочисленные перестановки фабульных событий в сюжете и размышляя над «эстетической реакцией» читателя, исследователь, опираясь на эстетику Ф. Шиллера (1759–1805), формулирует основной психологический закон восприятия этой художественной новеллы — «закон уничтожения формой содержания»¹⁴. Необходимо учитывать, что Л. Выготский разграничивает жизненное («житейское») и художественное содержание, и тогда рассказ оказывается «не об Оле Мещерской, а о легком дыхании», о «женской красоте», и произведение в значительной степени звучит как гимн необыкновенной женской красоте, являющейся для автора неотъемлемой частью божественной природы.

В работе С. Ваймана есть все, кроме последовательного литературоведческого анализа рассказа: и безудержный полет творческой фантазии («Восемь частей рассказа словно разделы моцартовского „Реквиема“: здесь и гнев, и отчаяние, и картины Страшного суда, и светопреставление, и торжественная высота финала»), и россыпь разнообразных ассоциаций, и логические парадоксы («художественная речь ощущается как речь в суде <...> все повествование строится в жанре документа <...> весь рассказ — траурная, поминальная месса»), и предельные символические обобщения («Утомленный, истерзанный социальностью и психологией дух возвращается в лоно всеобщего <...> вселенского круговорота жизни и смерти»)¹⁵.

А. Жолковский, не касаясь главной идеи Л. Выготского, говорит о необходимости развития его отдельных положений и предметом своего анализа делает поэтику бунинского произведения. Исследователь выделяет целый ряд «модернистских инноваций» и отмечает в рассказе Бунина «принципиальный отказ от моральных оценок,

¹¹ Бунин И. А. Т. 9. С. 348.

¹² Бунин И. А. Т. 6. С. 298.

¹³ Зинченко В. П., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М., 2010. С. 370.

¹⁴ Выготский Л. С. Психология искусства. Минск, 1998. С. 173.

¹⁵ Вайман С. Т. Бунинское чувство жизни. Трагедия «легкого дыхания» // Вайман С. Т. Неевклидова поэтика. Работы разных лет. М., 2001. С. 264–277. Первый вариант статьи см.: Литературная учеба. 1980. № 5.

естественный в ходе пересмотра культурой рубежа веков всей „реалистической“ системы пространственно-временных, социальных и этических координат». Подводя итог анализу «структуры целого», Жолковский приходит к следующим выводам: «...бунинская повествовательная техника перекликается с такими разными явлениями, как лирическая, фрагментарная и орнаментальная проза, метонимическое письмо Белого и Пастернака, кинематографический монтаж разноплановых и разномасштабных кусков, установка на изображение людской массы, прустовская игра со временем и памятью, подражание жизни искусству, акмеистический культ литературных реминисценций и другие черты стилистики XX века». А затем вдруг следует парадоксальное заключение: «Все это не делает Бунина большим модернистом, чем Пушкин»¹⁶.

Если в стремлении осмыслить нравственно-духовное содержание «Легкого дыхания» на первый план поставить одну из главных проблем русской классики — **проблему судьбы**, а в данном случае выяснения главных причин гибели Оли Мещерской, то в обширной исследовательской литературе о творчестве Бунина можно выделить несколько подходов и разных уровней прочтения рассказа: **социальный, нравственный и философский**.

Начиная с критика А. Гизетти (1888–1938), который в своей рецензии на книгу Бунина в 1917 году определил этот рассказ как повествование о «скомканной грязной похотью и оборванной животной ревностью душе красавицы Оли Мещерской»¹⁷, многие исследователи (А. Тарасенков, Н. Кучеровский, И. Каплан, А. Матюшкин и др.) объясняют основную причину трагедии главной героини губительным воздействием равнодушного общества и пошлой среды.

Некоторые авторы работ о «Легком дыхании» (Н. Шоков, И. Василенко, А. Нарушевич, О. Еремина, В. Положенцев, М. Качурин), не ссылаясь на предположение, высказанное С. Вайманом еще в 1980 году («В красавицу Мещерскую стреляет некрасивый казачий офицер, — а может, и не убийство это вовсе, а самоубийство, исполненное рукой разъяренного ревнивца?»¹⁸), видят в поведении Оли Мещерской в сцене прощания с офицером на вокзале скрытую форму самоубийства, что является следствием осознания греховности своего падения, раскаяния и стремления скорее уйти из жизни, «никого собой не обременяя» (М. Качурин).

Осмысление произведения на **философском** уровне позволяет исследователям создать более глубокие интерпретации «Легкого дыхания».

О. Сливицкая говорит о роковой закономерности «жуткой и необъяснимой катастрофы» и стремится выявить «философскую основу трагедии», предопределенную «законами универсума»: «...любовь как самая высокая жизненная ценность — по самой природе своей — катастрофична <...> Оля погибла не потому, что жизнь столкнула ее сначала со старым ловеласом, а потом с грубым офицером <...> Оба героя — лишь орудие судьбы. Обреченность Оли Мещерской в ней самой, в ее органической слиянности с жизнью, полной подчиненности ее стихийным порывам — благостным и катастрофическим»¹⁹.

И С. Вайман в «ужасной смерти» Оли Мещерской видит «жесточайшую плату за стремление к полноте», за «обретение высшей бытийной полноты» и «краткого

¹⁶ Жолковский А. К. «Легкое дыхание» Бунина — Выготского семьдесят лет спустя // Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 103, 110, 114, 119.

¹⁷ Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И. А. Бунина. М., 2010. С. 206.

¹⁸ Вайман С. Т. Указ. соч. С. 138.

¹⁹ Сливицкая О. В. Фабула — композиция — деталь бунинской новеллы // Бунинский сборник. Орел, 1974. С. 95, 96, 97 (или см.: Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 77).

счастья», видит «исполнение надличной воли: красота неминуемо погибнет»²⁰. И Ю. Мальцев смерть «грациозного и пленительного в своей естественности существа» объясняет трагизмом самого бытия и в рассказе видит художественное воплощение идеи «обреченности красоты и молодости на гибель»²¹.

По сути, эти философские объяснения «жуткой» судьбы Оли Мещерской совпадают с непосредственной позицией главной героини, выраженной в разговоре с начальницей гимназии словами: «Я не виновата».

В данной работе произведение Бунина предлагается прочитать на **психологическом** и **духовном** уровнях, на которых Бунин-художник, обладающий Божьим даром и создавший рассказ в минуты подлинного вдохновения, «царственной власти духа над пространствами души» (И. Ильин), на мой взгляд, все-таки говорит о другом. С опорой на общее восприятие рассказа можно сделать предварительный вывод: любовь и красота обречены на гибель, если плотские инстинкты в «природном» человеке, с его «недуманьем», побеждают высшее, духовное начало в его душе.

3.

В Оле Мещерской в изображении Бунина как будто нет того, что в рассказе «Митина любовь» поразило главного героя в юной актрисе, декламирующей стихотворение Блока «Девушка пела в церковном хоре...»: «Ужаснее же всего была та смесь ангельской чистоты и порочности, которая была в ней, в ее разгоревшемся личике, в ее белом платье...» Но «порочность» героини «Легкого дыхания» проявляется в ее поступках, в трех эпизодах рассказа, которые дальше мы последовательно и рассмотрим, выявляя возможные сознательные или бессознательные (на уровне инстинктов) психологические мотивы ее поведения: в разговоре с начальницей гимназии, в отношениях с казачьим офицером и с Малютиным.

Единственный диалог в рассказе, состоящий из пяти реплик начальницы гимназии и четырех реплик юной гимназистки, заканчивается неожиданно:

«И тут Мещерская, не теряя простоты и спокойствия, вдруг вежливо перебила ее: — Простите, тадаат, вы ошибаетесь: я женщина. И виноват в этом — знает кто? Друг и сосед папы, а ваш брат Алексей Михайлович Малютин. Это случилось прошлым летом в деревне...»

Некоторые исследователи дают резко отрицательную оценку начальнице гимназии и слишком преувеличивают ее роль в жизни Оли Мещерской: «Начальница равнодушна к людям <...> Ее волнует лишь внешняя сторона поведения <...> Несомненно, она одна из виновниц гибели Оли Мещерской»²²; «Ее крест — служба, положение начальницы. Гимназия — ее монастырь. Жизнь ее, по Бунину, неистинна, чувства бедны, жалки, искусственны, аккуратно гофрированы»²³; «...Малютин, его сестра — начальница гимназии <...> олицетворяют ложь и лицемерие»²⁴. С моей точки зрения, образ начальницы несет другой смысл, о чем говорит и описание кабинета, видимо, отражающего ее внутренний мир:

²⁰ Вайман С. Т. Указ. соч. С. 271, 273, 278.

²¹ Мальцев Ю. В. Иван Бунин. М., 1994. С. 205.

²² Шоков Н. Н. Опыт семантического анализа рассказа И. А. Бунина «Легкое дыхание» // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX—XX веков. Белгород, 1999. С.244.

²³ Дрозд Б. Д. Уроки анализа литературного произведения. Ростов-н/Д., 2008. С. 18, 26.

²⁴ Золототрубова Н. Н. Диалог фабулы и сюжета в рассказе И. А. Бунина «Легкое дыхание» // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX—XX веков. Вып. 5. Белгород, 2009. С. 84.

«Мещерской очень нравился этот необыкновенно чистый и большой кабинет, так хорошо дышавший в морозные дни теплом блестящей голландки и свежестью ландышей на письменном столе».

Как замечает современный исследователь, «прозвучавшая как бы мимоходом необычайно сильная и тонкая одорическая ландышевая нота будет вплетена в мелодию свежего весеннего ветра, легким звучанием которого пронизан весь рассказ»²⁵. Свежие ландыши (интересно: откуда они здесь взялись «снежной, солнечной, морозной» зимой?), может быть, говорят о том, что начальница гимназии еще помнит свою юность и хорошо знает об искушениях и соблазнах этого возраста. По отдельным деталям (некоторые жесты и женская прическа, дорогие гребни и туфельки) она, видимо, хорошо понимает, что ее воспитанница очень близко подошла к опасной в ее возрасте роковой черте. А ее чуть заметное раздражение вызвано прежде всего чувством полного бессилия что-то изменить и повлиять на Мещерскую, которая «просто, почти весело» утверждает: «Я не виновата».

Самым странным и загадочным в этой сцене оказывается неожиданное признание Мещерской в ее последней реплике. По мнению психолога Л. Выготского, «ошеломляющее признание сообщено как маленькая деталь разговора о туфельках и о прическе; а самая эта обстоятельность — „друг и сосед папы, а ваш брат, Алексей Михайлович Малютин“, — конечно, не имеет другого значения, как погасить, уничтожить ошеломленность и невероятность этого признания»²⁶. Литературовед Н. Кучеровский (1922–1974) утверждает, что «этим простым и спокойным признанием Бунин противопоставляет жизнь естественную, „утробную“, жизни, скованной установлениями, придуманными правилами поведения и гимназического приличия»²⁷. И современный исследователь М. Сорвина видит в разговоре Оли Мещерской с начальницей проявление «не скованной приличиями свободы и легкости бытия, а еще — редкое для ее возраста человеческое достоинство, с которым она отмечает все упреки директрисы и все слухи вокруг ее имени»²⁸. А известный методист М. Качурин (1923–2006) в стремлении тайное сделать явным идет дальше всех, предполагая беременность героини: «...гимназистка вежлива, немногословна. Но, видимо, она понимает, что близится момент, когда и без ее признания все станет ясно»²⁹. Но возможно и другое объяснение, связанное с двукратным упоминанием в этом фрагменте рассказа портрета царя:

«Начальница, моложавая, но седая, спокойно сидела с вязаньем в руках за письменным столом, под царским портретом. Она посмотрела на молодого царя, во весь рост написанного среди какой-то блистательной залы, на ровный пробор в молочных, аккуратно гофрированных волосах начальницы и выжидательно молчала».

Выражение идеи одиночества видит в этом портрете С. Вайман: «Молодой царь, запечатленный на холсте среди блистательной залы, олицетворяет державное одиночество как принцип бытия — одинокий правит одинокими. С социальной вершины этот принцип спускается в низовые инстанции: одинока начальница гимназии в своем благоустроенном кабинете <...> О космическом своем одиночестве испо-

²⁵ Комлик Н. Н. Одорический подтекст прозы И. А. Бунина // Филологос. Вып. 17 (2). С. 39.

²⁶ Выготский Л. С. Указ. соч. С. 174.

²⁷ Кучеровский Н. М. И. Бунин и его проза (1887–1917). Тула, 1980. С. 234.

²⁸ Энциклопедия литературных героев. М., 1997. С. 296.

²⁹ Качурин М. Г. Оля Мещерская: образ и его истолкование // Русская словесность. 2006. № 4. С. 27.

ведется в своем дневнике Мещерская („Мне казалось, что я одна во всем мире“)³⁰. Но исследователь не замечает, что в тексте дневника этим словам предшествуют следующие: *«Я осталась одна. Я была так счастлива, что одна!»*

Иначе образ царя объясняет А. Жолковский: «А над столом в кабинете начальницы висит царский портрет, в фабульном плане призванный, как и сама начальница, подавлять Олю». Но фактически, отмечает исследователь, «у нее не столько конфликт с начальницей, сколько роман с „голландкой“ и молодым царем»³¹.

В моем восприятии образы «моложавой, но седой» начальницы, «молодого царя» и юной красавицы объединяет идея **власти**. Благодаря этому «невероятному, ошеломившему начальницу признанию» Мещерская сразу, «не теряя простоты и спокойствия», «вежливо» обезоружила начальницу, с ее наставлениями и поучениями, и сама получила над ней полную власть, лишив ее морального права в чем-либо упрекать и поучать гимназистку. Чувство своей вины, косвенной причастности к греху брата заставило ее замолчать. Этот выход в конкретной ситуации Мещерская нашла, видимо, мгновенно и бессознательно, подчиняясь инстинкту власти. По мнению А. Скидана, сама фамилия героини говорит о ее «особой власти»: «Мещерские — древний княжеский род, восходящий к XIII веку. Для читателя, современника Бунина, было очевидно, что Оля — знатного происхождения и что это происхождение наделяет ее особой властью и притягательностью»³². Об иной ассоциации говорит А. Жолковский: «Фамилия героини, настойчиво повторяющаяся в рассказе, приводит на память державинские стихи „На смерть князя Мещерского“, посвященные внезапной скоротечности утех, прелести, любви и самой жизни»³³.

В работе «Многообразие свободы в поэзии Пушкина» религиозный мыслитель Б. Вышеславцев (1877—1954), опираясь на рефлексологию И. Павлова, выделяет два основных природных инстинкта, свойственных всем живым существам: высокий инстинкт свободы и низкий, очень опасный для человека инстинкт власти³⁴. И австрийский психоаналитик А. Адлер (1856—1939) в стремлении понять человеческую природу рассматривает властолюбие как антропологическую проблему³⁵. Именно инстинкт власти и другие инстинкты, как мы покажем дальше, в значительной степени и определяют многие поступки Оли Мещерской, природного, естественного человека.

Следующий фрагмент рассказа, состоящий из двух абзацев, оказывается для читателя еще более «невероятным» и «ошеломительным». Рассказ о казачьем офицере, который мы уже приводили, заканчивается так:

«— Я пробежал эти строки и тут же, на платформе, где она гуляла, поджидая, пока я кончу читать, выстрелил в нее, — сказал офицер. — Дневник этот, вот он, взгляните, что было написано в нем десятого июля прошлого года».

Можно предположить, что казачий офицер по-настоящему полюбил ее, хотел жениться на ней и, потрясенный унижением и «издевательством» над собой, над своей любовью, в состоянии аффекта и выстрелил в нее³⁶. Но чем объяснить эту связь

³⁰ Вайман С. Т. Указ. соч. С. 277.

³¹ Жолковский А. К. Указ. соч. С. 112, 113.

³² Скидан А. Ребенок — внутри. Еще раз о «Легком дыхании» // Новое литературное обозрение. № 86. С. 260.

³³ Жолковский А. К. Указ. соч. С. 117.

³⁴ Вышеславцев Б. П. Этика преобразованного эроса. М., 1994. С. 162.

³⁵ См.: Адлер А. Наука о характерах: понять природу человека. М., 2011.

³⁶ Ср.: «Его, опытного в любовных утехах, вряд ли могла обмануть Оля <...> офицер убил Олю не из-за любви и ревности к удачливому сопернику, а потому, что рассчитывал войти с ее помощью

Мещерской с «некрасивым и плебейского вида» казачьим офицером? «Утробностью», силой животного инстинкта? Чем объяснить «ее издевательство над ним», вызвавшее этот роковой выстрел? Неужели только желанием всем мстить за свое падение, как считают некоторые исследователи?³⁷ Или, может быть, наслаждением от собственной власти над другим человеком благодаря своей неотразимой красоте? Можно предположить, что именно этим она и довела гимназиста Шеншина до того, «что он покушался на самоубийство».

В тексте никаких объяснений нет. Бунин как будто только заглядывает в бездну человеческой души и отшатывается в ужасе: «тайна», «жуткая тайна». По мнению Л. Смирновой, «в поступках Оли нет ни осмысленного порока, ни чувства мести, ни подлинной боли раскаяния, ни твердости решений. Уж не испытывала ли она свои чары в отношениях с поклонниками, среди которых один и убил ее из ревности? Видимо, так и было»³⁸. Как утверждает О. Сливацкая, перед «тайнствами души и судьбы человека» в мире Бунина «бессильна психология»³⁹. Душа героев Бунина для читателей закрыта, ибо он «описывает человеческую душу почти исключительно по ее внешним проявлениям»⁴⁰. Любые объяснения остаются на уровне предположений. Кажется, что текстом ничего доказать невозможно, но все же можно попытаться выстроить цепочку логически связанных между собой и возможных психологических объяснений разных поступков Оли Мещерской, учитывая глубокое наблюдение одного из самых острых критиков начала XX века К. Чуковского (1882–1969), высказанное им в 1914 году:

«Два-три года назад появился новый Бунин, нечаянный, совершенно не похожий на прежнего <...> он внезапно оказался таким изощренным психологом, вателем глубей и высей души, каких и в русской литературе немного»⁴¹.

4.

Проявлением в главной героине рассказа Бунина глубинных и бессознательных природных инстинктов можно объяснить и то, что произошло в эпизоде с Малютиным, о чем мы узнаём из дневника.

Чем является дневник Оли? Исповедью грешницы с необходимым раскаянием, или это попытка героини разобраться и понять, что произошло и почему? Скорее, здесь проявляется стремление себя оправдать. В дневнике нет самоанализа, рефлексии, стремления осмыслить и понять произошедшее, почти нет раскрытия внутреннего мира и души героини. Преобладает простое описание того, что случилось, по стилю как будто сходное с авторским стилем. По замечанию А. Жолковского, в дневнике «история увлечения Малютиным сведена Олей к подробному описанию его лошадей, одежды, бороды, глаз и запаха английского одеколona»⁴². Можно вспомнить,

в тот круг, к которому принадлежала Оля Мещерская. И сделать это он смог бы при одном условии — если бы стал ее первым избранником. Убивает он Олю из-за своих малодушных мечтаний и плебейской сущности» (Золототрубова Н. Н. Указ. соч. С. 84).

³⁷ См.: Василенко И. Урок структуралистам, или «Легкое дыхание» 85 лет спустя // Лицейское и гимназическое образование. 2001. № 5—6. С. 51; Галкин А. Б. Писатели одной темы: А. И. Куприн и И. А. Бунин // Преподавание литературы учащимся с филологической одаренностью. М., 2012. С. 172.

³⁸ Смирнова Л. А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество. М., 1991. С. 112, 113.

³⁹ Сливацкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. С. 61.

⁴⁰ Ильин И. А. Указ. соч. С. 237.

⁴¹ Чуковский К. И. Смерть, красота и любовь в творчестве И. А. Бунина // И. А. Бунин: pro et contra. СПб., 2001. С. 336.

⁴² Жолковский А. К. Указ. соч. С. 114.

что согласно древней библейской традиции именно зрение является источником первородного греха: «И увидела жена, что дерево (познания добра и зла. — В. В.) хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание» (Бытие, 3: 6).

А С. Вайман обращает внимание на различие стилей: «В дневнике — обилие числительных, местоимений, замещающих живые лица, насыщенная глагольность. Вместо ассоциативных эпитетов — скупые определения, локализирующие „свой“ предмет, не позволяющие ему выйти за пределы местной ситуации»⁴³. Оля Мещерская как автор дневника все-таки сосредоточена прежде всего на себе, о чем говорит и частое использование личного местоимения: «я» — 16 раз, «мне», «меня» — по 5 раз.

Многие исследователи видят в Алексее Михайловиче Малютине «старого ловеласа», совратителя Оли Мещерской. У О. Лекманова, который в своей статье приводит характеристики «тишайшего» царя Алексея Михайловича, данные историками В. Ключевским и Н. Костомаровым, Малютин вызывает конкретные исторические ассоциации:

«Имя и отчество брата начальницы — Алексей Михайлович — знаменательно совпадает с именем и отчеством державного предка того самого «молодого царя», чей портрет „очень нравился“ девушке; а его фамилия — Малютин — провоцирует читателя вспомнить о любимце царя Ивана Грозного Малюте Скуратове <...> сосед и друг отца девочки буквально на глазах читателя превращается из благостного Алексея Михайловича в омерзительного Малюту Скуратова»⁴⁴.

Я предлагаю иную интерпретацию текста записи в дневнике, разделив его на три части: краткое вступление, эпизод с Малютиным и заключение.

«Сейчас второй час ночи. Я крепко заснула, но тотчас же проснулась... Нынче я стала женщиной! Папа, мама и Толя, все уехали в город, я осталась одна. Я была так счастлива, что одна! Я утром гуляла в саду, в поле, была в лесу, мне казалось, что я одна во всем мире, и я думала так хорошо, как никогда в жизни. Я и обедала одна, потом целый час играла, под музыку у меня было такое чувство, что я буду жить без конца и буду так счастлива, как никто».

Оля Мещерская была счастлива оттого, что осталась одна, счастлива от безграничной свободы, свободы от всех моральных запретов и ограничений. Она ощущала себя органической частью природы, но в природе живыми существами управляют только инстинкты; природа, в отличие от человеческого мира, вне нравственности. И свободная (благодаря «недуманью»), естественная, счастливая героиня оказалась во власти опасных для человека природных инстинктов, во власти «утробного» и «легкого» дыхания любви, а музыка предельно усилила потребность и жажду «счастья» сегодня, сейчас, а не в неопределенном будущем. Быть женщиной и любить — видимо, это и было то счастье, о котором мечтала Оля Мещерская.

После ее слов — «я была так счастлива <...> буду так счастлива» — в дневнике следует рассказ о приезде Малютина, которого ей как будто посылает сама судьба. Кажется, он и должен принести это «счастье»: «Я ему очень обрадовалась, мне было так приятно принять его и занимать».

И дальше, может быть, в значительной степени бессознательно, находясь в состоянии «опьянения» (вспомним Наташу Ростову в театре, когда в ней рождается влечение к Анатолию Курагину), под влиянием музыки, инстинктов свободы и власти,

⁴³ Вайман С. Т. Указ. соч. С. 285.

⁴⁴ Лекманов О. Из комментария к «Легкому дыханию» И. А. Бунина // Литература. 2002. № 10.

чувственного влечения и желания счастья, понимаемого прежде всего как наслаждение, Оля Мещерская артистично и естественно играет опасную роль хозяйки дома, взрослой дамы и... соблазнительницы. Малютин с удовольствием включается в предложенную романтическую и эротическую игру, может быть, не имея дурных намерений: «...он вел меня под руку и говорил, что он Фауст с Маргаритой». Обычно исследователи видят в Малютине только соблазнителя и этим значительно упрощают всю ситуацию падения главной героини рассказа. Но, например, Г. Лобанова отмечает: «...желание счастья оказалось настолько сильным, что Оля перестала себя контролировать»⁴⁵. Она одновременно оказывается и жертвой, и совратительницей.

Мещерская как будто невольно сама провоцирует Малютина («...я почувствовала себя как будто нездоровой и прилегла на тахту...»), и тот оказался во власти искусовой красоты и чувственного инстинкта. По мнению А. Матюшкина, в «непосредственности» и «чересчур раскованном поведении девочки» Малютин ошибочно видит «приглашение к запретному половому акту»⁴⁶. Как отмечает С. Вайман, «словно в состоянии гипноза, Оля „подыгрывает“, пособничает судьбе — закрывает лицо платком, дразнит Малютина, словно быка тряпкой»⁴⁷. Так юная и прелестная красавица сначала побеждает Малютина, затем гимназиста Шеншина и казачьего офицера, а в диалоге-поединке и начальницу гимназии. Мещерская благодаря природной красоте приобретает власть над всеми, и эта власть сродни царской. Именно эта идея объединяет два портрета в рассказе: портрет «молодого царя» и «фотографический портрет гимназистки с радостными, поразительно живыми глазами».

Но не противоречат ли такой трактовке последние слова в дневнике Мещерской: «Я не понимаю, как это могло случиться, я сошла с ума, я никогда не думала, что я такая!» Какая «такая»? По мнению Г. Лобановой, «она начинает чувствовать в себе порочную женщину»⁴⁸. Она, кажется, способна понять грех, но не в состоянии одолеть его. Состояние душевной раздвоенности недолговременно, и внутренняя борьба между нравственным чувством и животным инстинктом быстро заканчивается. Видимо, она сама оказалась во власти своей «утробности», ее разрушительных порывов. И дальше следуют последние и самые загадочные слова в дневнике: «Теперь мне один выход... Я чувствую к нему такое отвращение, что не могу пережить этого!..» О. Сливичкая так комментирует эти слова:

«Любовь предстала перед ней в гадком и низменном облике <...> Это глубоко искренне, но столь же искренне звучит в возгласе „нынче я стала женщиной“ не только ужас, но и ликование. Инстинкт подсказал ей, столь женственной, что это вступление в ту жизнь, ради которой она и была создана...»⁴⁹

Чувство отвращения к себе и всю вину Оля Мещерская сразу переносит на Малютина. И здесь, как и в разговоре с начальницей гимназии, она могла бы сказать: «Я не виновата». Видимо, это отвращение она все-таки преодолевает очень быстро, о чем говорит ее связь с офицером, а выход остается один: если «нынче я стала женщиной», если так случилось, то теперь и остается жить как женщина. Недолгое чувство отвращения к Малютину не стало для нее важным событием. Настоящим и переломным

⁴⁵ Лобанова Г. А. Жанровые функции описаний в рассказе И. А. Бунина «Легкое дыхание» // Поэтика русской литературы. М., 2009. С. 300.

⁴⁶ Матюшкин А. В. Проблемы интерпретации литературного художественного текста. Петрозаводск, 2007. С. 143.

⁴⁷ Вайман С. Т. Указ. соч. С. 278.

⁴⁸ Лобанова Г. А. Указ. соч. С. 300.

⁴⁹ Сливичкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. С. 76.

событием в ее жизни оказалось другое: «*Нынче я стала женщиной!*» И это случилось благодаря Малютину. Именно о такой Оле Мещерской сказано в рассказе:

«...уже пошли толки, что она ветрена, не может жить без поклонников, что в нее безумно влюблен гимназист Шеншин, что будто бы и она его любит, но так изменчива в обращении с ним, что он покушался на самоубийство. Последнюю зиму Оля Мещерская совсем сошла с ума от веселья, как говорили в гимназии».

Любовь обернулась для нее всего лишь сексом, похотью, блудом. «Страшная сила пола» и власть природной «утробности» в бунинской героине оказываются сильнее и могущественнее нравственного начала. «Ужасное» побеждает. Вполне возможно, что далее она уже «имеет многочисленные связи»⁵⁰. Оля Мещерская становится женщиной-искусителем и для гимназиста Шеншина, и для казачьего офицера. И. Ильин достаточно обоснованно и убедительно утверждает:

«Бунин созерцает преимущественно слепую власть инстинкта, его разрушительные порывы <...> Все проблемы борьбы с инстинктом, возникающие из чувства стыда, запрета и отвращения, все проблемы его обуздания, одоления, укрощения, одухотворения, духовного осмысления и оправдания — остаются чуждыми его искусству»⁵¹.

5.

С. Бройтман (1937–2005) и Д. Магомедова вслед за О. Сливичкой обратили внимание на «одну композиционную странность» произведения Бунина: «...в этой маленькой новелле около трети текста посвящено классной даме — эпизодической героине, появившейся внезапно и как будто немотивированно уже после завершения фабулы, а потому „излишней“ с точки зрения традиционной „художественной изобразительности“. Какую она, однако, играет роль в неклассической поэтике рассказа?»⁵²

Можно все же уточнить: фрагмент с классной дамой занимает ровно пятую часть рассказа. В критической литературе об этом персонаже есть совершенно разные высказывания: «Классная дама — это просто еще одно жизненное явление» (О. Сливичкая); это «сентиментальная дура» (А. Жолковский); ее «судьба обнажает духовное убожество, царящее в уездном городе»⁵³.

Концептуальную трактовку образа классной дамы, связанную с природой и смыслом бунинского творчества, предложил Л. Выготский: «Эта классная дама <...> вдруг придает совершенно новый смысл и тон всему рассказу. Эта классная дама давно живет какой-нибудь выдумкой, заменяющей ей действительную жизнь, и Бунин с беспощадной безжалостностью истинного поэта совершенно ясно говорит нам о том, что это идущее от его рассказа впечатление легкого дыхания есть выдумка, заменяющая ему действительную жизнь»⁵⁴.

В начале рассказа классная дама упоминается только один раз при характеристике Оли Мещерской («...она способна, но шаловлива и очень беспечна к тем наставлениям, которые ей делает классная дама»), а в концовке она неожиданно выходит на первый план. В чем же глубинный смысл этого образа и как он соотносится с авторской позицией?

⁵⁰ Шербенок А. Деконструкция и классическая русская литература. М., 2005. С. 115.

⁵¹ Ильин И. А. Указ. соч. С. 216, 220.

⁵² Бройтман С. Н., Магомедова Д. М. Указ. соч. С. 572.

⁵³ Каплан И. Е. Анализ произведений русской классики. М., 1997. С. 101.

⁵⁴ Выготский Л. С. Указ. соч. С. 171.

Как мы помним, Бунин, пытаясь в разговоре с Г. Кузнецовой хоть как-то объяснить главный смысл своего рассказа, признает свою неудачу: «Впрочем, не знаю». Размышляя над природой художественного творчества, И. Ильин приходит к следующему выводу:

«...авторам-художникам далеко не всегда дано сознавать свое творчество <...> оно нередко бывает несравненно мудрее своего носителя <...> истинный художник <...> имеет пророческое призвание <...> через него прорекает себя созданная Богом сущность мира и человека. Ей он предстоит, как живой тайне Божией; ей он и служит <...> Художник воспринимает эту тайну на сокровенных путях, чаще всего недоступных и непостижимых для него самого <...> Мы призваны <...> самостоятельно постигать, что в нем явлено и сокрыто <...> То, что дает художник людям, есть прежде всего и больше всего некий глубокий, таинственный „помысел“ о мире, о человеке, о Боге, о путях Божиих и о судьбах человека и мира»⁵⁵.

Не углубляясь в теорию вопроса о проблеме автора в художественном произведении⁵⁶, я в «Легком дыхании» буду разделять «языческую» точку зрения **повествователя**, для которого природная красота Оли Мещерской в значительной степени отражает земной идеал, и **Автора**, выражающего свою позицию в христианском образе классной дамы. В рассказе соединяются художественный талант повествователя вообразить, «выдумывать» и изображать и Божий дар Автора к творческому созерцанию, вдохновению и духовному прозрению.

Если в начале рассказа читатель вместе с повествователем (который добросовестно передает городские «толки» об Оле Мещерской) слышит только, как «холодный ветер звенит и звенит фарфоровым венком у подножия креста», то затем он уже вместе с классной дамой как будто слышит молитвенный зов колокольного звона и тоже каждое воскресенье отправляется на кладбище на могилу Оли Мещерской.

*«Город за эти апрельские дни стал чист, сух, камни его побелели, и по ним легко и приятно идти. Каждое воскресенье, после обедни, по Соборной улице, ведущей к выезду из города, направляется маленькая женщина в трауре, в черных лайковых перчатках, с зонтиком из черного дерева. Она переходит по шоссе грязную площадь, где много закопченных кузниц и свежо дует полевой ветер; дальше, между мужским монастырем и острогом, белеет облачный склон неба и сереет весеннее поле, а потом, когда проберешься среди луж под стеной монастыря и повернешь налево, увидишь как бы большой низкий сад, обнесенный оградой, над воротами которой написано **Успение Божией Матери**. Маленькая женщина мелко крестится и привычно идет по главной аллее. Дойдя до скамьи против дубового креста, она сидит на ветру и на весеннем холоде час, два, пока совсем не заябнут ее ноги в легких ботинках и рука в узкой лайке. Слушая весенних птиц, сладко поющих и в холод, слушая звон ветра в фарфоровом венке, она думает иногда, что отдала бы полжизни, лишь бы не было перед ее глазами этого мертвого венка. Этот венок, этот бугор, дубовый крест! Возможно ли, что под ним та, чьи глаза так бессмертно сияют из этого выпуклого фарфорового медальона на кресте, и как совместить с этим чистым взглядом то ужасное, что соединено теперь с именем Оли Мещерской? — Но в глубине души маленькая женщина счастлива, как все преданные какой-нибудь страстной мечте люди».*

⁵⁵ Ильин И. А. Указ. соч. С. 54, 55, 56, 59, 194.

⁵⁶ См.: Смирнова Н. Н. Теория автора как проблема // Литературоведение как проблема. М., 2001. С. 376–392.

Точно в фокусе, в центре этого абзаца, находятся ключевые слова всего рассказа, как солнце, освещающие весь текст этого произведения и раскрывающие позицию Автора: «Успение Божией Матери».

В финале рассказа «Господин из Сан-Франциско», написанного в октябре 1915 года, «Матери Божией, кроткой и милостивой, с очами, поднятыми к небу, к вечным и блаженным обитателям трижды благословенного Сына ее», противопоставлен «Дьявол, следивший со скал Гибралтара, с каменистых ворот двух миров, за уходившим в ночь и вьюгу кораблем». Этот корабль, «многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем», является символом современной цивилизации, а управляет кораблем капитан, «грузный водитель, похожий на языческого идола».

В «Легком дыхании» дьявол прямо не назван в тексте, но, кажется, именно в его власти оказалась душа и природная красота падшей Оли Мещерской, красота, грозящая гибелью гимназисту Шеншину и погубившая казачьего офицера. Перед дьявольской силой «утробности», силой страшной, темной и стихийной, оказалась бессильна и беззащитна юная гимназистка, живущая вне Бога, на основе принципов вненравственного, природно-языческого начала. В результате «недунанья» и отрицания своей вины («Я не виновата») она как будто становится страшным орудием в руках дьявола. Как отмечает русский мыслитель и историк религии Л. Тихомиров (1852–1923), «никогда человек не погибает духовно иначе, как по собственной вине»⁵⁷.

Но чем счастлива классная дама? О чем она молится? Чувствуем ли мы ее боль, скорбь и радость, исходящие из глубины души и духа?

Каждое воскресенье классная дама ходит к обедне в церковь, а затем после храмовой литургии, соприсутствия Таинствам, молитвенного предстояния ико-не направляется на кладбище, на могилу Оли Мещерской, чей еще «чистый взгляд» сияющих глаз до грехопадения сохраняет фарфоровый медальон. Надпись над воротами кладбища напоминает нам о великом христианском празднике — Успении Божией Матери, завершающем весь годовой круг великих спасительных церковных воспоминаний. Этот день символизирует смерть как погружение в вечный покой и радость. Само слово Успение означает «тихий сон», успокоение от земных трудов и скорбей, а затем — пробуждение в вечную радость, в вечный день, где нет ночи, где небесные сферы наполнены сиянием и море света.

Классная дама, видимо, хорошо помнит единственную заповедь Божией Матери людям: «Что скажет Он вам, то сделайте» (Ин. 2, 5); верует, что Господь как и сам воскрес в теле, так и Ее воскресил и вознес с Собой; помнит, что Пресвятая Дева обещала, что пребудет всегда в молитвах за человеческий род; верует, что Она помогает особым образом: посредством Своих чудотворных икон; знает, что «поминование Пресвятой Богородицы всегда звучит на литургии»⁵⁸.

Для повествователя классная дама жила сначала одной «выдумкой, заменяющей ей действительную жизнь» («Сперва такой выдумкой был ее брат, бедный и ничем не замечательный прапорщик, — она соединила всю свою душу с ним, с его будущностью, которая почему-то представлялась ей блестящей»), затем — другой («Когда его убили под Мукденом, она убеждала себя, что она — идейная труженица») и, наконец, третьей, «страстной мечтой», «новой мечтой»: «Теперь Оля Мещерская — предмет ее неотступных дум и чувств». Но смерть Оли Мещерской помогает преображению души классной дамы, и для Автора она живет уже духовной мечтой о спасении

⁵⁷ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 2007. С. 61.

⁵⁸ Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2003. С. 501.

не только собственной души, но и грешной, падшей души убитой Оли Мещерской: «Пресвятая Богородице, спаси нас!»

Повествователь описывает двух героинь рассказа так, что Оля Мещерская, полностью подчиненная языческой стихии и живущая прежде всего природными инстинктами, вызывает у многих читателей только восхищение, любовь и жалость, а классная дама, даже не имеющая имени, — в большей или меньшей степени определенное неприятие. И это, может быть, связано с внутренней борьбой в душе Бунина двух ее половин — **языческой**⁵⁹ (природной, чувственной) и **христианской** (духовной).

Если для Оли Мещерской, вследствие падения утратившей «чистый взгляд» и ставшей «блудницей», и для разноликой толпы Соборная улица была всего лишь местом гулянья, то для классной дамы через Соборную улицу проходит еженедельный путь от храма к кладбищу, где над воротами написано «Успение Божией Матери». Фотография на кресте сохраняет и передает ангельский лик Оли Мещерской, с чистым взглядом бессмертно сияющих глаз. Радость и счастье классной дамы, которой не дано стать матерью, — от духа и предполагает торжество в человеке духовной силы созерцательности и самоуглубления. Наконец найдены истинная цель и высший, религиозный смысл человеческого бытия. Именно благодаря молитвам классной дамы, обращенным к Богородице, легкое дыхание убитой Оли Мещерской как будто воскресает и возвращается в божественную природу, созданную Творцом: «Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре».

«Легкое дыхание» Бунина для нас, читателей, является не столько эстетическим улажением души, ищущей отдохновения в необыкновенной «выдумке», сколько серьезным трудом миропонимания и несет радость очищения, углубления, прозрения, радость понимания того, что рассказ, специально написанный в марте 1916 года для пасхального номера газеты «Русское слово» и имеющий апрельское «обрамление» («Апрель, дни серые <...> Город за эти апрельские дни стал чист, сух, камни его побелели, и по ним легко и приятно идти»), действительно по духовному смыслу является пасхальным, отражающим в высших своих проявлениях православный характер русской литературы, спасительной и воскрешающей «мертвые» и грешные души.

⁵⁹ «Все специфически человеческое, все социальное, личностное или „духовное“ для язычества в принципе приравнено к природному <...> Этика язычества — это не этика свободного личностного выбора, а этика космического равновесия сил <...> Язычество понимает бытие в его человеческих и божественных планах как бесцельно прекрасную игру природы с живыми игрушками» (Аверинцев С. С. Собрание сочинений. София — Логос. Словарь. Киев, 2006, С. 523, 525).

Евгений БЕЛОДУБРОВСКИЙ

ВЛАДИМИР НАБОКОВ, ДЖОЙС, ПРУСТ И МАШЕНЬКА

Дорогая Машенька, ты только представь, Джеймс Джойс встретился с Прустом всего один раз, и то случайно. Они ехали в одном желтом или в черном такси, как попали в него (чья-то проделка) и откуда куда направляли свои стопы, никто не знает. То ли в Берлин, то ли в Париж, а то ровным счетом — наоборот... Всю дорогу молчали, как будто и незнакомы вовсе (скорее, да чем нет; так, Машенька в мои детские годы на мой вопрос: есть ли на свете Бог, отвечала моя Мама, твоя Бабушка). Оба — на заднем сиденье, Джойс — справа, по ходу движения. Пруст, естественно, слева (тут, как говорится, третьего не дано). Бок о бок, плечо в плечо (такси вам не лимузин с винным погребом и душем). Долговязый Джойс был во всем дорожном: парусиновая с пером шляпа (короткие поля, скаут) и в пенсне с притемненными стеклами Улисса, вельветовые брюки Финегана, как теперь у меня, только у меня в рубчик (твой подарок, Маша), и кажется, все! Пруст тоже не ушел далеко. На нем был черный, этакой сковородкой с большую обеденную тарелку сдвинутый чуть набок шерстяной колючий берет Свана с прилипшими к нему то там, то сям жухлыми лепестками боярышника и иной подобной живой и полудикой полевой флоры из кантона Комбре (такое лоскутное одеяло на макушке) и в тесной, выгоревшей на солнце блузе в цветной горошек и с короткими (видно, из экономии) рукавами, из-под которых торчали тонкие кисти его рук с костяшками пальцев в чернилах и в табачной крошке. Роднило их только одно: оба при вязаном галстуке бабочкой на резинке, только у Марсея — карнавального цвета, у Джойса — фисташки... Все так бы и шло себе, Машенька. Но вот вдруг зачем-то (в тесноте, да не в обиде) Джеймс Джойс открыл свое окно, Пруст машинально — свое (или — наоборот, кто первый — неважно пока), получился ни к селу ни к городу довольно противный сквозняк, тем более что шофер гнал свою «кобылу», и ветер вперемешку с листвой, тротуарной пылью, шумами шин, говорком улиц и прочими признаками жизни стремительно ворвался к ним в кабину и принялся там

Евгений Борисович Белодубровский родился в 1941 году в Ленинграде. Библиограф, член Координационного совета Санкт-Петербургского Союза ученых и Союза писателей Санкт-Петербурга, Русского географического общества, преподаватель литературы Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Окончил Литературный институт им. М. Горького в Москве. Печатается с 1976 года. Автор журналов «Новый мир», «Новый журнал» (США), «Октябрь», «Звезда», «Нева», «Русская литература», «Дантовские чтения», «Аврора», «Вопросы истории», «Байкал», «Уральский следопыт» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

гулять, нарушив сложившееся в кабине status quo. Джойс лишь что-то буркнул дублинское себе под нос, Пруст — машинально себе, сложив руки на острые колени и будто даже задремал (как-никак, на пару десятков лет старше Джойса). Машина дала резко вправо (или влево), ветер хлынул прямо в лицо Джойсу, и он уже был готов чихнуть прямо в рыжий с красным затылок шофера, но быстро справился, лето было в разгаре, на тротуарах и мостовых после дождя смолью блестя, словно выглаженный гигантским утюгом, асфальт, разлапая сирень (в Париже или в Берлине) в мигающих рассеянным светом и тенью в прогалинах играла откуда ни возьмись солнечными зайчиками: то ли в окнах крепких, плечистых, серого угрюмого камня фасадов доходных домов, стоящих в струнку вдоль вековых лип на Фридрихтрассе, то ли в серебристо-сиреневых фужерах на тонких ножках с аперитивом и горячими каштанами на подносах гарсонов, искусно фланирующих с этой поклажей на вытянутых руках между столиками прямо над головами зевак-экзистенциалистов и завсегдатаев кафе в Люксембургском саду. Там и там царил полуденная дымка. Веерно и бесшумно на теплом ветерке падали к ногам и за воротники горожан обоих столиц надменной Европы (которая так пока и не закатилась по назойливому предсказанию Шпенглера) кому белые и сизые лепестки той самой нежной, белой с голубым глазури парижской сирени, а кому — классическая, вся в жилках и прожилочках в глянец — усталая липовая листва берлинских окраин и белесый игривой сединой пух. И там и там — мотыльки и хризантемы. Однако вся эта симфония не в счет, оба невольных соседа, оба седока и их шофер и в ус не дуют или, сказать точнее, «держат марку». Но вот впереди — вокзал (или станция метро). Шофер машинально сбавил скорость, приближаясь к стоянке (будто знал, что писатели-романисты больше всего на свете любят вокзалы и поезда), и оказался прав. Первым решил покинуть невольное узилище Джойс. Он дружески дал знак шоферу (дружески — ибо поросль на его затылке, как было сказано выше, была цвета самых породистых красных ирландских сеттеров и национальных цветов пабов Дублина) и стремительно, по-спортивно (велосипед — коронный транспорт скаута) выбрался на свет божий, распрямил косточки, поправил съехавший было набок фисташковый галстук-бабочку, вынул из висевшего на ремешке кожаного мешочка кресало, трубочку с табачком и уже через минуту-другую, сладко затянувшись, выпустил в атмосферу привокзальной площади первые привольные колечки душистого табака: жизнь прекрасна... Но вот ужас, Машенька, несколько этих самых голубовато-дымчатых веселых колец-колечек один за другим этой живописной спиралью по ветерку топ-топ-топ скопом полетели в кабину такси с оставшимся там, задремавшим было на своем месте великим провидцем стариком Марселем Прустом... Джойс был сильно смущен таким кульбитом и, сложившись чуть ли не вчетверо, сунул нос в кабину и начал что-то бормотать извинительное... Но Пруст даже глазом не моргнул (оба романиста — курильщики, не в том суть «момента»), уловив паузу, когда Джойс, перестав бесполезно махать руками, пытаясь развеять гиблые останки сизого тумана, вылез наружу. Он стащил со своей макушки берет-сковороду, и тонкими пальцами в чернильных пятнах и табачном крошеве принялся кропотливо медленно снимать с его мохнатой поверхности роем прилипшие сухие лепестки сирени, жимолости, шиповника, крылышки мотыльков, бабочек, божьих коровок, поблекшие останки поседевшего дикого клевера, душистого горошка и тому подобный вздор (что я говорю, не вздор, а сор, да-да, Машенька), и почти каждое в отдельности крылышко, соринку-пылинку-травинку и прочее подносил к губам, и с воздушным поцелуем на прощание (а зачем иначе) выпускал на вольный ветер привокзальной площади. Но и Джойс, Машенька, не был бы взаправду Джойсом, если бы не понял и не оценил особенного смысла этой

метафоры. Он, как жонглер на арене цирка или как теннисист на корте, завертелся над этой арлекинадой, заполонившей, казалось, с полнеба в попытке поймать хоть частичку, хоть тычинку, сухую травинку, колючий стебелек можжевельника или корявый корешок татарника, короче — хоть что (узнал-таки, я думаю, наконец бродяга Джойс в этом густо-чернобровом с пробитым сединой пробором пожилым французе автора романов об утраченном и обретенном времени и о девушках в цвету)... И счастье привалило Улиссу: один остроконечный, желто-коричневый с малиновым отсветом по краям и еще почти живой крохотный листок дикого полевого подорожника мирно (как будто чуть зазевался) сел ему на шляпу. И там на секунду-другую до нового порыва ветра замер. Джеймс, дабы не спугнуть фортуна, бережно снял шляпу и, поклонившись вслед уже укатившему с Марселем такси, двумя пальцами ухватил бесценную поклажу и столь же бережно, почти не дыша, уложил ее в самый потайной кармашек портмоне. Теперь он в музее... Как скажем навскидку:

волшебное гусиное перо
 Гёте
 подарок Жуковского
 Пушкину
 тюлевый абажур от настольной лампы Тургенева
 из Спасского-Лутовинова
 брошь, булавка и
 наперсток
 Полины Виардо — Гарсиа Мишель
 табакерка с землицей с могилы
 Лермонтова
 обрывок прощального письма
 и Евангелие покинутой жены Герцена
 Наталии Захарьиной;
 вытертый ломберный жетон
 Достоевского
 и гребешок
 Анны Григорьевны
 с двумя нечаянно
 ею же
 (вот грех-то был, ведь подарок мужа на свадьбу) сломанными зубчиками
 штуцер, выигранный у фон Бисмарка
 Некрасовым в бридж
 туфелька Анны Павловой
 кольцо Бальзака от Море (Апраксин двор, угол Садовой, № 33)
 для госпожи Ганской
 отравленная туника
 Гумилева и его
 крокодиловой кожи портсигар,
 сохраненный в ГУЛАГе
 поэтессой Идой Наппельбаум
 перышки от шляпки
 Арбениной фон Гильдебрант;
 пуговица от холодного пальто

Надсона
грубая холщовая блуза
и
толстовка и
отдельно —
(в другом музее) румяный сапожок
ручной работы
Льва Толстого
дужка от очков и сахалинская фляга
Чехова
«гишпанская» шаль и кимоно Анны Ахматовой
брызги шампанского
Игоря Северянина
живая кусачая блоха-недотыкомка Сологуба
ярославская косоворотка и кашне
поэта
Михаила Кузмина
запонки сандалового дерева с анаграммой
«поэт К. Б.» и египетские чуни
Бальмонта
пробковый шлем Киплинга
трость с борзой на запястье
Сергея Рахманинова,
переданная Михаилу Чехова
в Голливуде
рейсшина и циркуль писателя — корабела Евгения Замятина
посмертный окурочок
Александра Блока
алфавитная
телефонная книжка на одном
гвозде с вырванными страничками
Зощенко
тенишевский брелок — значок
Осипа Манделъштама
да
две тубетейки —
одна с Максима Горького
другая с Андрея Белого
и, наконец,
серый в крапинку твидовый пиджак
(самое заветное),
галстук, бабочка, сачок-рампетка
шахматы Лужина и ботинки со шнурками
Владимира Набокова
и
так далее
и
так далее
и
так далее,

как любил заканчивать скороговоркой, такой пулеметной очередью, на полуслове Иосиф Бродский лекции о Баратынском и Осипе Мандельштаме (перехватывало дыхание от восхищения и зависти).

Но вся штука в том, что, ни Пруст, ни Джойс, каждый со своей колокольни, даже не вспомнили об этом randevу (с Марселя нечего взять, он просто взял и умер в 22, но Джойс-то его пережил почти на 20 лет, а туда же...). Разве что тот шофер с краснорыжим затылком мог, да и тот бяка, смолчал (правда, таксисты чисто по жизни не могут упомнить всех своих пассажиров, кроме тех, кто не платит, дерется, лезет под колеса, а тут совсем смиренные, вроде сели вместе, а как чужие...).

«Так-то оно так...», как с укоризной и сомнением говаривал, встречая гостей, подняв палец к небесам, один из героев гоголевской «Женитьбы», но то, что не довелось сделать тем троим лентяям, усек и сохранил на века (для истории мировой литературы) Владимир Набоков (Вл. Сирин), хотя не был и не мог быть живым свидетелем этого суаре. Так в письме к жене от 24 февраля 1936 года из Парижа в Берлин он сообщает: **«Джойс встретился с Прустом лишь однажды, и то случайно. Они ехали в одном такси. Джойс закрыл окно, а Пруст его открыл, после чего они едва не поссорились. В общем, тоска... Абстрактные каламбуры, глагольный маскарад, тени слов, болезни слов...»** (курсив — наш!).

Вот и весь сказ (вот вам, товарищи-господа биографы, и карты в руки: пишите, рядите, ищите великие смыслы в этом во всем)... Но отнюдь не вся сказочка.

Для начала вернемся к тому письму и прочтем всю тираду, полную словесной мишуры и камешков до конца **«...в результате остроумие закатывается за смысл, и пока оно медленно движется к закату, небо потрясаясь красиво, но потом наступает ночь»**). Не слабо, не правда ли, звучит гаденько... Но Набоков (а мы нынче много чего о нем знаем, с ретушью и без; есть даже наука «набоковедение», подобно науке о Булгакове, гении Платонова, Данииле Хармсе, Гумилеве... и она процветает, и быть по сему: Набоков (огромное соблазнительное пространство, всем места хватит) не был бы Набоковым, если бы именно к этому вполне реально имеющему место быть факту (решительно, надо полагать, пока ничего не решающего в судьбах и творчестве Пруста и Джойса) не дал себе разгуляться, ежели б он лишил себя возможности здесь покуражиться, подпустив к сему почти телеграфному тексту словесного яду, дымку, иронии, отсебятины, не снизил все на градус ниже, хотя (повторим) он не стоял даже близко к той машине, не открывал дверцы кабины, помогая втиснуться обоим мэтрам в кабину, не «видел теней слов», не пробавлялся с ними «каламбурами» «до заката» (на что, сказывают, Набоков был великий мастер) и уж тем более не мог слышать их перебранки за игрой с окнами, попутным ветром и пылью (невзирая на то, что Набоков был необыкновенно зорек от природы и «оттопырен ушами» со школьной скамьи)... Да и вообще был не там — географически. То есть, надо понимать, вся эта лирика, скорее всего, с чужих слов, сплетня завидующих литераторов-поденщиков, байка болтливых репортеров, ожидающих приема в гардеробной редакции берлинского «Руля», где поэт Вл. Сирин был в те годы постоянным автором, благо отец один из главных редакторов). С другой стороны, было бы ошибкой весь этот «глагольный маскарад» (больше относящийся к нему самому) отнести (просто отдать на откуп) больному самолюбию, ревности и тому подобным (не самым светлым) чертам характера Набокова, действительно частенько проявлявшим себя в отношении братьев-писателей (невзирая на лица и эпохи, кроме кучки друзей и однокашников) да и просто как к писателю-

одиночке... Нет, нет и нет, здесь все, что называется, «по делу», не лиха хватил Сирина, а наоборот, мог бы и похлеще и покруче вдарить... Дело в том, что буквально накануне столь ожидаемое, столь чаемое Набоковым личное свидание с великим стариком Джойсом в Париже по какой-то пустяковой невразумительной причине и безалаберности его друзей-французов или кого-то еще стороннего-постороннего о т м е н е н а (курсив наш!) и чуть ли не в последний момент и впрямь (биографы скажут подробнее и точнее, не в том суть момента) не может состояться (Джойс, кажись, вот-вот покидает Париж, Сирина уматывает к жене и к сыну в Берлин, в мире неспокойно, надо быть ближе к семьям)... Ну скажите на милость, разве нет здесь причины досадовать, раздражаться и кусать кулаки (да и не только Набокову, любому писателю на сто рангов ниже). Но скажу больше (внимание, внимание, внимание), что в этой утраченной встрече с Джойсом Набоков видел себя (держал) рядом с ним не иначе и ни больше ни меньше как за Пруста... И не молчаливым собеседником, а на равных и (утверждаю) имел-таки все права на эту претензию хоть на миг, которому не суждено повториться. Вот смотрите: к 1936 году в багаже Набокова-Сиринина, в его «послужном списке» было аж семь романов. И каждый — событие, нарушающее спокойствие, и не только в русском мире. Особенно после того, как на прилавки Европы вынесен свеженький, вот-вот покинувший печатный станок Ульштейна (уже заранее объявленный и частично печатаемый в русской периодике) роман Сиринина «Приглашение на казнь». Теперь-то уж вся наиболее авторитетная критика и публицистика настойчиво, упрямо (и — назойливо) дошла в своей похвальбе до пароксизма и видит в писаниях Владимира Сиринина прямого преемника Джойса и Пруста (можно даже вместо «и» дать тире), и в первую голову только их двоих (как сиамских близнецов, разве что меняя местами)... И только вслед за ними, да и то с оглядкой, называют Бунина, Алданова, Шмелева, Газданова (эта канитель продолжается и поныне). Так что, Машенька, Сиринину было от чего съехать головой, возомнив себя хоть на часок-другой Марселем Прустом, и, повторяю, на равных посудачить (перекинуться) с Джойсом о судьбах мировой литературы и самой Европы. Ан нет, фортуна изменила счастливицу, а нам остается только бить себя в грудь и печалиться, что из-за этой досадной неувстречи мы навсегда лишены рассказа (живого свидетельства из первых рук) о Джойсе, могущего быть написанным одним из самых тонких, точных, зорких, цепких и счастливо ревнивых вспоминателей-мемуаристов, каким был страстный поклонник и слуга Мнемозины Владимир Набоков.

Теперь, Машенька, я должен в двух словах (к сожалению, у меня так не получится) рассказать тебе (и читателям), зачем весь этот «сыр-бор-сор» и почему я пустился, как сказал бы Набоков, в этот «тусклый путь», да еще прихватив с собой Джойса, Пруста, Набокова и тебя!

Все до крайности — просто.

В Нью-Йорке, на острове Манхэттен, почти в самом центре на Юнион-сквер стоит огромный шестиэтажный книжный магазин — супермаркет (это почти рядом с «Домом Альберта» что углу 5-й авеню и 10-й, где я жил; декабрь 93) с эскалаторами, лабиринтами лестниц, ресторанами, диванными залами, детскими площадками и так далее, работающий с раннего утра и почти до полуночи. Каждый этаж имеет свое амплуа. Первый — детские книги и игрушки, второй — взрослые книги, классика и прочее, третий — техника и наука, четвертый — ноты, плакаты, карты, афиши, календари, пятый — кинотеатр и мультики... И вот наконец шестой, мой любимый... Здесь на полу, на диванах, стульях, скамьях, подоконниках, кто на чем, сидят, едят свое, спят, болтаются, милуются, рисуют друг друга, читают, пишут, ходят, из угла слоняются, говорят про себя и вслух американские люди весьма

разнообразной возрастной, социальной и этнографической принадлежности и хватки (точь-в-точь как в витринах на первом этаже нашего Музея этнографии и антропологии на площади Искусств, у Русского музея, любимого места, плюс Мойка, 12, моей школьной безалаберной жизни), время от времени пробавляясь волонтерским чаем из больших черных термосов с зелеными крышками. Они стояли на деревянных лавках посреди зала, как солдаты на вечерней поверке, и у каждого термоса целая живописная баррикада чистых бумажных стаканов и салфеток с анаграммой магазина. Но самое интересное, Машенька, здесь — стены. На них под самым потолком и почти до середины и по всему периметру на вас снисходительно (сверху-вниз) смотрят живые подлинные характерные живописные лики (головы) классиков мировой литературы и поэзии от античности до наших дней, исполненные раскидистой цветной пастелью работы, должно быть, талантливейшим художником-копиистом, взятые им с обложек хрестоматий, энциклопедий, открыток, почтовых марок, календарей...¹ И все это в полном беспорядке без попытки хоть какого-то табеля о рангах... Чудо юдное, загляденье... Причем в таком же броуновском движении «крестословицей» (термин, изобретенный Набоковым) даны, начертаны мелким прыгающим бесом их имена, у кого сбоку, у кого поверх головы, то вкривь, то вкось, то налезая друг на друга, глаза разбегаются, и уши вянут...

Вот выглядывает из-за чьей-то спины наш Антон Палыч, зачем-то несправедливо лишенный классического румянца и пенсне на тренькающих дужках... Невдалеке Лев Толстой в толстовке и в сапогах через плечо, Шекспир в камзоле, его «неприятель» строгий Бернард Шоу, Хаксли, Оскар Уайльд, Хэм, Акутагава Рюноске, Омар Хайям в тюрбане, Салман Ружди, Мопассан, Мориак...

И
так далее
и
так далее
и
так далее...

Робкие таким крапом теснятся (как колода карт) плечо в плечо, бок о бок, кто в чем и как: в профиль, вполоборота или анфас, а то и прямо лицом к лицу и что-то у нас вопрошают, о чем-то шепчутся между собой. А народу праздного вокруг пруд пруди... Во все глаза блуждают глазами, тычат пальцами, гудят, особливо ретивые лезут на стенку, поближе, со стула, другой приволок откуда-то лесенку и, забравшись на нее, толстым фломастером пририсовывает какой-то даме с узким лицом усы и пуговичку груди, кто-то фотографирует хохочущую на всю ивановскую компанию под портретом укоризненно смотрящего на мир слепого Гомера.

А вот и наш Набоков с Большой Морской, 47. земляк (я, Машенька, родился в двух шагах, через дорогу, на набережной Мойки, угол Невского, мы там недавно с тобой были, в нашем дворе)... Правда, сначала усек подпись: «Nabakoff» (букковки потолще и в линию, а не прыгом-прыгом...). А вот и сам лик... И диву дался: медведь, прямо зверюга, меховая шапка-ушанка, треух, тулуп, крестьянский нос, пермяк солены уши... Весь коричневый, взгляд горький, сумрачный, угрюмо-тоскливый, смотрит в сторону, как с бодуна, но узнаваем на все сто; дворянской косточки ну ни на йоту, шиш... Ничего себе, встретились где, а? (Я же в Нью-Йорке не за здорово живешь; я торчу днями в Публичной библиотеке на 42-й угол 5-й авеню и корплю над рукописями и черновиками Набокова-переводчика

¹ Совсем недавно Машенька нашла в Интернете имя этого оригинального и, оказывается, весьма известного художника. Его имя — Гэри Келли (Gary Kelley).

«Евгения Онегина», тогда чуть ли не первый.) А рядом-то кто-с, спросите вы? Вот вижу под боком смурного Набокова седобородого Уитмена, над ним — Шелли, дальше — длинношейная Гертруда Стайн с брошью и Хемингуэй с винчестером... Но где же скажи, Машенька, мои сиамские близнецы, мои пилигримы, неужто пропали, где ж им быть, как не в этой компании (это то же самое, как если бы из галереи героев 1812 года в Эрмитаже на набережной Невы вдруг выпали Багратион и Барклай единовременно). Шарю глазами по стенке, рябь в глазах, толкаюсь, бегаю от портрета к портрету, от угла к углу, от физии к физии как оглашенный (уверен, окружающие празднующиеся меня вполне могли принять за безумца, на мне финский светлый плащ-балахон с вечно болтающимся по полу ремешком, на который все наступают и извиняются; как раз в этот год американский президент своей волей распорядился выпустить небуйных больных из соответственных учреждений домой)...

И счастье мне привалило: вот они: очкарик Джойс в зеленой шляпке с перышком набекрень; Пруст тоже недалеко ушел, худосочный, чернявый (зачем-то в медальоне), с горящим печальным взглядом и на макушке беретик с помпоном. Правда, далековато от Сирина, как говорится, днем с огнем не сыщешь, но как говорил Твардовский: все же, все же, все же...

Вернувшись домой, я рассказал (и показал фотографию настенной панорамы с Набоковым, и с Джойсом-Прустом, и с К^о Наталье Ивановне Толстой, горячей поклоннице Набокова, одной из первых в нашей стране исследовательнице его творчества и биографии (несколько лет она была в переписке с сестрой писателя, Еленой Владимировной, и гостевала у нее в Женеве, я тоже был одарен дружбой с Н. И.). Слушая мой страстный рассказ, Наталья Ивановна строго заметила, что, мол, будь она на месте художника, она бы, по справедливости и по факту, Марселя Пруста нарисовала чуть ли не в обнимку с Набоковым (вместо Гертруды) и обоих в связке с Джойсом... И что, по ее мнению, Набоков — поэт, романист, провидец, художник слова, творец — был ближе всех именно к Прусту, боготворил его, и внутренне — тоже, хотя отмахивался от него и очень злился, негодовал на близких друзей, критиков и энтузиастов-биографов, но вот зато рядом с Джойсом (в сравнении) чувствовал себя вполне комфортно, не бесился и даже (внимание, внимание, внимание) **горел желанием** с ним (с Джойсом) встретиться... И даже возможность такая была, но не случилось... И если вам (то есть мне, тогда лишь празднующемуся в этом пространстве) интересен этот сюжет (а он стоит того), прежде всего обратите внимание, как глухо и осторожно упоминает об этой невстрече Брайан Бойд в своей попытке биографии Набокова.

Я все запомнил — до времени.

И такое время пришло (спустя шесть лет). Я вновь в Нью-Йорке, в выходной, в том же магазине, на шестом этаже. Все на своих местах: медведь Набоков, Шелли, Стайн Гертруда Федоровна (тут, может быть, Машенька и нет ошибки: ее бабушка вполне могла быть батрачкой из Перми, это же — Америка); кое-кто из бывших смылся с глаз долой, исчез со стены, и на пустых местах вместо портрета метка-таблетка: «The portrait is removed on restoration»... Кое-где появились трещины, прогалины... С тревогою ползаю глазами дальше и смотрю: ба! Ба! Батюшки светы: праздник, праздник, праздник (как цадик, возвещающий у ворот синагоги, или, как Репетиллов, увидев Чацкого...)... Ба, как я сразу не заметил: вона они обои (два в одном), оба пилигрима-седока (избежали-таки restoration): Пруст в своем слегка потускневшем медальоне и сам Джойс в шляпе, очки — мимо. Но благодаря просветам, блошиным пятнам на стене и оскудевшей штукатурке кто-то заботливо, почти без потерь перетащил на чистое место и нос к носу прямиком к Набокову, свидание состоялось. Я был счастлив,

то есть
status quo,
о котором мечтала Наталья Ивановна,
восстановлено,
что и
требовалось
доказать,
и
так далее
и так далее и так далее
Одно пока так и остается тайной —
о чем они говорят
теперь...

Ну а уж потом, очухавшись от чуда (еще в Нью-Йорке, в Публичной библиотеке, угол 42-й и 5-й авеню), я открыл биографию Набокова профессора Брайана Бойда, отыскал выписку из того письма Набокова к жене от 24 февраля 1936 года...

И пошла-поехала гулять моя фантазия.

Вот привокзальная площадь (то ли в Париже, то ли в Берлине), цветущее небо, сирень, такси, мотыльки, утварь, Пруст в берете, рукава его манишки, Джойс в очках, лакированные стальные ручки для поднятия стекол в кабине, подушки сидений, сквозняк, затылок шофера (назовем его Даниэль Дефо), ветер в Люксембургском саду, стриженный газон на Унтер-дер-Линден, газонокосилка фирмы «Voch», повсюду яркий цвет боярышника, дождь, сухие головки хризантем, кресало-оселок в заднем кармашке Джойса (откуда я взял это, вообще бог весть, но красиво), бегущий ирландский сеттер красной масти, лучики и солнечные зайчики, прыгающие из прогалин аллея то ли Берлина, то ли Парижа (третьего не дано, по летописям их биографий на тот миг жизни), и наконец вот и он — карнавал целебных трав и чернильной мишуры, якобы затеянный Прустом, ловкость скаута и догадка великого Джойса (и моя — кстати)

и
так далее и так далее
и так далее

довели всю эту картину до абсолютной подлинности и реальности...

Евгений Белодубровский
2016

«Literature was not born the day when a boy crying „wolf, wolf“ came running out of the Neanderthal valley with a big gray wolf at his heels; literature was born on the day when a boy came crying „wolf, wolf“ and there was no wolf behind him. Style and structure are the essence of a book».

«Литература родилась не в тот день, когда мальчик с криками „волк, волк!“ выбежал из неандертальской долины, преследуемый большим серым волком. Литература родилась в тот день, когда мальчик с криками „волк, волк!“ выбежал, но никакого волка за ним не было. Стиль и структура — суть книги». Владимир Набоков. Лекции по литературе (перевод Марии Белодубровской).

Татьяна УШАКОВА

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ В ИНТЕРНЕТЕ: РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ВЗГЛЯД

Имя Николая Степановича Гумилева (3 (15) апреля 1886 — 26 августа 1921) сегодня уже вряд ли ассоциируется только с «возвращенной», запрещенной литературой. Его поэзия прекрасно издана, биография в общем и целом восстановлена (историком А. Я. Разумовым была установлена даже точная дата расстрела поэта), а творчество активно изучается — с самых разных ракурсов: от его связей с мистическими культами до православных толкований и тонких теоретических наблюдений над природой акмеизма. Время информационного голода миновало, поэзия как поле для профессиональных интерпретаций освоена, а между тем эпоха Серебряного века уходит в прошлое все дальше, переосмысливаясь поколениями и все больше обрстая и «новой мифологией», и сухими фактами, в равной степени формирующими образ поэта.

Спустя 130 лет со дня рождения поэта, 95 лет — после смерти и четверть века после «возвращения» его имени можно говорить не только о литературоведческом осмыслении творчества Гумилева, но и об устойчивых читательских стереотипах, иногда абсурдных, а иногда не менее интересных, чем стереотипы научные. Именно наблюдениям над тем, как воспринимается образ и поэзия Николая Гумилева современными читателями, в том числе читателями за пределами России, и пойдет речь в этой статье. Мы остановимся на некоторых деталях восприятия поэзии русскоязычными и англоязычными читателями.

Современными российскими издателями и авторами популярных онлайн-статей образ поэта чаще всего подается через перечисление устоявшихся формул. Николай Гумилев — это «путешественник, участник этнографических экспедиций в Африку», «бесстрашный воин, боевой офицер, кавалер Георгиевского креста», «поэт чести и высокой судьбы», «мистик», «мыслитель, поэт-философ», «теоретик акмеизма, учредитель знаменитого „Цеха поэтов“» и «поэт, попавший под безжалостный каток советской идеологии, расстрелянный как соучастник антиправительственного заговора». Чуть реже о нем говорится как о «тончайшем лирике». Искушенному читателю эти распространенные характеристики могут показаться трюизмами, однако любую из них очень сложно исключить из биографии Гумилева. Другой вопрос — насколько соответствуют они непосредственным впечатлениям от его поэзии?

Один из объективных показателей того, как воспринимается творчество, — это круг востребованных текстов, то есть в данном случае — круг стихотворений,

Татьяна Андреевна Ушакова — кандидат филологических наук, специалист в области поэзии Серебряного века и лингвокультурологии. Автор ряда научных и учебных книг и многочисленных статей по поэзии Серебряного века, онтолингвистике, переводоведению, проблемам детского билингвизма. Живет в Иванове.

которые действительно читаются, цитируются, упоминаются, исполняются. Это могут быть также тексты, которые вызывают у читателей желание перевести их на другой язык, положить на музыку, обыграть, написать на них пародию. Насколько устойчивы предпочтения читателей? И насколько соответствует их выбор образу поэта, формируемому сопроводительными текстами и расхожими формулами? Какая из принятых характеристик поэта наиболее близка современным поколениям?

Разумеется, на читательский выбор могут повлиять самые разные причины, в том числе лежащие за пределами эстетики: случайные, навязанные, бытовые. Скажем, одна из знакомых мне семей была влюблена в несколько северных рассказов Джека Лондона, объединенных под одной обложкой, и просто не знала (!) о существовании в собственном доме многотомника, стоящего на нижней полке книжного шкафа. На выбор стихотворений Гумилева и на степень их популярности может повлиять и то, какие тексты стандартно изучаются в школе, и то, какие из них исполняются популярными исполнителями, и то, какие из них вообще попадают в поле зрения. Однако статистика «больших чисел» говорит о том, что выбор читателей довольно устойчив и не случаен.

Круг текстов, публикуемых в русскоязычной сети в качестве «избранных», а также упоминаемых в качестве «самых любимых», довольно широк — около полутора сотни стихотворений встречается на оригинальных страницах Интернета, стабильно повторяясь. Таким образом, если иметь в виду читателей, знакомящихся с творчеством поэта не по бумажным изданиям и объемному собранию сочинений gumilev.ru, то и в их поле зрения попадает внушительный список текстов, то есть и у них есть возможность выбора. Именно поэтому можно с определенным доверием относиться к списку наиболее часто встречающихся и упоминаемых текстов, количественно доминирующих в сети.

Таковых стихотворений мне удалось выявить 24. Этот список не претендует на законченность, может уточняться и оспариваться, меняться в зависимости от методики его выявления, однако и в таком виде он довольно любопытен для изучения читательских приоритетов. Так, например, среди этих стихотворений нет ни одного, которое бы входило в самый первый сборник «Путь конквистадоров» (1905) — хрестоматийное «Я конквистадор в панцире железном...» встречается в сети довольно часто, но в «шорт-лист» все-таки не входит. Нет в этом списке и стихотворений из сборников «Колчан» (1916), «Фарфоровый павильон» (1918) и «Шатер» (1921), традиционно ассоциирующихся с акмеистическими текстами и с текстами «поэта-путешественника» и «поэта-воина».

Вне конкуренции оказывается знаменитое и пленительное стихотворение «Жираф», ассоциирующееся и с поэтом-путешественником, и с «тонким лириком». Количество его упоминаний, пожалуй, сопоставимо с количеством упоминаний всех прочих стихотворных произведений Гумилева. Опубликованное в раннем сборнике «Романтические цветы» в 1908 году, это стихотворение вошло в золотой фонд русской поэзии. Показательно, что читатели нередко цитируют его с ошибками, то есть по памяти, а не только перепечатывая методом «копировать-вставить». Не менее показательны высказывания типа: «А мне нравится „Жираф“... „Ты сегодня особо печальна...“», также говорящие о том, что читатель сохранил именно непосредственное и живое эстетическое впечатление.

Притягательность стихотворения, видимо, объясняется тонким и нестандартным, чисто гумилевским противопоставлением мужского и женского образа. Героиня «Жирафа» отказывается «воспринимать» мир «далекого», но диалог между героями не может состояться не только по этой причине. Лирический герой оказывается бессилен перед миром женщины, не только она не слышит, о чем он говорит, но и ему

непонятны ее переживания. Для того чтобы понять их, нужно принадлежать тому же миру. Мир женщины обладает ценностью, непонятной герою, он остается для него закрытым пространством, недоступной загадкой. «Тайное» оказывается принадлежащим не романтизированному пространству далеких стран, а именно миру героини:

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вожда,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

Эмоциональный фон стихотворения, его стилистика не позволяют говорить о каком-либо «превосходстве» героя. Скорее, наоборот, именно женщина глубже и тоньше его, ему же не дано понять ее страданий, и все «романтические цветы» — лишь бессильная попытка пробиться туда, куда герою путь закрыт.

Во многом схожи с этим произведением стихотворения из «шорт-листа» «Заклинание» («Юный маг в пурпуровом хитоне...») (Романтические цветы, 1908); «Девушке» («Мне не нравится томность...»), «Из логова змиева», «Она» («Я знаю женщину: молчанье...») («Чужое небо», 1912), «Еще не раз вы вспомните меня...» (1917, не вошло в прижизненные сборники) и «Я и вы» («Да, я знаю, я вам не пара...») («Костер», 1918). В них так или иначе реализуется мотив «Жирафа», оказавшийся настолько притягательным для читателей. Всего их в этом списке шесть (или чуть меньше или больше — в зависимости от критериев распознавания этого мотива), то есть около четверти популярных произведений в определенном смысле «дублируют», продолжают или отчасти оспаривают «Жирафа».

Вообще 14 стихотворений (больше половины «шорт-листа») представляют собой то, что принято называть «любовной лирикой». Помимо «Жирафа» и других названных произведений, это такие стихотворения, как «Мне снилось» («Мне снилось: мы умерли оба...») («Романтические цветы», 1908); «Это было не раз» («Это было не раз, это будет не раз...»), «Вечер» («Еще один ненужный день...») («Жемчуга», 1910); «Отравленный» («Ты совсем, ты совсем снеговая...»), «О тебе» («О тебе, о тебе, о тебе...»), «Сон» («Застонал я от сна дурного...») («Костер», 1918) и «Слоненок» («Моя любовь к тебе сейчас — слоненок...») («Огненный столп», 1921).

К слову, шесть из этих 14 (ровно четверть из общего списка) Н. А. Богомолов, известный исследователь биографии и творчества Н. Гумилева, маркирует как имеющие отношение к Ахматовой, делая пометки в примечаниях: «По свидетельству Ахматовой, было обращено к ней»; «Анна Ахматова полагала, что стихотворение обращено к ней» и т. д. К этому будет интересно вернуться, когда пойдет речь о стереотипах англоязычных читателей, а пока отметим, что, видимо, наиболее близка читателям именно формула «тончайший лирик», нередко опускаемая издателями и авторами публицистических обзорных статей.

Если же говорить о верхней части списка, то есть о наиболее цитируемых произведениях, то за «Жирафом», значительно уступая ему по количественным показателям востребованности, следуют поздние стихотворения из «Огненного столпа», опубликованного в 1921 году: «Шестое чувство», «Память», «Слово», «Заблудившийся трамвай», а также одно из относительно ранних, посвященное В. Брюсову, «Волшебная скрипка» из «Жемчугов» (1906). Чуть уступают им «Капитаны» (настолько немного, что эту разницу возможно списать на погрешность исследования) из тех же «Жемчугов». Таким образом, основной блок наиболее часто цитируемых текстов можно отнести к ранним символистским и к поздним символистским — к тем, в которых, по выражению О. А. Клинга, символизм, «дремавший» в акмеистических стихах

Гумилева, вновь «проснулся». Любопытно, что читательские предпочтения еще раз показывают, насколько живой в поэзии Гумилева была именно символистская составляющая. В этом смысле формула «поэт-акмеист» вряд ли настолько актуальна для читателя, насколько ей придается веса в биографических и обзорных статьях и аннотациях.

Что касается формулы «поэт-воин» и «поэт, расстрелянный большевиками», то, видимо, единственное стихотворение из двадцати четырех, которое ассоциируется с этими образом, это «Рабочий» («Костер», 1918).

...Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит:
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит. <...>

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седую, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной...

Эти строки могут ассоциироваться как с образом воина, так и с образом погибшего от рук властей поэта.

В англоязычной зоне Интернета общий круг цитируемых и востребованных текстов значительно уже, что вполне закономерно и ожидаемо; отличаются и акценты в перечислении клише, через которые подается образ поэта. Если брать за скобки чисто переводные тексты, копирующие русскоязычную Википедию и прочие обзорные статьи, то бросается в глаза ряд типичных стереотипов. Насколько можно судить, они постепенно сглаживаются, уходят в прошлое, но все еще остаются очень актуальными.

В частности, за рубежом сохраняется традиция восприятия Гумилева как забытого поэта-мученика. Гумилев издавался на Западе тогда, когда в Советском Союзе он был под запретом, и сейчас яркость восприятия поэтов Серебряного века как «замученных» очевидна. В свое время это отразилось и на переводах поэзии Гумилева.

Ричард Маккейн, один из современных английских переводчиков русской поэзии, придерживающийся «буквализма» и в целом не допускающий в своих переводах «вольностей», предложил несколько неожиданный, но вместе с тем и вполне закономерный перевод строк «Жирафа» «Я знаю веселые сказки таинственных стран / Про черную деву, про страсть молодого вождя...» Слово «вождь» он перевел словом «a hero», «герой». Видимо, «вождь» Маккейна не из мира таинственных африканских племен, а из мира революций и восстаний. В переводах Ричарда Маккейна чувствуются отголоски его представлений о Гумилеве как о гонимом и расстрелянном русском поэте, героически жившем и героически погибшем в эпоху революции. Это представление накладывает отпечаток и на его интерпретацию биографии Гумилева. «Я бы назвал его поэтом, который выжил», — пишет переводчик в предисловии к книге своих переводов, имея в виду и душевные страдания Гумилева, и притеснения со стороны властей.

Однако сейчас речь идет не столько о тенденциях осмысления личности и творчества Гумилева западной русистикой, сколько о представлениях о поэте, бытующих в англоязычной зоне Интернета. Типично ли для англоязычного читателя связывать образ поэта с гражданским мученичеством, актуализированном в переводах

и выступлениях Маккейна? Или с акмеизмом, становлению которого в поэзии Гумилева посвящены известные в России работы Майкла Баскера?

Насколько можно судить по известным онлайн-изданиям, традиция восприятия Гумилева как мученически погибшего поэта была подхвачена англоязычной интернет-публицистикой, и эти представления нередко выражаются сетевыми авторами искаженно и гипертрофированно. Тенденции современной русистики и энциклопедические сведения умножены на пафос, сплетни, а зачастую и некомпетентность авторов и аккумулированы в формулах «Гумилев — защитник акмеизма, муж Ахматовой, жертва большевиков». Именно эти три составляющие образа наиболее часто встречаются в непереводных статьях.

Для сетевой мифологизации образа Гумилева особенно актуально третье клише — «жертва большевиков», оно часто доминирует даже в сетевых энциклопедиях: «Николай Степанович Гумилев — поэт, расстрелянный большевиками». Таково зачастую первое предложение энциклопедической статьи, дефиниция, то есть именно так подаются сведения, претендующие быть самыми важными и исчерпывающими. В англоязычной сетевой публицистике упоминания о репрессиях русской интеллигенции до сих пор считаются хорошим тоном и иногда доходят до курьезной прямолинейности: «Гумилев был расстрелян по приказу Ленина, Бунин был сослан в ссылку и не вернулся, Горький был сослан в ссылку и был убит сразу после приезда, Маяковский застрелился, чтобы избежать неминуемого ареста, Мандельштам умер в ГУлаге, Цветаева покончила жизнь самоубийством, Есенин вскрыл вены и повесился».

Второе клише — «муж Ахматовой» — востребовано в основном на форумах и в женских онлайн-дневниках. На этих страницах при цитировании стихотворений Гумилева об их авторе часто не сообщается ничего, кроме фамилии и того, что он был мужем Ахматовой. Для публицистики эта часть формулы тоже актуальна, и образ «Гумилева-мужа» сопровождают курьезы. В частности, на интернет-страницах часто контаминируются образы Гумилева-отца и Гумилева-сына: «Муж Ахматовой, Леон Гумилев, был перед революцией военным, в некотором роде героем, а также известным поэтом. Его <...> расстреляли большевики. В дальнейшем Ахматова стала любовницей поэта Осипа Мандельштама <...>, но он тоже умер в ГУЛАГе. Ее сын, Лев Гумилев, историк, также провел большую часть жизни в ГУЛАГе». Эта мифология вызвана скорее интересом к личной жизни Ахматовой, а не Гумилева.

Любопытно при этом, что русскоязычные читатели интуитивно выбирают стихотворения, которые Ахматова читала как посвященные себе (см. об этом выше). Хотя формула «Гумилев — муж Ахматовой» и не заявляется русскими авторами статей и аннотаций, она по-своему реализована в читательском восприятии.

Стоит отметить, что формула «Гумилев — защитник акмеизма» в англоязычной зоне чаще всего не распределчивается. Для англоязычного интернет-сообщества акмеизм, видимо, продолжает оставаться абстракцией. В некоторых публикуемых в сети профессиональных, а также близких к профессиональным статьях о нем говорится как о космополитическом направлении искусства начала двадцатого века: «Поэзия Николая Гумилева <...> олицетворяет собой дух космополитизма, переполнявший русское искусство перед Октябрьской революцией. Основатель и лидер акмеизма <...>, Гумилев использовал многие образы западного искусства, особенно искусства Франции». Однако для любительских статей о Гумилеве подобные представления не совсем типичны. В них в основном вообще умалчивается о сущности и природе акмеизма, а упоминание о нем чаще ограничивается в лучшем случае кратким энциклопедическим толкованием термина, не получающим развития в тексте статьи.

Вообще авторы интернет-публикаций часто позволяют себе теоретические вольности. В сети можно найти даже упоминание о Гумилеве как о сюрреалисте. Редактором

одного из печатных журналов, «Transcendental Friend», «Жираф» в свое время был прочитан как «сюрреалистический» текст и опубликован среди прочих стихов, в которых «эмоции или идеи воплощены в зооморфных образах».

Что же касается спектра цитируемых и популярных произведений, то исследование, аналогичное поиску самых «любимых» текстов в русскоязычной зоне, вряд ли сегодня может быть объективным. Как уже говорилось, круг публикуемых текстов довольно ограничен, поэтому причины «популярности» могут лежать слишком далеко за рамками эстетики восприятия и быть случайными. Однако одно все же можно сказать с абсолютной уверенностью: стихотворение «Жираф» читаемо, востребованно и любимо. Это самое переводимое и самое цитируемое в сети стихотворение, собирающее отклики читателей, ранее незнакомых с творчеством Гумилева. Судя по популярности этого стихотворения и по комментариям к нему на форумах и в блогах, Гумилев в восприятии читателей — это скорее поэт, пишущий стихотворения о любви, и путешественник, чем гражданский мученик. Таким образом, создаваемый мифологический ореол и непосредственное читательское восприятие сильно расходятся.

Что очень показательно, «Жираф» продолжает переводиться носителями языка, причем не только профессионалами, но и любителями, начинающими. Переводы последних очень любопытны с той точки зрения, что они отражают читательское восприятие.

Среди переводчиков Гумилева есть и носители русского, и носители английского языка, и разница их концепций перевода — это первое, что обращает на себя внимание даже при беглом анализе.

Носители русского языка стремятся передать в переводах ритм и рифмовку оригинала. Для них формальная организация стихотворения — это, в идеале, незыблемая основа стихотворения, все переводческие отступления и интерпретации лежат за ее рамками. Русскоязычные читатели при оценке существующих переводов Гумилева также в первую очередь обращают внимание на сохранение ритма и размера стихотворения. Например, посетителями форума на известном сайте о творчестве Гумилева gumilev.ru был в свое время высоко оценен профессиональный перевод Алексея Ткаченко-Гастева, и в числе первых преимуществ этого перевода было отмечено сохранение размера и ритма: «Отличный перевод! Сохранен полностью размер, ритм оригинала, количество строф, содержание, а главное — настроение, „атмосфера“! Можно прямо петь под ту самую мелодию, под которую исполняется это стихотворение на русском». В переводе Ткаченко-Гастева действительно мелодика оригинала воспроизведена с минимальными отклонениями. Переводчики-любители, являющиеся носителями русского языка, также стремятся максимально точно передать ритм и размер стихотворения, сохранить рифмы.

У носителей английского языка не такое однозначное отношение к сохранению размера и рифмы.

Р. Маккейн игнорирует и ритм, и размер, и рифмы и сохраняет лишь деление на строфы и строки:

From afar he is like the coloured sails of a ship.
His running flows like a joyful bird's flight.
I know that the earth sees much to marvel at
When he hides in a marble grotto at sunset.

Такое переводческое решение, по-видимому, продиктовано стремлением как можно более точно передать смысл каждого отдельного слова оригинала. При переводе Маккейн делает акцент на поиске эквивалента для каждого слова, выбирая именно слово, а не строку или строфу в качестве единицы перевода. По такому пути, например, шел, как известно, Брюсов при переводе «Энеиды». Сам Маккейн видит свою миссию в том, чтобы «передать слова одного поэта из одной страны читателю из другой страны». Эти переводы Гумилева практически не востребованы в сети читателями-любителями, а редактор художественных переводов Кристофер Мэтти-сон отмечает в своей рецензии: «Когда я читаю оригиналы стихотворений, для меня очевидно, что Маккейн отстаивает смысл каждой строки, но читать его переводы невозможно без постоянного желания заменить слова и поменять их порядок».

Другие переводчики не игнорируют формальную организацию стихотворения, но воспроизводят ее с большими искажениями для русского слуха; амфибрахий в нескольких текстах переводов имеет мерцающий характер, он то отчетливо слышен, то еле различим, то кажется, что он вообще пропадает, и строка звучит на первый взгляд аритмично:

From a distance he looks like the coloured sail of a ship,
And when running he glides, like the flight of a gleeful bird.
I know that there are a lot of miraculous things to see in the world,
When at sunset he hides himself in a marble grotto.

Третья строка в третьем четверостишии перевода Линдсэй Малколм на четыре слога длиннее оригинала, и о пятистопном амфибрахийе, кажется, не может быть и речи. Однако аритмично эта строка звучит только для русского слуха и если читать ее «по-русски». Для англоязычной поэзии характерна гиперметрия, поэтому в этой строке, прочитанной «по-английски», с редукцией «лишних» слогов стопы, сохраняется ритмический рисунок оригинала: U – (UU) (UU) – UU – UU – (UU) (UU) – . Англоязычные читатели предпочитают именно такие переводы, в которых размер воспроизведен «искаженно». В этом смысле особенно показателен случай, когда читательница создает свой вариант, «перемешивая» известные ей переводы и указывая в комментариях, что сделала это из-за того, что существующие переводы показались ей «слишком структурированными». «Перемешивая» строки из разных переводов, она добивается того, чтобы размер стихотворения был менее отчетливым.

Установка таких переводов – создание эстетически законченного произведения на английском языке. Цель этих переводов, в сущности, адаптация произведений русской культуры, снижение степени их «сопротивления». Востребованы в сети именно такие преобразованные переводы, что красноречиво характеризует сетевую читательскую аудиторию как стремящуюся получить живое, непосредственное впечатление от законченного произведения.

Размывание схемы стихотворения является тем преобразованием, нарушением, которое необходимо для адаптации стихотворения к «первому» эстетическому восприятию «не искушенными» в русской культуре читателями. Стремление англоговорящих переводчиков «обезритмить» и «обезрифмить» стихотворение продиктовано желанием сделать его более «похожим» на англоязычную поэзию, и массовый интернет-читатель выбирает те переводы, которые рассчитаны на «английский слух». Знакомство англоязычного интернет-читателя с поэзией Гумилева находится, видимо, на начальном этапе, том самом, когда есть опасность, по выражению С. С. Аверинцева, «превратить в собственном доме окна в зеркала», когда культуры видят друг в друге общее.

Видимо, по этой же причине судьба Гумилева, актуальная для русистов, «сетевым» сознанием может быть осмыслена только на языке «сетевой мифологии».

Однако интересно именно то, что эстетический выбор англоязычных читателей совпадает с выбором читателей Гумилева в России. Несмотря на то, что интернет-читатели слышат поэзию Гумилева «английским слухом», они слышат в первую очередь то же самое стихотворение, что и русские читатели. Для русского читателя отчетливая музыкальность стихотворения кажется незыблемой составляющей, без которой невозможно стихотворение, между тем и без этого четкого ритма стихотворение обладает неоспоримой притягательностью. Более того, «Жираф» Гумилева популярен и в совершенно неммыслимом, казалось бы, варианте: один из переводчиков перевел это стихотворение трехстопным ямбом:

Today you look so sad —
Arms thin around your knees —
Listen, way down in Chad
A gentle giraffe sways.

Как видим, англоязычные читатели, знакомые с «искаженным» вариантом «Жирафа», находят его таким же пленительным, как и русские читатели. В этом смысле совпадение читательских предпочтений можно считать своеобразным «тестом на принципиальную переводимость», доступность и востребованность поэзии Гумилева англоязычной культурой.

Несмотря на искажения в переводе, англоязычным читателям доступны те же самые, видимо, общеевропейские ключи к прочтению и пониманию русской литературы, какие доступны и русскоязычным читателям, и в своем восприятии поэзии Гумилева носители английского языка делают тот же первый шаг, что и читатели на родине поэта.

Вера ХАРЧЕНКО

«ИНЖЕНЕРИНГ» ЖЮЛЯ ВЕРНА

А речь пойдет о «взрослом» прочтении романа Жюль Верна «Таинственный остров»¹ и, соответственно, о некоторых актуальных проекциях, высветившихся при новом знакомстве с книгой.

Феномен возвращения к знакомым текстам касается в основном классической литературы, которая не преминет в очередной раз рельефно доказать высший класс своего содержания, одарив читающего неожиданно новыми смыслами. В этом плане «Таинственному острову» на первый взгляд не повезло.

Безусловно, это классическое произведение, но столь же безусловно, что произведение это относится к детской литературе. Ценность детской литературы прежде всего в занимательности. Надо как-то приохотить ребенка к чтению *любых* книг, но поначалу книг интересных. Между прочим, Ф. М. Достоевский признавался, что как писатель занимательность ставит превыше всего. Кстати, и Достоевский, и Лев Толстой, и Тургенев зачитывались романами Жюль Верна, не говоря уже о признании писателя такими учеными, как К. Э. Циолковский, Д. И. Менделеев, В. А. Обручев. Так что «детскость» Жюль Верна — это, скорее, прерогатива «коллективного бессознательного», то есть остаточного, всегда несколько искаженного, смазанного оценочного восприятия. Приведенные же фамилии приверженцев романа побуждают нас учитывать не только общедетскую, но и уникальную «точечную» читательскую аудиторию, то есть плодотворное, если не сказать чудотворное

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор, заведует кафедрой филологии Белгородского национального исследовательского университета. Автор более 500 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). В журнале «Знамя» в 2006 году опубликовала статью «Русский язык: бедность или богатство?». В журнале «Нева» печатается впервые. Живет в Белгороде.

¹ См.: Жюль Верн. Таинственный остров // Собрание сочинений в 12 т. Т. 5. — М., 1956. 656 с.

восприятие романа выдающимися писателями и учеными. Итак, повторим и подчеркнем: да не помешает и нам, во-первых, детская приписка романа.

Во-вторых, роман Жюль Верна относится к литературе приключенческой, фантастической, фантазийной. Ценность же фантастической литературы, как правило, сводится к формуле: «Писатель предвидел, предвосхитил...» Увы и ах, единственная эта формула затушевывает другие актуальнейшие смыслы романа «Таинственный остров». Кстати, о социальном значении научной фантастики, о том, что нельзя ею пренебрегать, так как отказ от фантастики чреват для общества деструктивными процессами, пишет политолог В. А. Ковалев. «...Фантастика или обращение к фантастическим допущениям подчас в более чистом виде показывает политическую или идеологическую тенденцию современности. На наш взгляд, это нужно учитывать и в процессе преподавания. Чтение интересной фантастики способствует и развитию „социологического воображения“ (Ч. Миллс)». Далее автор цитирует Хорхе Луиса Борхеса: «Кажется, что рисовать утопии бессмысленно. Но отказ от них означает отказ от будущего»².

Жюль Верн предвосхитил технический прогресс, кто бы спорил? Но при перечитывании романа во втором десятилетии XXI века фантастика писателя высвечивает «в более чистом виде», что существенно, и те упущения, которые могут стать роковыми, в том числе для технического процветания страны. Да, герои романа схематичны, однако обратим внимание на тот факт, что главным персонажем романа является талантливейший инженер Сайрес Смит, уважение к которому со стороны его спутников (и читателя!) по мере развития сюжета все возрастает.

Сайрес Смит, уроженец Массачусетса, по профессии инженер, был первоклассным ученым; во время войны правительство Соединенных Штатов доверило ему управлять железными дорогами важного стратегического значения... Он принадлежал к числу тех инженеров, которые в начале своей карьеры по доброй воле орудовали молотом и киркой, уподобляясь солдатам, начинавшим военную службу рядовыми. Поэтому не удивительно, что при исключительной изобретательности и остроте ума у него были и очень ловкие, умелые руки... Это был человек дела и вместе с тем мыслитель; он действовал без всякого усилия над собой, движимый неукротимой жизненной энергией, отличался редкостным упорством и никогда не страшился возможных неудач... Он мог бы избрать своим девизом слова, сказанные в XVII веке Вильгельмом Оранским: «Предпринимая что-либо, я не нуждаюсь в надеждах; упорствуя в своих действиях, не нуждаюсь в успехах».

Кстати, знаем ли мы этот афоризм, руководствуемся ли им? Похоже, подвижничество самого писателя, его колоссальная продуктивность (66 романов, многие из которых сразу же становились бестселлерами, 30 пьес, 20 рассказов и повестей) доказывает, что эти слова были девизом и самого Жюль Верна.

С характеристики Сайреса Смита, по существу, начинается роман, однако если бы ее не было, если бы ничего не было сказано наперед об этом человеке, сами его действия и слова буквально на каждой странице обнаруживали бы прекрасные черты ума и характера «мистера Смита». Инженер с высочайшим уровнем образования, которому подвластно все, — это феномен Леонардо да Винчи. Но вспоминаются и другие инженеры-изобретатели. Например, В. Г. Шухов с его знаменитой азбукой изобретений: А — авиационные ангары. Б — базы нефтеналивные, бопорты (огромные гидротехнические затворы). В — воздушно-канатные дороги, висячие металлические перекрытия цехов и вокзалов; водонапорные башни;

² См.: Ковалев В. А. Новации в российской политике и попытки их освоения силами отечественной фантастики // Полис (Политические исследования). 2008. № 3. С. 168, 172.

водопроводы в Москве, Тамбове, Киеве, Харькове, Воронеже. Г — газгольдеры (газохранилища). И так до Э — элеваторы, в том числе «миллионники»³.

Сайрес Смит знакомил своих товарищей с самыми разнообразными предметами, — главным образом с прикладными науками. У колонистов не имелось никакой библиотеки, но инженер Смит был живой энциклопедией, всегда готовой к услугам товарищей, всегда открытой на той странице, которая была нужна тому или иному, и к этому источнику, освещавшему любой интересовавший их вопрос, они обращались очень часто. Так проводили время эти стойкие люди, казалось совсем не боявшиеся будущего.

— Подумаешь, мост! — воскликнул Пенкроф. — Да ведь мистер Смит у нас инженер! Понадобится нам мост — он и построит мост...

Пенкроф, работавший и за веревочника, и за плотника, и за каменщика, всех умел посмешить, всех заражал своей бодростью. Его вера в таланты Сайреса Смита была непреложна, ничто не могло бы ее поколебать. Он считал, что инженер Смит способен провести с успехом любое начинание. Как обновить изношенную одежду и обувь (вопрос бесспорно очень важный), чем освещаться в долгие зимние вечера, как воспользоваться дарами природы в плодородной части острова и превратить дикую растительность в культурные насаждения, — все теперь казалось Пенкрофу легким: Сайрес Смит поможет справиться со всяческим трудностями...

Похоже, что не только Смит нужен был Пенкрофу, но и Пенкроф подпитывал инженера своей безграничной верой в его ум и талант. Здесь мы наблюдаем аналог замеченной писателем Даниилом Граниным диады: Гёте—Эккерман. Слуга любовно записывал разговоры Гёте и тем самым побуждал великого ученого и писателя не снижать планки его (и не только его!) ожиданий⁴.

Автор романа нередко и не случайно называет Сайреса Смита всего лишь по профессии: *Инженер еще раз убедился, что на море не видно ни паруса, ни остова разбитого судна, — он ничего не обнаружил, даже глядя в подзорную трубу.* Еще в середине прошлого века само слово «инженер» звучало весомо. Когда-то в начале 50-х годов в Калинин (ныне Тверь) знакомая семья, определяя меня в детский сад, произнесла с придыханием: дочь инженеров! (Родители в июне 1941 года окончили Ленинградский институт связи им. М. А. Бонч-Бруевича.) Представить сейчас такую ситуацию и такую интонацию, пожалуй, затруднительно. Настоящее время — время торжества юристов и экономистов, тогда как рейтинг инженеров оставляет желать лучшего. Разговоры об импортозамещении, о новых технологиях буксуют, если с детства не воспитывать уважения к профессии инженера. Обратим внимание на этимологию самого слова: «врожденные особенности». Префикс *in-* пусть вдохновляет носителя профессии как «проникающего внутрь», а «рождать» — это создавать новое, украшать бытие тем, чего не было досель. Как филолог не первый раз убеждаюсь, что при восприятии слова и текста образные смыслы весьма часто зашкаливают, и мы утрачиваем красоту прямых, первичных значений. Итак, речь идет не об «инженере человеческих душ», а просто об инженере. В недавно опубликованной статье Г. И. Старковой говорится о детских газетах и журналах Удмуртии 30-х годов XX века в аспекте того, как школьники интересовались техникой, как многое если не изобретали, то мастерили. И все это нацеливало юных читателей на инженерные специальности⁵. Но кроме газет и журналов

³ См.: Лескова Н. Человек-фабрика // Наука и жизнь. 2013. № 12. С. 96–109.

⁴ См.: Гранин Д. Листопад // Звезда. 2008. № 2. С. 73.

⁵ См.: Старкова Г. И. Популяризация научно-технических знаний и достижений в довоенной молодежной прессе Удмуртии // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. № 12 (209). Вып. 26, июнь 2015. С. 113–119.

в «инженерном направлении», согласимся, работала и художественная литература, в том числе фантастическая, в том числе роман Жюль Верна «Таинственный остров».

Почему это актуально? В настоящее же время наблюдается опасность вербального образования. «Проблема в том, что растет „вербальное поколение“ людей, которые смогут работать только языком, а не руками. А так как руки, как известно, связаны с головой, то и головы у них будут не вполне полноценными. Так мы можем потерять все преимущества нашей технической культуры, накопленные предыдущими поколениями»⁶. Герой романа «Пороги» И. Грековой (псевдоним доктора физико-математических наук Е. С. Вентцель) с пафосом восклицает: «Интеллигентный человек может и должен при надобности уметь работать руками, причем не хуже [техника] Картузова, а лучше. На то он и интеллигент. Презрение к ручному труду — самая холуйская черта, ее надо в себе изживать, а не хвастаться: я, мол, не в ладах с техникой! Если не в ладах — научись! Кстати, работать руками очень приятно. Ни одна моя научная работа не доставляла мне столько удовольствия, как хорошая вещь, сделанная моими руками...»⁷

Дело даже не в том, что презирать ручной труд — признак «холуйства». Дело в том, что самые ценные мысли приходят не во время конференций и не в процессе чтения чужих трудов, хотя все это тоже необходимо, а во время черновой работы непосредственно с материалом. Идеи просачиваются в голову через руки. Так что «уметь» — это еще и по-настоящему «знать», более того, пополнять копилку — не только собственных — знаний. Настоящего инженера, настоящего ученого тянет к материалу. Это видно по поведению героя другого романа — доктора Клоубони, который далек от инженеринга, однако ведет себя как ученый, всем интересуется, все хочет лично отнаблюдать, испытать («Путешествие и приключения капитана Гаттераса»). Доктор в одном романе, инженер в другом, но оба они обнаруживают черты исследователя. Получается, что высший профессионализм нуждается в постоянно действующей исследовательской компоненте. Мы привыкли к проекции профессии для науки, но, оказывается, весьма актуальна сейчас и обратная связь: наука для профессии.

Теперь попробуем лингвистически отследить и продемонстрировать уровень Сайреса Смита. Воспользуемся для этого идеей каталогов, предложенной Умберто Эко и подхваченной Александром Жолковским⁸. Перечни технических терминов даны в романе, разумеется, с пояснениями: что именно используется и зачем, из каких деталей состоит, и все это без поправки на детское восприятие. Такие «каталоги», энциклопедические справки встречаются на всем протяжении романа, только в последней части их меньше, когда напряжение сюжета усиливается перед финалом. Итак, что знает инженер Сайрес Смит, какими понятиями свободно владеет?

Как человек практический, Сайрес Смит решил обработать жир содой. Добыть соду оказалось не так уж трудно. Море выбрасывало на берег очень много водорослей — кремнистые фукоиды, морской мох и другие; В первом случае путем обезуглероживания получают натуральную или пудлинговую сталь, а путем добавления к чистому железу углерода — томленную сталь. (Как раз такую сталь Сайресу Смит и хотелось выплавить... И Сайрес Смит с компасом в руке пошел вперед, указывая дорогу.) Почти все деревья, растущие тут, в лесу, уже встречались им на озере и на плато Кругозора. Были тут деодары, дугласы, казуарины, камедные деревья, эвкалипты, драцены, гибиски, кедры и деревья других пород...

⁶ См.: Красносельский С. Инженеры для наукоградов // Знание — сила. 2014. № 9. С. 101.

⁷ Грекова И. Пороги // Свое счастье: Романы. — М., 2011. С. 300.

⁸ См.: Жолковский А. Каталоги // Звезда. 2014. № 6. С. 223–234.

Конечно, и моряк Пенкроф, и журналист Гедеон Спилет весьма подкованы, соответственно, в морском деле и в биологическом (названия представителей флоры и фауны), но по тексту романа чувствуется, что названия эти знакомы и инженеру, компетентность его неоспорима. Приведем такие «каталоги» обозначений, причем обозначений строго научных. Мало того, что растения поименованы — тут же сообщается, к какому разряду они относятся. ...*На грядках росли салат, картофель, щавель, репа, редька и другие крестоцветные.*

Птиц же было множество: жакамары, куруку, трагопаны, тетерева, маленькие и большие попугаи, какаду, фазаны, голуби и сотни других пернатых. Не было дерева без гнезда, не было гнезда, из которого не доносилось бы хлопанье крыльев! Инженеру принадлежит мысль, что мощное разнообразие флоры и фауны свидетельствует, что этот остров был частью материка, а это уже работает на сюжетную линию повествования. Так что перечни, «каталоги» демонстрируют не только познания героев романа: инженера, журналиста, моряка. Нет, они работают и на сюжет, пополняя коллекцию тайн острова и приближая кульминацию, развязку повествования.

Писателя, кстати, упрекали, что он соединяет несоединимое, что на одной широте не могут встречаться такие растения, как... и такие животные, как... Но, во-первых, по замыслу автора «таинственный остров» выступал как модель всей земли, своего рода кладезь, «каталог» богатств, щедро и безвозмездно дарованных нам природой, а во-вторых, художественный текст, даже не фантастического разлива, по природе своей условен, о чем пишет К. Г. Фрумкин, критикуя «эксперткратию» за смакование ошибок художественных текстов⁹. Невозможно, оказывается, просто быть инженером. Инженер, повторим, — это всегда немного (или много!) ученый, такова специфика самой профессии. И писатель, благодаря которому, по мысли К. Андреева, в литературу пришел новый герой — инженер, изобретатель¹⁰, сам становился ученым-энциклопедистом. Свидетельством тому многочасовая работа в библиотеках, музеях, двадцать тысяч тетрадей с записями открытий, общение с инженерами и путешественниками, изобретателями и писателями, географами и полярниками... Отсюда и первая легенда: писал, мол, не выходя из кабинета. Да нет, Жюль Верн тоже путешествовал, пока пуля невменяемого племянника не повредила ногу. А насыщенность романов такова, что в обществе циркулировала и вторая легенда: пишет, мол, все это не один человек, а целое географическое общество. Вспоминается, однако, прелестный афоризм, сказанный в Воронеже во время свободной дискуссии на защите профессором Г.Ф. Ковалевым в отношении словаря В. И. Даля: коллектив не сделает — человек сделает.

«Предметное» повествование в романе сопровождается «процессуальным», что характеризует технический склад ума главного героя повествования. *Будь у Сайреса Смита одна только серная кислота, и то он мог бы, обработав ею какое-либо вещество, вроде тюленьего жира, выделить из этой смеси глицерин, а затем, залив полученное соединение крутым кипятком, он без труда высвободил бы из него олеин, пальметин и стеарин. Но для упрощения дела Сайрес Смит предпочел омылить жир раствором извести.*

Итак, перечни минералов ли, животных ли, растений у писателя внушительные, что отчасти продиктовано, повторим, сюжетом. Но обратим внимание еще на одну особенность этих перечней, «каталогов». На известное читателю (*стеарин, голуби, кедры*) писатель не преминет нанизать неизвестное (*пальметин, куруку, деодары*), интригуя феноменом новизны, который сейчас стал предметом особой научной дисциплины — кайнэрастии¹¹. Конечно, встречаются списки и со всеми общеизвестными

⁹ См.: Фрумкин К. Г. «Эксперткратия» против писателей и читателей // Нева. 2011: № 4. С. 179–191.

¹⁰ Андреев К. К. Жюль Верн: Вступительная статья // Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М. 1956. С. 40.

¹¹ См.: Сосланд А. И. Влечение к новизне // Знание — сила. 2006. № 8. С. 40–46.

обозначениями, и со всеми абсолютно неизвестными, как в следующем контексте: *Среди этих раковин были фазианеллы, сверлильщики, тригонии и много других.* Но преобладает у Жюль Верна как раз нанизывание неизвестного на давно и хорошо усвоенное.

А мы знаем ли хотя бы обезьян? *Да ведь это обезьяна, макака, сапажу, мартышка, орангутанг, бабуин, горилла, сагуни! <...> Какой она была породы — шимпанзе, орангутанг, горилла или гиббон — неизвестно, но относилась она к человекообразным обезьянам <...> Это был орангутанг, а орангутангам не свойственны ни кровожадность бабуина, ни легкомыслие макаки, ни нечистоплотность сагуина, ни непоседливость маго, ни дурные наклонности павиана!* Вчитываясь в эти контексты, мы замечаем списочные добавления не только к изначальному «каталогу», но также добавления выразительно упакованных знаний. Первая упаковка: какие обезьяны относятся к человекообразным, а вторая «знаниевая» упаковка: каковы особенности почти каждого вида из только что перечисленных.

Интересно в романе еще вот что. При сдержанной, «мужской» образности, при подчас банальных метафорах и сравнениях роман благодаря в том числе и «каталогам» воспринимается не только познавательно, но и эстетически. Здесь мы сталкиваемся с феноменом, о котором писал географ Н. Н. Михайлов: «Мы в одно время получаем эстетическую и познавательную ценности, которые тесно связаны в самом предмете и в акте восприятия и соображения. Знание излучает свет поэзии»¹².

Роман учит наслаждаться многообразием мира. Если в одном месте эвкалипты просто перечисляются среди других древесных пород, то далее раскрывается уникальная особенность этих деревьев: *Нет на свете ничего чудеснее и своеобразнее этих огромных деревьев из семейства миртовых, листья которых повернуты ребром к свету и не загораживают солнечных лучей, доходящих до самой земли!* Это уже поэзия не только знаний, но и мироздания.

...И получили железную крицу с корявой губчатой поверхностью; это железо еще надо было проковывать... А еще дальше Герберт заметил несколько ларди-забаловых деревьев, — из их гибких ветвей, вымоченных в воде, получают превосходные канаты... Это был ягуар... Герберт узнал кровожадного соперника тигра, еще более опасного, чем кагуар, который всего лишь — соперник волка!

Представим еще одну упаковку сведений. *Само собой разумеется, у Сайреса Смита не было ни чесальной, ни трепальной, ни гладильной, ни прокатной, ни сучильной, ни прядильной машины, ни механической прялки, чтобы пряхать шерсть, ни ткацкого станка, чтобы изготовить ткань, и ему пришлось обойтись самыми простыми средствами, так чтобы не ткать и не пряхать.* По существу, это фотография целой фабрики, демонстрирующая и сложность, и последовательность производственных процессов.

Каталоги работают на дидактику знаний, тогда как афоризмы, коих в романе совсем немного, — на дидактику поведения.

Ведь у наших аэронавтов были знания, а раз у людей есть знания, они всегда выйдут победителями там, где других ждет прозябание и неминуемая гибель.

Впрочем, необходимость — лучший учитель, и ее больше всех слушаются.

— Но пока что давайте устраиваться здесь как навсегда, — сказал Гедеон Спитлет. — Ничего не надо делать наполовину.

Но охота, как и любое дело, требует внимания, иначе успеха не добьешься.

¹² См.: Михайлов Н. Н. Черствые именины // Новый мир. 1974. № 2. С. 163.

Что в этих сентенциях гениального? Но вот оказывается, что мы обращаем внимание и на них, потому что несколько подустали от постмодернизма, интертекстуальности, релятивизма, если еще поумнее сказать — от амбигуэнтности и нуждаемся в простых и правильных словах, которые детки незаметно проглотят, следя за увлекательным и напряженным, закрученным, как пружина, сюжетом. Однако и сам сюжет работает на доказательства простых истин. Не случайно за рубежом есть термин «майнридотерапия». Чтение приключенческих романов помогает преодолевать те ситуации, которые иногда подводят под понятие «ад обычной жизни» или под фразеологизм «делать из мухи слона».

Как занятия математикой, считается, воспитывают честность, так и «технари» с их приоритетом точности — Жюль Верн показывает это на примере инженера Смита — находят психологически точное, оптимальное поведенческое решение. Приведем в подтверждение сказанному два контекста.

— Только я об одном вас прошу... — О чем? — спросил журналист. — Давайте смотреть на себя не как на несчастных людей, потерпевших крушение, а как на поселенцев, прибывших на этот остров с определенной целью — основать тут колонию! (с. 105). Инженер не разочаровывал Пенкрофа, не высмеивал непомерных мечтаний этого славного человека. Он знал, как заразительна уверенность; он даже улыбался, слушая Пенкрофа, и ничего не говорил о тревоге, которую испытывал порой, думая о будущем (с. 182).

Выше мы привели афоризм: *не нуждаться в надеждах, не нуждаться в успехах*. Главное — действовать, *упорствуя*... Нас шестеро, — поправил сотоварища Сайрес Смит, подняв палец кверху. В роковую минуту на помощь придет Бог, только надо вести себя достойно. В романе роль таинственного спасателя играет «за кадром» капитан Немо, что срабатывает как метафора любой ситуации: старайся, работай — и тебе поможет «случай». В обычной жизни рассчитывать на капитана Немо не приходится, однако существует же мало известная нам французская пословица: *Жизнь всегда присылает вовремя нужного человека*.

Колонистов окружал океан, и морская терминология частотна в романе: *галс, шпангоуты, планир, ватер-штаги, вант-путенсы... Реи, гики, флажиток и весь прочий рангоут, а также весла и другие части были закончены в первую неделю октября... Через полчаса Айртон, ничем не выдав своего присутствия, уже ухватился рукой за ватер-штаги бушприта. Передохнув немного, он вскарабкался на цепь и благополучно добрался до княвдигеда*.

А теперь соединим каталоги: морской, металлургический, химический, ботанический, метеорологический (есть и такой в романе) и поднимемся над идеей инженеринга. Все это надо было знать, повторим и подчеркнем, писателю, тогда как мы, филологи, богатство словаря, особенности индивидуального лексикона и вообще языковой ландшафт привыкли отслеживать на уровне эффектных образных средств, но отнюдь не на уровне парада терминов.

Уроки Жюль Верна, уникальный глоссарий этого «детского» автора обнажает причину современного провала инженеринговой литературы. Чтобы увлекательно и безошибочно написать о технике, надо владеть языком этой техники. Когда-то Максим Горький обмолвился в адрес С. Н. Сергеева-Ценского: «Вы, Сергей Николаевич, как горный инженер...» Но писатель никогда не был горным инженером, он просто хорошо знал, о чем пишет. Страницы «Таинственного острова» — это ли не урок Жюль Верна для проведения мастер-классов с молодыми писателями? Инженеры нечасто становились главными героями романов. Вспоминается

трилогия Михаила Колесникова, инженера по специальности: «Изотопы для Алтунина», «Алтунин принимает решение», «Школа министров»¹³. Там подчеркивается, как много учился главный герой, но, во-первых, писатель не оставляет его в инженерах, а делает управленцем, а во-вторых, инженерный талант не отражается так мощно на языковой ткани романа, как отразился он в «каталогах» Жюль Верна.

Впрочем, дидактический аспект просматривается не только для будущих писателей, но и для современных школяров. Тенденции, процессы — их обозначения не должны вытеснять обозначений предметного мира. Профессор Кемеровского государственного университета Н. Д. Голев много лет назад еще в рамках своей кандидатской диссертации¹⁴ проводил эксперимент: да знаем ли мы обозначения элементарных деталей предметов: *шлевка* ремешка, *шлица* пальто, *наконечник* шнура, *проножка* стула? *Я не мог зашнуровать ботинок, потому что на шнурке не было...* Оказалось, что это как раз та область знаний, где для носителя языка много едва осязаемых пробелов. Улучшилось ли положение с номинациями деталей через десятилетия?

Согласимся, школьников трудновато сейчас приучить к чтению научно-популярной литературы, тем труднее усадить за такое штудирование сложившихся писателей. Но нет ли здесь вины и у противоположной стороны — у авторов научно-популярной литературы? Феликс Зигель с его прекрасными книгами по астрономии, Кирилл Ефремов, замечательным языком посвящающий читателя в тайны экологии и в некогда запрещенную науку о поведении животных — этологию... Адам Чегодаев, написавший книгу о рептилиях... А еще? Многие ли тома серии ЖЗЛ посвящены судьбам инженеров? Но если охватывать научный горизонт шире, то сами мы, филологи, когда напишем популярную брошюру не о происхождении слов и не о языках мира, а, например, о сложном предложении, но напишем так, чтобы читателю захотелось всерьез заняться, посвятить жизнь изучению таких предложений? Парадокс: уже в детских садах проводятся конкурсы «Я исследователь!», а научно-популярная литература, во всяком случае, в той области, которой я занимаюсь, явно буксует. Но мы отвлеклись.

Необитаемый остров колонисты превратили в «островок цивилизации», на котором можно хорошо и достойно жить, причем сделали это благодаря обширным знаниям, умелым рукам, не боявшимся ни большой работы, ни возможных ошибок, благодаря сотрудничеству и взаимопомощи и, что еще важно, благодаря бережливости. Инженер работает с инструментарием, но главное, с материалом, который требует не только внимания и изучения, но также сбережения. Идея, или, как сейчас говорят, концепт бережливости, обеспечение запасов (резерв никогда не бывает избыточным!) вкупе с концептом порядка получают в романе многократное свое воплощение. «*Ничего не надо делать наполовину*». Качество выполняемой работы — ведь это тоже запас: запас прочности, запас функциональности, запас хода. Стоит ли говорить, что в России образца 2016-го и последующих годов требования бережливости и порядка должны звучать в обновленном регистре восприятия настоящего и прогноза грядущего?

¹³ Колесников М. С. Изотопы для Алтунина // Знамя. 1974. № 1–2; Алтунин принимает решение // Знамя. 1976. № 1–2; Школа министров // Роман-газета. 1978. № 6.

¹⁴ См.: Голев Н. Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке: Дис. ...канд. филол. наук. 1974.

Наталья ГРАНЦЕВА

ШЕКСПИР И ПРОБЛЕМЫ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Маска, мы тебя знаем!

Сейчас, в дни памяти Уильяма Шекспира — а уже 400 лет минуло с того апрельского дня, когда Великий Бард ушел в мир иной! — было бы сущим кошунством рассуждать о тонкостях шекспировского вопроса и сомневаться в авторстве гениального уроженца Стратфорда-на-Эйвоне. Автор этого эссе сразу оповещает читателя, что традиционная версия, утвердившаяся в шекспироведении, о том, что сын перчаточника из Стратфорда создавал в театре «Глобус» свои бессмертные пьесы, не будет подвергнута сомнению.

Да, пайщик и актер знаменитого театра смог вдохнуть жизнь во многие театральные сюжеты, которые были им переработаны или заимствованы из разных источников, — такова была стандартная практика той баснословной эпохи! Об этом свидетельствуют не только энциклопедии, но и внушительные труды почтенных шекспироведов, которые на протяжении нескольких столетий выявили драматические коллизии, наиболее популярные у предшественников Шекспира и его современников.

Однако об этом свидетельствуют и сами пьесы британского гения! Там, внутри шекспировских текстов, иной раз и без всякого затемнения изображается творческий процесс работы драматурга. Там, внутри шекспировских текстов, показаны авторы жизненных инсценировок, а также вдохновители и сочинители поэм, песен и сонетов.

Например, в комедии «Бесплодные усилия любви» такими авторами пьесы-интермедии «Девять героев» — вставной мини-пьесы — являются два руководителя-педагога Армадо и Олоферн, они же сочиняют для эпилога песню Зимы и Весны, как бы по мотивам произведения из школьной программы — эклоги Мантуанца.

Таковую же картину читатель может увидеть и в комедии «Сон в летнюю ночь» — там подготовкой свадебного спектакля накануне Петрова дня тоже заняты два руководителя-педагога Тезей и Филострат. Оба не только используют популярные сюжеты своего времени (например, поэму Э. Спенсера «Царица фей»), но и создают на глазах читателя свой собственный «детский театр», в котором играют по несколько ролей, как и их малолетние подопечные, школяры 12–14 лет¹.

Наталья Анатольевна Гранцева родилась в Ленинграде, окончила Литературный институт им. Горького. Автор семи книг поэзии и исторической эссеистики. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Гранцева Н. Герои России под маской Шекспира. СПб.: Союз писателей СПб., 2015.

В обеих комедиях главными действующими лицами становятся вполне узнаваемые персонажи — их немного. Это образовательный анклав москвичей-наваррцев, пять взрослых и четыре подростка, а также шесть французов-британцев, в числе которых четыре девочки-подростка из школы капуцинок. Герои встречаются перед рождественскими каникулами и планируют продолжить знакомство летом следующего года. Летом следующего года они и встречаются после школьных экзаменов и становятся персонажами комедии «Сон в летнюю ночь» — уже в виде анклава древних греков и компании амазонок, эльфов и фей. Но характеры их остаются неизменными! И мы их узнаем даже под другими именами!

Теперь, летом, им предстоит пережить несколько драматических коллизий, которые сочинили для них старшие товарищи на основе, так сказать, следующего этапа школьной программы. Так лучше всего усваивается материал!

Внимательный анализ комедии «Сон в летнюю ночь» позволяет прийти к выводу, что описанные У. Шекспиром события из жизни школьного театра происходили в течение четырех конкретных дней — с 7 по 11 июля 1603 года. Конечно, в самой пьесе не указана точная хронология сценических действий, но даны смысловые опоры датирования этих воспитательных процессов — любопытнейших педагогических стратегий эпохи позднего Возрождения. И старшие наставники-драматурги умело использовали психологические особенности подросткового сознания, предоставляя юным созданиям возможность не только испытать действенную силу остроумного слова и искусства красноречия, но и убедиться в прочности нравственных установок, подвергаемых нешуточным испытаниям. Веселый гений Шекспира смог оценить универсальность избранных испытателями методик и перенес их на подмостки «Глобуса» — в течение четырех веков мы имеем возможность видеть на сцене то, что было важным для формирования каждой детской души, еще не умеющей распознавать подлинное чувство и совершающей из века в век одни и те же ошибки...

Сегодня мы хотим продолжить разговор о тех героях и героинях, которых видели в комедии «Сон в летнюю ночь», живописующей уморительные приключения педагогов и школяров 7—11 июля 1603 года. (Абсолютно точно, с нашей точки зрения, содержание пьесы воссоздано режиссером Сильвиу Пуркарете в театре «Балтийский дом»!) Мы не сомневаемся, что те же самые действующие лица нам встретятся и в комедии «Много шума из ничего» — ведь действие ее датировано прямо в тексте: 6 июля!

Францисканский ТЮЗ

В шекспировское время на британской территории перестали существовать католические ордена в соответствии с решением короля Генриха VIII создать независимую от Ватикана Англиканскую церковь. Это означало, что монастырские земли, на которых традиционно существовали бенедиктинцы, францисканцы и прочие католические интеллектуалы, перешли в казну и стали распродаваться.

«Принятое в 1534 г. Генрихом VIII решение порвать с Римом, создать „Английскую церковь“ и распустить религиозные объединения имело серьезные последствия в сфере жилищного строительства: земли, конфискованные у монашеских орденов, застраивались новыми собственниками и включались в черту города»². Но кто же мог купить эти земли? Безусловно, только самые богатые британцы, имеющие достаточные средства для выкупа огромных территорий, оплаты немаленьких налогов и реализации строительных инвестиций.

² Клаут Х. История Лондона. М.: Весь мир, 2002.

Следует ли из этого, что на монастырских территориях были бульдозером того времени снесены многочисленные образовательные и исследовательские учреждения? Нет, эти католические учреждения, школы и училища, перешли в частную собственность новых землевладельцев на правах аренды: частный арендодатель был даже заинтересован в том, чтобы взимать с арендаторов плату, а арендаторы были заинтересованы привлечь в число учеников богатых недорослей. Да и учиться подрастающему поколению все равно было необходимо, а никаких специальных англиканских образовательных программ создано не было. Да и не могло быть создано, ибо сами англикане — недавние католики — никакого специального мировоззрения не создали, ограничившись декларацией о неподчинении Риму-Ватикану. Впрочем, с 1603 года, когда на королевский трон взошел король-католик Яков, в жизни Британии тоже мало что изменилось. И удивительно ли, что сохранились туманные сведения о том, что на встречу с католическим монархом в одно из имений приезжал Шекспир?

В комедии «Бесплодные усилия любви», действие которой датируется декабрем 1602 года, мы видим некое частное владение, в пределах которого располагается образовательное учреждение францисканцев. Юные абитуриенты-наваррцы (они же москвичи) собираются экстерном сдать программу начальной школы. Живут они в арендованном здании (дворце), рядом располагается парк. А в отдалении учатся юные капуцинки. Католический орден капуцинов в шекспировское время еще не имел самостоятельного статуса и находился под эгидой ордена францисканцев — следовательно, Шекспир нам показал школьниц-капуцинок, обучающихся у францисканцев в школе для девочек. А в школе для мальчиков на этой же территории сдавали в мае экзамены мальчики-подростки, якобы прибывшие из Наварры.

В списке действующих лиц комедии «Много шума из ничего» — а персонажи располагались в соответствии с их статусами, от высокого к низкому — главным героем оказывается Дон Педро, принц Арагонский. Дескать, это второе лицо — после короля — Королевства Арагона (1035—1707), граничившего с Наваррой. Так мы снова встречаемся якобы с испанцами — принцем и его побочным братом Доном Хуаном. Это самые влиятельные персоны комедии.

Есть ли у нас основания для того, чтобы разглядеть в этих героях уже хорошо знакомых нам по пьесе «Бесплодные усилия любви» героев Дона Адриано де Армадо и Олоферна? Ведь Армадо — главный наваррец — и назывался там прямо причудливым испанцем! А его младший товарищ и учитель грамматики Олоферн тогда тоже испанец? Есть у этих двух героев и приближенные — тоже, видимо, испанцы-арагонцы.

Почему Шекспир приписал двух главных героев-драмописцев и поэтов к Королевству Арагона? Был ли в этом какой-то смысл? Ведь эти персонажи зачем-то приведены им в Мессину, на остров Сицилия! Можно предполагать, что Королевство Арагон как место рождения этих героев выбрано не случайно и образно-дипломатически демонстрирует конкретную политическую ситуацию, в которой оказались арагонцы: они в изгнании! Они — за пределами родины, на чужой территории. Но все ли это, чем исчерпывается подтекст шекспировского решения?

Возможно, таким изощренным образом Шекспир указал на свое безусловное авторство событий, разворачивающихся в комедии «Много шума из ничего». Ведь Днем Арагона является 23 апреля — день Святого Георгия (исп. *San Jorge*), покровителя региона³. Думается, излишне напоминать, что именно в этот день и родился Великий Бард!

³ <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Остров Сицилия — не маленький, почему же своих главных по статусу героев Шекспир направил в третий по величине город — Мессину? Здесь остается только гадать — не поиграл ли сам драматург словами? Не назвал ли метафорически директора-францисканца школы для девочек — губернатором сицилиек-miss? Ведь на сицилийском наречии Мессина и пишется как Missina. А покровительницей города является Пресвятая Богородица (Madonna della Lettera)⁴. Как видим, шекспировское решение более чем интегрально: выбранное им решение и здесь включает в себя максимум информации, необходимой для воссоздания смысла происходящего.

Если мы предполагаем, что 6 июля 1603 года в образах Дона Педро и Дона Хуана нам снова показаны испанцы-наваррцы, которые в декабре 1602 года называли себя Армадо и Олоферн, то вправе ли мы ожидать, что эти многоликие персонажи вновь займутся сочинением провокационных инсценировок, как они это делали в «Бесплодных усилиях любви»?

Посмотрим на текст комедии «Много шума из ничего».

В первой сцене первого акта мы видим главных героев — в доме мессинского губернатора встречаются принца Арагонского и его «воинов». Они пришли с войны, где наилучшим образом показал себя благородный флорентиец Клавдио. Из текста следует, что «война» — это метафора какого-то образовательного мероприятия: то ли экзамена, то ли диспута. Юный Клавдио признается, что был занят только подготовкой к боевым действиям и о любви не думал. Но теперь, когда он показал себя на ратном/учебном поле наилучшим бойцом, все его восхваляют, и он чувствует в себе любовь к Геро — дочери губернатора. Юноша готов жениться на молчаливой избраннице, интересуется тем, является ли она единственной наследницей отца.

Робкий воитель просит Дона Педро помочь ему. Принц соглашается на вечернем маскараде от имени Клавдио посвататься к Геро и поговорить с ее отцом, Леонато. Замысел гостей подслушан и сообщен губернатору — он велит предупредить дочь, что ею заинтересовался Клавдио.

В первой сцене рядом с принцем Арагонским мы видим двух юных воинов — Клавдио-флорентийца и Бенедикта-падуанца — они друзья. Видимо, это и есть команда победителей. Поэтому они и представлены губернатору и его юным родственникам Геро и Беатриче.

В третьей сцене мы видим побочного брата принца — Дона Хуана. Он недоволен всеми, он поссорился с братом. Он утверждает, что «мне доверяют, надев намордник, и дают свободу, опутав ноги. Вот я и решил: не буду петь в клетке!»⁵ Несомненно, что мы видим перед собой побежденного, а рядом с ним — члены его команды, приближенные испанцы Конрад и Борачио. Дон Хуан и его неудачливые соратники даже на ужин не приглашены! Правда, юный Борачио прокрался в зал и подслушал, что Клавдио замыслил посвататься к Геро. Это сообщение вызывает у Дона Хуана желание отомстить юнцу: «Этот юный выскочка — причина моего падения, и если я хоть как-нибудь сумею насолить ему, я буду очень счастлив»⁶.

⁴ Мессина (итал. Messina, сиц. Missina, лат. Messana, греч. Μεσσηνή) — город в итальянском регионе Сицилия, административный центр одноименной провинции. Третий по величине город на острове Сицилия, <https://ru.wikipedia.org/wiki>

⁵ Весь Шекспир. М.: Олма, 2004.

⁶ Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

Юный Клавдио, из-за которого на «войне» проиграл Дон Хуан, — выскочка, зубрила, скучный и робкий подросток. Дон Хуан мстительно сообщает ему, что принц сам сватается к Геро, обманул юнца. То же подтверждает и его друг Бенедикт. Павший духом «покинутый любовник» смиряется с потерей. Над ним потешаются. Только после того, как Дон Педро сообщает о том, что Геро и ее отец согласились на брак, Клавдио вновь вспоминает о своей влюбленности.

Кажется, он не был слишком огорчен обманом принца, а теперь и не слишком рад тому, что не обманут. Что за странный «победитель»?

Эта странность бросается в глаза и другим исследователям.

«Клавдио — король банальных персонажей, один из тех, кто послушно выполняет волю всеобщего или падает его жертвой. Клавдио не глуп, способен на чувство, но очень слаболовен. Дон Педро вынужден улещивать его, чтобы добиться признания любви к Геро. Когда Клавдио спрашивает, есть ли у Леонато сын, то этим он косвенно подтверждает, что хочет жениться ради приданого. В этом его уже заподозрил честный Бенедикт: „Да что ты, купить ее, что ли, хочешь, что так о ней расспрашиваешь?“ (I, 1). Мы слышим вполне тривиальный рассказ о том, что Клавдио воевал, и поэтому ему недосуг было любить»⁷.

Этот юный влюбленный готов сыграть свадьбу хоть завтра — на словах. Но не выказывает ни малейшего огорчения, услышав, что отец невесты согласен играть свадьбу через неделю. Кажется, со свадьбой своего подопечного «победителя» не торопится и принц — он замыслил своеобразный спектакль, целью которого является уверить других героев — Бенедикта и Беатриче — в том, что они любят друг друга. Принц призывает поучаствовать в предстоящем спектакле и других — режиссерскую задумку Дона Педро согласны осуществить в реальной жизни не только губернатор Леонато и его дочь Геро, но и сам Клавдио! Похоже, эта инсценировка ему более интересна, чем его собственная свадьба.

И это — главный герой? Победитель в войне умов? Нанесший поражение Дону Хуану?

Да ведь это ни рыба ни мясо.

Однако мы подошли к самому главному: оба брата испанца-арагонца на наших глазах реализуют свои собственные творческие разработки в области жизненной драматургии. Дон Педро — создает с помощью окружающих ситуации, ведущие к появлению взаимного пробуждения любовных чувств у Бенедикта и Беатриче. Дон Хуан — создает с помощью своих подручных/приближенных ситуации, ведущие к разрушению намерений якобы влюбленных Геро и Клавдио. Таким образом, мы опять — как и в комедии «Бесплодные усилия любви» — видим двух соперников-драматургов и синтез их автономных сюжетов, сведенных Шекспиром в одно целое, которое называется комедией «Много шума из ничего».

Один из творцов-драматургов — Дон Хуан — аттестует себя негодяем, однако, по существу, его злонамеренный сценарий становится главной интригой пьесы. Шекспироведы не раз обращали на это внимание.

«Шекспир весьма поверхностно раскрывает главную тему, и, если не считать Дона Хуана, она скучна», — замечает поэт У.-Х. Оден в лекции 18 декабря 1946 года⁸. А в состав главной темы, как считает поэт, входит история Клавдио и Геро и заговор

⁷ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире / Пер. с англ. М. Дадяна. Предисл. М. Дадяна. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

⁸ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире / Пер. с англ. М. Дадяна. Предисл. М. Дадяна. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

Дона Хуана. Следовательно, и в данном случае высказывается мысль о том, что герои главной истории — юные влюбленные — скучны, пресны и невыразительны.

«Отталкивающая гнусность Дона Хуана немного может вызвать возражений, разве только то, что она является странным двигателем действия в комедии». В чем же состоит движущая сила интриги Дона Хуана? Только ли в декларируемой мести победителю-высочке Клавдио за недавнее поражение?

Сверхзадача, которую стремится выполнить псевдонегодяй Дон Хуан, более важна — это разоблачение Клавдио как человека недостойного. И в самом деле — разве достойный юноша поверил бы гнусной клевете на возлюбленную? Разве не бросился бы отстаивать ее честь? Не вызвал бы на поединок того, кто заявил о ее порочности? Но легковольный и слабый Клавдио ведет себя так, что не только отказывается от своего чувства, не только сам публично готов опорочить ту, кого хотел взять в жены, но и согласен взять в жены любую другую, на которую ему укажут!

Маститый шекспировед Г. Брандес, едва сдерживая негодование, пишет: «Самая неуклюжая выдумка оказывается достаточна, чтобы убедить его в том, что его невеста, которая сама непорочность и нежна, как цветок, — изменница, накануне свадьбы обманывающая его с другим. Затем вместо того, чтобы молча удалиться, он, как сущий болван, предпочитает опозорить ее в церкви, перед алтарем»⁹.

Конечно, можно в пьесе сделать главным героем любовной истории болвана — правда, в данном случае Шекспиру не удалось добиться комической окраски избранной коллизии, заимствованной из новеллы М. Банделло. Экстравагантное решение драматурга не смогло преобразить скучного, бесцветного и бесхребетного юношу в персонажа, достойного называться героем-победителем.

Склоняясь к оценке главной темы комедии как темы неудачной именно из-за слизняковой тупости Клавдио, исследователи пеняют драматургу на неразборчивость. Г. Брандес констатирует: «Если кто-либо недостойн руки Геро, так это Клавдио. Если какой-либо брак неприличен и не сулит ничего хорошего, так это его брак с ней. Выдумка старинной новеллы даже для искусства Шекспира оказалась чересчур неуклюжей». Тот же маститый автор даже ищет оправдание Шекспиру: «Шекспир был вынужден сделать Клавдио таким дрянным, потому что лишь благодаря этому очаровательная личность Беатриче могла предстать в полном освещении». Более внятно мысль о том, что главная тема пьесы стала лишь блеклым фоном для искрометности темы побочной, представленной яркими фигурами Бенедикта и Беатриче, высказал поэт У.-Х. Оден. Он же, гневно отзываясь и о других героях комедии, вынес вердикт: «„Много шума из ничего“ не принадлежит к числу лучших пьес Шекспира, но Бенедикт и Беатриче — самые милые, привлекательные и порядочные люди (поистине лучшее сочетание) из всех, кого он создал».

Может быть, это своеобразное ноу-хау Шекспира, новое слово в драматургии? Может быть, именно поэтому пьеса удостаивалась непрекращающихся аншлагов? «Комедия „Много шума из ничего“ (в переводе М. Кузмина „Много шуму попусту“), по свидетельству современников, пользовалась популярностью, особенно ее герои Беатриче и Бенедикт»¹⁰. Шекспировская энциклопедия присоединяется к хору похвал, адресованных образам героев побочной сюжетной линии: «Наиболее удачными, безусловно, являются образы Бенедикта и Беатриче. Во многом они напоминают героев „Бесплодных усилий любви“ Бирона и Розалину».

⁹ Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он. М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

¹⁰ Комарова В. П. Творчество Шекспира. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.

Знакомые лица, новые маски?

Если образы Бенедикта и Беатриче во многом напоминают героев комедии «Бесплодные усилия любви» и составители энциклопедий это признают, то, может быть, под новыми именами изображены хорошо знакомые нам девять героев?

Ведь в самой пьесе «Бесплодные усилия любви», где драматурги-поэты Армадо и Олоферн сочинили интермедию о девяти героях, было прямо сказано, что эти персонажи в будущем сыграют по несколько ролей! Может быть, теперь они и играют новые роли?

Действительно, мы видим, что теперь причудливый испанец Дон Адриано де Армадо — явился перед нами в образе арагонца Дона Педро.

Действительно, мы видим, что учитель грамматики Олоферн теперь преобразился в менее опытного, чем старший товарищ и брат, педагога-неудачника Дона Хуана.

В комедии «Много шума из ничего» они, как и прежде, занимают инсценированными любовных интрижек, в ходе которых их малолетние подопечные в каникулярное время грызут гранит «науки страсти нежной». Конечно, еще только на словах, ибо в нежном школярском возрасте так называемые «свадьбы» являются откровенными метафорами условных помолвок или в лучшем случае устных брачных договоров, заключаемых родителями или опекунами-педагогами.

Среди девяти героев, явленных нам в комедии «Бесплодные усилия любви», можно явственно распознать и некоторых других персонажей, явившихся в июльские дни в Мессине.

Например, шут-пастух Башка, беспринципный ловелас и изворотливый толстяк-обжора, в декабрьские дни поражающий нас безграмотностью и бойким косноязычием, теперь реинкарнировался в такого же веселого проныру Кизила/Клюкву, отважно коверкающего латинские термины из области юриспруденции, ведь теперь в ночных игрищах злоумышленника Дона Хуана он исполняет роль полицейского пристава!

«В этой комедии Шекспир создал бессмертный комический образ констебля Догберри, добросовестного, но глуповатого и необразованного служака (это имя стало нарицательным и вошло в английские толковые словари, поэтому смысловой перевод „Кизил“ вызывает возражения)»¹¹.

Без труда распознается и слуга-охранник Антон Тупица — теперь этот немногословный герой, явившийся в образ помощника пристава, носит имя Булава. Имя, говорящее о силе и тупости.

Шекспировская энциклопедия нам сообщила, что Розалина, бойкая черноглазая красавица, флиртовавшая с юным демагогом Бироном, в комедии «Много шума из ничего» явилась нам в полном соответствии с со своим внешним и внутренним обликом. Смуглая малышка, чернушка, эфиопка теперь носит имя Беатриче, она по-прежнему является племянницей руководителя школы (в данном случае губернатора Леонато) и по-прежнему беспрерывно пикируется со всеми, кто вступает с ней в диалог, и ее расцветающее остроумие свидетельствует о том, что она неистощима на шутки и колкости... Розалина-Беатриче действительно продолжает словесный поединок с такой же родственной душой, с юной душой вечного оппозиционера и спорщика Бирона-Бенедикта.

¹¹ Комарова В. П. Творчество Шекспира. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.

Значит ли это, что и вторая пара героев-школяров из «Бесплодных усилий любви» также явится нам и здесь, укрывшись за именами Клавдио и Геро? Проверим.

Юный наваррец Фердинанд был влюблен в Принцессу Французскую (без имени). Преобразился ли Фердинанд в Клавдио?

Фердинанд — герой благородный, уверенный в своей власти, сдержанный и умеющий дать отпор товарищам. Он обладает твердым характером и является прирожденным лидером. Он по праву становится главным героем пьесы «Бесплодные усилия любви». И он — совершенная противоположность слабовольному и бесхарактерному Клавдио, который готов принять на веру любое утверждение, отказаться от своей точки зрения и согласиться с любым чужим мнением...

Теперь посмотрим, преобразилась ли Принцесса Французская в молчаливую красавицу Геро?

В пьесе «Бесплодные усилия любви» нам являлась двенадцатилетняя героиня — высокая белокурая красавица. Она — вовсе не молчунья и в девичьих проказах и шутках показала себя несомненным лидером, способным не только смущать юношей, но и вполне грамотно решать некоторые юридические вопросы, связанные с финансовыми проблемами. Такова ли Геро? Это бледная молчаливая тень, которая вяло произносит несколько бесцветных фраз, а в критический момент просто падает в обморок! К тому же, как утверждает Бенедикт, она не высокая блондинка, в маленькая толстенькая брюнетка...

Значит, наша гипотеза о том, что девять героев декабря 1602 года, явленных в комедии «Бесплодные усилия любви», через полгода, в июле 1603 года появились под другими именами в комедии «Много шума из ничего», неверна?

Почему же мы смогли распознать в новых образах шесть героев — Армадо, Олоферна, Башку, Тупицу, Розалину и Бирона, — а здесь нас постигла неудача?

Может быть, потому, что мы не обратили внимание на главные «маркеры» героев?

В пьесе «Бесплодные усилия любви» юные герои-школяры сочиняли для юных капучинок сонеты. Когда эти любовные вирши обнаружили, Шекспир дал нам возможность ознакомиться с ними в тексте комедии. Со всеми, кроме виршей Бирона — уличенный в отсылке сонета Розалине, он порвал текст, чтоб его никто не прочитал. Но поскольку он сам признался, что успел настрочить и отослать девушке несколько сонетов, то теперь, спустя полгода, мы слышим, что Розалина-Беатриче сохранила «хромой сонет»¹² Бирона-Бенедикта.

Сонеты были лишь первыми попытками школяров-наваррцев взять штурмом внимание юных капучинок. Следующим приступом стала отсылка подарков. Вот мы и видим, что об одном из таких подарков говорит Геро: «Вот перчатки, которые мне прислал граф: как они чудно пахнут!»¹³ (III, 4).

Кем же и кому же были присланы перчатки в комедии «Бесплодные усилия любви»?

Бриллиант прислал Фердинанд Принцессе.

Алмаз прислал Бирон Розалине.

Жемчуг прислал Лонгвиль Марии.

Перчатки прислал Дюмен Катарине.

¹² Хромой сонет — вариант сонета с неравностопностью четвертого стиха в катренах. — А. Квятковский. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.

¹³ Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

Теперь читателю все понятно!

Главным героем комедии «Много шума из ничего» стал самый незаметный, самый бедный и безынициативный «ботаник» Клавдио-Дюмен!

Он хотел стать философом, был скучным и незаметным, безропотно следовал за товарищами-подростками и отличался примерным поведением и послушанием. Поэтому и сдал лучше всех экзамены, метафорически называемые войной за знания, и был объявлен лучшим на первых страницах комедии «Много шума из ничего», явившись под именем «очаровательнейшего» Клавдио.

Девушка Геро, которая еще раньше нравилась Дюмену-Клавдио, под стать ему — такая же бесцветная и бесхарактерная. Герой, который был не в состоянии одарить избранницу алмазами и бриллиантами, мог позволить себе лишь перчатки и, естественно, интересовался тем, состоятельна ли невеста, наследует ли она состояние отца-Леонато, принесет ли ему достаток и хорошее приданое? Портрет этой почти бессловесной смуглой толстушки Геро совпадает с портретом Катарины, которую Бирон описывал как «ворону цвета амбры»...

И снова зададим вопрос: зачем Шекспир избрал главными героями комедии «Много шума из ничего» таких несмешных и бесцветных персонажей? Какова была его идея? Что он хотел сказать читателю и зрителю?

Возможно, из всего вышесказанного можно сформулировать гипотетический ответ на эти вопросы. В шекспировском францисканском ТюЗе были сконструированы-срежиссированы в реальной жизни с реальными героями-школярами вполне назидательные опыты.

Оба они отвечали на вопрос: ведет ли максимально интенсивное накопление знаний и победы на учебном поприще к такому же интенсивному нравственному и духовному развитию? Облагораживает ли образование человека? Меняют ли в лучшую сторону природу личности знания? Делают ли ее более цельной?

Спектакль, инициированный Доном Педро (Армадо), показал, что успехи в учебе (в «войне») Бенедикта-Бирона хоть и не повлияли на его критичность и остроумие, но никак не способствовали развитию его эмоциональной сферы. Как и полгода назад, он с легкостью менял свою точку зрения, жонглировал словами и сам не знал, что он чувствует: то ли неприязнь к злоязычной насмешнице, то ли любовь.

«Необходимо было вмешательство друзей, чтобы помочь молодым героям понять себя. Рассуждения Бенедикта об идеальной невесте комичны, однако едва он поверил, что Беатриче в него влюблена, как она приобретает в его глазах все достоинства идеальной невесты»¹⁴.

Победитель Бенедикт потерпел поражение в ситуации, когда от него требовались не слова, а действия. Он не смог публично отстоять честь девушки Геро, не смог во всеуслышание вызвать на поединок Клавдио, он вел двойную игру. Он считал себя непревзойденным остроумцем и мастером красноречия — в этом пустословии и видел главное достоинство — «блистательно остроумная пара — Беатриче и Бенедикт, — выполняющая функцию смысловой проверки языка, неожиданного переосмысления обиходных слов, в которых остроумие обнаруживает для себя новые возможности, перепроверяя значение всех понятий и явлений»¹⁵, — восторженно заключает современный исследователь.

¹⁴ Комарова В. П. Творчество Шекспира. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.

¹⁵ Шайтанов И. О. Шекспир. М.: Молодая гвардия, 2013. — Серия ЖЗЛ.

По этой филологической дисциплине Бенедикт-Бирон и получил, видимо, оценку «отлично». И на последней странице пьесы, слегка позубоскалив с потенциальной невестой, он даже не интересуется датой явления к алтарю, а призывает собравшихся без промедления предаться танцам...

Спектакль, инициированный Доном Хуаном (Олоферном), показал, что успехи в учебе (в «войне») Дюмена-Клавдио хоть и повысили его самооценку как небогатого, но вполне завидного жениха, но этот «победительный» эффект был краткосрочен. Победитель в интеллектуальном образовательном марафоне потерпел сокрушительное фиаско при столкновении с тем, что требовало достоинства, благородства, характера и принятия самостоятельных решений. «Клавдио — обычный солдафон, заурядный влюбленный в духе Петрарки, и его ревность тоже заурядная. <...> Его согласие на этот брак свидетельствует о том, что Клавдио — не цельная личность. Песня памяти Геро, которую Клавдио исполняет на кладбище, — „Богиня ночи, о, прости“ (V, 3) — скверная»¹⁶, — констатирует поэт У.-Х. Оден, который вообще очень строг и которому, судя по записям его лекций, не нравятся поведение и характеры всех героев!

Внимательный и чуткий читатель, У.-Х. Оден фиксирует неорганичность поведения и искусственность действий персонажей. Он пишет об отце юной невесты, губернаторе Леонато: «Клавдио отворачивается от Геро. Геро, вместо того, чтобы защищаться, падает в обморок, а Леонато попадает на удочку Дона Хуана, так как не хочет верить, что принцы способны на ложь — Леонато сноб». Недоволен поэт и поведением второстепенных героев: «Шекспир небрежно обошелся с главным сюжетом. Возьмем Маргариту — неужели она не сознавала, что делает? План Борачио (чтобы девушка окликнула его из окна именем Клавдио) тоже никуда не годится — как бы то ни было, Клавдио ведь все слышал. Сюжет пьесы — это лишь фон к дуэли умов между Бенедиктом и Беатриче».

Но в данном случае опытный поэт не прав. Автор комедии «Много шума из ничего» нигде не ошибся, не показал себя слабым комедиографом. Он сделал для читателей и зрителей своего времени и будущих поколений именно то, что планировал!

Веселое имя Шекспир

Современные писатели, нацеленные на создание бессмертных шедевров, нередко шутят: дескать, дайте мне любой материал, хоть и телефонную книгу — и я сотворю из нее бессмертное искрометное произведение! Но пока еще эти шутки не дали впечатляющих результатов — Шекспир остается непревзойденным.

Более четырехсот лет назад он использовал эту творческую стратегию — брал любой материал и с его помощью создавал свое живое и остроумное произведение. Ничего оригинального, собственно шекспировского, не предъявил он нам и в случае с комедией «Много шума из ничего». Источники его вдохновения изучены и широко известны. Шекспир взял для своей пьесы частности фабулы из различных итальянских источников.

Источники сюжетной линии Клавдио и Геро — сборник новелл Маттео Банделло (1554), поэма «Неистовый Роланд» Л. Ариосто (1516), поэма «Царица фей» Э. Спенсера. «Шекспир довольно точно следовал новелле Банделло, с которой на этот раз он был знаком по переводу Франсуа де Бельфоре „Трагические истории“

¹⁶ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире / Пер. с англ. М. Дадяна. Предисл. М. Дадяна. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

(1569, рассказ 3). Только у Бельфоре упомянуты дон Педро Арагонский и губернатор Леонато, а действие происходит в Мессине»¹⁷.

Из пятой книги «Неистового Роланда» Ариосто (история о Ариоданте и Джанетре), переведенной на английский в 1591 году, Шекспиром взята нужная ему тема заговора: «злонамеренный дворянин предупреждает одного знатного юношу о том, что дама его сердца изменила ему, заставляет ее служанку переодеться в ее платье и принять ночного посетителя, поднимающегося по лестнице, приставленной к окну ее госпожи. Для того чтобы жених, присутствующий в некотором отдалении при этой сцене, мог получить мнимое доказательство справедливости клеветы, благодаря которой свадьба расстраивается. Из новеллы Банделло „История Тимбрео и Кардонь“ он взял все другие подробности. Тимбрео — это Клавдио, через своего уполномоченного он сватается за дочь мессинского дворянина Леонато. <...> Когда ее обвиняют, она падает в обморок, ее объявляют умершей и, как и в пьесе, устраивают фиктивные похороны»¹⁸.

В общем, как дружно заявляют исследователи, Шекспир смело использует любой материал, попадающийся под руку, и уподобляется вороне, украшенной чужими перьями, — именно так злоязычные современники аттестовали британского собрата по литературному цеху. Он не стремится к изобретению оригинальных сюжетных конструкций. «Он их не придумывает, не заботится об этом; он употребляет свой старый метод, выкраивает пьесу из какой-нибудь посредственной, причудливой новеллы; он переделывает старые плохие театральные пьесы и обыкновенно поступает при этом так: он сохраняет без дальних рассуждений фантастические, невероятные, мало того, даже отталкивающие более образованных людей черты фабулы; этому он всегда придает изумительно мало значения; порой он заимствует слишком много из данного материала, не сообразуясь с психологической вероятностью... этот характер или такие характеры, которые данная ситуация дает ему повод прибавить из собственной фантазии, он зажигает всем огнем своей души, так что реплики пламенеют и мечут искры остроумия или страсти», — сообщает Г. Брандес. И этот же маститый исследователь, невзирая на все эти дефекты и несовершенства шекспировского текста, делает неожиданный вывод: вопреки некачественной проработке фабулы и «отчасти независимо от нее создает перворазрядное поэтическое произведение».

В чем же перворазрядность комедии «Много шума из ничего»? В том, что в ней нет ничего оригинального? В психологической несурязице? В ситуациях, где герои ведут себя неестественным образом?

Предполагается, что все эти якобы пороки текста перекрываются блеском остроумия и недюжинной фантазией драматурга, пламенеющими репликами и искрами страсти... Но так ли это?

Обратим внимание читателя на то, что ни один исследователь — желающий может проверить самостоятельно! — не обратился к рассуждениям о смысле названия бессмертной комедии. Что же это за «ничто», которое извлекает так много шума?

Шума в комедии не слишком много: герои мирно беседуют в губернаторском доме, мирно сплетничают в саду, стыдливо прячутся в густых зарослях жимолости, сидят в бесшумных ночных засадах, призванных подслушать подростковые игры в любовь... Шума в комедии не только мало, но и скандал в церкви не слишком шумен — в храмах вообще шуметь не полагается, даже если ты обвиняешь невесту в неверности... И зачем прямо в тексте Шекспир датировал это пустопорожнее событие, прямо указав, что произошло оно 6 июля? Нет ли в этом решении некоего оправдательного

¹⁷ Шекспир. Энциклопедия / Сост., вступ. статья, именной указатель В. Д. Николаева. М.: Алгоритм, Эксмо; Харьков: Око, 2007.

¹⁸ Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто, если не он. М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

подтекста? Дескать, не надо думать, что лучший благородный юноша женился на лучшей благородной девушке! Слухи сильно преувеличены!

Такой подход потребовал бы установления конкретной хроникальной составляющей в комедии «Много шума из ничего». В каком году произошли описываемые события? Безусловно, они должны были произойти до того, как комедия была написана! Респектабельное шекспироведение утверждает: «Эта пьеса была занесена в книгопродавческие каталоги 4 августа 1600 г. и вышла в том же году. Пьеса „Много шума из ничего“ в том виде, в каком она была много раз публично играна слугами лорда-камергера. Сочинена В. Шекспиром. Следовательно, она должна быть написана в 1599—1600 гг.»¹⁹. Но можем ли мы доверять мнению Г. Брандеса? Ведь в своей знаменитой книге, стяжавшей международную славу биографического бестселлера, он прямо заявляет о времени действия комедии: стоял месяц флореаль по республиканскому календарю.

Неужели Шекспир и герои его искрометной комедии об испанских школярах и остроумных капуцинках жили в XVIII веке? Ведь республиканский календарь был введен в обиход после Великой французской революции, в 1793 году! И месяц флореаль в нем приходился на период с 20 апреля по 19 мая! Почему же Г. Брандес уводит нас от конкретной даты 6 июля, указанной в тексте? По республиканскому календарю июль назывался *мессидор (19 июня — 18 июля)*. Почему он утверждает, что пьеса должна быть написана в 1599—1600 годах? Ведь тогда еще никаких флореалей и в замыслах не существовало!

Читатель видит, что исследователь упорно внушает нам, что юные и не очень юные шекспировские герои, поэтическая летопись пребывания которых явлена нам, по крайней мере, в трех комедиях Великого Барда, были реальными людьми, жившими то ли в XVI, то ли в XVIII веке! Но только не в семнадцатом!

Но непредвзятый анализ конкретных исторических фактов и астрономических данных вкупе с ясными календарными установками, запечатленными Шекспиром, дает возможность определить точные временные привязки событий в трех пьесах — а возможно, не только в них!

Можно ли утверждать, что традиционное респектабельное шекспироведение по какой-то причине скрывает от читателя точное историческое содержание комедий? И почему оно это делает?

Напомним, какие события предшествовали явлению комедии «Много шума из ничего».

В комедии «Бесплодные усилия любви» были изображены девять москвичей, прибывших для получения образования в Британию. Это произошло согласно сохранившимся в британских и российских архивах документам в сентябре 1602 года. Комедия-хроника описывает первую встречу недорослей с юными капуцинками в декабре, это своеобразные смотрины, главными героями которых становятся дети монархов (король Фердинанд и Принцесса Французская). Шекспир изобразил это событие международного масштаба в виде спектакля.

Заключение брачного договора было перенесено на лето. Попытку соединить высокородного жениха и высокородную невесту взрослые герои предприняли в июле 1603 года — все перипетии этого сложного предприятия были описаны Шекспиром в комедии «Сон в летнюю ночь», действие которой Шекспир датировал астрономически, с помощью новолуния, совпавшего с Петровым днем, и четырех конкретных дней с 7 по 11 июля.

Однако, как хорошо известно почитателям творчества Шекспира, намеченный брачный альянс двух подростков летом затрещал по всем швам! Юные герои и героини,

¹⁹ Брандес Г. *Неизвестный Шекспир. Кто, если не он.* М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

откликаясь на зов сердца, нарушили планы взрослых, а высокородный жених уступил в живости и обаянии красноречивому другу-сопернику...

Однако еще за день до этой любовной беготни в ночном саду на территории францисканского монастыря, 6 июля, по дипломатическим каналам, видимо, было разослано сообщение о том, что брачный договор успешно заключен!

Шекспир нам и показал, что это сообщение было ложным! 6 июля 1603 года ничего судьбного не произошло! Шум был поднят напрасно! О любовных чувствах говорили не дети монархов, а совсем другие юнцы и юницы, бесхарактерный второстепенный герой и блеклая молчаливая толстушка-капуцинка... Для международной дипломатии эти персоны действительно не представляли никакого интереса. Комедией «Много шума из ничего» Шекспир как бы дезавуировал ложные надежды двух государств с помощью удачного брачного союза вступить в более активное политическое взаимодействие...

О каких политических материях могла идти речь? Какой международный политический проект рухнул благодаря шумной дезинформации, которая на поверку оказалась пустышкой, «ничто»? Об этом приходится только гадать и размышлять о том, кто же из юных царевичей/москвичей мог прибыть в Британию осенью 1602 года, в самый разгар российского Смутного времени? И почему эта шекспировская загадка не только существует более 400 лет, но и совершенно игнорируется исследователями?

Тайна сия велика есть...

РЕЦЕНЗИИ

ПОЭТ ПАМЯТИ

Илья Фаликов. Борис Рыжий. Дивий камень. — М.: Молодая гвардия, 2015. — 382 с. — (Жизнь замечательных людей: Малая серия). — 3000 экз.

Выхода книги Ильи Фаликова о поэте Борисе Рыжем в малой серии ЖЗЛ я ждал с большим нетерпением, поскольку вслед за Евгением Рейном считаю ее героя «самым талантливым поэтом своего поколения» — молодого поколения поэтов, чей расцвет творчества пришелся на 1990-е годы. Петербургский поэт Александр Кушнер справедливо называл стихи Рыжего живыми, отмечая: «Это редкое качество, и, может быть, единственное, делающее стихи стихами. Ведь так часто приходится читать стихи, в которых есть все: ум, аллюзии, все модное слововерчение и т. д., а душа к ним не лежит, — они мертвые». Борис Рыжий мертвых стихов не писал, и уже этим его поэзия привлекает внимание.

Борис родился в 1974-м, а в 2001-м покончил с собой, уйдя от нас в лермонтовском возрасте. «Он изначально заряжен на мгновенность, вспышечность, метеоритность судьбы», — справедливо утверждает Илья Фаликов в своей книге. Нельзя не признать: автор проделал большой труд, собрав, изучив и осмыслив многочисленные факты и материалы о поэте. В его книге калейдоскопически рассмотрены многие темы: показаны жизненный и творческий путь «трансазиатского поэта», его «предыстория» и «истоки», семейное окружение, роль двух городов —

Екатеринбурга и Петербурга — в его жизни, судьбе и творчестве, приведены воспоминания друзей Бориса, представлены оценки ряда литературных критиков его творчества, проанализирована взаимосвязь поэзии героя с творчеством многих русских классиков — поэтов XIX—XX столетий, начиная с Лермонтова, отзвуки которого в поэтическом творчестве Рыжего слышны, пожалуй, наиболее отчетливо, и заканчивая Гандлевским, с которым его неустанно сравнивают филологи. В целом книга Фаликова оставляет ощущение именно калейдоскопа, мозаики, грешит фрагментарностью и, увы, не производит целостного впечатления. Иногда кажется, что автор просто собрал воедино все, что знал и сумел найти, изучить и прочувствовать о своем персонаже, и произвольно разделил собранный материал на семь частей, каждая из которых существует как бы сама по себе. Понимая данный недостаток своего труда, биограф комментирует его следующим образом: «Жизнеописание предполагает хронологическую последовательность. Однако иные свидетельства жизни нашего героя, как водится, появились постфактум, после его ухода. Обращение к таким свидетельствам обеспечено привязкой времени, к тому, что было в тот или иной период жизни поэта. Это дает эффект калейдоскопа, но поверьте на слово — автор книги постоянно смотрит в календарь и ничего не путает». Впрочем, нередко возникает ощущение, что названный эффект калейдоскопа достигается автором искусственно за счет далеко не всегда обязательных лирических отступлений, которыми, к слову сказать, изобилует биография поэта, так что в последнем иногда поневоле приходится сомневаться.

Пожалуй, необязательные авторские лирические отступления и местами встречающиеся неоправданные длинноты суть главный недостаток книги Фаликова. За непрерывными попытками литературоведа найти в стихотворениях Рыжего отзвуки поэзии классиков, за густым потоком воспоминаний, интервью и свидетельств теряется основное — личность Бориса, так что созданный Фаликовым образ уральского стихотворца получился, увы, несколько невнятным. К примеру, излишне затянутой выглядит первая часть жизнеописания, где автор подробно описывает достопримечательности Челябинска (места рождения поэта) и помещает чрезмерно обстоятельные — на целых семь страниц книги — воспоминания матери Бориса о своей нелегкой жизни в годы Великой Отечественной войны. В пятой части, отходя от темы своего труда, Фаликов без купюр воспроизводит свой очерк «Философия скандала», опубликованный много лет назад в «Литературной газете» и посвященный размышлениям, навеянными отказом Дмитрия Галковского от Антибукеровской премии. Подобный материал любопытно почитать для расширения историко-литературного кругозора, однако при этом возникает справедливый и закономерный вопрос: как он соотносится с судьбой поэта — главного героя книги? Признаюсь, иные страницы книги Ильи Фаликова я пролистывал с нескрываемым раздражением. Мне хотелось поскорее найти в его жизнеописании четкие ответы на два главных, волнующих и всецело занимающих меня вопроса. Первый вопрос, согласно книге, этак просто, с детской наивностью сформулировала «девица с телеканала „Культура“», невзначай обронившая: «А что такого особенного в его стихах?» Второй же мой вопрос заключался в феномене раннего ухода Бориса Рыжего, чей стремительный и вертикальный взлет, который разглядела в нем поэтесса Ольга Ермолаева, был подобен лермонтовскому. К сожалению, тему самоубийства поэта автор ожидаемо деликатно обошел стороной, ограничившись скупой хроникой последнего дня Бориса. А хотелось бы узнать, какие причины и обстоятельства подвигли героя книги на столь решительный и отчаянный поступок.

В своих лучших стихах Борис Рыжий пронзительно исповедален и космически одинок, чем опять же поразительно напоминает Лермонтова. Исповедальной

интонацией проникнуты не только многие стихи поэта, но и его лирическая проза — неоконченный «Роттердамский дневник». Автор книги по праву называет Бориса поэтом памяти, замечая: «Масса того, что он писал, возникла оттуда, где было лучше, чем сейчас». Стихи Бориса Рыжего и вправду проникнуты музыкой памяти, детства, счастливого, дорогого и безвозвратно утраченного: «Где обрывается память, начинается старая фильма, // играет старая музыка какую-то дребедень. // Дождь прошел в парке отдыха, и не передать, как сильно // благоухает сирень в этот весенний день...»

Лирический герой поэта, нередко предстающий в образе мальчика-школьника, поражает трагическим и неизбежным одиночеством: «Еще вполне сопливым мальчиком // я понял с тихим сожаленьем, // что мне не справиться с задачником, // делением и умноженьем... // что я, увы, не стану летчиком, // разведчиком и космонавтом, // каким-нибудь шахтопроходчиком, // а буду вечно виноватым... // что это все однажды выльется // в простые формулы, тем паче, // что утешать никто не кинется, // что и не может быть иначе». Иногда, по ходу чтения книги, мне хотелось задать автору вопрос: а что для него самого является главным в образе Бориса, чем образ этого поэта так притягателен и интересен ему? Возможно, этим главным было одиночество планетарных масштабов. Думается, именно оно и сгубило Бориса, как он ни пытался спрятаться от него в семье, творчестве, приятных воспоминаниях. Спрятаться не получилось — одиночество оказалось сильнее.

Сквозной метафорой книги Ильи Фаликова является *Дивий Камень* — таинственное место в Сухом Логу, где Борис студентом проходил практику, представляющее собой «вулкан девонского периода, высокий холм, голый, не заросший лесом, похожий на спину гигантского мамонта, полувывлезшего из вечной мерзлоты», и служащее символом поэзии. Этот камень символизирует в том числе и поэзию Рыжего — дивную, незаурядную, воплотившую в себе весь трагизм человеческого одиночества и передавшую его с удивительной музыкальностью.

Хочется надеяться, что биография Бориса Рыжего будет полезна всем, кто захочет разобраться в личности и творчестве юноши с Урала, который жил стихами и с присущим ему максимализмом юности ставил своей жизненной целью стать лучшим русским поэтом.

Дмитрий КОЛЕСНИКОВ

ЭТА КНИГА НЕ ЗАТЕРЯЕТСЯ...

Владимир Рецепттер. Принц Пушкин, или Драматическое хозяйство поэта.

СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2014.

В необъятной литературе о Пушкине эта книга не затеряется. У ее автора есть свой взгляд на драматургию поэта. Прекрасно ориентируясь в пушкиноведении, вплоть до изучения рукописей, В. Э. Рецепттер, филолог и писатель, главный редактор издательской серии «Пушкинская премьера», верен и другой своей ипостаси — многогранного театрального деятеля: актера, режиссера, педагога, главы Пушкинского театрального центра и руководителя театра «Пушкинская школа», организатора замечательных Пушкинских театральных фестивалей, в течение двадцати лет демонстрировавших поиски и достижения современных театральных трактовок пушкинских текстов, что непременно сопровождалось обсуждениями и бурными теоретическими спорами на заседаниях творческих лабораторий.

На одной из первых из них Петр Фоменко отметил «очаровательную бездну» между академической наукой о Пушкине и театральными пушкинскими воплощениями. Неизменным подвижником преодоления этой «пропасти» на протяжении всей своей деятельности стал В. Э. Рецеттер.

Книга носит необычное название: «Принц Пушкин», подспудно отсылающее к шекспировскому наследию, принципиально важному для русского поэта. Недаром в не опубликованных при жизни «Набросках предисловия к „Борису Годунову“» он думал открыться читателю: «Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов» (именно «планов», на чем настаивает автор книги, а не «типов», как до сих пор порой трактуется небрежно записанное в пушкинском черновике последнее слово). И снова пушкинисту В. Э. Рецеттеру помогает его актерская карьера, которая началась с блистательного исполнения роли принца Гамлета. Это же было подготовлено неизменно продолжавшимся глубоким изучением системы английского драматурга. Наблюдения над шекспировской струей пушкинского творчества составляют одно из наиболее убедительных достоинств рецензируемой книги. Специальные же шекспироведческие статьи становятся здесь ее органической частью, как и обращение В. Э. Рецеттера к наследию Грибоедова, Достоевского, Пастернака...

Основным правилом театра Пушкина автор книги справедливо считает его завет: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот что требует наш ум от драматического писателя», а стало быть, и пушкиниста, и театрального работника.

В свое время М. О. Гершензон выдвинул тезис «медленного чтения» пушкинского текста как главного средства исследования творчества поэта. В. Э. Рецеттер неизменно условием подлинного постижения пушкинской драматургии считает актерское проживание каждого из пушкинских образов, беря в союзники самого их создателя и считая, что актерские возможности самого Пушкина были неограниченны. Действительно, уже в его лирике явственно выступает способность глубоко вжиться в психологию оригинальных характеров, выражая свою причастность к ним на высшем, мировоззренческом уровне: вспомним хотя бы такие стихотворения, как «Узник», «Пророк», «Арион», «Паж, или Пятнадцатый год». В болдинской «Элегии» он также открыто признавался: «Порой опять гармонией упьюсь, / Над вымыслом слезами обольюсь...»

Пушкинские тексты анализируются в книге преимущественно с выявлением намеченных писателем «предполагаемых обстоятельств», которые помогают проникнуть в недра драматического *подтекста*. «Пушкинский текст, — по мнению автора, — партитура роли и вечное обстоятельство будущих спектаклей».

В своих изысканиях В. Э. Рецеттер постоянно спорит с академическим пушкиноведением, предоставляя при этом слово своим оппонентам — в том числе и, как говорится, вашему покорному слуге. Это освобождает от необходимости продолжать давно начатую нами полемику.

Особо интересна мемуарная составляющая книги «Принц Пушкин». Здесь раскрывается судьба неутомимого деятеля, на протяжении многих десятилетий одухотворенного счастливой страстью и вербующего в союзники не только представителей актерского цеха, поэтов, художников, композиторов, но и ученых, — столь же завороженных гением Пушкина.

**Сергей ФОМИЧЕВ, профессор, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)**

К МОРСКИМ ГЛУБИНАМ ТЯНЕТСЯ ДУША

Вера Зубарева. Тень города, или Эм Цэ в круге. Стихотворения и поэмы разных лет. — 204 с. Charles Schlacks, Jr. Publisher Idyllwild, CA 2016

В новой поэтической книге Веры Зубаревой отчетливо проявлен ее давно сложившийся творческий характер. Свойственная ей негромкая интонация — свидетельство того, что автор доверяет своему читателю, хорошо знает и чувствует его. Она не дергает за рукав торопящихся в человеческом многолюдье, не зазывает суетящуюся толпу, вообще, кажется, не требует внимания — возникает ощущение, будто Зубарева сосредоточена на внутреннем монологе, ведет разговор сама с собой.

Очень точно отметила эту особенность стихотворной речи автора поэтесса Елена Скульская, писавшая о стихах Веры Зубаревой: «это нашептывание, тихое нашептывание собеседнику, почти его, собеседника, внутренний голос, который звучит всегда нежно, но убежденно, трепетно, но настойчиво. Тихая прелесть стихов Веры Зубаревой проникнута прохладой и тенистостью, столь важными в крикливые и жаркие дни».

Иными словами, внутренний монолог все же предполагает читателя, способного вслушиваться и слышать эти стихи. Образ обретаемой тишины, в которой может быть услышано самое легкое, тонкое, почти прозрачное движение вполне уверенной рукой, отражен в одном из ее стихотворений:

Целебный запах водорослей. Снова
Пришла сюда. И берег не в сезон —
Как мир доисторических времен,
Где никого не посещало Слово,
Где тишиной усилен каждый звук
И поле зренья занимает жук,
Чье шумное сыпучее старанье,
Должно быть, слышится
На много миль вокруг.

Тишина, в которой отчетливо слышно «сыпучее старанье», есть и самохарактеристика творческого метода Зубаревой, и условие, необходимое для восприятия ее негромкой интонации.

Тогда и становится видимым и слышимым мир ее поэзии, в котором перетекает «незыблемое в зыбкое», босые ступни мнут «пластилиновый асфальт» (одна деталь, но какая же точная метафора знойного летнего дня!) и «облезлые больные лежаки» на пустынном зимнем пляже. Кстати, это постоянно звучащая тема — пляж и море во внесезонное время, тема, хорошо понятная всякой романтической душе, особенно «тем, кто рожден был у моря». Отсюда еще одна метафора зимнего моря:

Только кутерьма
Движение осуществляла в снеге.
Сверкали льдинами холмы
На побережье странно белом.
Так замерла душа волны...

Эта замершая душа волны дорогого стоит. И когда читаешь у Зубаревой: «Уж за полночь. Штормит моя тетрадь./ Ей снова в малом хочется о многом», понимаешь, что это принцип художественного мировосприятия поэта, что способность

сказать «в малом о многом» — одна из черт многогранного поэтического дарования Веры Зубаревой. Отсюда же одушевленность одного из многочисленных образов солнца, возникающих в стихах этого автора:

Солнце рассматривает глубины.
Приникая к поверхности
Почти неподвижного моря.

Тема моря в творчестве Зубаревой — тема действительно особая. Она пронизывает корпус стихов камертоном, дающим настрой на общее восприятие творчества поэта, на то состояние души, которое ведет автора от впечатлений детства к мировосприятию ее сложившегося поэтического характера:

К морским глубинам тянется душа.
Туда же осень тянется за летом,
Туда уходит день за новым светом
И мысль за отрицаньем рубежа.
К морским глубинам тянется душа,
Чтоб в голос крови вслушаться взятяжку,
Следить, как жизни бродят нараспашку
По кромке неизвестного числа...

Это из стихотворения памяти отца, Кима Беленковича, человека, чьей профессией, чьим призванием было море. Что тоже во многом объясняет особое отношение к теме моря у автора.

Но у этой темы есть еще один аспект: она, тема Моря — порой тревожная, но все равно солнечная, просветленная, — звучит альтернативой теме Города, где Город — в образной системе Зубаревой — предстает в облике угрюмого города-призрака, города-Пилата. Не случайно же эпитафией к новой книге поэт ставит эти свои давние строки:

Пляж пустел стремительно и громко.
Охали раздутые трамваи.
Ветер бережно расправил кромку.

Переполненное солнце
Вздогнуло слегка —
Пролилось в облака.

Город отразился на щите заката
Призраком Пилата...

Этот образ Города тоже звучит сквозной темой новой книги, внушает тревогу, напоминает о жизненной драме, о трагедийности жизненного пути, который уныло движется к своему исходу:

Манхэттен. Солнце, не выдержав нагрузки,
Плюхнулось на небоскребы,
Распласталось на брюхе.
Сваленные в кучу, как битые моллюски,

Темнеют бездомные. К ним ластятся мухи,
Лижут им лица, мурлычут, клячат,
Ходят кругами, тычутся мордой
В позеленевшие блюдца фонтанчиков.
Сабвей приливает электричками к городу.
Вспыхивают осколки стеклянных офисов.
Закат. Манхэттен объят пожаром.
Желтых такси обозленные осы
Несутся, сигналижая пронзительным жалом.

Да простит меня читатель за обильное цитирование, но, как водится, стихи лучше всего говорят сами за себя, разбросанные по разделам книги, они не дают расстаться с этой художественно осмысленной характеристикой Города:

Снова в Городе отключили день.
В тетради — темень, все вповалку,
Слово на́ слове... Мир обалдел.

Но, кажется, пространство, которое пронизывает взгляд поэта, выходит за рамки земного, как эти строки из цикла «Записки лунашедшего»:

Три часа ночи. Луна в повязке тучи
Мучается мигренью.
От этих дождей разбухла и выглядит пьющей,
А на самом деле
Сухой закон на ее поверхности,
И в кратерах — сплошная желтуха.
Кажется, тронешь — и распадется от ветхости.

Тем дороже — на фоне этой темы — звучание пронизанной солнечным светом морской волны. Чем острее драма жизни, тем ярче радость проживания каждого дня, красота окружающего мира — не об этом ли стихийное движение стиха?!

Кстати сказать, стихийность радует в стихах поэта Веры Зубаревой: у нее нет дидактических концовок, заранее просчитанных холодным умом псевдоафористических сентенций. С читателем делится своими чувствами, переживаниями, сомнениями истинно лирический поэт, а не делатель зарифмованных тезисов. Такие стихи обычно рождаются на коротком дыхании, выплескиваются на едином выдохе.

Но поэтическое мастерство Зубаревой дает ей возможность держать тонус текста на протяжении многих страниц, как это происходит, например, в ее поэме «Свеча». Сюжетная линия поэмы развивается не по законам прямой стихотворной речи, не повествовательным каноном, а густо прописанным образным языком, поддержанным свободным интонационным дыханием. Ощущение такое, будто целая поэма выплеснута, словно короткое лирико-философское стихотворение. В ход при этом идет все: и ритмизованный нерифмованный текст, и жесткий ритмический рисунок стихотворного рифмованного текста.

Здесь тоже звучит тема Города, приобретая трагедийный характер:

Город спит под конвоем снов.
Город видит туннели дул.

Город гонят вдоль мостовой,
Чтобы он никуда не свернул,
Чтоб он двигался в массе тел
К точке ада, адом ведом,
Был насаженным на вертел,

В чреве мертвой кипел живьем,
Слушал плоти сжигаемый зов,
Ликованья победной орды,
И не вышел уже из снов —
Из последней своей беды.
А меня там давно уже нет.
И в окошке моем луна.
И в будильнике ждет рассвет.
А во сне у меня — война.

Перед нами все та же Вера Зубарева: искренняя, мыслящая не риторическими стишками, а хорошо выверенным образчиком русской стихотворной традиции.

Потому так часто остается сама и оставляет в растерянности своего читателя Вера Зубарева:

Холода. Отмирает тепло. Но зато — вместе с болью.
Значит, то, что болит или греет, увы, не душа...

А что же, если не душа? — воскликнет читатель. В сосредоточенной тишине стоит задуматься и об этом. К сопереживанию, к сомыслию приглашает Вера Зубарева читателя своей новой книги.

Даниил ЧКОНЯ

ДОМ ЗИНГЕРА

Светлана Волкова. Подсказок больше нет. М.: Издательство АСТ, 2015. — 318 с. — (Средняя школа №...).

В наше время в школу, в учителей, в подростков только ленивый камень не бросит. С экранов льются жуткие истории: учителя-извращенцы, дети-изверги, издеваются над учителями и одноклассниками, выкладывают в Интернет истязания, снятые на мобильный телефон. Тем приятнее встретить добрую, с хорошей долей юмора книгу о современной школе и школьниках. Учителя нормальные, особенности своих подопечных учитывают, пятнадцатилетние подростки вольностей по отношению к учителям не допускают, наркотой не балуются. Правда, один из них, избалованный сын богатой спонсорши, разгневался на классную руководительницу, вычеркнувшую его из списка участников намеченной в Финляндии Спартакиады: и пальто ее в гардеробе на пол кинул, и карательные меры продумал. Но,

случайно услышав ее очень личный, невеселый разговор по телефону, проникся сочувствием к хрупкой женщине и даже принялся извиняться, что наговорил гадостей. Между собой ребята иной раз и дерутся — надо же иногда выяснять отношения, если есть серьезная причина. Дети, однако, не розовые и пушистые. Есть и капризная красавица, юная вертихвостка, шантажирующая 30-летнего женатого артиста своей вымышленной беременностью, в результате добиваясь нового айфона и роли в сериале. И девочка, живущая с отцом и бабушкой, и эгоистично, чтобы не потерять первое место в жизни отца, долго не допускавшая в устоявшийся семейный мир другую женщину. Проблемы героев книги типичны для подростков всех времен: поиск собственно «я», самоутверждение, отношения в семье, с учителями, со сверстниками. Дружбы, влюбленности, столкновения. Выход в большой мир. А так как это же наше время, век XXI, то посредством информационных технологий реальный мир моделируется: на наших глазах рождается новая подростковая субкультура — субкультура джибобов. Собственно, ее рождение и есть завязка сюжета. Главный герой, Костик, приходит в новую школу, помня наставления старшего брата (у того в прошлом была своя трагическая история вживания в чужой коллектив), как себя вести, чтобы тебя сразу зауважали. «Когда войдешь в класс, не стой у двери, как бедный родственник. Заходи смело, будто все тебе знакомо. Улыбнись. Один раз, вместе с кивком головы. Больше лыбиться не стоит — подумают, что заискиваешь. Смотри прямо, а не на кеды свои, как ты любишь. Когда училка будет представлять тебя классу, огляди всех учеников. Всех, понял? Глаза в глаза. Сканируй их. Потом она разрешит тебе выбрать свободное место. Выдержи паузу. Медленно, с достоинством пройди к тому столу, за которым сидит самое симпатичное существо — не важно, пацан или девка. Выбери самого, на твой взгляд, успешного. На вопросы отвечай четко, коротко, в разглагольствования не пускайся. Не сутулься, а то сразу прилепят какое-нибудь погоняло. Хочешь быть Скрюченным? Нет? Тогда держи спину прямо, тяни лопатки к позвоночнику. А лучше, придумай себе кличку. Скажи, что в прежней школе тебя так звали. Тут уж сам, сам. Но поскромнее, без всяких Спайдерменов и Князей. И не заводи приятелей сразу, осмотрись». Приятелей! Врагов бы не завести... И как доказать, что он не ботан и не лузер? И Костик придумал: представился новым одноклассникам как Доб Джибоб. «Ну считайте, — субкультура такая. Я не гот, не эмо, не хипстер. Я джибоб». И на ходу сочиняя «Устав Джибоба»: «Настоящему джибобу все равно, что о нем говорят. Его нельзя оскорбить, кто это делает — смешон и ничтожен. Делает то, что хочет. Всегда. Бесполезно спорить, он не вступает в дискуссии ни по какому поводу. Нельзя бить. У него сильные покровители». По ходу книги Костику не раз, сообразуясь с обстоятельствами, придется корректировать главные принципы джибобизма, добавлять новые, заниматься «калибровкой» пофигизма: «Нам пофиг, все равно». Подхваченное одноклассниками, движение набирает силу: и джибобы заполнили Интернет — в темных очках и черных бадлонах с печальными лосями, запястья перевязаны банданами; появляются новые термины, как, например, «джибобинг», распространяются максимы Костики, организуется сходка джибобов в Саблино, идеологию джибобов подхватывает группа «Дзот»: «Не голосуй ни за мир, ни за войну. Тебе пофиг, у-гу-гу! // Летай, когда летается, ползай, если ползается. // Делай, что желается, не слушай никого! // О-го-гого, о-го-го». Джибобов, «тварей безобидных», готовится бить купчинская шпана. Костик серьезно задумывается о судьбе самозванцев — Лжедмитрия, Пугачева, княжны Таракановой. И еще серьезнее — о пагубных плодах пофигизма. Особенно когда встретился с шестилетним Степаном, чей старший брат, желая стать эльфом, отравился какой-то гадостью. А Степану пофиг: «У каждого свой выбор! Он выбрал эльфов. Я не вме-ши-ваюсь». Субкультура субкультурой. Но главное в этой книге, что реальные подростки в реальных, часто непростых обстоятельствах учат-

ся соотносить свои желания с обязанностями и ответственностью за свои поступки. Для каждого из героев наступает момент, когда подсказки кончаются и надо принимать решения самому. И ведь неплохо получается.

**Евгений Белодубровский. Тринадцать петербургских пальто (1946–2011).
СПб.: ООО «Метропресс», 2015. – 256 с. (Серия «Санкт-Петербург.
Тайны, мифы, легенды»).**

История города и его обитателей, увиденная через «биографии» пальто: ношенных, малоношенных, плащей, телогреек, дождевиков, курточек и курток... Цельных и подбитых, с соседского плеча, на вырост и даже персонально для тебя сшитых. За каждым — время и люди... Конечно, в жизни автора пальто было больше, но в памяти остались именно эти, особенно первые, послевоенные, петербургские. Петербургские или ленинградские? Но культурное, духовное, бытовое пространство Петербурга—Ленинграда неразделимо. Петербурженка или ленинградка, родившаяся до революции и пережившая блокаду русская дворянка мадам Скоморовская, вдова выдающегося ленинградского музыканта Якова Скоморовского, друга-соратника Леонида Утесова, что все советские годы упорно устанавливала новогоднюю елочку в ночь с 13 на 14 января? Это от нее мальчику-соседу, Жене Белодубровскому, появившемуся на свет в апреле 1941 года, досталось первое пальто, что носил он в 1947—1950 годах. По воротнику каракулевое, седое, по низу, рукавам и всему остальному в клетку и линейку, оно было собственноручно перешито сердобольной соседкой из того, что лежало в ее «запасниках». Петербуржцами или ленинградцами были те, кто в скудные послевоенные времена делился последним, чтобы приодеть подрастающего мальчишку? Шофер Ваня, молочница Минна? А к каким временам отнести дом на углу Невского проспекта и улицы Желябова, построенный еще до революции для семей и пайщиков компании, владельцами которой были братья Нобели? Для удобства и житейского комфорта по распоряжению Нобелей в дом провели незамерзающий водопровод, и именно это помогло жильцам дома пережить блокаду, — все жильцы остались живы. «Ах, как я любил (и преданно люблю поныне!) наш Нобелевский дом: и эту высоченную, в два этажа, полукруглую гранитную арку, выложенную бело-голубой глазурью в шашечку (кафель в некоторых местах и на стенах по бокам выбит фургонами, каретами и авто, но сохранился в своей красоте), и настежь открытые строгие резные железные ворота, обрамленные увитыми и перевитыми изящными ветвями разлапых лилий и чугунных лепестков лотоса с обложек книг так называемого Серебряного века, сработанную вручную, и полукруглую „онегинскую скамью“ в дворовом скверике». Во дворе этого дома играли послевоенные мальчишки, обитавшие в этом доме, и ходили в школу по соседству — в знаменитую Петершуле. И именно в Петершуле, на сцене преогромного зала, отделанного красным деревом и орехом екатерининских времен, маленький Женя Белодубровский читал отрывок из рассказа А. Чехова «Злоумышленник», вызвав своим чтением громкий хохот у сидевшего в зале смуглого приземистого голубоглазого господина — Михаила Зоценко. Выпускником этой школы был и Д. Хармс, которому посвятит несколько страниц автор. И даже с «Сайгоном», культовым местом ленинградского андеграунда середины 60-х — начала 70-х годов, не все так однозначно: там «книжники», коллекционеры, библиофилы, любители свободы от советской рутины, уходили в беседах в петербургское прошлое. Там витала аура старой культуры, звучали запретные и полузапретные имена: Мандель-

штам, Набоков, Степун. Не раз, рассказывая вроде бы о пальто — но и о временах, о людях, — автор пройдет по Невскому. Заглянет в кинотеатрик «Нева», где работала мамина «боевая подруга» тетечка Грекова, с которой мать автора дежурила на крыше дома, вместе они гасили немецкие зажигалки, а однажды и тушили пожар. Заглянет и в святилище библиотеки Блока, и в Дом Зингера, где всегда толпился библиофильский народец. Завернет на Конюшенную, к храму, где отпевали Пушкина и «заочно», двадцать лет спустя — Михаила Глинку... И снова Невский, для молодежи 60-х годов просто «брод». Остановится Е. Белодубровский, ныне известный петербургский литературовед, библиограф, археограф города и около дома № 13 по Невскому проспекту, там, где ныне «бутик» легких дамских шляп и перчаток. А внутренним взором он видит на его месте блокадную булочную, ощущает, как от ее стен исходит другой, уже не блокадный запах: детский запах сайки с живописным прожаренным вкуснейшим гребешком посередине. В причудливых извилинах памяти отыщется многое: игры в коммунальном дворе, послевоенный быт, молодежные увлечения, беседы с книжниками и библиофилами, духовные искания, благодаря которым Е. Белодубровский нашел свое призвание. И воскресают в памяти колоритные, неповторимые образы близких и друзей, матери, старшего брата, теть, дядь, соседей, учителей, одноклассников. Тех, кого уже нет рядом, а среди них и писатели Виктор Кривулин, Борис Кудряков, лучший друг Роман Цветов. И через все повествование проходят знаковые для города и для самого автора личности: Пушкин, Зощенко, Ахматова, Блок, А. Грин, Мандельштам, Набоков, Анциферов, Лихачев... Любимый город с родовым именем Петербург живет в этой книге в едином временном пространстве. Ничто не исчезает, оно рядом с нами. И нет мелочей, ведь «именно они греют душу, надо быть осторожным, беречь тепло, ведь душа, как известно — хрупкая, ранимая штукавина».

**Сергей Цимбал. Острова в океане памяти. Подгот. И. С. Цимбал.
СПб.: СПбГАТИ, 2015. — 344 с., ил.**

Сергей Львович Цимбал (1907–1978), блестящий театровед и театральный критик, литератор, педагог, играл существенную роль в культурной жизни Ленинграда середины XX века. Он работал в годы, когда, по словам хорошо знавшего его Сергея Юрского, «театроведение было наукой, которая строилась на бескорыстной любви к театру, на пристальном внимании к его служителям». С. Цимбал имел огромное влияние, к мнению «театрального критика высочайшей квалификации» прислушивались режиссеры, актеры, зрители. При всей его взыскательности, принципиальности, а иногда и жесткости, у него были идеальные отношения с актерами. По воспоминаниям режиссера Александра Белинского, к нему великолепно относились и Толубеев, и Черкасов, и Меркурьев, и даже Товстоногов проявлял к нему самое доброе расположение, а он немногих жаловал таким отношением. Секрет такого отношения в доброжелательности и объективности критика. А. Белинский, чью дипломную работу защищал Цимбал, приводит такие слова мэтра: «Разгром легче как жанр, точно так же, как эпиграмма легче оды. Я против жанра оды. Моя позиция состоит в том, что я вижу в спектакле и хорошее, и плохое». По убеждению С. Цимбалы, на неуспех обречено только произведение искусства, которое создается без надежды кого-либо взволновать, убедить. Он жил в разные времена, и времена неизменно сложные. Его биография и круг общения значительны: короткие, но памятные встречи с В. Маяковским, знакомство с Ахматовой, дружба с обэриутами:

Введенским, Хармсом, Олейниковым. Он поддерживал отношения едва ли не со всеми выдающимися деятелями театра 30-х годов, не говоря уже о более поздних временах, когда на театральных подмостках появлялись работы Г. Товстоногова, О. Ефремова, А. Эфроса, Ю. Любимова, А. Володина, Э. Кочергина. На его глазах молодые актеры превращались в корифеев сцены. Он был первым, кто решился вывести из долгого забвения имя Мейерхольда, чей театр считал своим, был первым, кто написал критико-биографический очерк, посвященный Евгению Шварцу. И преданно, особо любил Александринский театр. В предисловии к книге Валерий Фокин, художественный руководитель Александринского театра, пишет: «Ему был внятен язык, рожденный потребностями новых форм искусства, и в то же время ему были мастера, говорящие на классическом языке русской культуры. С одной стороны, он принимал активное участие в формировании литературно-театрального словаря обэриутов, а с другой — был абсолютно своим среди островитян-александринцев, ведь все „последние могикане“ этой прославленной сцены были его душевными друзьями и добрыми знакомцами. Еще студентом он мечтал приобщиться к театральной лексике Мейерхольда, который владел, по его мнению, универсальным языком нового времени. Он легко понимал едкую иронию Николая Павловича Акимова, ценил иносказательный интеллектуализм Евгения Львовича Шварца и в то же время вел многолетний серьезный и глубокий творческий диалог с Георгием Александровичем Товстоноговым. С. Л. Цимбал был истинным знатоком всего талантливого и художественного, что рождалось на петербургской сцене, собирал вокруг себя настоящих творческих людей». Порою жизнь не щадила его: несколько лет во время борьбы с космополитизмом критика Цимбала, фронтовика, прошедшего войну в северных широтах, не печатали, шельмовали во всех печатных органах, без работы оставались он и его жена, семья узнала, что такое голод, ближайшие родственники были репрессированы. Эту книгу по крупицам собирала дочь Цимбала, Ирина Сергеевна Цимбал. «„Острова в океане памяти“, — пишет она, — попытка создать портрет человека в контексте времени и одновременно отразить само время, пропустив его сквозь жизнь и судьбу очевидца и участника многих решающих событий ушедшего века... В книге нет геометрической стройности, строгой хронологической обусловленности в выборе материала. Вместо нее — мозаичное переплетение сюжетов и их свободное жанровое разнообразие: от философских размышлений автора до многоцветных его отображений в глазах бывших учеников. Под одной обложкой сошлись силуэты множества людей, и до внимательного читателя доносится сбивчивая полифония их голосов, сливающаяся, говоря словами поэта, в „шум времени“». Книга открывается разделом воспоминаний о Цимбале его коллег, друзей, учеников, дочери. Некоторые воспоминания-раздумья писались специально для готовящегося сборника, иные предназначались для вечеров памяти и юбилейных дат. Во второй раздел, «Театр. Время. Люди», вошли воспоминания самого С. Цимбала, его эссе, рассказы, фрагменты обширного эпистолярного наследия. «Огромная пропасть пролегла между культурой Серебряного века, культурой 20–30-х годов и концом 70-х, что казалось непостижимым ее преодоление в пределах одной жизни... — пишет ученик С. Цимбала, Н. Горячкин, — Сергей Львович принадлежал к тому поколению, или, точнее, формации, которая соединила культуру России пред- и послереволюционной поры. Эти два начала замкнулись на его судьбе, как и две мировые войны... Судьбу поколения 20–30-х годов, судьбу самого Сергея Львовича история избородила нещадно — репрессии, война, изуверство сталинских национальных кампаний — и излет жизни в глухоте застойных лет... Сергея Львовича Цимбала диссидентом никак не назовешь. Есть, наверное, категория творческих личностей, независимых от по-

литических режимов и властей. Они искренне и органично существуют прежде всего в эстетическом срезе жизни. Их талант — в объективном анализе, а не в обличающей оценке... Он всегда был творчески и профессионально честен, хотя давление власти на него было не меньше, чем на его коллег. Строго говоря, куда более благородной задачей было бы видеть судьбу художника по вкладу его в культуру, а не в противостоянии власти имущим». Большая часть мемуарных материалов сборника либо никогда не публиковалась, либо публиковалась в отрывках и фрагментах. В книгу включен редкий иллюстративный материал: фотографии, программки, афиши, уникальные автографы.

Клаудио Магрис. Дунай. Пер. с итал. А. Ямпольской. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. — 632 с.

Клаудио Магрис (р. 1939), итальянский писатель, журналист, эссеист, исследователь австрийской и немецкой культуры, совершает путешествие, интеллектуальное и реальное, от истоков к устью Дуная, сквозь века истории и культуры дунайских стран. Здесь и поэтическое описание величайшей реки Европы — Дуная, что рождается то ли из сказочного крана, то ли из притоков и ручьев, спускающихся с холмов, — об истоках реки, как и об ее устье, не первый век не утихают споры. Здесь портреты древних столиц и бесчисленных сказочных городков с архитектурой готической, барочной, неоклассической, эпохи модерна, эклектичной. В самых неожиданных уголках придунайских стран можно встретить то очередную маленькую Вену времен Габсбургов, то балканский Париж, то дунайский Гамбург. На берегах Дуная витают тени великих, побуждая автора обратиться к их биографиям, воссоздать яркие психологические портреты писателей, композиторов, философов, властителей: Гёте, Кафка, Селин, Лукач, Фрейд, императрица Елизавета (она же Сиси). Предметом авторского размышления постоянно является многосложная и многонациональная история придунайских стран, ведущая отсчет от Древнего Рима. Эти земли были свидетелями битв между даками и римлянами; здесь состоялась встреча двух цивилизаций, Европы и Османской империи, «выдающийся пример того, как два мира нападали друг на друга и отщипывали друг от друга куски, а в итоге незаметно проникли друг в друга и взаимно обогатились». Придунайские земли не раз становились полями сражений старой Европы, здесь шли наполеоновские войны, русско-турецкие, Первая мировая, Вторая мировая... Здесь много веков господствовала уникальная Габсбургская империя с ее характерным этико-политическим стилем: не преодолевать противоречия, а поглощать их, стремиться к равновесию, в крайнем случае направлять противоречия друг против друга. Эта многонациональная империя на своем закате породила особую миттelleвропейскую культуру (Миттель-Европа — Срединная, или Центральная, Европа), так же как свою особую культуру создал и Банат — историческая местность в Центральной Европе, разделенная между Сербией, Румынией и Венгрией, где с XVIII века обосновалось и значительное немецкое население. Не один век на придунайских землях сохранялись и порой накладывались друг на друга различные государственные формирования, в середине XX века здесь проходил рубеж между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком. Клаудио Магрис размышляет о прошлом и настоящем народов, живших и живущих на берегах Дуная, о конкретных событиях, о быте и бытие, о разрыве между культурой и природой, о времени индивидуальном и историческом, о немецкой идиллии и о природе фашизма, об империи Габсбургов и социалистиче-

ских трансформациях в ряде стран. Один из главных сюжетов книги — бесконечное движение народов. На берегах Дуная встречались, сталкивались, смешивались разные народы: немцы, мадьяры, словаки, сербы, гордящиеся своими латинскими корнями румыны, болгары, славяне, чья цивилизация отличалась могучей силой ассимиляции и коагуляции, турки... В Болгарию в 1876 году прибыли и черкесы, уход которых с Кавказа был связан с войной против русских под предводительством Шамиля, — в Болгарии их легендарная свобода погибала в объятиях отвратительной бюрократической волокиты. Клаудио Магрис зачарован сложнейшей мозаикой пересекающихся интересов, столкновений, возникающих и распадающихся союзов между народами. Он прослеживает, как накладываются друг на друга прошлые столетия, нерешенные конфликты и споры, незатянувшиеся раны и старые противоречия и как в котле, в котором — и под габсбургским орлом, и под османским полумесяцем — варились народы со своими противоречиями и своеобразиями, рождалась полная контрастов, но все-таки единая культура. Через литературу, через доскональный разбор произведений писателей и поэтов придунайских стран К. Магрис постигает менталитет, душу народов, их населяющих. Нет больших и малых наций, приходит к выводу он, и всякой нации предначертан ее час, как есть смена времен года, цветения и увядания. И предостерегает малые народы: «...замкнутый на самом себе, поглощенный отстаиванием собственной идентичности, тщательно следящий за тем, чтобы ее уважали другие, такой народ рискует потратить все силы на самозащиту и обокрасть самого себя, сузить свои горизонты, не научиться быть господином в отношениях с миром». И советует избавляться от комплекса «малости» и гордиться этой малостью как знаком избранности. Эта книга вышла в свет в 1986 году, была переведена на тридцать языков и с тех пор стала абсолютной классикой. К. Магрис путешествовал, когда еще существовал Советский Союз и его социалистические сателлиты, еще целостной была Югославия. Но уже тогда он осознал, что «тень очередного, хотя иного по сути конфликта нависла над отношениями турок и европейцев, особенно немцев, и лишь ясное понимание проблемы способно предотвратить ее трагическое обострение». Уже тогда он предупреждал: «Крепкая Югославия необходима для равновесия в Европе, ее развал разрушит это равновесие, как разрушил вчерашний мир развал двойной монархии». Это предупреждение не было услышано. Он осознавал еще двадцать лет назад: «Наверное, Европа кончилась, превратилась в малозначительную провинцию истории, которую вершат где-то в другом месте, в находящихся в других империях в комнатах с кнопками». И, глядя на юный и стройный новорожденный Дунай, задавался вопросом: «...что я увижу, проследовав вместе с ним до самой дельты, среди разных народов и племен, — арену кровавых сражений или хор человечества, который при всем многообразии языков и цивилизаций представляет собой нечто целое?» Эта книга пришла к нам поздно, Европы, которую увидел во время путешествия К. Магрис, больше нет, она стала прошлым.

**Архимандрит Августин (Дмитрий Никитин). Храмы Невского проспекта.
Из истории инославных и православной общин Петербурга.
М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. — 511 с.**

Архимандрит Августин в первую очередь воссоздает историю не столько уникальных памятников архитектуры Невского проспекта — хотя присутствует

и она, — сколько историю инославных и православной (связанной с Казанским собором) общин Петербурга. Уникальные документы, свидетельства современников, факты, статистика. «На Невском проспекте идеи религиозной терпимости прямо-таки претворены в жизнь, и самым либеральным образом. Буквально нет ни одного вероисповедания, какое не имело бы своей обители, своего храма на этой широкой улице. Налево, в том же направлении, в каком я шел до сих пор — голландская церковь, лютеранский храм святого Петра, католическая церковь святой Екатерины, армянская церковь, не считая в прилегающих улицах финской часовни и храмов других направлений Реформации. Направо — русский Казанский собор, другая православная церковь и часовня старинного культа староверов или раскольников», — восхищался французский писатель Теофиль Готье, побывавший в России в 1858 году. Пролог к веротерпимости в Российской империи законодательно был положен «Манифестом Петра Великого» от 16 апреля 1702 года: «И так мы крепко того станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и частном отправлении богослужений обеспокоен не был, но при оном содержан и противу всякого помешательства защищен был». Архимандрит Августин рассматривает огромный промежуток времени, начиная от прибытия на невиские берега, в возводимый Петром город переселенцев голландских, немецких, французских, польских, армянских и завершая нашими днями. Он пишет о том, как из небольших приходов вырастали значительные общины, нуждающиеся в своих храмах, — и правительство шло им навстречу, отводя обширные участки на Большой першпективе, будущем Невском проспекте. Как рядом с храмами возводились «церковные дома» и учебные здания, как перестраивались храмы, украшались, пополняясь христианскими святынями, богатейшими императорскими дарами, художественными шедеврами, уникальными органами. Автора интересует жизнь церковных общин и исторический фон, на котором она происходила, количество прихожан, их состав, пастыри, противоречия в общинах, столкновение личностей, праздничные службы, венчания и отпевания, деятельность учебных заведений, знаменитой Петришуле и иезуитского коллегиума. Храмы не раз становились ареной больших исторических событий, так в Казанском соборе в 1762 году присягали на верность новой императрице Екатерине II гвардейцы, и с тех пор здесь не раз праздновали победы русского оружия, совершались молебны во славу русских воинов, под сводами собора похоронен фельдмаршал М. Кутузов. С именами ряда выдающихся личностей связан католический храм Святой Екатерины: здесь был похоронен последний польский король Станислав Понятовский (впоследствии перезахоронен в Польше), прихожанином храма был знаменитый архитектор Монферран, при храме Святой Екатерины несли служение люди, причисленные Католической церковью к лику святых. Лютеране до строительства своей церкви собирались на общую молитву в доме Корнелиуса Крюйса, одного из видных создателей и деятелей российского флота, по ходатайству лютеранина Остермана, наставника Петра II, для лютеранской церкви выделили участок на «Большой першпективе», между Большой и Малой Конюшенными. Прогрессивный деятель армянского движения Ованес Лазарян передал на постройку Армянской церкви часть вырученных денег от продажи Екатерине II алмаза, известного ныне как алмаз Орлова. История церковных общин у архимандрита Августина — это и люди, их судьбы, их дела, поступки. Для рассказа об истории церковей автор выбрал — и закономерно — периодизацию по эпохам правления: жизнь церковных общин очень зависела от отношения правящих особ к ним. При Анне Иоанновне предпочтение отдавалось протестантизму, католиков-иезуитов пригрел Павел I, ставший гротмейстером Мальтийского ордена. Неровно складывалась

судьба иезуитов в России. В отличие от лютеранских и реформатских пасторов, католические священники проявляли повышенную активность в миссионерской деятельности, склоняя к католичеству представителей многих знатнейших родов России. В иезуитском коллегиуме получали образование Барятинские, Волконские, Вяземские, учеником этого коллегиума мог бы стать и Пушкин, если бы не открылся лицей. Благоприятная пора для иезуитов закончилась в 1815 году: их выслали из Санкт-Петербурга в Полоцк, проживание в Москве и Санкт-Петербурге им было запрещено. Посланник сардинского короля Жозеф де Местр, католический философ, литератор, политик и дипломат, чьими советами пользовались иезуиты, писал: «Иезуиты, обманувшись числом и высоким положением новообращенных, уже почитали, как говорится, город взятый, но действовали они с излишней поспешностью. Пробудилась национальная гордость, и воследовала катастрофа. Для религии, имеющей здесь не менее 10 000 прихожан, это был смертельный удар». Но по-настоящему смертельный удар по всем конфессиям был нанесен при большевиках, в советские времена: вне зависимости от конфессиональной принадлежности, храмы закрывались, имущество конфисковывалось, пастыри арестовывались и ссылались, прихожане инославных храмов по возможности уезжали из России. Утилитарное использование памятников архитектуры нанесло им огромный ущерб. Новая страница — возрождение храмов Невского проспекта и религиозных общин при них — открылась в 90-е годы прошлого века: возобновились службы, реставрируются здания, восстанавливаются интерьеры. Но уже не вернуть Знаменскую церковь, еще одну святыню, православную, о которой рассказывает архимандрит Августин. Очевидно, навсегда в конце 20-х годов XX века была закрыта и «русская страница» Голландской церкви: в настоящее время в ее помещении расположен читальный зал библиотеки им. А. Блока, и ничто не напоминает о прежнем назначении круглого зала с большим куполом. Но над входом в бывшую Голландскую церковь два ангела по-прежнему держат раскрытую Библию.

Ольга Елисеева. Петр III. М.: Молодая гвардия, 2015. — 384 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей).

В книге историка Ольги Елисеевой, специалиста по русскому XVIII веку, счастливо сочетаются и психологическая драма (да не одна), и политический детектив с элементами уголовного, и строгое научное исследование. О. Елисеева не намеревается разрушить негативный стереотип восприятия Петра III, сложившийся за два с половиной столетия. Источники не позволяют. Сохранившиеся документы не радуют разнообразием оценок императора, чей конец после 186-дневного правления был столь бесславен: положительных отзывов практически нет, с огромным трудом отыскиваются нейтральные, да и те тонут в море неприязненных. Предвзяты ли «Записки» Екатерины II и Е. Дашковой? Но они еще не были написаны, а образ Петра III как «злодея всея Руси» уже преобладал в тогдашнем столичном обществе. Эпоха оставила обилие документов: свидетельства русских мемуаристов, письма царствующих особ и их приближенных, донесения по «горячим следам» европейских посланников и резидентов — для них и государств, которые они представляли, анализ происходящего при русском дворе был жизненно важен. Обращаясь к документам, О. Елисеева определяет степень объективности их авторов, уточняет даты, детали событий, различает документы подлинные и поддельные, пользуется старинной научной премудростью: «из того, о чем говорит источник,

следует узнать, о чем он умалчивает». Многие факты приведены и проанализированы впервые. Скрупулезно О. Елисеева реконструирует образ Петра III, сына герцога голштинского и русской царицы Анны Петровны. Он, внук Петра Великого и Карла Великого, с рождения обладал правами на короны двух великих империй — Шведской и Российской — и с пеленок стал заложником чужих политических интересов, а возмужав, не мог распоряжаться собой без учета рокового наследства. О. Елисеева пишет, как на формирование сложного характера будущего самодержца повлияли наследственность, воспитание, окружение, какие психологические драмы испытал рано осиротевший ребенок, подросток, вырванный из привычной среды и доставленный в далекую Россию, как проходила самоидентификация ребенка: религиозная, национальная, личностная. Он привык видеть в себе шведа и лютеранина, а ему начали внушать, что он русский и православный. Трудно принять последнее, если в родной Голштинии будущий русский император забавлялся стрельбой в двуглавого орла. Он изъяснялся на немецком языке и к русскому прибегал крайне неохотно, а обряды Православной церкви считал суевериями. Психологический дискомфорт влиял на его поведение, так, символическими, по мнению исследовательницы, были игры наследника в марионетки и солдатики: он сам чувствовал себя марионеткой, ибо все приставленные к нему Елизаветой люди пробовали играть в него самого. Он не умел выстраивать отношения со своим окружением, его недолгое царствование стало историей роковых ошибок. Даже при принятии трех судьбоносных для России законов — знаменитых манифестов Петра III о вольности дворянства, о секуляризации церковных земель, об уничтожении злобной Тайной канцелярии, ведавшей в России политическим сыском, — были допущены просчеты, указавшие его преемникам, как не надо проводить реформы. Да и Петр ли работал над ними? Не менее выпукло, последовательно воссоздает О. Елисеева и характеры Елизаветы I и Екатерины, великой княгини, ставшей русской императрицей. Их тревоги, переживания, расчеты и просчеты, эволюция отношений внутри императорского семейства. У каждой из них была своя драма. Проблема будущего наследника для Елизаветы — племянник Петр, внук Павел или узник Иоанн Антонович, у которого тоже были сторонники? Проблемы Екатерины — трудности интимной жизни, о которой были осведомлены все, непростые отношения с мужем и Елизаветой, мрачная перспектива развода, сложности выживания в недружественной среде, поиски союзников. Удивительно, замечает О. Елисеева, что повороты судеб и жизненные ситуации способны повторяться из поколения в поколение. Сравнивая неоднократно потомков и предков, она отслеживает, как в Петре III проявлялись черты характера, привычки, манера поведения Петра I и Елизаветы I, а в потомках — Павле I, Александре I, Николае I, Константине — наследственные черты Петра III. На основе этих наблюдений можно сделать вывод, что Павел I все-таки плоть от плоти Романовых. В книге есть и детективная составляющая: тайна гибели Петра Федоровича, — О. Елисеева рассматривает все «подробности этих ужасов», все существующие версии, ищет, кому выгодно, но не делает окончательного вывода. В книге представлена и широчайшая панорама внутривнутриполитической борьбы при русском престоле: влиятельные кланы и многоопытные интриганы: Бестужев, Воронцов, Шуваловы, Разумовские, Панин, расклад сил, столкновения интересов различных группировок, фавориты Елизаветы и Екатерины и фаворитки Петра III, иностранные дипломаты, финансово поддерживающие возможных союзников. (Кардинал Ришелье — ребенок по сравнению с яркими персонажами нашей истории.) Нервная, полная драматизма история семи лет, предшествующих восхождению на престол Екатерины, когда на фоне нездоровья Елизаветы главы придворных кланов колебались, решая, чью сторону занять.

Екатерина самодержица? Ограниченная монархия — Павел I при регентстве Екатерины? Иоанн Антонович в «загашнике»? Но и после переворота положение Екатерины оставалось неустойчивым. Интриги велись при активном участии представителей всех ведущих европейских дворов, в условиях Семилетней войны Россия была важным игроком. О. Елисеева рассматривает Семилетнюю войну как вызов истории, от которого Елизавета, как позднее и внук ее Александр, видя себя субъективно арбитрами Европы, не могли отклониться, делая выбор в пользу участия в большой европейской войне. Не раз напрашиваются параллели с днем сегодняшним. Так, после успехов России в Пруссии английский посол Р. Кейт доносил: «Ежели по неизбежной фатальности ныне и невозможно воспрепятствовать сему, тем не менее все державы при первой же оказии будут стремиться вырвать у России ее добычу... Она возбудит против себя весь свет». Какие знакомые слова, многое ли изменилось за два с половиной столетия? Наш XVIII век, время тайн и загадок, все чаще привлекает создателей телесериалов, телесериалов красочных, динамичных, но подчас упрощающих или искажающих наше прошлое. Книга О. Елисеевой — надежное мерило достоверности экранных творений.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

*Редакция благодарит за предоставленные книги
Санкт-Петербургский Дом книги (Дом Зингера)
(Санкт-Петербург, Невский пр., 28,
т. 448-23-55, www.spbdk.ru)*

Архимандрит АВГУСТИН (Никитин)

РУССКАЯ ПАЛЕСТИНА. ЯФФА: ГОРОД СВ. АПОСТОЛА ПЕТРА И ПРАВЕДНОЙ ТАВИФЫ

Часть 1

Яффа – морские ворота Иерусалима

Во времена турецкого владычества (1517–1917) Яффская гавань была главным пунктом прибытия христианских паломников, посещавших Святую Землю. Осенью 1726 года нелегкий морской путь от Солуни (Фессалоники) до Яффы (Иоппии) проделал киевский паломник Василий Григорович Барский. В своих паломнических записках под 23 сентября он отметил: «При захождении солнца доспехом к Иоппии, идеже не близжащся ко граду, стахом вне издалече, вергше котвица корабля в море. И бысть шествия нашего от Солуни до Иоппии 900 миль и 50»¹. Обстоятельствам сошествия на берег В. Г. Барский посвятил небольшую главу под названием «О пришествии моем к Иоппии».

Еще плывущим нам издалече к граду Иопеи, юже именуют тамо Яфа, приплывоша к нам устретающе многими кораблецам людие тамошнии, нелепозрачнии образом, языком арапским беседующии, хотяще нас превозити в град. Обычай бо тамо таков есть, яко корабли великие тамо не приплывають близ града, понеже пристанища несть добра, но идеже бы корабле имяху приставати, тамо суть жестокое и остро камение, иннии в воде, другие же выше воды стоящие; сего ради, да не поразимы будут, обыкоша стати вне, издалече. Верже тогда котвицу в воду и наш кораблоправитель и удержа корабль далече от града, яко двема поприщма на море отстоящ. Тогда неции от нас, иземше вещи свои от корабля и вложше в ладия, отплыша к граду на ношевание, прочии же отложиша на утро, бысть бо вечер темен и ветр шумен, великие волны возносяй. Остахжеса и аз тогда и ношевах в корабле. Бысть же тогда даже до полунощи зело буря велика и волнения морская толь сильно колебаху корабль, яко едва не превратиша, яко ни стояти,

Архимандрит Августин (в миру – Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885. Т. 1. С. 276.

ни сидети, ни лежати без придержания верви, или чесого иного, несть бяше мощно. Наутре же, возсиявшу дню суботному, септеврия 24 числа, сотворих аз благодарение корабленнику, яко по милосердию своему, чаяй царствия небесного, превезе мя через столь великий пут без мзды, Бога ради².

В 1820 году в Яффе было учреждено Российское вице-консульство — первое наше дипломатическое представительство в Святой Земле³. После русско-турецкой войны в 1829 году в силу условий Адрианопольского мира Россия получила право вмешиваться во внутренние дела Турции как заступница и покровительница одноплеменных и единоверных ей подданных султана. Влияние России на Ближнем Востоке быстро возрастало, что вызывало немалую тревогу у западных дипломатов, которые старались парализовать успехи России. Пользуясь открывающимися перед Россией возможностями содействовать укреплению православия, Русский Синод настоял на учреждении консульства в Яффе, портовом городе, через который паломники прибывали в Святую Землю.

В записках архимандрита Порфирия (Успенского) нет *волнующих* подробностей переправки на берег в углой лодчонке, поскольку он прибыл в Яффу посуху: из Бейрута. Однако о. Порфирий отметил утесненность местной гавани: «19 декабря. 1843 г. Яффа построена на холме. Дома сбегают с темени его к морю. С лицевой стороны она омывается морем. Стена передняя построена в воде. Небольшие лодки с мачтами проезжают возле самой стены или привязываются к ней веревкой. В стене есть амбразуры для пушек, но орудия на море не выставлены. В море есть камни, образующие род пристани; небольшие мачтовые лодки проходят и становятся за этими камнями, но их стоянка опаснее здесь, чем в открытом море; суда побольше становятся вдали от этой пристани. С правой стороны города камней меньше в море и пристань шире; лодки и суда проезжают в нее сквозь пустое пространство между камнями. Налево от этого въезда скала тянется к городской стене гладкой широкой площадью; по ней ходят рыбаки. Между этой площадью и стеной есть род каналца, по которому реют челны. Эта пристань — против греческого и латинского монастырей»⁴.

Еще в начале XX века Яффа представляла собой ближайший к Иерусалиму порт, несмотря на мелководье яффской бухты, затруднявшее высадку с пароходов. «Пристань в Яффе совершенно нет; вытянутый в прямую линию берег сопровождается множеством скал и подводных камней, весьма опасных для морских судов, — писал в 1865 году Д. Д. Смышляев. — Даже при незначительном волнении пароходы не могут высаживать пассажиров и провозят их далее, смотря по направлению, которому следуют, или в Акру или в Александрию. В тихую погоду пароход останавливается на значительном расстоянии от берега; к нему выезжают для приема пассажиров турецкие лодки, которые ловко переваливаются с волной через прибрежные камни»⁵.

Из воспоминаний игумена Антония (Бочкова) (начало 1850-х гг.), ожидавшего в Бейруте попутного судна до Яффы. По его словам, паломники «должны ожидать, когда найдется судно в Яффу и когда очистится от облаков снежный Ливан. Если его чело угрюмо — никто не решится пускаться в море: его побережье ежегодно разбивает малые суда <...> Наконец, очищается снежный Ливан: судно арабское кольшется у берега, кидаемое как скорлупа. Если благоприятен ветер, то в двое, или менее, суток пролетает легкое судно мимо Сидона, Тира, Акры, Кармила,

² Там же. С. 276–277.

³ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 369.

⁴ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 346–347.

⁵ Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 54.

и только у этой библейской горы, из-за которой часто вырывается внезапной ветер, его наклоняет почти вовсе набок. Но при тихой погоде вы пролавируете две недели»⁶.

Но вот судно с паломниками приближается к Яффе, и, казалось бы, все невзгоды позади. Однако при высадке на берег богомольцев поджидало серьезное испытание.

Из записок афонского инока Парфения (1855 г.): «Октября 25 числа, часа за три до вечера, стали мы подходить близко к Яффе, древней Иопии, сильным ветром. Смотрим: во граде на крышах стоит множество народа. Это были все поклонники, прежде нас пришедшие и смотревшие на нас, как мы будем попадать на берег. Потом мы вдруг увидели, что от берега отплыли множество малых лодок, и к нашему кораблю устремились; наши же матросы, собрав все паруса, только один парус на мачте покинули. Ветер разыгрался, море воскипело, а пристани доброй нет; и мы были все вне себя, ово от радости — что кончили морской путь, ово от страха, — како мы можем попасть на берег. Потом подъехали к нам много малых лодок; люди в них арабы полунагие, которых мы никогда не видывали, они бросились к нам на корабль с обеих сторон и начали поклонников хватать и в лодки бросать яко зверие, ни на что невзирая, ни на слезы, ни на старость; возьмут четверо одного и бросят прямо в лодку, не дают взять с собой никаких вещей; да и лучше делать было невозможно, потому что море разыгралось, и корабль с боку на бок валяется, и лодки их заливают. А от Российского консула приказано было, чтобы как можно народ скорее переправить на берег. Я вижу, что и до меня такожде дело доходит, и не стал дожидаться, покуда меня схватают, а взял свою сумочку и скорее сам бросился, да взял одного поклонника, четырехлетнего мальчика, ибо отец с матерью просили поберечь его. И так, нагрузив лодку в одну минуту, отсунулись от корабля. И много приняли страха: лодка — небольшая, волны — яко горы, а мы уже были полумертвы и лежали все ниц лицами. Потом поднял я голову, вижу: уже близ берега, въехали за камни, и тамо тихо, — и пристали к пристани»⁷.

В 1856 году возник РОПИТ (Русское общество пароходства и торговли), организовавшее регулярные паломнические рейсы Одесса—Яффа⁸. С этого времени русским паломникам уже не было необходимости добираться до Святой Земли «на перекладных», ютятся на палубе иностранных пароходов. Однако высадка на яффский берег по-прежнему была весьма опасной. Бывалый отечественный писатель-паломник Н. В. Берг пишет: «Яффа представляет небольшой, но очень древний любопытный городок, существовавший (если верить Геродоту) еще до потопа. Это библейская Иоппия. строения лепятся по холму, имеющему правильную форму. Как для кого, а для меня, подплывавшего к Яффе раз пять в жизни, она всегда напоминала южную сторону Севастополя, если смотреть с бывшего четвертого номера батареи, на северной стороне. Изменяет сходство только чрезвычайное обилие садов, идущих влево. Это все, по преимуществу, лимоны и апельсины, питающие берег на большое пространство»⁹.

Далее Н. В. Берг переходит к основной теме своего повествования.

В Яффе, как везде в восточных портах, едва пароход бросил якорь, с берега полетят к нему десятки лодок, называемых *магонами*. Черномазые, жимолостные

⁶ Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь—декабрь 1874, кн. 4, ч. II. С. 7.

⁷ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святыне горы Афонския инока Парфения. М., 1999. С. 4—5.

⁸ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 369.

⁹ Берг Н. В. Мои странствия по белу свету. Иерусалим // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 177.

гребцы, магонщики, с живыми движениями, крикливые и бесцеремонные, в турецких, сильно оборванных куртках, в таких же шароварах и непременно босиком, явятся кучей на палубе, точно воины, взявшие судно на бордаж; воздух огласился арабскими звуками, с примесью русских и французских; шум, гам невероятный! Если вы только немного зазевались — ваш чемодан очутится неизвестно какими судьбами во власти этих картинных молодцов. Они уже несут его, перебрасывают из рук руки; пока что, пока вы успели сообразить в чем дело, — вы видите, что чемодан ваш уже кувыркается в воздухе над волнами, перелетая из магоны в магону, при крике, а иногда и небольших потасовках между собою его похитителей. Потом вы сами подхватываетесь такими же силами и переноситесь в магону, где улегся ваш чемодан, как он же кувыркаясь и делая любопытные для постороннего наблюдателя антраша над водой и над магонами, окружающими пароход.

Не бойтесь упасть, удариться; не бойтесь за чемодан, как бы вы и он ни вертелись и ни крутились в воздухе: ни с вами, ни с ним ничего не случится. Черномазые молодцы знают свое дело. Притом они народ честный. Не прочь слупить *бакшиш* — слово, которое вы услышите на берегу, или уже слышали в других портах, но ничего у вас не украдут. Все ваши вещи, очутившиеся в их распоряжении, непременно будут доставлены в *русский дом*, или вообще туда, где вы захотите остановиться. Имейте к этим ухарям полное доверие, главное: не сердитесь на них, что они арабы, что они действуют немного не так, как носильщики и лодочники других европейских портов: мы в Туретчине, а не в Европе <...>

Яффские магонщики молодцы и, кажется, сумели бы выгрести в столбе воды Ниагарского водопада. Если вы трус (извините за такое предположение), трус вообще, во всех пунктах земного шара, то зажмурьте глаза в пункте, который мы переплываем, и конец. Больше ничего не нужно. Вам покажется, что лодка пронеслась по гладкому месту, без всяких подводных утесов и приключений. На берегу позволяется глаза открыть. Пред вами желтые строения, с плоскими крышами, напоминающими все то, что вы видели до тех пор в Саиде, Суре, Бейруте, Латакии, Новые черномазые, с такими же криками, теснятся на пристани: кто подает вам могучую руку, кто подсаживает, кто, пожалуй, просто-просто возьмет вас на руки и перенесет до удобного, сухого места, как дитя, и осторожно спустит на мостовую времен... не то что Наполеона I, а может быть, даже Александра Македонского, идущую немного в гору, и скажет вам в полголоса: «бакшиш!» Этих «бакшишей» (особенно, если вы глядите путешественником со средствами) будет так много, что «на всякое чиханье не наздравствуешься». Надо идти себе молча вперед и не замечать ничего. Чемоданы и прочее, что вы имеете, понесется за вами вашими магонщиками¹⁰.

Сходное описание высадки на яффский берег находим в путевых записках отечественного палестиноведа В. Н. Хитрово (1871 г.). «Как услышали, что Яффа видна, так все поклонники высыпали к краю парохода и стали креститься. Солнце уже взошло, как пароход остановился. С берега налетели лодки, пошел обычный шум и крик, — пишет Василий Николаевич. — Как мы сели в лодку, тут только стало видно, какой наш пароход был большой, отпихнулись мы от него, да и пошли по волнам вверх и вниз, а до берега версты две; так-то проехали мы с версту, а тут под водой каменная гряда идет и прибой волн такой большой, а во всей гряде только один проход, да и тот такой узкий, что две лодки не разъедутся. Однако же лодочники, нужно правду сказать, молодцы, подъедут это к проходу и выжидают, как волна подойдет, да вместе с волною проедут на ту сторону гряды, а там уже тихо до самого берега. Так-то привел меня Господь Бог доехать до Святой Земли в самое Прощальное Воскресенье¹¹. Всего три недели, как в дороге был. Высадившись на берег, опять

¹⁰ Там же. С. 177—178.

¹¹ Прощеное воскресенье.

подскочили черномазые мальчишки, тащат вещи, я на них прикрикнул. Сами, мол, донесем, не привыкать стать»¹².

Прибыв на чужбину, паломники должны были выполнить все пограничные формальности; пройти таможенный досмотр (или обойти его за бакшиш). Были и другие способы избежать таможенный досмотр, о чем пишет Виктор Каминский (1850 г.): «Чтобы избегнуть таможенного осмотра, неопасного для богомольцев, но крайне неприятного, как основанного на подозрении, я оставил свои вещи и земляков на катере, и поспешил на берег, к нашему вице-консулу, г. Марабутти, в надежде на его влияние. Но он предупредил наши ожидания, выслал к нам письмоводителя, который встретился мне в нескольких шагах от берега. Чиновник этот освободил нас от таможенных, нанял людей для выгрузки и переноски наших вещей, и указал пристанище»¹³.

Кроме того, нужно было, выражаясь современным языком, «встать на консульский учет», о чем пишет В. Н. Хитрово: «Как только мы разместились, чаю напились, пришел наш консул, обошел все комнаты, а потом нас всех потребовал к себе в присутствие, осмотрел он наши паспорта, затем объявил, что каждый из нас должен отдать ему на сохранение деньги, сколько кто полагает на возвратный путь, а то, говорит, мало ли что случиться может: и деньги потеряются, или кто их украдет, а тут в сохранности будут. Отдали это мы, сколько каждый дал, и расписку в них от консула получили и объявил он нам, что на другой день после обеда отправит в Иерусалим, со своим кавасом, так у них там страж консульский называется»¹⁴.

О нелегкой консульской службе повествует уже упоминавшийся выше Н. В. Берг: «Европейские консулы не вмешиваются в управление городом. Им и без того куча всяких хлопот, больше всего с поклонниками: займись каждым, покажи ему все, что можно показать. Заболел кто-нибудь, смотри как бы не помер; а помрет — описывай подробно имущество, выпарывай из всякого ветхого тряпья зашитые туда золотые монеты, приводи в известность все, составляй акт, пиши в Россию, или куда там... У русского консула чуть ли не больше работы, чем у всех других, потому что у него больше поклонников. Последнее время их стало валит около сотни в сутки¹⁵, потому что открылось пароходное сообщение между Яффой и Одессой, неизмеримо облегчившее путь и сократившее издержки»¹⁶.

Казалось бы, рутинная консульская работа, какой должны были заниматься и дипломаты других европейских стран, аккредитованные в Яффе. Но «умом Россию не понять», что наши консулы и вынуждены были часто испытывать на своем опыте. Н. В. Берг рассказывает об этой российской специфике.

Сверх обыкновенной возни с этим народом прибавились странные заявления шушунов и тулупов о каком-то царском миллионе, якобы для них ежегодно отпускаемом из казны. Этот нелепый миллион взялся из того, что на постройки о которых читатель не раз слышал, было ассигновано первоначально близ «миллиона рублей». Разные старухи, услышав об этом в Иерусалиме, пронесли по всей России, а из России весть перебралась и в Сибирь. Народ ринулся массами получать каждый свою долю, Архиперей рассказывал нам, что один солдат пришел из Иркутска,

¹² Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 79—80.

¹³ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1856. С. 38—39.

¹⁴ Там же. С. 80. Русским консулом в Иерусалиме был в это время Н. А. Иларионов (обычно в паломнический сезон консулы встречали пароходы с богомольцами в Яффе). Но, возможно, Василий Никитич, герой повествования, имел в виду русского вице-консула в Яффе Н. С. Марабутти.

¹⁵ Сведение от нашего архиерея в 1862 году (Берг Н. В.).

¹⁶ Берг Н. В. Мои странствия по белу свету. Иерусалим // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 202.

с девятью рублями в кармане, и просил помочь ему из того миллиона, который царь отпускает на иерусалимских поклонников.

— А сколько в России войска? спросил у него архиерей. Солдат, не подозревая к чему клонится дело, отвечал:

— Говорят, миллион будет.

— Вот видишь: миллион! подтвердил архиерей. — Ну как все храбрые солдаты захотят поклониться Гробу Господню, один вслед за другим, как и ты; о всех о них следует помнить! Возьми же *свой рубль*, помолись и отправляйся с Богом восвояси. Я устрою, чтобы тебе дан был от Яффы до Одессы даровой билет на палубе.

Подобных историй было довольно. Иные бабы осаждали дом, где жил архиерей, и когда он выходил на улицу, требовали самым назойливым образом вознаграждения из царского миллиона. Надо знать, что это за бесцеремонный народ! Архиерей принужден был иногда решительно притаиваться. Ожидая миллиона и думая, что их все обманывают, проводят, поклонники заживались в Иерусалиме, впадали в праздное и соблазнительное препровождение времени, проживали все деньги потом — бух где-нибудь властям в ноги: «Батюшка! Заставь за себя Богу молить! Так и так, неимущий странник, сирота, дошел до того, что ни гроша за душой, а нужно в обратный путь!»

Хлопот с ними было столько, что консул написал в Россию, прося установить какие-либо правила относительно выдачи паспортов богомольцам простого звания и назначить определенный термин пребыванию их в Иерусалиме. На основании этого, губернаторам было предписано выдавать паспорта на путешествие ко Святым Местам только тем лицам низших сословий, кто представит доказательство, что имеет не менее *полтора ста рублей серебром*. Срок же пребывания их в Святом граде ограничили «двумя неделями». Это восстановило некоторый порядок. Никто не мог произвольно заживаться в Иерусалиме, благо есть даровое помещение и чья-то о тебе забота! Позволено было остаться только двум солдатам, с давних пор варивших для православных *квасок*¹⁷.

Однако следует вернуться к рассказу о русских богомольцах, доставляемых ловкими «агарянами» с борта парохода на яффский берег. Петр А-истов, автор книги «Путешествие в Палестину» (СПб., 1894), увидел Яффу с парохода «Одесса», бросившего якорь на рейде. Еще не испытав всех «прелестей» переправки на берег в уютной лодчонке, он понял, что и большой пароход не всегда обеспечивает безопасность плавания по бурным морским волнам. «С моря Яффа имеет очень красивый вид, выделяясь на горе высокими зданиями своими, — пишет паломник Петр. — У берега города с правой стороны его, лежит в грядах камней разбитый волнами пароход РОПиТ „Чихачев“, а налево красуется завязнувший в песке французский пароход „Семирания“»¹⁸.

Дальнейшее повествование автора основано на «методе включенного наблюдения»: «Не успел пароход остановиться, как тотчас же приплыли к нему лодки, по трапу вбежали на палубу белые и черные арабы, некоторые же из них взобрались на палубу по веревке, которую бросали на борт парохода и по ней проворно взбирались туда. С появлением этих услужливых господ на палубе водворилась сумятица. Арабы забежали, закричали и стали вырывать из рук багаж, так что с трудом можно было противостоять им.

Пассажиры тоже засуетились и бестолково забегали по палубе, спеша скорее покинуть пароход. Мы не спешили переправляться на берег, а оставались ждать лодку русского консульства, которая, во-первых, безопаснее перевезет, а во-вторых, возьмет только ту цену которая полагается по таксе, т. е. по 28 копеек

¹⁷ Берг Н. В. Указ. соч. С. 202—203.

¹⁸ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 55.

с человека. Арабы же лодочники уславливаются ехать, например, за одну цену, а затем на пути по мере удаления от парохода начинают постепенно возвышать цену, доводя ее до самой высокой. Пассажиры же очень часто соглашались с ними, в особенности, при такой качке, как сегодня»¹⁹.

В данном случае наши паломники проявили благоразумие и стали дожидаться лодку «русского каваса». Позднее этот совет был напечатан на страницах «Путеводителя по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908).

В Яффе нет, собственно говоря, настоящей морской гавани и высадка здесь весьма неудобна. Поэтому, хотя Яффа и служит от века вратами во Святую Землю и паломник, при виде ее, уже благодарит Господа за благополучное окончание путешествия, но еще предстоит немало хлопот путнику до высадки его на Святую Землю. Вследствие мелководья Яффской бухты, пароход становится в нескольких верстах от берега и переправа производится на лодках. Неопытному русскому паломнику нужно быть особенно внимательным как к себе, так особенно к своему багажу, чтобы эту переправу совершить благополучно при нахальстве и плутовстве лодочников. И здесь ему всего лучше довериться инокам местных подворий и монастырей, кои обыкновенно для перевозки с парохода на берег паломников отправляют особые лодки к пароходу; им паломник может вполне довериться. Если же придется переезжать с местным лодочником, то необходимо точно условиться в цене, и — главное — зорко следить за своим багажом²⁰.

Тем временем один из спутников Петра А-истова «увидал наконец русского каваса и подозвал к себе. Тот, в свою очередь, крикнул арабов и лодка русского консульства была к нашим услугам, — продолжает свой рассказ русский паломник. — Арабы перенесли, вернее, перебросили наши вещи к себе в лодку. Они действовали замечательно ловко. Выждав взмаха волны, когда лодку подбрасывало ближе к борту, одни из них бросали багаж за борт, другие же, находившиеся в ней, так же ловко ловили его. Наконец они нагрузили уже нашу лодку и мы всей компанией, в количестве 11 человек, направились к трапу. С великой боязнью и замиранием сердец стали мы ожидать очереди, при виде высоко вздымавшихся лодок, которые, казалось, готовы были сейчас перевернуться.

Лодочники, выждав момент, когда лодку подбрасывает ближе к трапу, положительно, чуть ли не сталкивают пассажира в нее, где стоящие гребцы принимают его в свои объятия. Вот отхлестнула волна, и арабы, расставив опять свои руки, ждут момента, чтобы приблизиться к корпусу парохода и принять с трапа пассажира. Понятно, что людям полным и солидным это перемещение дается с большим усилием, зато более молодые и проворные, обходятся в данном случае без посторонней помощи и, выбрав удобный момент, они сами вскакивают в лодку, где их уже принимают гребцы-арабы. Но беда быть с женщинами в данном случае. Обыкновенно они взвизгивают и кричат при каждом движении лодки и гребцов, так что слушать невозможно. Однако угрюмые арабы обращают очень мало внимания на их крик и обращаются с ними так же, как и с другими пассажирами.

Наконец мы переместились благополучно в лодку и заняли места; арабы сели за весла и принялись дружно грести, направляясь к берегу, куда впереди нас шли уже несколько лодок. Сильно и высоко подбрасывало нашу лодку пока мы плыли к берегу. Приблизившись к грядам камней, арабы стали опять выжидать взмаха волны, когда лодка, поднявшись на высокой воде ее, в состоянии без весел переплыть этот опасный проход среди торчащих из воды камней. Смелым и опытным нужно быть здесь,

¹⁹ Там же. С. 54.

²⁰ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 37—38.

чтобы в этом бурном проливе не столкнуться со встречными лодками и не застрять в камнях. Арабы в этом отношении очень ловки и осторожны.

От каменных гряд до берега уже близко. Наша лодка скоро пристала к каменным ступеням пристани и мы вышли на берег, откуда прошли в находящуюся здесь турецкую таможню. При входе в таможню, у ворот ее, были осмотрены наши паспорта, а далее, в том же помещении, в сарае, осмотрели наши вещи, которые, к слову сказать, порядком перерыли»²¹.

Немного освоившись на берегу, наши паломники «прошли на набережную, по другую сторону таможни, где приблизились к пароходу „Чихачев“. От парохода этого виднеется только один остов, вокруг которого плещет постоянно морская волна. Второй пароход „Семирания“, стоящий здесь по другую сторону Яффы и завязнувший в песке, все еще надеются спасти. К нему, как раз сегодня, пришли на помощь два французских парохода»²². Здесь русские богомольцы воочию убедились в том, что «большому кораблю — большое крушение»; они «прошли после и на левый берег моря, чтобы посмотреть на место крушения парохода „Чихачев“; там работали водолазы, добывая из воды затонувшие вещи из кают и трюмов парохода»²³.

В записках епископа Сухумского Арсения содержатся «лоцманские» подробности насчет доставки паломников с борта парохода на яффский берег. «Гавань яффская, если только можно так назвать ее, весьма неудобна, потому что на значительном расстоянии от берега гряда камней делает опасным приближение судов к берегу; поэтому, последние принуждены останавливаться при волнении морском очень далеко от берега, а при бурном состоянии моря, что случается в продолжение зимы иной год не один раз, суда, из опасения подвергнуться крушению, вовсе проходят мимо Яффы. В таком случае пассажиры, находящиеся на судах, принуждены плыть туда, куда и не рассчитывали сами, и должны выжидать благоприятной погоды для возвращения в Яффу, — пишет владыка Арсений. — Когда есть возможность пароходу остановиться против Яффы, тогда подплывают туземные лодочки в больших баркасах для перевозки пассажиров на берег, что и при небольшом морском волнении не всегда безопасно, потому что проход между грядами камней очень узок, и при малейшей опрометчивости лодочника может случиться катастрофа. Для большего порядка и безопасности при высадке на берег русских поклонников, отправляется обыкновенно русский консул, всегда живущий в Яффе, или его помощник, который и распоряжается перевозкой их на берег, поручая это уже известным опытным лодочникам. Но и по миновании опасности от каменной гряды, бывает еще неудобство по причине малой воды при самой набережной, так что некоторые лодки принуждены останавливаться в расстоянии около десяти сажен от берега; тогда являются более сильные и ловкие арабы, которые переносят на своих плечах по воде до берега пассажиров за небольшую плату»²⁴.

В противоположность жутким описаниям «десантирования» на берег своих собратьев по перу повествование Ивана Алексеевича Бунина (1907 г.) носит созерцательный характер. Многие объясняют его первые строки: «Штиль, зной, утро. Кинули якорь на рейде перед Яффой»²⁵. (Это про девятибалльный шторм есть при словье: «Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался».) А дальше — по обычному

²¹ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 55–56.

²² Там же. С. 57.

²³ Там же. С. 148.

²⁴ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 39–40.

²⁵ Бунин И. А. Иудея // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 219.

сценарию, но, в отличие от простых бытописателей, — с романтическим привкусом: «На палубе гам, давка. Босые лодчики в полосатых фуфайках и шароварах юбкой, с буро-сизыми, облитыми потом лицами, с выкаченными кровавыми белками, в фесках на затылок орут и мечут в барки все, что попадает под руку. Градом летят туда чемоданы, срываются с трапов люди. Срываюсь и я. Барка полным полно кричащими арабами, евреями и русскими.

Пароход, чернея среди зеркального взморья, отдаляется, кажется маленьким. Мала и Яффа. До нее еще далеко, но воздух так чист, а восточные контуры ее кубических домиков, среди которых то там, то тут метелкой торчит пальма, так четки и просты. Уступами громоздится этот каменный, цвета банана, городок на обрывистом побережье. От рейда его отделяет длинная гряда рифов. За ними, у береговых отмелей, шелком сияют обвисшие паруса на высоких, тонких мачтах лодок. Их больше всего возле северной отмели, где когда-то был Водоем Луны, финикийская гавань. С севера к Яффе подступает золотисто-синяя от воздуха и солнца Саронская долина. С юга — желто-серые филистимские пески. На востоке — знойно-голубой мираж Иудеи. Там, за горами, — Иерусалим. В штиль рифы обнажаются — барка спокойно проскальзывает между их ржавыми, мокрыми и нестерпимо блестящими на солнце глыбами»²⁶.

В дальнейших рассказах о превращении «водоплавающих» паломников в «земноводных» неизбежны повторы. Но тем не менее в каждом из них есть свои оттенки, создающие объемное полотно. Вот как происходило «сошествие на берег» юных саратовских богомольцев в 1910 году: «В 6 часов утра наш пароход бросил якорь на рейде, приблизительно в версте от Яффы. Как только остановился пароход, множество лодчиков окружили его и скоро забрались на пароходную палубу. С трудом мы едва едва отделались от назойливых арабов, готовых насильно усадить нас на свои лодки и везти на берег. Арабы ловкие и искусные гребцы, но, как нам говорили, люди хищные и недобросовестные. К счастью, мы могли не обращать внимания на лодчиков, так как ожидали каваса Императорского Православного Палестинского Общества.

Недолго пришлось ожидать каваса; не более как через полчаса после нашей остановки около Яффы на наш пароход явился кавас Марко, престарелый черногорец в своем очень красивом национальном костюме. Марко с подведомыми ему рабочими взял наш багаж для отправки на берег, а потом на вокзал железной дороги. Мы сошли с парохода, сели в большую лодку и, несмотря на сильнейшее волнение и множество подводных камней, довольно скоро вполне благополучно переправились на берег»²⁷.

В записках русских паломников начала XX века встречается имя черногорца Марко, представителя Православного палестинского общества. Именно он отвечал за безопасную перевозку наших пилигримов «с корабля на мол». Незадолго до начала Первой мировой войны ему довелось переправлять на яффский берег группу старообрядческих епископов, прибывших в Палестину на богомолье. Об этом повествует один из членов этой паломнической группы С. И. Быстров.

<...> Появился кавас, рослый черногорец, с энергичным лицом, одетый в свой национальный костюм — белую куртку, расшитую галунами; на гладко стриженной голове его прилепилась круглая черная шапочка с большим гербом «Русского Палестинского Общества»; белые чулки и черные башмаки довершали его оригинальный славянский наряд. Он распорядился посадить сначала в лодки пассажиров

²⁶ Там же. С. 219—220.

²⁷ Русанов Николай. Ближний Восток. Саратов, 1911. С. 128—129.

III класса и после уже на свободе остальных. Оградившись крестным знаменем, мы тронулись в путь... Могучие волны высоко поднимали на свои хребты нашу огромную лодку и низко потом опускали ее; чувствовалась страшная сила водной стихии, которая, казалось, в момент может уничтожить нашу лодку, как слабую скорлупу. Арабы с редким умением вели судно, искусно лавируя между рифами. Но вот они что-то особенно насторожились и с удвоенным вниманием стали смотреть по сторонам; оказалось, что лодка проходила самое опасное место между скал, где малейшая неосторожность могла если не погубить, то во всяком случае опрокинуть ее. Налетевший огромный вал с силой подхватил нашу лодку, и она, быстро шмыгнув между теснин, вошла в безопасное место.

— Слава Бог! — хлопнул в ладоши старый араб, стоя на корме, — вся!

Мы тихо подъехали к берегу... впервые наши грешные стопы коснулись Св. Земли. Первое дело здесь каждого паломника — осенить себя знаменем креста и возблагодарить Бога за Его милость и помощь в столь далеком пути. Все чувствовали себя бодро, настроение было несколько возвышенное; на лицах паломников светилась счастливая улыбка — сознание, что цель достигнута, давняя мечта осуществилась: они в Святой Земле. Преосвященные наши, как и мы с о. Дионисием, испытывали то же чувство возвышенной радости; как-то даже не верилось, что мы достигли, наконец, того, к чему стремились»²⁸.

...Прошли десятилетия, и морская бухточка Яффы превратилась в стоянку мелких рыбацких баркасов. На берегу — многочисленные кафе, предлагающие паломникам и туристам отведать свежеприготовленные «дары моря». Нынче большинство гостей прибывает в Израиль не в морскую, а через воздушную гавань: международный аэропорт «Бен Гурион». А круизные теплоходы чалятся в гавани Хайфы — самом крупном портовом городе, расположенном на севере страны.

Яффа: страницы истории

Древнейшее поселение в этих местах археологи датируют пятым тысячелетием до Р. Х. В письменных источниках название города впервые фигурирует в списке городов, завоеванных фараоном Тутмосом III в 1468 году до Р. Х. В XIV веке до Р. Х. Яффа, как египетская крепость, неоднократно упоминается в документах из архива Тель-аль-Амарны, столицы Эхнатона. Около 1200 года до Р. Х. она была захвачена филистимлянами²⁹. Иисус Навин пытался отбить у филистимлян Яффу, но не смог, и лишь земли вокруг нее были отданы в надел колену Дана. (Сегодня вся эта территория называется Гуш-Дан.)

В самых древних греческих мифологических повествованиях Яффа упоминается с именем Иоппа. По мифологии, в этих местах Андромеда, дочь Сефея и Касиопеи, отданная в жертву морскому чудовищу, прикованная к утесу, была спасена Персеем. Если же и далее полагаться на легенды и сказания, то из них мы узнаем, что город был основан сыном Ноя — Иафетом, прародителем индоевропейских племен³⁰, и получил его имя. «Он распространится» — таков дословный перевод имени Яфет. Другая версия происхождения названия города от ивритского слова «яфе» — красивый). «Местность, на которой расположен город, есть одна из древнейших, где селились люди, — отмечал в 1865 году отечественный историк Д. Д. Смышляев. — Плиний и другие писатели говорят, что Яффа существовала еще до потопа

²⁸ Быстров С. И. По Востоку (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 68—69.

²⁹ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 369.

³⁰ Петров Виктор. По Святой Земле. Вашингтон, 1986. С. 10.

и приписывают основание города Иафету, младшему сыну Ной. После потопа Ной отдал земли, прилежащие к городу, старшему своему сыну Симу. По преданиям, здесь должен быть Ной и погребен»³¹.

В «Путеводителе по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908) читаем: «Множество легендарных сказаний связано с этим городом; утверждают, например, что в окрестностях этого города был построен ковчег, на котором Ной с семейством спасся от всемирного потопа. В Библии город этот упоминается очень часто»³².

Ветхий Завет, в книге пророка Ионы, говорит нам, что из этого порта бежал Иона в Фарсис «от лица Господня», когда послан был возвестить покаяние жителям города Ниневии (Ион. гл. 1). В Библии говорится, что в море поднялась буря, и гребцы бросили Иону в море, «и утихло море от ярости своей». «Повелел Господь большому киту поглотить Иону», и был «Иона во чреве этого кита три дня и три ночи»³³. «Не в этих ли местах пророк Иона был проглочен китом? — вопрошал в 1913 году отечественный паломник Г. М. Добролюбов. — Говорят, что здесь еще в средние века показывали цепи Андромеды и скелет громадного кита, проглотившего Иону»³⁴.

Во времена ветхозаветные Яффа, как видно из книги Иисуса Навина, принадлежала колону израильскому Дана и называлась Иоппия (Нав. 19, 46). Из Ветхого Завета мы узнаем, что Яффа была большим приморским торговым городом во времена царя Соломона. Сюда отправлял царь Тира Хирам свои ливанские кедры для постройки храма, строившегося Соломоном в Иерусалиме. Во второй книге Паралипоменон (Летопись) царь тирский Хирам так писал Соломону: «Мы нарубим дерев с Ливана, сколько нужно тебе, и пригоним их в плотах по морю в Яффу, а ты отвезешь их в Иерусалим» (2 Пар. 2, 16). Потом Яффой владели по очереди Ассирия, Вавилон, Персия... К 332 году до Р. Х. город был завоеван Александром Македонским, расширившим свою империю и покорявшим все новые и новые народы. Со времен Александра Македонского Яффа стала греческой колонией³⁵.

Во время еврейского восстания Маккавеев (167 г. до Р. Х.), направленного против гнета крупнейшего эллинистического царства Селевкидов, жители Яффы нееврейского происхождения решили избавиться от евреев. Они коварством заманили их на корабль и утопили в море. Разгневанный Иуда Маккавей, вождь народного восстания в Иудее, напал на город, сжег порт и корабли, но взять город ему не удалось. Только позднее Яффу захватили последователи Иуды Маккавея, и она стала относиться к Иудейскому царству. При Маккавеях расширяется порт, город окружается новой стеной с башнями, чеканятся монеты с изображением якоря.

В христианской истории Яффе суждено было играть немаловажную роль; с первых же дней христианской проповеди апостолы часто останавливались в Яффе (Иоппии в то время), где проявлены были ими многочисленные знамения силы Божией. Здесь апостол Петр воскресил Тавифу, известную своим милосердием и состраданием к бедным (Деян. 9, 36—42). «От Лидды до Иопии верст десять, идти все по полю. В городе Иопии апостол Петр Тавифу воскресил»³⁶, — читаем в «Хожении» игумена Даниила (начало XII в.).

³¹ Смьшляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 55—56.

³² Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 36—37.

³³ Петров Виктор. По Святой Земле. Вашингтон, 1986. С. 10—11.

³⁴ Добролюбов Г. М. Путевые заметки (по Святым местам Палестины) // Палестинский сборник, вып. 32 (95), СПб., 1993. С. 110.

³⁵ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 369.

³⁶ Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 35.

Дом Симона Кожевника

В Иоппии с апостолом Петром произошло важное событие, ставшее значимой вехой в распространении христианской веры. По закону иудейскому, который чтит и исполняли апостолы, они не должны были сближаться и вступать в общение с иноплемениками, поэтому проповедь Евангелия ограничивалась поначалу только иудеями. Начало проповеди к язычникам было положено апостолом Петром по откровению свыше, которое было дано ему во время молитвы в доме Симона Кожевника в Иоппии.

Петр около шестого часа взшел на верх дома помолиться. И почувствовал он голод, и хотел есть. Между тем, как приготавливали, он пришел в исступление и видит отверстие небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю: в нем находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные. И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь (Деян. 10:9–13).

Видение повторилось трижды, и тотчас после него к дому подошли посланные от сотника Корнилия, который был праведен и милостив и хотел услышать проповедь Петра. После этого видения апостол Петр понял, что пришло время нести евангельскую проповедь язычникам и иноплеменикам. «И сказал им: вы знаете, что иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплемеником; но мне Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым... Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян. 10:28, 34–35).

Вот что пишет об этом Даниил, «игумен земли русской»: «В этом городе Петр, постившийся в горнице девять часов, увидел сходящую с неба плащаницу, подвешенную за четыре края. Петр взглянул и увидел, что плащаница наполнена четвероногими животными и всякими гадами. И был ему голос с неба: „Петр, встань, заколи и ешь“. И сказал Петр: „Господи, никогда скверное и нечистое не войдут в мои уста“. И ответил ему голос с неба: „Если Бог очистил, ты не осквернишься“. На этом месте ныне создана церковь во имя апостола Петра. Город Иоппия близ моря, которое подходит к его стенам. Ныне этот город называется латинским языком Яффа»³⁷.

О видении апостола Петра упоминают и московские купцы Трифон Коробейников и Юрий Греков, совершившие паломничество в Святую Землю в 1593–1594 годах: «От Вифсаиды до Яффы града, иже во Апостоле зовется Иоппия, ходу день или больше. А сей град стоит при море, иже Петр Апостол виде в сем граде плащаницу с небеси висящу»³⁸.

По возвращении Петра в Иерусалим некоторые упрекали его в том, что он «ходил к людям необрезанным и ел с ними». Но рассказ апостола убедил единоверцев: Бог дает покаяние и язычникам, нести им слово Божие — долг христиан. Апостолы разошлись с проповедью по всем уголкам известного тогда мира. Так родилась Вселенская апостольская церковь, ставшая основой христианской цивилизации.

О святынях Яффы, связанных с именем апостола Петра, пишет В. Г. Барский (1726 г.). Он посетил «престарелый дом, в нем же жительствоваше Симон Усмарь, у него же гостивши Петр, препочиваючи на горници, виде плащаницу, от небес спущенную, в ней же бяху животная чиста и нечиста и прочая, о чесом пишет в Деяниях Апостольских, и инние места, идеже св. Петр хождаше, седяше, поучаше и прочая.

³⁷ Там же. С. 35.

³⁸ Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 51.

Та вся аз видевши и уведавши, дадох славу Богу, яко сподоби мя недостойного оние святые посещати места»³⁹.

В 1844 году у дома Симона Кожевника побывал архимандрит Порфирий (Успенский). «Предание сохранило и указывает то место, на котором стоял тот дом, где апостол Петр имел видение плащаницы и куда явились к нему посланные из Кесарии, — пишет о. Порфирий. — Тут я видел мраморную колонну небольшую, тонкую, служащую вместо порога в дверях. Может быть, тут была церковь, а теперь — развалины. Это место находится на западной стороне города, на самой окраине холма, обращенного к морю. Кто владеет этим местом ныне? Турки. Была тут мечеть. Есть колодец у стены»⁴⁰.

Отечественный палестиновед В. Н. Хитрово побывал в Яффе в 1871 году; вот что он пишет о «видении апостола Петра»: «Узкими переулками дошли до полуразвалившейся темной турецкой молельни, которая, говорят, стоит на месте дома Симона Кожевника, у которого жил Апостол Петр, когда видел сходящую с неба плащаницу. Подле молельни ведет лестница наверх, на плоскую крышу, какие во всей Святой Земле употребляются в домах. Сверху видно море, густолиственные сады, которые опоясывают город, а вдали Иудейские горы. Тут же, близ лестницы, высокое дерево, с которого поклонники, в память святого апостола Петра, обрывают листья»⁴¹.

Вот еще несколько свидетельств русских паломников о доме Симона Кожевника.

Иеромонах Серафим (1908 г.): «Место бывшего дома Симона Усмаря находится недалеко от (греческого) монастыря; на нем выстроена мусульманская молельня, в которую пускают за плату»⁴².

Александра Гаврилова (1945–1947): «Есть христианские церкви, отмечающие исторические места. А на месте дома Симона Кожевника при море, у которого гостил ап. Петр, и куда пришли за ним посланные Корнилия, стоит мечеть — мусульмане тоже любят ставить свои дома молитвы на святых местах. Замечательно, что и теперь тот квартал занимают кожевники»⁴³.

«Спутник паломника по святым местам» (Париж, 1984): «Армянская семья сейчас хранит это место. По утлой каменной лестнице можно подняться на плоскую крышу малого здания и легко представить, как на такой крыше молился св. апостол о новорожденной Церкви Христовой, и как спустилось с этого ясного неба необыкновенное видение, и провещал голос: „Встань, Петр, заколи и ешь“... И голубое море так же плескалось у берега, и вот, близ хижины появились три путника, посланцы из Кесарии, вызывая апостола крестить новоизбранных членов Церкви — сотника Корнилия и семью его. И широко открылись двери Церкви, принять всех, ищущих войти... Так как у турок мечети возникали обычно на месте христианских храмов, то очень вероятно, что и здесь был в свое время христианский храм во имя св. апостола. Долгое время кожевенные заведения города располагались в этом предместье»⁴⁴.

...От центральной площади Яффы по Mazal Dagim дойдем до улицы Сеgev (Segev). Затем по небольшой улочке, ведущей к морю, подойдем к строению восточного

³⁹ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885. Т. 1. С. 278.

⁴⁰ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 345–346.

⁴¹ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 81.

⁴² Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 33.

⁴³ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945–1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 61.

⁴⁴ Спутник паломника по святым местам. Париж, 1984. С. 96–97.

образца, где жил Симон Кожевник, который приютил апостола Петра, и тот «довольно дней пробыл» в гостях. Во времена крестоносцев на этом месте Яффы была церковь, затем часть дома служила мечетью. В глубине двора находится колодец, которым пользовались в библейские времена, и старинное корыто, похожее на саркофаг. Сегодня это частные владения армянской семьи Закарьян, которой принадлежат ключи от старого маяка, стоящего выше и уже давно не функционирующего. Туристов внутрь не пускают. Можно только постоять у двери, на которой написано, что дом принадлежит семье Закарьян. Паломники приходят сюда, чтобы поразмышлять над важным эпизодом из Нового Завета и представить, как все происходило в этих местах, на берегу, возле старого порта.

* * *

...Еврейские моряки из Яффы принимали участие в боевых действиях против римлян во время Иудейской войны 66—73 годов н. э., или Великого восстания против римлян. Евреи Яффы, желая поддержать повстанцев, послали свои суда против Веспасиана. После подавления восстания римляне объявляют город свободным городом Флавия Иоппа. «Отнятая у сириян Иудой Маккавеем, Яффа подпала под власть римлян, которые ее выжгли. Евреи потом ее восстановили, но Веспасиан снова разрушил и поставил на месте ее римскую цитадель»⁴⁵, — пишет Д. Д. Смышляев.

Дважды разрушенный римлянами город Яффа со времен Константина Великого имел уже своего епископа, который был подчинен митрополиту Кесарии Палестинской, и это указывает на то, что с тех пор там постоянно пребывали христиане. Как находящейся на окраине Палестины и притом у самого моря, город этот многократно подвергался разорению и опустошению со стороны многочисленных неприятелей, неоднократно нападавших на Палестину⁴⁶.

В 636 году Яффу захватывают арабы, и с этого времени она теряет свое значение как крепость и центр торговли. И только порт продолжает функционировать, хотя и он постепенно пустеет, оставаясь лишь главным пунктом прибытия в Святую Землю паломников — иудеев и христиан. При арабских завоевателях, покоривших Палестину за десятилетие с 630-го до 640 года, Яффский порт приобрел особое значение из-за близости к их столице Рамле. Арабский историк ал-Макдиси писал: «Яффа — маленький городок, но порт его — как щит для Рамлы. Стены порта крепкие, никакие метательные орудия не могут их пробить, а городские ворота и ворота порта железные».

В 1099 году Яффу приступом взяли крестоносцы, украсили ее многими сооружениями и укрепили крепостными стенами. Иудеи и мусульмане изгоняются из Яффы. В городе начинается бурное строительство. Яффский порт становится основным пунктом снабжения «Христово воинства». Сюда прибывают подкрепления и паломники-христиане. Крестоносцы создали графство Яффо-Ашкелон, превратили Яффу в свой важный перевалочный пункт, построили здесь церковь в честь апостола Петра. В 1187 году Яффа была осаждена Саладином (Салах-ад-Дином), султаном Египта и Сирии, но английский король Ричард Львиное Сердце, подоспевший на помощь, избавил город от разрушения.

В 1268 году Яффа была отнята у крестоносцев султаном Бейбарсом, нагрянувшим из Египта, и разрушена до основания. Опасаясь возвращения крестоносцев, мамлюки вырезали всех христиан. В упадок пришел не только город, где в его развалинах ютились немногочисленные жители; на долгих 400 лет Яффа перестает

⁴⁵ Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 55.

⁴⁶ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 37.

существовать как порт. Только лишь во второй половине XVII века город был восстановлен, и Яффа стала главным портом, через который на Святую Землю прибывали христианские паломники, которых не останавливали опасности столь далекого путешествия: ведь вплоть до XVIII века здесь действовали морские пираты, и христианские паломники подвергались нападениям пиратов с моря и разбойников на суше. Только при посредничестве Франции в XVIII веке с пиратами удалось достигнуть соглашения о ненападении на корабли, прибывающие в Яффу.

Занятие Палестины крестоносцами в XI-м веке не стерло арабских черт с лица портового города. Разве только наложило еще один, новый культурный слой на древний фундамент. Несмотря на сравнительно короткий период владычества крестоносцев, — около двух столетий, следы их пребывания видны всюду, главным образом — в архитектуре каменных арок и крепостных сооружений Яффы⁴⁷.

Вот какой Яффа предстала перед взором В. Г. Барского, побывавшего здесь в 1726 году: «От моря зрится град быти строением высок, того ради, понеже стоит на брезе крутом, передняя убо здания стоят низу, а яже создаи — на высочайшем месте; от земли же, грядущи от Иерусалима, нижних домов не зрится ничтоже. Место оное, ветхости ради своей и пристанища корабленного, есть бо повсюду тамо пресловутое, занеже корабли французские, ангелские (английские), турецкие, венецкие и от прочих стран тамо приходят, иные с товары, иные же с поклонниками иерусалимскими. Обитает же тамо и консул французский, си есть советник, управления ради своих людей, тамо приходящих.

Имат к тому град той две крепости, зело тесные, с арматами (пушками), к сопротивлению врагов устроенные, и место к сочинению пристанища лепое могло бы быти (якоже иногда и бысть), аще бы в руки мудрых строителей отдано было. Иопея стоит на брезе близу, яко и домов основания касается вода морская»⁴⁸.

На протяжении столетий Яффа была многократно разоряема. В 1799 году во время Египетского похода Наполеону пришлось вести тяжелые бои за Яффу. Три дня велась осада, когда же удалось пробить брешь в стене, французских солдат встретило отчаянное сопротивление турок за каждый дом. 6 марта 1799 года французы взяли город приступом и разграбили его. Разъяренные солдаты Наполеона убивали всех подряд. Вскоре разразилась эпидемия бубонной чумы. Наполеон спешно бежал, оставив в городе более 200 тяжело раненных своих солдат.

Наполеон во время Египетского похода дважды отказался от наступления в сторону Иерусалима. 2 марта 1799 года, когда французы стояли в Рамле, а отдельные разъезды находились «в трех лье от Святого Города», командующий, к огорчению всей армии, приказал повернуть налево, к Средиземному морю, считая, как он объяснял впоследствии, что «идти на Иерусалим, не взяв Яффы, значило бы нарушить все правила предосторожности»⁴⁹. Позже, овладев Яффой, он должен был, по собственному признанию, «двинуться в путь и через два дня достигнуть Иерусалима», но выступил на север, к Акре, заключив 10 марта с иерусалимским агой (губернатором) выгодное перемирие.

«Вот завоеватель из среды той нации, которая считается самой цивилизованной; он отдал на 30 часов взятый город на бесчеловечное разграбление и убийства своим свирепым солдатам, неистовство которых, наконец, сам не мог прекратить, —

⁴⁷ Петров Виктор. По Святой Земле. Вашингтон, 1986. С. 11.

⁴⁸ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885. Т. 1. С. 281.

⁴⁹ Наполеон. Избранные произведения. М., 1956. С. 554.

писал епископ Сухумский Арсений. — Чтобы привести этих расшвырянных солдат к повиновению, Наполеон обещал им всем полную амнистию и возвращение их в Египет, чем и достиг цели: солдаты успокоились, но через три дня дал он приказ расстрелять всех их. Вот еще другой подвиг этого, так называемого, великого полководца. Когда нашлись между его воинами зачумленные, то он употребил такое средство, на которое не решаются и дикари: он приказал их отравить ядом; доселе показывают эту комнату, в которой он совершил такое злодейство»⁵⁰.

Лишь через 15 лет после этого разгрома и опустошения и в связи с возрастающим паломничеством Яффа начала заново отстраиваться и возрождаться при губернаторе Мухаммеде Абу-Набуде, о жестокости которого ходили легенды («набуд» в перев. с арабского «дубинка, палка»). При нем отреставрировали стены, камень для которых привозили из Кесарии и Ашкелона. Ворота укрепили пушками, поставили стражников, открыли таможню. Особое внимание Абу-Набуд уделял порту. Рядом с портом был построен хан (постоялый двор) и несколько рынков. На месте старой выросла новая мечеть, выстроили роскошные фонтаны. Открылись французское и английское консульства. В 1820 году в Яффе обосновался еврейский торговец из Константинополя. Вскоре после этого в Яффе появилось крупное еврейское поселение, состоявшее в основном из североафриканских купцов и ремесленников, смешавшихся с местными арабами.

В записках архимандрита Порфирия (Успенского) (1843 г.) содержатся интересные подробности: «На твердой земле Яффа окружена двойной стеной и рвом; первая стена — низка, вторая выше гораздо. По углам есть бастионы с пушками. В 1840 году англичане не разорили Яффы потому, что войска Ибрагима убежали из города, и граждане сдали город»⁵¹.

В 1865 году, когда в Яффе побывал отечественный палестиновед Д. Д. Смышляев, город представлял собой печальное зрелище: «Яффа окружена стеной, на которой покоятся несколько пушек. Внутри город беден и грязен. Жителей в нем до пяти тысяч, между которыми пятая часть христиан»⁵². «Яффу несколько раз разоряли и теперь она в упадке, только поклонниками и держится»⁵³, — подтверждал в 1871 году его брат по перу В. Н. Хитрово.

Сегодня Яффа — это маленький пригород бурно развивающегося Тель-Авива. Между тем еще в начале XX века все обстояло по-другому. 60 еврейских семей, переселившихся из старой арабской Яффы, основали в 1909 году в песчаных дюнах в двух километрах к северу от города поселок с поэтическим названием Тель-Авив (Холм весны). (Название Тель-Авив встречается в *Танахе* и буквально переводится с иврита как «холм весны». Книга основателя сионизма Теодора Герцля «Altneuland» была переведена на иврит под названием «Тель-Авив» (Весенний холм), и позже было предложено в качестве названия нового населенного пункта.)

На первых порах Тель-Авив был пригородом Яффы, в 1921 году он получил статус самостоятельного города⁵⁴. Ввиду близости городов Яффы и Тель-Авива, оба города соединились теперь в одну муниципальную единицу, главным образом в связи с быстрым ростом Тель-Авива, новые пригороды которого раздвинулись и подошли вплотную к Яффе. С 1950 года оба города стали одним городом, возглавляемым

⁵⁰ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 36.

⁵¹ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 346.

⁵² Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 55.

⁵³ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 81.

⁵⁴ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 369. С. 369—370.

одним мэром. Объединенный город теперь носит название Тель-Авив—Яффа⁵⁵. Ко времени завоевания Израилем своей независимости в городе насчитывалось приблизительно 100 тыс. жителей, из них евреев было больше 30 тыс. Яффа сохранила свой восточный колорит, а ее население представляет собой красочное смешение иммигрантов из североафриканских и европейских стран.

В 1980 году Яффу посетил писатель русского зарубежья Виктор Петров. Вот его впечатления об увиденном: «Понятны наши чувства, а может быть, и трепет, когда мы ступили в этот город, стоящий здесь, на берегу Средиземного моря, вот уже более 35 столетий. Бродим по узким улицам, крутым ступеням седого города, выходим на набережную — везде, на воде и у берега, на прибрежных скалах видна увековеченная на камнях вся тысячелетняя история этого когда-то главного порта израильского государства. В руинах древних построек и полуразрушенных фортов можно видеть гигантские камни, уложенные в фундаменты времен римского владычества. Над ними можно легко различить позднейшие добавления, сделанные арабскими завоевателями, а за ними и крестоносцами. Все были здесь и все оставили свой след, свою каменную печать...»⁵⁶ И сегодня Яффа по-прежнему остается средневековой «красавицей» — с мощеными кривыми улочками, остатками крепостных стен, христианскими храмами и восточными минаретами.

Русский монастырь во имя святого апостола Петра и праведной Тавифы

В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит «серна»: она была исполнена добрых дел и творила много милостынь. Случилось в те дни, что она занемогла и умерла. Ее омыли и положили в горнице. А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышав, что Петр находится там, послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил прийти к ним. Петр встав, пошел с ними; и когда он прибыл, ввели его в горницу, и все вдовицы со слезами предстали пред ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними. Петр выслал всех вон, и преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села. Он, подав ей руку, поднял ее и, призвав святых и вдовиц, поставил ее пред ними живою. Это сделалось известным по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа. И довольно дней пробыл он в Иоппии у некоторого Симона кожевника (Деян. 9, 36—43).

Русский участок (1868 г.)

Создание русской церкви в Яффе связано с трудами начальника Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) (1817—1894). Пустырь на окраине Яффы, в урочище, носившем арабское название «Дарбатейн Табита» (два переулка Тавифы) был одним из первых купленных им в Палестине участков⁵⁷. Во что пишет об этом один из биографов о. Антонина — архимандрит Киприан (Керн): «В августе 1868 года было приобретено о. Антонином имение около самой Яффы по дороге в Иерусалим. Это достаточно обширное имение приблизительно в 35 дуннамов (около 34 000 квадратных метров) поверхностью, в то время совершенно заброшенное и пустое, но уже через несколько лет начавшее оборудо-

⁵⁵ Петров Виктор. По Святой Земле. Вашингтон, 1986. С. 14.

⁵⁶ Там же. С. 10—11.

⁵⁷ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 370.

ваться, улучшаться и украшаться. Весь участок был обнесен высокой каменной оградой (уже после смерти о. Антонина), посажены были деревья и плодовые (апельсины, лимоны, смоквы, маслины, гранаты), и декоративные (кипарисы, сосны, эвкалипты), построены необходимые дома и хозяйственные постройки, выкопан бассейн и колодезь для воды, поставлен мотор, и яффское владение явилось одним из благоустроеннейших и самых красивых имений нашей Миссии»⁵⁸.

Но к покупке земель архимандритом Антонином петербургские власти, в лице Азиатского департамента МИДа, а также и Синода, относились неблагоприятно. Приобретения архимандрита Антонина шли вразрез с государственной политикой России того времени — «сохранения статус-кво над святыми местами». Абсурд ситуации заключался в том, что в то же время католики и протестанты приобретали для себя все, что только возможно, не беспокоясь особо тем, выходят ли они из дипломатических границ. Такое отношение столицы, естественно, вызывало справедливое возмущение и удивление о. Антонина. Странная ситуация получалась: все исповедования покупали земли в Палестине, а Россия, стремившаяся к покровительству православия и к укреплению своих позиций, отрицательно смотрела на это из-за некоторых сомнительных дипломатических опасений⁵⁹.

Как бы там ни было, участок был приобретен; размер земли, купленный в Яффе, равнялся 33 750 кв. м, цена 2800 франков⁶⁰. Именно этот участок местное предание связывало с местом упокоения св. прав. Тавифы. Архимандрит Антонин с помощью иерусалимского архитектора Конрада Шика нашел место в саду, где при раскопках была обнаружена гробница праведницы с хорошо сохранившейся мозаикой византийской эпохи V—VI веков. «Самое замечательное и ценное в этом владении — это раскопанный о. Антонином и Шиком подземный некрополь в одном из углов сада с массой интересных найденных там вещей, мозаикой и т. д., — пишет о. Киприан. — Это только подтвердило местное предание о том, что наш сад, или по-арабски „Дарбаттейн-Дабита“ есть не что иное, как место погребения праведной Тавифы, воскрешенной ап. Петром (Деян. IX, 40). Ежегодно в третье воскресенье по Пасхе, когда и читается именно этот отрывок из апостольских деяний, тут после богослужения арабы устраивают свою процессию к пещере Тавифы и так называемую „фантазию“, т. е. просто народное веселье»⁶¹.

Отечественный палестиновед Василий Николаевич Хитрово посетил этот русский участок в 1871 году. Вместе со своим спутником отправились они из Яффы, вспоминал В. Н. Хитрово: «...вышли мы за городские ворота, да версты две шли все садами; я таких дерев отроду не видал, говорят, все апельсиновые да лимонные; за садами свернули на короткое время налево тоже в огороженный сад. Вот мы опять в России, — сказал Корней. — „Как так?“ — спрашиваю. Оказывается, место это куплено начальником нашей Духовной Миссии в Иерусалиме отцом архимандритом Антонином, на котором он строит дом, и теперь оно считается русским местом. Тут, говорят, прежде стоял дом Тавифы, которую воскресил апостол Петр. Так-то на Святой Земле: что шаг сделаешь, то какое-либо священное воспоминание, уж воистину Святая Земля»⁶².

⁵⁸ Киприан (Керн), архим. О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817—1894). М., 1997. С. 179.

⁵⁹ Там же. С. 179.

⁶⁰ Никодим (Ротов), архим. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Изд. Серпуховского Высоцкого мужского монастыря, 1997. С. 255.

⁶¹ Киприан (Керн), архим. Указ. соч. С. 179.

⁶² Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 82.

С этого времени паломники, прибывающие в Яффу и находящие приют на русском участке, чувствовали себя как в «родных палестинах». Это обстоятельство неоднократно отмечал в своих записках В. Н. Хитрово: «Несколько поворотов вправо и влево, несколько входов наверх, спусков вниз и мы у дома, с высеченным в стене крестом. Дверь отворилась, двор окруженный комнатами, наружная лестница наверх, еще двор, оказавшийся плоской крышей нижних построек, несколько дверей из выходящих на него комнат. Добро пожаловать, вы в Яффском русском подворье. Да если бы даже этого не проговорил ломаным русским языком, араб смотритель дома, то эта стоящая в дверях богомолка в черном платье и платке на голове, этот самовар, который на столе в другой комнате, все это напоминало хорошо знакомые картины далекой родины»⁶³.

Возведение храма (1888 г.)

Приобретая земельные участки в разных местах Палестины, о. Антонин со временем возводил на них храмы. В 1884 году началась переписка с Петербургом по вопросам постройки церкви на русском участке в Яффе. Отец Антонин завел дело о постройке и пытался получить от султана фирман (грамоту). Но дело, как это было обычно при постройке им других храмов на Святой Земле, получало препятствия со стороны турецких властей. Вот что писал архимандрит Антонин в Св. Синод Русской православной церкви от 28 октября 1885 года: «<...> Предполагаемая, по желанию блаженной памяти графа Е. В. Путятина и других христороубцев, в Яффе — древней Иоппии — русская церковь имеет быть воздвигнута внутри садов Яффских на приобретенном мною в 1869 году покупкою участке земли, носящем с незапамятных времен имя св. Тавифы, там, надобно думать, погребенной. Дело о сей церкви заведено мною через посредство императорского посольства нашего в Константинополе в начале минувшего 1884 года, — по требованию его удостоилось 16 июня того же года Патриаршего согласия, разрешено, в декабре того же года, Яффским медресом и здешним губернатором, но доселе не доведено до конца — не санкционировано султанским фирманом»⁶⁴.

Церковь во имя Св. апостола Петра и праведной Тавифы в Яффе была заложена архимандритом Антонином только через три года после послания прошения на постройку — 5 октября 1888 года в присутствии великих князей Сергея и Павла Александровичей и великой княгини Елисаветы Федоровны. Об основании храма в Яффе архимандрит Антонин (Капустин) пишет в своем дневнике от 6 октября 1888 года: «Приготовленные камни, известь и все прочее. Принесены требник, фелонь, святая вода. В 9.00 часов сказали: „Идут!“ Поздоровавшись с Их Высочествами, я облачился и начал читать молитвы и ектении настолько бегло, чтобы не утомилось внимание Высокой публики. Последнюю молитву прочел уже в самом рву коленопреклонно, наименовав имеющее быть здание церковью святых первоверховных апостолов Петра и Павла и св. прав. Тавифы. Господь да благословит, помимо моих незаконных и грешных рук воздвигаемый нерушимый и вечный памятник преславного события — воскресения последней первым из апостолов!

⁶³ Хитрово В. Н. Неделя в Палестине. Из путевых воспоминаний. СПб., 1879. Изд. 2-е. С. 5–6.

⁶⁴ Донесение начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина в Св. Синод. 28 октября 1885 г. Цит. по: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. М., 2000. С. 199–200.

Последуя мне оба великие князья и великая княгиня собственноручно положили на основной камень лопаткою извести, а в выдолбленное в нем углубление несколько монет, в том числе и золотой полуимпериял текущего 1888 года; то же сделали потом и лица свиты их Высочеств. Затем при пении тропаря: „Спаси, Господи, люди Твоя...“ накрыли камень другим и немедленно забутили место... Я, разоблачившись, поблагодарил августейших свидетелей и участников закладки, пожелал им всякого блага и от тука земли, и от росы небесной, в том числе — долголетней жизни многочисленного потомства, на славу и украшение Православной Церкви. Аминь»⁶⁵.

Из донесения управляющего консульством в Иерусалиме А. Н. Беляева послу в Константинополе А. И. Нелидову. Секретно. Иерусалим. 11 октября 1888 г.: «<...> Проведя ночь на 6-е октября в Яффском доме о. архимандрита, Их Императорские Высочества, в 10 часов утра возвратились на Кострому, которая через час снялась с якоря и, при почти совершенном штиле на море, скоро скрылась за горизонтом по направлению Порт-Саида»⁶⁶.

Вскоре после этого здесь побывала небольшая группа паломников, в числе которых был протоиерей Василий Михайловский. Вот что пишет он о визите на русский участок: «Мы поехали в четырехместной коляске за город, версты за две, на землю о. архимандрита Антонина, где расположены отличный фруктовый сад и двухэтажный дом, поместительный, светлый, сухой, назначенный для приема паломников. Это место почитается местом воскресения Тавифы; там, в конце сада, есть древние замечательные пещеры, вход в которые охраняются колючим кактусом. В саду, в 1888 г., в присутствии Их Императорских Высочеств, Великих Князей Сергия и Павла Александровичей и Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, положено основание храма в честь апостолов Петра и Павла. Заведует как домом, так и садом арабская семья. Кстати, неужели не могли бы найти русских служащих для этого дома и сада? Но всему свое время»⁶⁷.

В те годы у русского участка св. апостола Петра и прав. Тавифы было довольно странное соседство, о чем сообщает в своих записках все тот же прот. Василий Михайловский.

Осмотрев сад, в обилии орошаемый водой, мы отправились посмотреть на соседний сад и особенно на хозяина его, русского по фамилии, но не по душе и не по вере, богача барина Полтавской или Харьковской губернии, г. Устимова, и на его маленький музей, которым хозяин увлечен и который любит показывать посетителям. Первее всего сам по себе замечателен этот господин Устимов: он, говорят, принял протестантство и землю свою в Яффе, дивно плодоносную, покрыл на свой счет протестантскими благотворительными учреждениями, которые охотно и поддерживает. С переменной веры он стал ни то, ни се: ни русский барин, ни протестантский барон. Музей его мал и не имеет ценных вещей. При объяснении предметов музея самим хозяином, мы заметили в объяснениях его, кроме недостатка плавности в речи, — еще особенную его любовь к древностям мира языческого и вообще нехристианского. Вид с террасы дома г. Устимова на море и на окрестности очаровательный. Сад его совмещает в себе растительность самую разнородную и редкую. Но он невелик, да и планировка сада и размещение деревьев и других растений неинтересны»⁶⁸.

⁶⁵ Из дневника архим. Антонина (Капустина) за 28 сентября — 6 октября 1888 г. Цит. по: Строительство церкви святой Марии Магдалины на Елеонской горе в Иерусалиме. М., 2006. С. 118.

⁶⁶ Цит. по: Лисовой Н. Н. «Президенты Палестины» // Православный Палестинский сборник. Вып. 100, М., 2003. С. 126.

⁶⁷ Михайловский Василий, прот. По Святой Земле. Путевые заметки. СПб., 1898. С. 38—39.

⁶⁸ Там же, С. 39.

Строительству храма помогли итальянские мастера⁶⁹ и местные жители; иконы бесплатно написал художник А. З. Ледаков⁷⁰ в 1889 году, но из-за недостатка средств строительство затягивалось. Иконостас храма был пожертвован в честь 50-летия ученой деятельности архимандрита Антонина и к 25-летию его служения на Святой Земле от Императорского православного палестинского общества⁷¹, о чем свидетельствуют знаки общества в нижней части иконостаса и письмо помощника председателя ИППО М. П. Степанова начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандриту Антонину (Капустину):

Ваше Высокопреподобие, Глубокоуважаемый отец Антонин,

Иконостас для строящейся Вами церкви в доме св. Тавифы в Яффе, который Вы благосклонно изволили принять как поднесение Императорского Православного Палестинского Общества в память Вашего 25-летнего пребывания в Святом Граде, окончен и сегодня отправлен в Яффу на имя Вл. Н. Тимофеева⁷² для передачи его Вам. Следующие к оному иконы, которые пишутся художником А. З. Ледаковым, будут по мере их приготовления также доставляться Вам в Яффу. Испрашиваю Вашего благословения и поручая себя заступничеству молитв Ваших, остаюсь искренне Вам преданный и сердечно уважающий и проч...⁷³

Спустя восемь месяцев, 3 декабря 1891 года М. П. Степанов пишет отцу Антонину еще одно письмо:

Ваше Высокопреподобие, Глубокоуважаемый отец Архимандрит,

Почтенное письмо Ваше от 24 октября с. г. имел я искренне удовольствие получить и спешу сообщить Вам, что, согласно выраженному Вами желанию, Совет Общества постановил просить Вас не отказать принять от имени Общества 200 (руб.) серебром на сооружаемую Вами в Яффе церковь. О передаче подарка Вам уведомлен Н. Гр. Михайлов. Нынешний неурожайный год сильно должен отразиться на доходах Общества, что прошу Вас принять в соображение при относительной скудности нашего пожертвования⁷⁴.

К концу 1880 — началу 1890-х годов церковь была окончена строительством, но еще несколько лет храм ожидал своего освящения, поскольку необходимо было заручиться благословением Иерусалимского патриарха. Кроме того, согласно тогдашним турецким законам, было трудно оформить приобретенную недвижимость

⁶⁹ ЦГИА СПб. ф. 834. г. 1817—1894. оп. 1118—1131. № д. 4. Цит. по: Церпицкая О. Л. Архимандрит Антонин (Капустин) и русские святые на Святой Земле. Журнал «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости». 2000. № 21—22.

⁷⁰ Ледаков Антон Захарович учился в Академии художеств (1859—1864), получил звание классного художника третьей степени (1867). Автор икон для русской церкви в Яффе.

⁷¹ Лисовой Н. Н. «Приди и виждь. Свидетельства Бога на земле». Храм апостола Петра и праведной Тавифы в Яффо. М., 2000. С. 241.

⁷² Тимофеев Владимир Николаевич — консульский агент в Яффе в 1885—1894 годах. Умер в 1894 году и похоронен за алтарем русской церкви во имя Святого апостола Петра и праведной Тавифы в Яффе. См.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. М., 2000. С. 173.

⁷³ Письмо помощника председателя Императорского Православного Палестинского Общества М. П. Степанова Начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Антонину Капустину 8 апреля 1891 г. АВП РИ, ф. РИППО, оп. 837/1, д. 589, л. 3. Цит. по: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. М., 2000. С. 74.

⁷⁴ Письмо помощника председателя Императорского Православного Палестинского Общества М. П. Степанова Начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Антонину Капустину 3 декабря 1891 г. АВП РИ, ф. РИППО, оп. 837/1, д. 7—7 об. Цит. по: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. М., 2000. С. 75.

на имя иностранцев и тем более на юридическое лицо (в данном случае — РДМ). Вот что пишет об этом архимандрит Киприан (Керн) : «Имена покупались на имя Я. Е. Халеби, как турецкого подданного, о. Антонина упрекали в чрезмерном доверии к Якову Егоровичу, советовали перевести все владения в Синод, но о. Антонин не соглашался это сделать, боясь, с одной стороны, „стеснительного контроля извне“, и тем показывая, с другой стороны, полное доверие к своему верному сотруднику и драгоману. В день 25-летия пребывания своего в Св. Земле, он сказал одному близкому ему человеку: „Яков Егорович украсил всю мою жизнь“»⁷⁵.

Но неизбежно возникал вопрос о дальнейшей судьбе яффского участка и других русских мест после кончины реального и номинального владельцев недвижимости. И в данном случае о. Антонину пришлось действовать с учетом особенностей местного законодательства. «Ввиду необходимости все же оформить и обеспечить на случай своей смерти все купленное им, о. Антонин 10 сентября 1889 г. (26 Мохарема 1307 года хиджры) обратил шесть наиболее ценных своих земельных владений (Дуб, Елеон, Горнюю, Яффский сад, Силоамский монолит и Иерихонское подворье) в так называемый „вакуф“, — пишет архимандрит Киприан (Керн). — Это особая институция мусульманского поземельного права, закрепленная особыми и неизменными санкциями религиозного характера. Вакуф — имущество бедных. Все вакуфы представляют собой особый фонд, подчиненный Вакуфному Совету. Лицо, на чье имя записан вакуф, в данном случае Русская Миссия или Синод, является только „уэкиль“, т. е. просто управляющим этим имуществом бедных. Таким образом, пользование имуществом осуществляется не на праве абсолютной собственности. Считается, что если не останется ни одного бедного христианина, то завакуфленное имущество москотов станет вакуфом бедняков-мусульман, а в конечном счете (если и мусульман не останется) единым собственником всего считается сам Аллах. Вот как говорится в вакуфном акте: „...он делает правильный, законный вакуф, ясно установленный и обязательный к исполнению, вакуф, коего имя не сотрется и след не исчезнет и который по прошествии времени и веков утвердится и увековечится. Таковое положение будет соблюдено во веки веков, пока Господь не унаследует землю и на ней находящиеся, ибо Он лучший Наследник...“»⁷⁶

Вот как описывался русский участок в Яффе в акте об учреждении вакуфа архимандритом Антонином от 12 сентября 1889 года:

<...> *Яффа*. Весь участок, известный под названием «Дарбатейн Табита» (Два переулка Тавифы), находящийся за пределами Яффы, составляющий часть ее южных земель, расположенный среди развалин общественного водоема, названного «Себиль-аль-Шифа», состоит из двора и сада. На дворе находятся: колодец, резервуар, «финде» («финде» — особое выражение яффских садоводов, означающее деревянную конструкцию, которая поддерживает колесо колодца), железное колесо, дом (две комнаты и коридор в нижнем этаже и четыре комнаты и коридор — в верхнем), три смежные с домом комнаты на южной стороне, с отдельным входом, большая конюшня и помещение, предназначенное для складирования соломы и ячменя, прилегающие к упомянутому дому с восточной стороны, три смежные комнаты в упомянутой конюшней на восточной стороне, большая комната со стенами из дерева и кирпича, расположенная между резервуаром и колодцем, кухня, расположенная напротив упомянутых трех комнат, находящихся на северной стороне. В саду есть различные деревья, механизмы для полива деревьев, ограда из живых кактусов, которая окружает сад с четырех сторон.

⁷⁵ Киприан (Керн), архим. Указ. соч. С. 185.

⁷⁶ Там же. С. 185.

Границы:

Границы описываемого «байара» (сада) со всеми его постройками таковы: на юге — проселочная дорога, на которую выходят двое ворот, которые ведут в упомянутый сад, и жилища негров. На востоке — сад Джириеса Даббаса, православного. На севере — виноградник приюта господина нашего, друга Божия, Шейха-эл-Бакри, который (виноградник) является собственностью покойного Ассажа Мансура. На западе — проселочная дорога.

Основание и происхождение:

Описываемый сад куплен учредителем вакуфа, что подтверждается копией ходжета, зарегистрированного в шариатском суде Яффы, причем оригинал хадиса датирован 24 Джемези-ль-Евел 1290, а копия скреплена подписью и печатью бывшего судьи Мохаммеда Решида-эль-Аттара из Дамаска. Строительство зданий и посадка деревьев были осуществлены им на его собственные средства. Все права на земли, дороги и сооружения всего вышеперечисленного, равно как и то, что может быть к этому присовокуплено, включены в вакуф, который учрежден на основании подлинных документов и является безупречным с точки зрения законности, вакуф безукоризненный и обязательный для соблюдения, где имя никогда не исчезнет и ни одна черта не прейдет, но, напротив, с прошествием времени он (вакуф) будет прочнее и крепче и будет длиться во веки веков, пока Господь, лучший из наследников, не наследует землю и все, что на ней⁷⁷.

Еще при о. Антонине на участке появились хозяйственные постройки, паломнический приют, выкопаны бассейн и колодезь для воды, посажены плодовые и декоративные деревья. В таком состоянии находился яффский участок в течение ряда лет, о чем пишет архимандрит Мефодий, настоятель Никандровой пустыни Порховского уезда Псковской губернии, побывавший здесь с небольшой группой богомольцев в 1892 году. «Мы посетили те места, где св. апостол Петр воскресил Тавифу и видел таинственную плащаницу, сходящую с неба со всякого рода животными и гадами (Деян. X, 10–16), — пишет о. Мефодий. — Место воскресения Тавифы — за городом. Там теперь построен красивый русский храм, еще не освященный; при нем очень поместительный и чистенький домик; храм построен несколько выше места воскресения Тавифы, имеющего вид пещеры, в которую нас проводила тамошняя девица, в заведовании семейства коей находится это русское подворье, обязанное своим существованием единственно заботам о. архимандрита Антонина. Дивная местность, на коей все это устроено! Апельсинные, лимонные и каштановые сады, всюду зелень, благоухание и освежающий фонтан; словом, там рай земной, и мы нехотя оставили эту прелестьную, картинную местность»⁷⁸.

Освящение храма (1894 г.)

16 января 1894 года Иерусалимский патриарх Герасим, в сослужении митрополита Петра Аравийского и архиепископа Иорданского, а также архимандрита Антонина, освятил церковь Св. апостола Петра и прав. Тавифы. Автором проекта храма был сам архимандрит Антонин. Сначала церковь приснилась ему во сне — похожая на построенную им в Афинах. Действительно, по архитектурному решению церковь напоминает и афинский храм Св. Троицы, и Елеонский храм Вознесения, и Горненский храм Целования Марии и Елизаветы — все это проекты о. Антонина⁷⁹.

⁷⁷ Акт об учреждении вакуфа архимандритом Антонином. 12 сентября 1889 г. Яффа. Цит. по: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т II. М., 2000. С. 218.

⁷⁸ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 10.

⁷⁹ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 372.

В церкви два придела. Левый посвящен Тавифе, центральный — «честным веригам апостола Петра» (то есть воспоминанию чудесного освобождения его из тюремных уз). Белый иконостас храма — подарок о. Антонину от Императорского православного палестинского общества к 25-летию его служения в Палестине. Иконостас двухъярусный, также по проекту о. Антонина, иконы — работы петербургского мастера А. З. Ледакова. 8 изящных колонок с золочеными капителями в первом ярусе, столько же — меньшего размера — во втором. В местном ряду, слева от Божией Матери, по церковному канону, главный, престольный образ — «Воскрешение Тавифы». Стенные росписи были осуществлены иеромонахом Паисием из Почаевской лавры. Эта церковь — последнее из созданий архимандрита Антонина в Святой Земле⁸⁰.

В своем духовном завещании, продиктованном императорскому российскому генеральному консулу в Иерусалиме Сергею Васильевичу Арсеньеву, от 19 марта 1894 года архимандрит Антонин (Капустин) дал особые распоряжения относительно яффской церкви:

<п. 6.> Денежные суммы на руках у Одесского уполномоченного Палестинского Общества Михаила Ивановича Осипова, по его последнему заявлению, находятся в количестве пяти тысяч шестисот девяносто одного рубля девяти коп. Ему же сделаны заказы, в счет этой суммы, решетки для балконов колокольни Русской церкви в Яффе, пирамиды и креста с яблоком для той же колокольни и громотвода. Все, что потребуется для окончания Яффской церкви, завещаю брать из этой суммы, обращаясь с заказами к г-ну Осипову... Упомянутая в шестом пункте сумма, находящаяся на руках у Г. Осипова, может быть вся истрачена, буде потребуется, на окончание расчетов по постройке Яффской церкви и строящегося при нем домика⁸¹.

Кончина о. Антонина (1894 г.)

О. Антонин любил Яффское подворье, нередко проводил здесь, вблизи побережья, дни летнего отдыха. Сооружение храма Петра и Тавифы стало для него последним подвигом. Считают, что он заболел как раз на освящении храма. Два месяца спустя, в канун Благовещения, 24 марта 1894 года русский колокол на Елеоне возвестил о кончине создателя Русской Палестины⁸².

О последних неделях жизни о. Антонина пишет архимандрит Киприан (Керн): «В 1894 г. была закончена церковь св. ап. Петра и прав. Тавифы в Яффском саду. Освящать ее приехал сам патриарх Герасим, и о. Антонин, разумеется, при этом (16 января) сослужил ему. Тут-то, по-видимому, он и заболел разлитием желчи. Временами болезнь отпускала его, но ненадолго, и снова нетерпимые страдания укладывали его в постель. Все же 3-го февраля он был на даче у патриарха и долго пробыл там на устроенной им обсерватории. Но уже вскоре после этого наступили угрожающие признаки: потеря аппетита, отвращение к лекарствам. 23 февраля он еще писал бумаги в канцелярии. В марте он уже почти не вставал с кровати. Чувствуя приближение кончины, он вызвал к себе своего духовника, настоятеля лавры св. Саввы иеромонаха Анфима, и 18-го марта был им напутствован в будущую жизнь.

⁸⁰ Там же. С. 372.

⁸¹ Духовное завещание начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина). 19 марта 1894 г. Копия с выписки из Актовой книги Императорского Российского Генерального Консульства в Иерусалиме за 1894-й год. С. 249–252, № 291 // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. М., 2000. С. 227.

⁸² Лисовой Николай. Указ. соч. С. 372.

<...> 24-го марта, в 2 часа пополудни, о. игумен Вениамин, старший член Миссии, стал читать отходную над угасавшим о. Антонином. В 4 часа ударили к вечерне под Благовещение. Больной спросил: «К чему это звонят?..» А через некоторое время протяжный и заунывный звон колоколов возвестил Иерусалиму, что о. архимандрит закончил свой страннический путь по лицу земли, и душа его пошла «в путь вся земля»...»⁸³

На год кончины о. Антонина (1894) яффский участок за счет разнообразия и изобилия на нем фруктовых деревьев приносил годовой доход, практически покрывавший все годовые расходы на его содержание (чего нельзя было сказать об участках Русской духовной миссии в Иерихоне, на Елеоне и в Горней).

«Имение близ Яффы»

Доход в год:

4.000 франков, получаемых главным образом от продажи апельсинов и маленьких зеленых лимонов. Первых собирают около 120.000 штук и продают по 35—40 франков за тысячу яффского счета, который содержит в себе 1.500 штук, т. е. на сумму 2.800—3.200 фр. Вторых около 12.000 — на сумму 200—240 фр. Мелких доходов — франков на 600.

Расходы в год

Полное содержание четырех мулов и двух ослов	1800 фр.
Главному садовнику 1/6 часть доходов, что иногда составляет	700 фр.
За окапывание деревьев	400—500 фр.
За навоз	150—200 фр.
Сторожу	до 150 фр.
Общему смотрителю за садом	не менее 300 фр.
Смотрительнице за поклонническим приютом	550 фр.
Поправки по хозяйству	200 фр.
Уплата верги ⁸⁴ и на школы Турецкому Правительству за почву по переоценке 1305 г. (1889 г.) — 280 пиастров, т. е.	53 фр.
Итого:	4.420—4.570 фр.

Когда о. Антонин купил это имение в 1868 г., то оно представляло собою голое скалистое место. Он заплатил за него 2.800 франков. Турецкой властью в 1305 (1889) году почва и деревья оценены в 50.000 пиастров, т. е. 11.250 фр., а постройки (церковь в оценку не вошла) в сумму 26.000 пиастров, т. е. 5.850 фр. На самом же деле в нынешнее время (1894 г.) дома могут быть оценены в 50.000 франков; а все остальное — в 150.000 франков, кроме церкви, на которую истрачено немного более 60.000 фр.»⁸⁵

Незадолго до кончины о. Антонина русский участок в Яффе посетила группа паломников, в числе которых был автор очерка «Путешествие в Палестину», несколько скрывший свою фамилию: «Петр А-истов». Вот его впечатления об увиденном: «Мы прошли в сад о. Антонина, т. е. в сад св. Тавифы, принадлежащий русской миссии.

⁸³ Киприан (Керн), архим. Указ. соч. С. 198—199.

⁸⁴ Верга — и «ушур», то есть поземельный налог и десятинный сбор с урожая.

⁸⁵ Донесение управляющего Генеральным консульством в Иерусалиме А. Г. Яковлева послу в Константинополе А. И. Нелидову. 26 сентября 1894 года // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. М., 2000. С. 232.

Туда мы захватили с собой чаю и сахару. Сад находится недалеко от Яффы. Идти пришлось по шоссе на дороге между лимонных и апельсиновых садов.

Дойдя до места, приобретенного о. Антонином, мы вошли в ворота. Во дворе стоит красивый дом, построенный для призрения паломников. Затем мы идем в сад и здесь глазам нашим открывается роскошная панорама из фруктовых и виноградных деревьев. Посреди сада, на возвышенном месте, стоит церковь во имя ап. Петра. Отсюда мы сошли под горку к пещере, где, по преданию, ап. Петр воскресил Тавифу. Пройдясь по саду, мы вернулись к дому и под ветвистым деревом сели за столиком пить чай. После чая ходили осматривать дом, где хранятся разные древности, принесенные из пещеры Тавифы. Осматривая дом, мы поднялись на крышу и отсюда, с высоты, любовались на Яффу»⁸⁶.

«Русская Яффа» в записках епископа Сухумского Арсения (1895 г.)

Подробные сведения о русском участке в Яффе содержатся в записках епископа Сухумского Арсения, озаглавленных «Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины» (СПб., 1896). Приступая к описанию «русского приюта», владыка Арсений дает практические советы русским богомольцам. Упомянув о том, что неподалеку от яффской пристани находится греческий монастырь во имя Св. великомученика Георгия, он пишет далее: «Русские поклонники останавливаются в этом монастыре, если не хотят отправиться в русский приют, находящийся за городом в двух верстах от пристани. Там поклонникам, которые намереваются в тот же день отправиться в Иерусалим, конечно, нет расчета идти далеко по краткости времени; но кто располагает остаться здесь на несколько дней, тому лучше во всех отношениях идти в русский приют»⁸⁷. Далее следует описание русского участка с такими подробностями, какие ускользали от предшественников владыки.

Русский приют и церковь устроены за городом на месте, приобретенном русской духовной миссией в Иерусалиме, среди садов, окружающих город с восточной стороны, — пишет епископ Арсений. — Место это было прежде пустырем, а в настоящее время представляет обширный и роскошный сад, в которых множество деревьев апельсиновых, лимонных, миндальных, гранатовых, фиговых и местами виноград и др. В самом саду устроен двухэтажный поместительный дом, служащий приютом для поклонников; в нижнем этаже помещения для простолудинов, а вверху — очень чистые комнаты для высших классов. В этом же доме есть помещение для смотрительницы приюта и для трех монастырок, которые по своему усердию поют при богослужении в устроенной здесь церкви, помещающейся среди зелени сада на возвышении, с прекрасной стройной колокольной, видной издали.

Церковь устроена покойным о. архимандритом Антонином по плану находящейся при русском посольстве в Афинах церкви; но здешняя значительно более той, и посвящена имени св. первоверховного апостола Петра. Здесь в иконостасе находится художественной работы большой образ св. апостола, воскрешающего Тавифу. Все это — русское место, занятое садом с приютом и церковью, — называлось у туземцев садом Тавифы, куда местные христианские жители, особенно арабки, собирались в большом числе для прогулки в тот день, когда читается на литургии повествование о воскрешении апостолом умершей Тавифы.

⁸⁶ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 149—150.

⁸⁷ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 38.

Упомянутые прогулки туземцев прекратились с покупкой этого места русскими; но зато в храмовой праздник св. первоверховного апостола Петра собираются во множестве туземцы в храм к литургии. Для совершения служб церковных здесь живет один из иерархов нашей Иерусалимской миссии. Для помещения его находится отдельный домик близ церкви с террасой, откуда можно любоваться зеленью окружающих садов. При постройке церкви и прочих зданий открылось, что на этом месте было кладбище, так как немало найдено могильных камней; потом открыта здесь же пещера, служившая местом погребения, по всей вероятности, еще во времена очень отдаленные»⁸⁸.

* * *

Представляет интерес свидетельство брата о. Антонина — М. И. Капустина, упомянувшего об «Антониновском приюте» в Яффе: «Отцу Антонину удалось в Палестине закрепить за Россией много земельных участков и на них соорудить приюты для русских богомольцев, устроить в них и русские церкви с богослужением на родном для наших паломников языке, устроить тут же прекрасные сады и виноградники. Теперь наши богомольцы уже при первой остановке, сходя с корабля и вступая на Святую Землю в Яффе (апостольской Иоппии), находят себе радушный прием в Антониновском приюте, отдыхают от морского пути, слушают на родном языке богослужение, — и все это в прекраснейшем саду евангельской Тавифы. <...> Отправляясь далее внутрь Палестины по достопримечательным местам евангельской истории, богомolec и там находит себе в разных местностях еще пять таких же устроенных отцом Антонином пристанищ, где он может найти себе отдых в тени садов, при горячей каменистой почве, пыли и зное»⁸⁹.

Начало XX века

В начале XX столетия все больше русских паломников посещали Святую Землю; многие из них, прибывая в Яффу, располагались под кровом «Антониновского приюта». В «Путеводителе по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908) на этот счет давалась хорошая рекомендация: «У самого города с северной стороны находится подворье русской духовной миссии в Иерусалиме. Подворье устроено со вкусом и дает уютный прием и полный покой русским паломникам. Здесь имеется великолепный храм во имя святых апостолов Петра и Павла, прекрасная странноприимница для русских паломников, которые во все время своего здесь пребывания пользуются радушным приемом и заботливо предусмотрительным уходом. Русский паломник здесь чувствует себя как дома, забывая, что он далеко от милой родины. Подворье русской миссии находится в местности, называемой „сад Тавифы“, так как, по преданию, здесь именно жила та добрая и благочестивая вдова, по имени Тавифа, которую воскресил апостол Петр»⁹⁰.

Иеромонах Серафим, побывавший в Святой Земле в 1908 году, дважды уделяет внимание русскому участку в Яффе. Вот что он записал в своем дневнике по прибытии в этот город: «Русское миссийское подворье находится на том месте, где, по преданию, св. апостол Петр воскресил Тавифу; на самом том месте выстроена чуд-

⁸⁸ Там же. С. 38–39.

⁸⁹ НИОР РГБ. Ф. 118 (М. И. Капустин). К. I. Ед. хр. 15. Л. 1–2 об. Автограф, чернилами. Черновик. Цит. по: Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 134.

⁹⁰ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 39.

ная православная церковь с величественной колокольной. Тут же находится пещера, где была погребена святая Тавифа (память ее 25 октября). Все это место приобретено покойным начальником миссии о. архимандритом Антонином, им же выстроена и церковь.

В прошлом году при начальнике миссии архимандрите Леониде внутри церковь расписана чудной живописью, что очень редко встретите в Палестине. Здесь же устроено хорошее помещение, где русские богомольцы, по приезде в Яффу, желающие отдохнуть несколько дней до отъезда в Иерусалим или принужденные ожидать парохода при обратном пути, могут провести несколько дней»⁹¹.

Свое паломничество по Святой Земле иеромонах Серафим завершил в той же Яффе. Остановившись перед отплытием на родину в греческом монастыре Св. великомученика Георгия, он «съездил на русскую миссийскую странноприимницу, где разведен чудный фруктовый сад». «Здесь на месте, где была воскрешена св. Тавифа св. апостолом Петром, здесь устроена величественная церковь с громадной колокольной; церковь внутри расписана чудной живописью, — вспоминал о. Серафим. — В саду около церкви находится пещера, в которой была похоронена св. Тавифа. Сходяв на колокольню, любуясь на окружающую местность и особенно на бесконечную даль синего моря, невольно поражаешься чудной панорамой, а также обойдя всю местность русского владения, мы попросили нас угостить обедом и чаем, после которого, отблагодарив ласковую нашу русскую собратию, трудящуюся здесь ради любви к Сиону и ближним, отправились обратно в греческий монастырь»⁹².

«Русская Яффа» в записках профессора А. А. Дмитриевского (1910 г.)

Едва ли не самое подробное описание миссийского участка в Яффе содержится в эпистолярном наследии профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского, прибывшего в Палестину в январе 1910 года. Многое из того, что было на русском участке в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, было впоследствии утрачено. Поэтому записки проф. А. А. Дмитриевского представляют особый интерес.

12 января через Порт-Саид мы прибыли в Яффу на австрийском пароходе. Здесь меня встретили господин Михайлов⁹³ и драгоман консульства. Миновав благополучно таможду, мы направились по тесным базарным улицам к экипажам, чтобы тотчас же отправиться в русский миссийский сад при церкви апостола Петра с гробницей святой Тавифы <...>

Сад миссии произвел на меня прекрасное впечатление. Ныне он расширился, число деревьев увеличилось значительно, и молодые апельсиновые деревья, обремененные зрелыми плодами, поддерживаются подставками. Русская церковь в Яффе приобрела весьма благолепный вид, какого она не имела доселе. Прекрасно обделана предполагаемая гробница святой Тавифы. Дорожки садовые усыпаны раковинами и мелким гравием; обширный резервуар воды переполнен живой рыбой. В саду устроено несколько домов для потребностей Миссии и барачков для приема русских паломников, вынужденных ожидать парохода в Россию или же

⁹¹ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 33.

⁹² Там же. С. 108.

⁹³ Николай Григорьевич Михайлов, бывший капитан торгового флота, Управляющий подворьями ИППО в Палестине с октября 1888-го по 1910 год.

ночующих в Яффе, в виду позднего прихода парохода. Дом отца архимандрита⁹⁴ в верхнем этаже и комнаты для интеллигентных и состоятельных паломников в нижнем этаже настолько обставлены удовлетворительно, что нынешним летом местный вице-консул господин Фон-Визин⁹⁵ не побрезговал поселиться здесь с семьей на все лето, имея под боком и семью господина Михайлова в качестве приятной компании. Несколько комнат с приличной обстановкой имеется и в отдельном корпусе. Только две-три комнатки показались нам сыроватыми, с душливым сырым запахом, а остальные мы могли бы назвать прямо безукоризненными, имея в виду к тому же, что это приюты временные и бесплатные.

Комнаты или бараки для простых паломников, с нарами в два этажа из новых досок, покрытых циновками, со множеством теплых цветных одеял, — по моему мнению, прекрасны. Исключение составляет новый барак, служащий ныне складом для апельсин, так как он довольно темен и не имеет никакого настила на полу. Но и в этом бараке верхние нары вполне пригодны для ночлега паломников.

Близ указанного архимандричьего дома, на дворе под навесом, устроен обширный куб для кипятку и другой медный котел — для варки борща или супа. Столы для паломников занимают место на дворе. Приют снабжен достаточным количеством чайной и столовой посуды. Нет достаточного числа прислуги, так как братия Миссии проживает здесь в незначительном количестве, но наши паломники и паломницы, радушно пригретые на этом подворье, охотно восполняют недостаток прислуги и сами себе с готовностью служат и в приютах, и у куба, и за столами. Если принять во внимание, что за эти помещения, за чай и борщ ничего не взимается со стороны Русской Миссии, если далее сравнивать эти приюты с Каирским Синайским подворьем в Дагере, то Яффский приют Миссии нужно отнести к образцовейшим и человеколюбивейшим учреждениям Миссии. Не один молитвенный вздох, не одна горячая слеза прольется из глаз благодарных паломников по адресу человеколюбивого отца архимандрита Леонида, слава которого среди паломников растет, а с нею, — конечно, — растут и его материальные средства.

Мне передавали, что в Яффском приюте теперь может поместиться до 600 паломников. Думается мне, что эта цифра несколько преувеличена, но 400 и даже 500 паломников в них можно вместить всегда, когда — для сего — представится необходимость. Одно существенное неудобство этих подворий — это дальность расстояния от пристани и вокзала железной дороги⁹⁶ и отсутствие в нем склада для хранения багажа паломников, который бывает всегда громоздким. Если бы устроить полустанок против Яффского сада (а к этому препятствие со стороны администрации железной дороги, живущей нашими паломниками, едва ли встретится), помочь отцу архимандриту выстроить навес для временного склада паломнического багажа или в саду, или, лучше всего, при полустанке, для удобства загрузки багажа в вагоны (охрану багажа в течение одной или двух ночей возьмут на себя сами паломники под надзором нашего каваса⁹⁷), то русские паломники имели бы в Яффе во всех отношениях благоустроенный приют, а мы бы, или Палестинское Общество, были бы избавлены от нареканий со стороны паломников и туристов. При таком подворье и упомянутых удобствах наши усталые паломники, нередко пережившие мучительный страх неудобной высадки с парохода, голодные, палимые зноем, лишенные кипятку и даже хорошей питьевой воды или же промокшие от дождя и сырости, — находили бы всегда радушный сердечный прием на Святой Земле (а кто не знает, какое значение имеют в жизни человека его первые впечатления?), теплый угол, стакан горячего чаю и ложку русского борща или супа, и от скольких бы избавились они страхов, слез и сетований... Да, ко всему,

⁹⁴ То есть архим. Леонида (Сенцова).

⁹⁵ Георгий Сергеевич Фон-Визин, русский вице-консул в Яффе.

⁹⁶ Железная дорога от Яффы до Иерусалима была построена в 1892 году.

⁹⁷ Кавас — охрана, стража, полицейский.

здесь ныне существующему, со стороны Общества немного следует прибавить — и наши паломники в Яффе будут, как у Христа за пазухой⁹⁸.

«Русская Яффа» в записках Николая Русанова (1910 г.)

Если в записках проф. А. А. Дмитриевского большое внимание уделено хозяйственному обустройству русской обители, то саратовский паломник Николай Русанов, побывавший здесь с группой саратовских гимназистов, значительное место в своей книге отводит «протокольной» части визита. Вот пространный отрывок, посвященный «участку праведной Тавифы».

В 8 часов 30 минут мы были у ворот подворья Иерусалимской русской духовной миссии. Войдя в ворота, мы оказались в очень чистом дворе, по широкой, усыпанной песком и мелким камнем и обсаженной разнообразными тропическими растениями, аллее, мы скоро дошли до двухэтажного здания с очень удобным и просторным помещением для русских паломников. К зданию примыкала площадка, усыпанная песком, чистая, изящная, вся обсаженная разнообразными деревьями и цветами. На площадке стояли столы, около них скамьи, деревянные диваны и стулья. Прохлада и чудный ароматический воздух распространялся всюду. Нас весьма радушно встретили монахи подворья во главе с добродушнейшим и гостеприимнейшим о. Павлом. Чаю мы напились на открытом воздухе под деревом, на котором росли еще зеленые в ту пору грецкие орехи <...>

Когда все кончили пить чай и немного отдохнули после чаепития, гостеприимные монахи предложили нам освежиться купаньем в их бассейне. Мы, конечно, с радостью согласились; по узкой тропинке нас провели к небольшой площадке, расположенной за цветником. Здесь, посреди желтого песка, которым были усыпаны дорожки, красиво блестели воды небольшого, но чистого бассейна-пруда, осеянного пышными олеандрами; усыпанные красивыми бледно-розовыми цветами, с своею темною зеленью, с темным фоном кипарисов и розковых деревьев, они представляли необыкновенно красивую картину. Прямо перед бассейном, на небольшом, в несколько ступеней, возвышении, под сводом темных ветвей, была расположена небольшая беседка, вся утопающая в розовых олеандровых цветах. Вода была холодна и приятна: бассейн спускался вниз тремя крупными высокими ступенями, так что посредине нельзя было в воде достать до дна.

Освежившись прекрасным купаньем, мы направились осматривать сад, который был виден с площадки и тянулся на довольно большое расстояние. Мы шли по широкому аллеем, утрамбованному, посыпанному песком; аллеи содержались необыкновенно чисто и опрятно и шли по разным направлениям среди апельсиновых, гранатных, лимонных, пальмовых и других деревьев. Прозрачный чистый воздух был пропитан всевозможными ароматами. Скоро мы дошли до небольшой, с очень высокой колокольней, церкви, построенной на том месте, где апостол Петр воскресил Тавифу. Войдя в церковный притвор, мы увидели огромное изображение воскрешения Тавифы <...> С благоговейным трепетом мы рассматривали художественное изображение воскрешения Тавифы, прочитали подписанное под этим изображением; наши мысли перенеслись к тому времени, когда на этом самом месте, где мы теперь стояли, совершилось великое чудо воскрешения.

Из притвора мы поднялись на высокую, в несколько ярусов, колокольню. С каждой стороны самой высокой площадки колокольни мы могли любоваться

⁹⁸ «В его лице воскрес отец архимандрит Антонин». Из писем А. А. Дмитриевского князю А. А. Ширинскому-Шихматову // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 273–274. Письмо от 19–24 января 1910 г. Иерусалим.

открывающимися разнообразными видами неописанной красоты. Пред нами на необъятное пространство, сначала среди всевозможных зданий в восточном виде, а потом отдельно, поразительно красиво группой тянулись знаменитые яффские сады. Мы легко могли различить бесчисленное множество деревьев лимонных, апельсиновых, пальм, гранатов и других тропических деревьев, растений, цветов. Нигде еще мы не видели такой красоты природы. Не хотелось сходить с колокольни; но нужно было торопиться, так как времени до выезда из Яффы оставалось не так много.

Мы спустились вниз, осмотрели маленькую, но в высшей степени чистую и изящную церковь: иконостас блестел яркой позолотой, иконы были новые художественного письма; подсвечники, лампы и вся утварь церковная и все внутреннее убранство храма произвели на нас самое отрадное впечатление, возбудили в нас радостные светлые религиозные чувства и воспоминания. Из храма мы направились к площадке, с которой вошли. Здесь нас ожидали уже два стола, накрытых белоснежными скатертями и уставленных рыбными закусками и фруктами. Хлебосольные хозяева-монахи убедительно просили нас быть как дома и не гнушаться их столом.

Еще с парохода увидев Святую Землю, мы исполнились религиозного воодушевления, почувствовали подъем религиозного настроения. Но при высадке в Яффе и до самого прибытия в подворье миссии все окружающее нас, можно сказать, парализовало всякую религиозную настроенность и скорее отвлекало мысли от всего религиозного. Только теперь, после всего виденного и испытанного нами под гостеприимным кровом миссии, мы, окруженные лаской и любовью, наконец вполне почувствовали, что находимся на Святой Земле, своими грешными ногами попираем ту землю, по которой ходил наш Спаситель. Наплыв религиозных чувств невольно вылился в той молитве, которую мы все, с необыкновенным подъемом религиозного настроения, пропели перед обедом. Обед был весьма вкусный и питательный, хотя состоял из рыбных блюд; в заключение предложено было в полном изобилии винограду и фруктам.

Нужно заметить, что мы не сообщали начальнику Русской миссии о. архимандриту Леониду, в ведении которого находилось Яффское подворье миссии, о времени своего прибытия в Яффу; а потому о. Павел, заведующий подворьем, ко времени нашего прибытия не имел распоряжения об угощении нас обедом. Несмотря на это, добрейший о. Павел никак не мог отпустить нас в Иерусалим без обеда и решил сделать это на свой страх; он знал, что страннолюбивый и набожный о. архимандрит вполне одобрит его поступок — накормить путешественников в Святой Град и напротив, будет недоволен если будет сделано противоположное. За обедом ученики сидели весьма чинно и скромно. После обеда с воодушевлением ими была пропета молитва. Монахи удивлялись воспитанности и благочестивому настроению молодежи; в простоте сердца говорили они руководителям, что никогда еще не видели у себя такую русскую молодежь.

<...> Ученикам так нравилось пребывание в подворье миссии, что они не скрывали своего полного восторга от слышанного и виденного и готовы были пробыть здесь долго-долго; „это рай земной“, — говорили ученики, очарованные окружающей их красотой, а также лаской и любовью насельников подворья. Но долго нельзя было пользоваться гостеприимным кровом миссии; нужно было торопиться на вокзал железной дороги, чтобы не запоздать на поезд в Иерусалим. Был уже второй час дня, когда мы сердечно поблагодарив радушных монахов, в сопровождении каваса Императорского Православного Палестинского Общества, направились из гостеприимного крова миссии на вокзал железной дороги. Пришлось опять идти среди невыносимого жара, по песчаной местности. На наше счастье до вокзала было не особенно далеко и мы дошли до него довольно скоро⁹⁹.

⁹⁹ Русанов Николай. Ближний Восток. Саратов, 1911. С. 131—137.

Отправившись в паломничество к святыням Палестины, саратовские богомольцы на обратном пути снова посетили обитель праведной Тавифы. На этот раз пешеходец Николай Русанов, избегая повторов, повествует о встрече с тогдашним начальником РДМ архимандритом Леонидом (Сенцовым).

В подворье нас ожидал сам о. архимандрит Леонид. Оказывается, добрейший о. архимандрит приехал в Яффу, чтобы лично нас встретить и принять в своем подворье. Нам, кроме чая и кофе, был предложен прекрасный и сытный обед из вкусной ухи и рыбных блюд. О. архимандрит хотя почти ничего не вкушал, но занял место за особым столом вместе с директором, законоучителем и преподавателями. После обеда о. архимандрит оставался некоторое время среди нас, приветливо разговаривая со всеми. Был пропет несколько раз русский народный гимн. О. архимандрит ушел в свои покои, пригласив с собою директора. После директора в покои архимандрита были приглашены все остальные члены нашей паломнической семьи. Очень приветливо принял нас о. архимандрит, довольно долго говорил с нами и дал каждому по иконе. Руководителям о. архимандрит дал, кроме того, по перламутровому кресту, который имел размер обыкновенного настольного креста и его можно было ставить на любом столе: он имел подставку.

О. архимандрит усердно просил передать привет и выражение глубокого почтения Его Преосвященству, Преосвященейшему Гермогену; при этом о. архимандрит просил передать нашему Владыке очень хорошие четки из камней Святой Земли и перламутровый крест. На прощанье мы все пропели гостеприимному о. архимандриту „многая лета!“. О. архимандрит проводил нас до крыльца, спустился за нами из своего помещения во втором этаже, еще раз приветливо побеседовал с нами, благословил учеников и пожелал счастливого пути и благополучного возвращения на родину¹⁰⁰.

* * *

В сравнении с пространным описанием русского подворья в Яффе, принадлежащим перу Николая Русанова, упоминание об этой обители протоиерея Александра Глаголева (1911 г.) кажется довольно скромным, но тем не менее представляет определенный интерес. «Нас встретил проводник из русского миссийского дома, который и доставил нас на русские постройки в Яффе с известным садом, — пишет о. Александр. — Здесь нас встретил заведующий местом послушник, который и отвел нам удобные помещения. На русском месте устроена хорошая церковь, с которой открывается прекрасный вид на окрестности Яффы и море. Церковь посвящена св. апостолу Петру и св. Тавифе, воскрешенной ап. Петром (Деян. IX, 40), могилу которой указывают в пещере в русском саду. Мы осмотрели громадный фруктовый сад, где зрели лимоны и апельсины, возвышались пальмы и другие восточные растения, а в одном уголке сада, недалеко от церкви и дома, в тени деревьев, устроен искусственный бассейн с плавающими в нем золотыми рыбками. Вечером нам была предложена трапеза на открытом воздухе под тенью пальм и смоковниц. На другой день мы присутствовали за литургией, а после нее отслужили напутственный молебен «хотящим по водам плиты» и вскоре отправились на пристань, чтобы сесть на пароход, идущий в Александрию»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Там же. С. 280—281.

¹⁰¹ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 79.

«Русская Яффа» в записках иеромонаха Маркиана (Попова) (1911 г.)

Особый интерес представляют паломнические записки валаамского иеромонаха Маркиана (Попова) (1871–1934), посетившего Святую Землю в 1911 году. Его дневниковые «затеси» позволяют современному читателю погрузиться в особую паломническую атмосферу начала XX века, лицезреть Святую Землю глазами духовно опытного паломника и встретиться с теми людьми, которые вершили тогда историю Русской духовной миссии. (В настоящее время неизданные «дорожные записки» иеромонаха Маркиана хранятся в собрании Ново-Валаамского монастыря в Финляндии.) Отрывок из записок о. Маркиана посвящен русскому подворью в Яффе.

22 января. Воскресенье. Показалась Яффа. Погода была довольно тихая, и пароход остановился в виду города. Отслужив молебен и поблагодарив доброго капитана, сели, или, вернее, прыгнули в большие лодки и отплыли навсегда от своего парохода. Лодку на волнах сильно бросало, паломники пугались и с боязнью смотрели на громадные волны. Чтобы не поддаваться страху, я запел молитву «Достойно есть». Меня подхватили, и мы, забыв как бы весь страх, стали петь разные молитвы, пока не пристали к берегу. Когда вышли на берег, много было заботы и трудов найти свои вещи и доставить их на вокзал. Но вот, слава Богу, мы и на вокзале. Пришел старик, кавас Марк, и посоветовал отправить вещи в Иерусалим, а самим ехать в миссийский дом, находящийся недалеко от Яффы, и там переночевать. Мы так и сделали.

Сели на извозчика и поехали за город; мы сердечно радовались, что кончилось наше морское плавание и, наконец, мы очутились на Святой Земле. Погода стояла ясная, теплая; всюду зелень, тянулись непрерывно апельсиновые сады, и целые миллионы апельсинов дозревали на деревьях. Ласточки летали в воздухе, — и это в январе-то месяце; невольно припоминались наши январские морозы. Меня все кругом интересовало: и люди, и постройки, и природа — все не наше, а заморское, арабское или восточное.

Наконец прибыли в дом, принадлежащий Русской Духовной Миссии; тут же и довольно большая, при доме, каменная церковь. Эконом монах Павел¹⁰² встретил нас радушно, а также старичок иеромонах отец Аристарх¹⁰³. Дали номер, напоили, накормили нас и вообще отнеслись к нам по-русски: радушно и любовно.

Пошли гулять по саду; тысячи апельсинов висят и дозревают; замечательно вкусные и почти без зернышек, — такие они уже здесь есть; недаром яффские апельсины славятся. Спросил я: «Куда их больше отсюда отправляете?» — «Да больше в Англию отсылаем, так как в Россию невыгодно отправлять: слишком уже большая пошлина». Пошли в пещеру праведной Тавифы, которую апостол Петр из мертвых воскресил; она находится тут же в саду. Ею очень

¹⁰² Павел (Петр Николаевич Чубкин, 1846–1911), монах, член РДМ (1895–1911). Крестьянин с. Недельного Малоярославского уезда Калужской губернии. Нес послушание в яффском саду. В 1899 году получил увольнение в монашество; его жена, Елена Петровна, поступила в Свято-Троицкую женскую обитель Калужской губернии Тарусского уезда. В 1904 году пострижен в Троицком соборе РДМ. Погребен у церкви Св. апостола Петра в Яффе (Архив РДМ).

¹⁰³ Аристарх (1831–?), иеромонах Оранского монастыря, член РДМ (1898–1913). Из духовного звания. Обучался в Киево-Печерском духовном училище. В 1862 году пострижен в Оранском монастыре, в 1865-м — рукоположен в иеродиакона, в 1866-м — в иеромонаха. Нес послушание в Нижегородском Благовещенском монастыре (1880–1881) и в Киевском Михайловском монастыре (1892–1894). Награжден набедренником (1884), наперсным крестом (1890), серебряной медалью в память Имп. Александра III (1896). Состоял на службе при церкви Горненской женской общины (по 1913 г.). Запись в послужном списке: «Отличается религиозною настроенностью, часто заменяет миссийских иеромонахов. Некоторое время исполнял должность старшего иеромонаха при Миссии. Несмотря на старость, чуть не ежедневно совершает богослужения» (АРДМ).

интересуются ученые путешественники и туристы; были в церкви, поднимались на колокольню; чудесный открывается вид: вдалеке море. Вечером были у всенощной, служил старец Аристарх. Он уже 17 лет здесь, в Палестине, живет и сам нижегородский, хорошо знает нашего Владыку, преосвященнейшего Сергия¹⁰⁴, и его родных. Когда наступила ночь, то я поражен был неслыханным мною никогда концертом: тысячи лягушек заквакали и завывали шакалы, так что всю ночь стоял этот несмолкаемый ни на минуту вопль; к тому же и в келье было очень холодно, так что мы спали в одежде и под одеялами, но не могли согреться, и так всю ночь промучались.

Утром служили обедницу, после которой отец Аристарх прочитал по листочку приветственное слово паломникам, вступившим на Святую Землю, и, напившись чаю, отправились на вокзал¹⁰⁵.

* * *

Первая мировая война

За полгода до начала Первой мировой войны архимандрит Леонид (Сенцов) сообщал в своем отчете: «Закончена внутренняя отделка русского храма в Яффе — в Яффском русском саду, и выстроено несколько новых домиков. Бывшие раньше строения отремонтированы и превращены в подворья для поклонников. И вообще этот апельсиновый сад приведен в окончательный порядок, что увеличило приход сада вдвое больше, чем раньше»¹⁰⁶.

Вот какое описание русской церкви в Яффе дает «Отчет по ревизии денежного и материального хозяйства и по обозрению недвижимых имуществ, счетоводства и отчетности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме от 4 ноября 1914 года»: «Церковь во имя св. апостола Петра, с приделом праведной Тавифы, в Яффском подворье — очень красивой архитектуры и весьма поместительная, с внутренними хорами, сооружена архимандритом Антонином на месте дома св. Тавифы. Внутри церковь богато украшена стенописью из событий жизни ап. Петра. Иконостас многоярусный, очень хороший. Церковная утварь и ризница в достаточном количестве довольно скромная»¹⁰⁷.

А в «Материалах Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов о Русской Духовной миссии в Иерусалиме» имеется следующее свидетельство: «Большой Яффский апельсиновый сад. Весьма благоустроен, первая остановка для паломников, прибывающих в Иерусалим, имеется больница подворья, а также большой храм во имя Апостола Петра, с высокой колокольней. Здесь же находится пещера, где погребена святая праведная Тавифа, воскрешенная апостолом Петром. Это — место поклонения не только христиан, но и мусульман»¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Московский, в 1905–1917 годах — архиеп. Финляндский и Выборгский, в епархиальном подчинении которого находился Валаамский монастырь.

¹⁰⁵ Святая Земля и Русская Духовная Миссия в «дорожных записках» иеромонаха Маркиана (Попова) // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 215–216.

¹⁰⁶ Записка архимандрита Леонида (Сенцова). 20 марта 1914 г. // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 309.

¹⁰⁷ Цит. по: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. М., 2000. С. 160–161.

¹⁰⁸ Материалы Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов о Русской Духовной миссии в Иерусалиме // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 301.

При чтении этих строк складывается впечатление, что события Первой мировой войны, казалось бы, не коснулись обитатели св. апостола Петра и праведной Тавифы. Но вот перед нами опись, содержащая стоимость убытков, нанесенных военной турецкой администрацией владениям РДМ во время войны. Под номером IX — **Яффский русский сад.**

Красивый сад, приносивший ежегодно до 10 000 франков, благодаря безумному и хищническому отношению турок погиб окончательно. Мотор для накачивания воды был снят и отправлен в Вирсавию, и, таким образом, оставшийся без воды сад высох. Стволы деревьев пошли на дрова для правительственных учреждений в Яффе.

Храм во имя св. Тавифы, подворье и 3 домика ограблены.

Убытки состоят (во франках):

1) во взятии обстановки 4 зданий	6000
2) во взятии мотора	10 000
3) в лишении дохода в течение 5 лет	50 000
4) для восстановления сада до прежнего состояния требуется не менее 8 лет, в течение которых Миссия теряет	80 000
5) на ремонт зданий	4000
Итого	150 000 ¹⁰⁹

В ходе Первой мировой войны прибрежная Яффа оказалась в «зоне риска», о чем писал отечественный публицист В. Д. Юшманов: «Очередь, казалось, дошла и до наших построек (в Иерусалиме): стали поговаривать, что русские здания предоставят турецким беженцам из Яффы, которая оставлялась местными жителями из опасения ожидавшейся бомбардировки побережья Средиземного моря английским флотом. Турки покидали Яффу и окрестные селения массами, направляясь вглубь Палестины — в Наблус, Хеврон и особенно в Иерусалим. Однако, на сей раз, вследствие настойчивого протеста итальянского консула, занятие русских подворий не состоялось и они продолжали обслуживать наших немногочисленных паломников, а также и тех русских подданных, которые переселились к нам из различных греческих монастырей и с частных городских квартир»¹¹⁰.

Однако вскоре российские подданные по распоряжению турецких властей должны были покинуть Палестину. «Утром 10 декабря (1914 г.), когда все приготовления и сборы в дорогу были закончены и находившиеся на жительстве в миссийском здании некоторые из служащих Общества и паломников были в последнюю минуту выселены, а само здание закрыто, о. архимандрит Леонид, с сопровождавшими его лицами выехал в Яффу для дальнейшего следования на итальянском пароходе в Александрию, — продолжает В. Д. Юшманов. — Кто именно были спутники о. архимандрита, находились ли среди них сестры женских обителей и как прошло путешествие по железной дороге и на пароходе — точных сведений пока не имеется; известно только, что о. архимандрит Леонид благополучно добрался до Египта и поселился в Александрии»¹¹¹.

¹⁰⁹ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 31.

¹¹⁰ Юшманов В. Д. Русские в Святой Земле и Сирии во время настоящей мировой войны. Пг., 1917. С. 35.

¹¹¹ Там же. С. 56.

РАДИО МАРИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1053 кГц АМ

ВЫБОРГ 92,6 FM

он-лайн вещание: www.radiomaria.ru

в нашей программе:

- трансляция богослужений из храмов Санкт-Петербурга
- выступления известных деятелей культуры, науки, искусства
- исторические передачи
- литературные чтения
- русская и зарубежная музыкальная классика и духовная музыка
- в прямом эфире встречи с педагогами, юристами, врачами

Contents

Prose and Poetry

- Yevgeny Kaminsky.** Poems • 3
Igor Efimov. Escapée. *Novel in Letters and Film Shots* • 7
Naum Sindalovsky. Poems • 70
Angelina Zlobina. Waltz for Kerosene Seller. *Story* • 74
Victor Shiraly. Poems • 90
Alexander Melikhov. Dostoevskaya's Finger Ring. *Story* • 94
Grigory Egorkin. Poems • 101
Margarita Palshina. White Cry, Red Song. *Novel* • 106
Igor Kolyma. Poems • 130

Publicistic Writings

- Alexander Brass.** Pervomartovtsy's Execution • 134

Criticism and Essays

- Vyacheslav Vlaschenko.** 100th Anniversary of Bunin's «Light Breath» • 148
Yevgeny Belodubrovsky. Vladimir Nabokov, Joyce, Proust and Mashenka • 164
Tatyana Ushakova. Nikolai Gumilyov in the Internet: English and Russian View • 173

Petersburg Bookman

Truth of Art and Truth of History. *Vera Kharchenko.* «Engineering» by Jules Verne. **Notes of a Stranger.** *Natalia Grantseva.* Shakespeare and Problems of Disinformation. **Reviews.** *Dmitry Kolesnikov.* Poet of Memory. *Sergey Fomichev.* This Book Will Not Get Lost... *Daniil Chkoniya.* The Soul Wishes for Sea Depths. **The Singer's House.** *Elena Zinovyeva's publication* • 181

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). Russian Palestine. Jaffa: A City of St. Apostle Peter and Righteous Tabitha. Part 1 • 219

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: www.nevajournal.ru

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург: ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства www.nevajournal.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 10.03.2016. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 2500 экз. Заказ № 1316
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии CtP
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28